

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 10

Мінск
2009

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 10

Minsk
2009

У дзесятым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадэкалогіі, тэксталогіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэднявечнай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДЦДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДАМУШКА,
Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА, В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР,
Дз. У. КАРАЎ, Г. В. КІСЯЛЕЎ, У. К. КОРШУК, В. А. КОСМАЧ,
У. П. КРУК, М. В. ЛАРЫН (*Расія*), І. Б. МАЦЯШ (*Украіна*),
В. Л. НАСЕВІЧ, Ю. У. НЕСЦЯРОВІЧ,
В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН, В. Дз. СЕЛЯМЕНЕЎ,
В. У. СКАЛАБАН, У. В. ФЯДОСАЎ, М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 13.12.2005 № 207 «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

«Беларускаму археаграфічнаму штогодніку»

Міжнародным цэнтрам ISSN прысвоены міжнародны стандартны нумар серыйнага выдання ISSN 2076-3468

АРТЫКУЛЫ

В. И. Адамушко

ПОЛТОРА ДЕСЯТИЛЕТИЯ В ДЕЙСТВИИ

(К 15-летию Закона Республики Беларусь

«О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь»)

Закон Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь» (далее — Закон о НАФ) был принят 6 октября 1994 г. в целях регулирования общественных отношений, возникающих при определении прав собственности на архивные документы, их хранения и использовании, а также для создания правовой основы формирования и сохранности Национального архивного фонда Республики Беларусь, являющегося информационным ресурсом государственного значения.

До начала 1990-х гг. деятельность архивных органов и учреждений Республики Беларусь регулировалась в основном нормативными правовыми актами бывшего Главархива СССР. Работа по созданию собственной правовой базы для архивов практически не проводилась. При этом следует отметить, что союзные правовые акты не всегда учитывали специфику организации архивного дела в нашей республике.

После принятия Закона о НАФ положение существенно изменилось. Указом Президента Республики Беларусь от 20 сентября 1996 г. было утверждено Положение о Национальном архивном фонде Республики Беларусь, а также сети государственных архивных учреждений Республики Беларусь. И на сегодняшний день в Республике Беларусь создана отечественная законодательная база по архивному делу и ведению делопроизводства.

Естественно, работу по созданию и совершенствованию законодательства нельзя признать завершенной, она продолжалась на протяжении последних пятнадцати лет и будет продолжаться в дальнейшем.

Практика применения Закона о НАФ в 1994—1998 гг. выявила ряд пробелов и противоречий, поэтому в 1999 г. Закон о НАФ был принят в новой редакции. Это ускорило дальнейшее развитие нормативной правовой базы, регулирующей функционирование архивной отрасли. За период с 1991 г. по сегодняшний день принято более 20 нормативных актов, в том числе и Правила работы государственных архивов Республики Беларусь.

В настоящее время действующий Закон о НАФ в достаточной степени регулирует правоотношения, возникающие в области архивного хранения документов. По оценкам экспертов, он является одним из лучших среди аналогичных законов стран СНГ, его положения использованы при разработке архивных законов Украины, Армении и других государств.

Закон о НАФ направлен, в первую очередь, на обеспечение сохранности и использования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, закрепляет наличие двух его составных частей — государственной

и негосударственной, регулирует широкий доступ к архивным документам, устанавливает право собственности на архивные документы и архивные фонды и обеспечивает его защиту, а также выстраивает стройную систему государственного управления архивным делом в Республике Беларусь.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 289 «О структуре Правительства Республики Беларусь» к Министерству юстиции был присоединен Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь и создан Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь с правами юридического лица. Департамент является республиканским органом Государственной архивной службы Республики Беларусь (ГАС) и осуществляет специальные функции в области архивного дела и делопроизводства. В систему органов и учреждений ГАС наряду с Департаментом входят семь органов ГАС областей и г. Минска, 11 республиканских государственных архивных учреждений, 25 областных и зональных государственных архивов, 123 территориальных (городских и районных) архива местных исполнительных и распорядительных органов. В архивной отрасли трудятся около 1500 человек.

С 1927 по 2006 г. управление архивным делом Беларуси осуществлялось самостоятельным республиканским органом государственного управления. В 1927 г. это было Центральное архивное управление БССР при Президиуме ЦИК БССР, затем Центральное архивное управление БССР при НКВД БССР. В 1945—1960 гг. — Архивное управление НКВД (МВД) БССР. В 1960—1972 гг. — Архивное управление при Совете Министров БССР. В 1972—1992 гг. — Главное архивное управление при Совете Министров БССР (Республики Беларусь). В 1992—1994 гг. — Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь, в 1994—1997 гг. — Комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (с подчинением Администрации Президента Республики Беларусь). В 1997—2001 гг. — Государственный комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (Госкомархив). В 2001 г. Госкомархив был преобразован в государственное учреждение «Национальный центр по архивам и делопроизводству» с подчинением Совету Министров Республики Беларусь. В 2002 г. было принято решение о преобразовании государственного учреждения «Национальный центр по архивам и делопроизводству» в Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь.

В то же время организационная перестройка не сказалась на работе отрасли. Активно ведется работа по укреплению материально-технической базы архивных учреждений. Осуществлено перепрофилирование помещений для Национального архива Республики Беларусь в новом здании Национальной библиотеки Беларуси, в установленный Главой государства срок — 1 августа 2007 г. — завершено перемещение около 1 млн дел, учетной и научно-

справочной документации, технологического оборудования. Проведена реконструкция зданий, выделенных для зональных государственных архивов в гг. Лида (2006 г.), Речице (2006 г.); капитальный ремонт зданий Государственного архива Витебской области (2008 г.), Государственного архива общественных объединений Гродненской области (2007 г.). Ведется реконструкция и перепрофилирование зданий для Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно, Государственного архива Брестской области, зональных государственных архивов в гг. Борисове, Молодечно.

Ежегодно на государственное хранение принимается около 100 тыс. дел постоянного хранения. Сегодня архивный фонд составляет около 13 млн дел.

Повышается результативность контроля за соблюдением архивного законодательства. Государственная инспекция архивов и делопроизводства ежегодно проводит около 1000 проверок в рамках Координационного плана контрольной деятельности Комитета государственного контроля Республики Беларусь и комитетов государственного контроля по областям и г. Минску. В результате проведенных проверок значительно улучшились сохранность документов по личному составу в организациях и подготовка документов постоянного хранения к передаче в государственные архивы.

В рамках международного сотрудничества активно укрепляется позиция Государственной архивной службы Республики Беларусь в международном архивном сообществе. Расширяются и укрепляются связи белорусских архивистов с коллегами из Австрии, Армении, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Польши, России, Украины.

Одной из важнейших задач органов и учреждений Государственной архивной службы Республики Беларусь, имеющей политическую значимость, является работа с обращениями граждан и юридических лиц. Всего государственными архивами в 2008 г. исполнено более 30 тыс. запросов социально-правового характера. Более 14 тыс. человек принято и проконсультировано в архивах в ходе личного приема. Основные вопросы, интересующие граждан при обращении в архивы, касаются подтверждения трудового стажа, размера заработной платы, имущественных и наследственных прав. Большое количество обращений в государственные архивы связано с получением биографических данных, сведений о правах собственности на объекты недвижимости, о строительстве и вводе в эксплуатацию зданий и сооружений, создании и реорганизации организаций и т. п.

Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, органами Государственной архивной службы областей и г. Минска осуществляется контроль за соблюдением архивами законодательства об обращениях граждан. Особое внимание уделяется работе с обращениями граждан на основе заявительного принципа «одно окно». Во всех архивах максимально дебиюрократизирован прием обращений, создан удобный режим работы, все шире используются ресурсы электронной почты.

В последние годы увеличивается количество генеалогических запросов, поступающих в государственные архивы. Так, в 2008 г. было исполнено 262 обращения (2007 г. — 239, 2006 г. — 201, 2005 г. — 150).

Расширяется масштаб выставочной деятельности архивов. На экспозиционных площадях с большим успехом прошли организованные Национальным архивом Республики Беларусь совместно с Национальной библиотекой Беларуси историко-документальные выставки: «Вооруженные Силы Беларуси и современность», «Мир. Праздник. Слава» (посвященная XXIX Олимпийским играм в Пекине), «История Беларуси: становление национальной государственности» (к 90-летию образования БССР).

Республиканские архивы приняли активное участие в проведении выставки «Последняя война Российской империи в документах белорусских архивов», приуроченной к 90-летию подписания Компьенского перемирия, положившего конец Первой мировой войне 1914—1918 гг. Ее политические, экономические и военные последствия имели глобальное значение, на десятилетия определили миропорядок, геополитическую ситуацию на планете. Выставка демонстрировалась в помещении Министерства юстиции Республики Беларусь. На ней впервые экспонировался целый ряд ранее не публиковавшихся архивных документов.

Большое место в выставочной деятельности областных государственных архивов в 2008 г. заняла юбилейная тематика, связанная с 70-летием образования Витебской, Гомельской, Минской и Могилевской областей.

Традиционно высоким остается уровень выставочной работы в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства. Организованные архивом экспозиции «Спасцігаючы Дуніна-Марцінкевіча» (да 200-годдзя з дня нараджэння пісьменніка), «Збяднее мора без кроплі» (памяці мастачкі Ларысы Засімовіч), «Дзеля людзей усё жыццё стараюся...» (да 90-годдзя з дня нараджэння паэта Алеся Бачылы), «Зямля мая, людзі мае...» (да 90-годдзя з дня нараджэння народнага мастака Беларусі Аляксандры Паслядовіч), «Проста — адраджэнцы» (да 125-годдзя з дня нараджэння Язэпа Лёсіка і Вацлава Ластоўскага) и др. стали заметным культурным явлением.

Национальным историческим архивом Беларуси совместно с Минской центральной городской библиотекой им. Янки Купалы подготовлены историко-документальные выставки, посвященные 200-летию со дня рождения В. Дунина-Марцинкевича, музеям и библиотекам Минска конца XIX — начала XX в., 100-летию образования Минского церковно-археологического музея.

Все большее развитие в архивной отрасли получает новая форма выставочной деятельности — виртуальные выставки. Широкий интерес пользователей получили размещенные на отраслевом сайте «Архивы Беларуси» выставки: «Класікі сусветнай літаратуры Янка Купала і Якуб Колас. Да 125-годдзя з дня нараджэння», «Класік беларускай літаратуры Вінцэнт

Дунін-Марцінкевіч. Да 200-годдзя з дня нараджэння», «Достояние республики: к 70-летию Национального исторического архива Беларуси».

Большое внимание в архивах уделяется и другим видам культурно-просветительной деятельности: подготовке теле- и радиопередач, проведению экскурсий, уроков для студентов и школьников и презентаций.

Документы государственных архивов широко используются при подготовке документальных фильмов, телевизионных программ и передач. Национальный архив Республики Беларусь принял участие в съемках телепередач «Время их славы. Часы остановились в полночь» и «Слущкий приговор» (ОНТ). Для программы «Обратный отсчет» (ОНТ) оказана помощь в создании фильмов: «Репатриация. Дым Отечества», «Письма из прошлого», «Хатынь. Засекреченная трагедия», «Люди на болоте. Полесская утопия», «Монумент Победы. Люди и символы», «Армия Крайова в Беларуси». Совместно с киностудией «Беларусьфильм» Национальный архив Республики Беларусь участвовал в съемках документального фильма «Пантелеймон Пономаренко». К документам архива обращались при создании документального фильма, посвященного П. М. Машерову, работники телекомпании РЕН ТВ (Россия).

Документы Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов использовались при подготовке 29 документальных фильмов («Людьми зваться», «Белорусская Арктика», «Белорусский Крест», «Тайна жизни и смерти Янки Купалы», «Белорусы — Герои Советского Союза» и др.). Широко были представлены в отчетном году в программе «Навіны культуры» телеканала «Лад» документы Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства.

Работниками Национального архива Республики Беларусь подготовлен и издан ряд справочников, документальных сборников научного характера. Среди вышедших изданий — «Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета обороны СССР. 1941—1945 гг.», «Белорусское общество в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны. 1916—1918 гг.», «Документы Национального архива Республики Беларусь о Чехословацком кризисе 1968 года», «Выжить — подвиг. Воспоминания и документы о Минском гетто», «Пасля крутога павароту. Ідэолага-палітычная барацьба ў Беларусі. 1932 — 1936 гг.: Дакументы, матэрыялы, аналіз».

Национальный архив Республики Беларусь принял участие в реализации крупного международного научного проекта «Пражская весна» и международного кризис 1968 года», результатом которого стало двухтомное издание сборника документов. Минск, наряду с Веной, Берлином, Москвой, Прагой, Сент-Полом и Кембриджем (США), стал одним из мест презентации этого уникального документального сборника.

Увидели свет подготовленные в рамках празднования 70-летнего юбилея Национального исторического архива Беларуси научное издание «На-

цяянальны гістарычны архіў Беларусі — скарбніца дакументальнай спадчыны. 1938—2008», материалы научно-практической конференции «Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі: гісторыя і сучаснасць», а также 6-й выпуск сборника научных сообщений и статей «Архіварыус».

Государственные архивы Витебской, Гомельской, Минской областей подготовили и издали сборники документов «Витебщина архивная в начале XXI века: связь времен», «Малые диаспоры Гомельщины в 20—30-е годы XX века. Аналитические материалы и документы Государственного архива Гомельской области», «Минская область в документах и материалах. Вып. 1. Начало. Январь 1938 г. — июнь 1941 г.».

В 2008 г. вышло в свет 13 сборников документов, справочников, научно-популярных изданий, 4 из которых изданы областными государственными архивами.

Архивные учреждения подготовили 348 статей и публикаций малых форм.

Особое внимание уделяется работе в области официальной государственной символики и городской геральдики. В исторических архивах хранится огромное количество документов, используемых при изучении и реконструкции исторических гербов белорусских городов, других населенных пунктов, создании новых знаков и эмблем для государственных органов. Продолжается работа по ведению Государственного геральдического регистра Республики Беларусь, в том числе и в электронном виде, выдаче заключений на соответствие установленным требованиям некоторых видов символики. В 2008 г. состоялось 6 заседаний Геральдического совета при Президенте Республики Беларусь. В Государственный геральдический регистр Республики Беларусь внесено 110 официальных геральдических символов.

Архивные документы являются национальным достоянием белорусского народа. Сегодня открыты широкие горизонты в деле дальнейшего их использования в интересах людей, общества и государства.

Однако дальнейшее развитие социально-экономических отношений, изменения в законодательстве страны требуют внесения в Закон о НАФ ряда изменений и дополнений и приведения его положений в соответствие с иными актами законодательства.

В частности, необходима корректировка его положений, регулирующих правоотношения в области формирования Национального архивного фонда Республики Беларусь, организации его учета, использования архивных документов. Необходимо уточнение названий видов архивов и их статуса, применяемых в законе терминов и определений и др.

Вместе с тем структура действующего Закона о НАФ представляется оптимальной, отражает все стороны регулируемых общественных отношений.

Д. В. Карев, А. Д. Карева, А. А. Змітрукевіч
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ МИР
В ЗАРУБЕЖНОМ БЕЛОРУСОВЕДЕНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI в.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ
(ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ФРГ, США И КАНАДА)

В современных условиях приобретения Республикой Беларусь реального суверенитета и глобализации международных отношений большое значение приобретает информация об «образе» молодого европейского суверенного государства в общественном сознании международного сообщества, особенно тех государств, которые связаны с сегодняшней Беларусью тесными экономическими, политическими и культурными отношениями. К их числу, несомненно, относятся Великобритания, ФРГ, США и Канада. Вопросы сотрудничества с зарубежными странами, поиска своего места в мировом культурном пространстве на сегодняшний день особенно актуальны для нашей страны. Важное место во внешней политике Беларуси отводится контактам со странами Европейского союза (прежде всего с ФРГ и Великобританией) и Северной Америки. Партнерские отношения с этими странами не ограничиваются лишь политическим и экономическим сотрудничеством, большое значение в развитии двусторонних отношений имеют связи в сфере культуры, науки и образования. «Образ» страны (в данном случае — Беларуси) формируется и в сфере правительственной политики, и в культурном, медийном контекстах этих государств в основном на базе аналитических оценок экспертного сообщества (прежде всего исследователей-славистов и тех влиятельных представителей белорусской диаспоры, которые так или иначе представляют Беларусь в этих странах).

Поэтому изучение истории и современного состояния зарубежного белорусоведения является актуальным и позволяет выявить причины, условия и механизмы формирования системы историко-культурологического знания о Беларуси в западноевропейском и североамериканском страноведческом «ландшафте». Это дает возможность получить полезную информацию для формирования научно обоснованной культурной политики, которую проводят МИД Республики Беларусь, Министерство культуры Республики Беларусь, Министерство образования Республики Беларусь, НАН Беларуси относительно стран-партнеров Беларуси в мировом политическом и культурном сообществе с конца XX и до начала XXI века. Кроме того, научная актуальность данной проблемы обусловлена и фактической неразработанностью тематики в белорусской, английской, немецкой и североамериканской историографии и культурологии второй половины XX — начала XXI в.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что намечаемое исследование в значительной мере способствует восполнению этого пробела и дает воз-

возможность научным и правительственным кругам, широкой общественности нашей страны более точно определить степень знания о Беларуси в научно-культурном пространстве зарубежных стран в целом, в Великобритании, ФРГ, США и Канаде в частности. Получение данной информации особенно актуально в современных условиях для выстраивания эффективной культурной политики Республики Беларусь в сфере межгосударственных отношений.

Целью нашего исследования в данном направлении должно быть комплексное изучение и выявление специфики процесса генезиса и формирования белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде в 50-е гг. XX — начале XXI в., рассматриваемого на фоне социокультурного и политического контекстов взаимоотношений Беларуси с этими странами в данное время.

Основным объектом (ближайшим «научным» контекстом) для такого рода исследования является история зарубежного белорусоведения новейшего времени. Предметом исследования является история зарождения и формирования белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде во второй половине XX — начале XXI в.

Исходя из такого понимания предмета исследования, в качестве перво-степенных выделяются и основные задачи, без которых невозможно системно-аналитическое представление данного феномена:

раскрытие характерных особенностей и степени разработанности данной проблемы в предшествующей историографической традиции и источниковом «поле» второй половины XX — начала XXI в.;

выявление причин (политического, социокультурного и научного характера), определивших особенности генезиса и становления белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде в 50-е гг. XX — начале XXI в.;

исследование специфики основных этапов и форм изучения Беларуси и ее культуры в научной славистической традиции и исследовательской практике представителей белорусской диаспоры этих стран (50-е—80-е гг. XX в.; 90-е гг. XX — начало XXI в.);

определение основных направлений и доминантной проблематики белорусоведческих исследований в этих странах в данный период как на персональном (работы ведущих славистов этих стран, посвященные Беларуси и ее культуре), так и на институциональном уровне (университетские и академические научные центры Великобритании, ФРГ, США и Канады; культурно-просветительские и научные центры белорусской диаспоры этих стран);

выделение «зон влияния» оценок экспертного сообщества этих стран, исследующего историю и культуру Беларуси, на формирование «образа» Беларуси в СМИ и культурной политике Великобритании, ФРГ, США и Канады относительно нашего государства.

В формулировании рабочей гипотезы своего исследования мы исходим из следующих представлений:

на зарождение интереса в политической элите и научном сообществе Великобритании, ФРГ, США и Канады к Беларуси в 50-х—80-х гг. XX в. оказали самое непосредственное влияние: 1) социально-политический контекст, связанный с итогами Второй мировой войны и той заметной ролью, которую играла в этих событиях БССР как часть Советского Союза; 2) белорусская диаспора послевоенного поколения, осевшая в Великобритании, ФРГ, США и Канаде в эти годы и создавшая первые культурно-просветительские и научные центры на их территории; 3) развитие в рамках славистики особого политизированного направления — советологии;

эволюция и оформление белорусоведения как отдельного направления в славистике Великобритании, ФРГ, США и Канады 90-х гг. XX — начала XXI в. определялись: 1) распадом СССР и рождением нового суверенного государства — Республики Беларусь; 2) активизацией влияния белорусской диаспоры как части экспертного сообщества Великобритании, ФРГ, США и Канады этих лет на процесс принятия правительственных решений в сфере национально-культурной и внешней политики этих стран относительно «белорусской проблемы»; 3) формированием отдельного белорусоведческого направления в среде академического научного сообщества Великобритании, ФРГ, США и Канады, специализирующегося на изучении культуры и истории восточнославянских этносов государств СНГ (университетские, академические и аналитические центры при правительственных организациях).

Теоретико-методологической основой проводимого нами исследования являются общепризнанные в отечественной исторической культурологии принципы общественного сознания — историзм и системность, а также методологические установки культурологического, цивилизационного и историографического подходов к изучению исторического процесса и научных институтов, реконструирующих смысловую и событийно-фактурную основу истории мировой культуры. Одно из центральных мест при изучении проблемы становления и развития белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде принадлежит историко-генетическому методу. Применение методов сравнительно-исторического анализа в изучении причинно-следственных связей позволяет показать реальные взаимосвязи между процессами становления белорусоведения и эволюцией социально-политического и социокультурного контекстов в этих странах. Интегрирующим методом является историко-системный метод. Относительно проблемы формирования белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде он позволяет понять роль и место отдельных организаций правительственного уровня, академических научных учреждений, культурно-научных центров белорусской диаспоры в процессе совместного, интегрированного создания «образа» Беларуси в общественном сознании этих государств.

Проблемы истории формирования белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде очень фрагментарно и выборочно отражены в отечест-

венной и зарубежной исследовательской традиции. В этом плане можно назвать лишь небольшое число работ по сопряженной тематике, раскрывающих социально-политический и культурный контекст международных культурных и научных связей Беларуси со странами Западной Европы и США 80-х гг. XX — начала XXI в. (исследования Д. Кривошея, В. Шадурского, Л. Короленок, А. Ледневой, Л. Языкович, Л. Власовой, Н. Воробей, Дж. Робертс, А. Егорова, О. Голубович, А. Розанова, Г. Сергеевой и др.) [2—4; 8—10; 12—18]. Работ, специально посвященных данной проблеме, за исключением статей А. Ледневой, Г. Сергеевой и Л. Языкович, практически нет. В отечественной исторической науке нет и специальных работ, в которых содержался бы анализ немецкой историографии по вопросу генезиса и формирования белорусоведения в ФРГ в послевоенный период. Однако есть уже немало исследований, посвященных анализу западногерманской историографии, которая затрагивает отдельные аспекты изучения культуры и истории Беларуси. Критический анализ работ западногерманских историков и культурологов по различным вопросам белорусоведения проводили А. Самсонов, П. Жилин, Е. Кульков, М. Фролов, Д. Кривошей, А. Русакович, В. Космач, Г. Космач, В. Шадурский, М. Альтерман, М. Стрелец, М. Лебедь, С. Новиков, С. Соколовский, Д. Романовский и другие [13; 14; 15]. Изучение их показало, что отечественными учеными проведена большая исследовательская работа по изучению историографии ФРГ по отдельным вопросам белорусоведения в период с 50-х гг. XX в. по сегодняшний день. Однако упомянутыми авторами не был проведен комплексный анализ зарождения и развития белорусоведения в ФРГ как отдельной отрасли научного знания, не были выделены приоритетные направления белорусоведческих исследований, основные центры белорусоведения на территории Германии.

В то же время, как показывает изучение библиографических источников и работа с электронными ресурсами Интернета, изучение данной проблемы вполне может опираться на достаточно представительную, широкую и разнообразную в видовом отношении источниковую базу (источников как опубликованных, так и архивных).

К группе опубликованных источников, изданных в Республике Беларусь и имеющих первостепенное значение для исследования нашей проблемы, относятся многочисленные публикации и интервью белорусских послов в Великобритании В. Счастливого, В. Садоху, А. Михневича; в ФРГ — П. Садовского, В. Скворцова; в США — В. Цепкало, А. Мартынова, исполнительного директора координационного бюро программы TACIS ЕС в Республике Беларусь Л. Орлова, аналитика Восточной исследовательской группы МИД Великобритании М. Хайда, руководителей дипломатических представительств Великобритании и США в Республике Беларусь 90-х гг. XX — начала XXI в. Вопросы двусторонних контактов (в том числе научных и культурных) отражены в многотомном издании «Знешняя палітыка Беларусі» [6].

В Великобритании, ФРГ, США и Канаде в 90-е гг. XX — начале XXI в. белорусская проблематика неоднократно была предметом внимания ведущих СМИ этих стран в связи с достаточно сложным характером политических взаимоотношений стран западного сообщества ЕС и США с Беларусью со второй половины 90-х гг. XX в. и интересом к яркой личности первого Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко (газеты «Обсервер», «Файнэншл таймс», «Индепендент», «Таймс», «Гардиан», «Зюддойче Цайт», «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Нью-Йорк геральд трибьюн»; журналы «Дипломат», «Экономист», «Таймс», «Форбс», «Белорусская хроника», «Шпигель» и др.). Нередко проблематика белорусско-британских, белорусско-германских и белорусско-американских культурных и научных связей в эти же годы привлекала внимание и периодической печати Беларуси (газеты «Звезда», «Советская Беларусь», «Рэспубліка», «Голас Радзімы», «ЛіМ», «Веды», «Культура»; журналы «Беларуская думка», «Беларускі гістарычны часопіс»; периодические научные издания Национального научно-просветительского центра им. Ф. Скорины «Беларусі-ка = Albaruthenika», «Кантакты і дыялогі» и др. Публикуемая в этих изданиях информация, помимо личных оценок авторов статей и интервьюируемых деятелей культуры и внешнеполитических ведомств Беларуси, Великобритании, ФРГ, США и Канады, обнародовали и официальные дипломатические документы юридического характера, на основе которых в 90-е гг. XX — начале XXI в. создавались «правовые рамки» международных отношений этих стран в сфере культурного и научного сотрудничества.

В значительной мере эта информация дополняется и корректируется архивными источниками из фондов правительственных и научных учреждений, непосредственно связанных с реализацией культурной политики этих государств в сфере международных отношений (Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Великобритании, ФРГ, Госдепартамент США, Министерства культуры и образования, Национальная академия наук Республики Беларусь, Королевское научное общество Великобритании, Национальная Академия США). Это официальные ноты правительств, отчеты о визитах, встречах, «круглых столах», аналитические справки о состоянии культурного и научного сотрудничества. По предшествующему периоду (50-е—80-е гг. XX в.) ценный материал по истории белорусско-британских, белорусско-германских и белорусско-американских культурных и научных связей находится в Архиве внешней политики Российской Федерации и в фонде Союза Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Хранящиеся в фондах белорусских архивов документальные коллекции по периоду 70-х—80-х гг. XX в. дополняют и в значительной мере конкретизируют эту информацию. Здесь, в первую очередь, заслуживают внимания документы Национального архива Республики Беларусь (фонд МИД

БССР, фонд Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами). В Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси содержится достаточно полная и многообразная в видовом отношении информация, отражающая научные связи между Беларусью, Великобританией, ФРГ, США и Канадой в 70-е—90-е гг. XX в. Постсоветский период в истории культурных и научных связей этих государств наиболее полно и представительно отражен в фондах МИД Республики Беларусь (документы посольств Республики Беларусь в Великобритании, ФРГ, США и Канаде: отчеты, аналитические записки, справки, переписка по проблемам межкультурного сотрудничества).

Активное вовлечение в сферу международного культурного и научно-сотрудничества с 90-х гг. XX в. университетских, вузовских и академических центров Республики Беларусь, где в эти годы появляются специальные функциональные структуры, ответственные за осуществление международных контактов (отделы зарубежных связей и управления международных отношений), привело к созданию новых документальных комплексов, раскрывающих развитие научного сотрудничества между Беларусью, Великобританией, ФРГ, США и Канадой на уровне специализированных учреждений научно-исследовательского характера. Здесь, прежде всего, можно выделить фонды тех университетов и научных центров Беларуси, где научное сотрудничество с академическим сообществом этих стран приобрело вполне конкретный предметный характер (БГУ, ННПЦ им. Ф. Скорины, БГПУ им. М. Танка, БГЛУ, ГрГУ им. Я. Купалы и др.).

Сегодняшняя ситуация, связанная с широким внедрением в практику научных и культурных коммуникаций компьютерных технологий и Интернета, позволяет исследователям данной проблемы на порядок расширить свои возможности в поиске и исследовании источников по изучаемой проблеме через быстрорастущую систему электронных сайтовых ресурсов (сайты Форин Офис Великобритании, МИД ФРГ, Госдепартамента США, МИД Канады, МИД Республики Беларусь, университетских, исследовательских и аналитических центров, занимающихся белорусоведческой проблематикой в Великобритании, ФРГ, США и Канаде).

Среди зарубежных фондообразователей предметом самого пристального внимания должна стать источниковая база (комплексы опубликованной и архивной информации), представляющая исследовательскую, научно-организационную и учебную деятельность таких ведущих славистических центров Великобритании, как Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований, Центр российских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований, Шотландское общество российских и восточноевропейских исследований, Центр российских, евразийских и центральноевропейских исследований университета Лидса, Институт славянских исследований Оксфордского университета, Центр российских и восточноевропейских

исследований университета Бирмингема, Университет Эссекса, Школа славянских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований университета Глазго, Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, Институт российских и восточноевропейских исследований университета Ноттингема, Центр по изучению рукописи славянской и восточноевропейской коллекции Британской библиотеки, Библиотека-музей им. Ф. Скорины в Лондоне [11].

В ФРГ наиболее пристальное внимание к истории и культуре Беларуси уделяли в 90-е гг. XX — начале XXI в. кафедры восточноевропейской истории университетов Тюбингена, Бремена, Мюнхена, Геттингена, Констанцы, Гамбурга, Киля, Берлина, Украинского университета в Мюнхене, Института военной истории в Потсдаме и др.

В США наиболее активный интерес к истории и культуре Беларуси в 90-е гг. XX — начале XXI в. проявляли слависты Русского и Украинского исследовательского институтов Гарвардского университета, Квинз Колледжа Нью-Йоркского городского университета, Стенфордского университета, Калифорнийского университета, Чикагского университета, Белорусского института науки и искусств (БИНИМ), Отделов славянских рукописей и манускриптов библиотеки Конгресса США и Нью-Йоркской публичной библиотеки; в Канаде — ученые Эдмонтонского университета и Университета Ватерлоо.

Отдельным видом источников, дающим расшифровку мотивации деятельности исследовательских учреждений, где в той или иной степени прозвучала белорусоведческая проблематика, являются изданные в 90-е гг. XX — начале XXI в. мемуары активных деятелей белорусской диаспоры Великобритании, ФРГ, США и Канады, которые играли видную роль в формировании интереса научной общественности этих стран к истории культуры Беларуси (В. Кипель, З. Кипель, Я. Запрудник, В. Тумаш, В. Жук-Гришкевич, М. Белямук, Е. Калубович, о. Ч. Сипович, о. А. Надсон, Ю. Веселковский, П. Урбан, В. Пануцевич и др.) [5; 7].

Но самым главным комплексом источников в ракурсе заявленной темы, на наш взгляд, является комплекс источников историографического характера — работы историков, литературоведов, филологов и искусствоведов Великобритании, ФРГ, США и Канады 50-х гг. XX — начала XXI в., в чьих исследованиях белорусская проблематика занимает доминирующее или очень существенное место (в Великобритании — монографии и статьи Л. Горошко, Ч. Сиповича, А. Надсона, Дж. Дингли, Д. Клиера, А. Макмиллана, Г. Пикарды, В. Рич, Э. Вильямса, А. Тихоновецкого, И. Огинского, Ю. Веселовского; в ФРГ — П. Урбана, И. Любочко, Р. Линднера, А. Зама, Б. Кьяри, А. Лоренца; в США и Канаде — Я. Запрудника, В. Тумаша, Л. Окиншевича, В. и З. Кипелей, М. Белямука, З. Когута, С. Плохия, Д. Марплса, Р. Шпарлюка, З. Гимпелевич и др.). В их работах представлена концептуальная цельная система

взглядов на особенности исторического процесса на белорусских землях и оценки, основанные на результатах собственных исследований по отдельным важнейшим аспектам истории белорусской культуры (белорусская ментальность, выдающиеся деятели белорусской культуры и их роль в становлении этнополитического и исторического сознания белорусов, роль христианских конфессий в формировании системы ценностей белорусского этноса, роль политического фактора в судьбе белорусского народа и его культуре и др.). С их деятельностью было связано инициирование многих важных научных и культурных акций по знакомству англичан, немцев, американцев и канадцев с культурой и историей Беларуси в 50-е—90-е гг. XX в. (проведение «крутых столов», конференций, семинаров). Материалы и личные архивы этих историков, культурологов позволяют создать достаточно полное, системное представление о процессе формирования традиций научного белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде после Второй мировой войны.

Характеризуя специфику зарождения и формирования традиций белорусоведения в вышеуказанных странах, нельзя не отметить, что наиболее основательно и раньше остальных они стали проявляться в немецкой культуре и общественной мысли с конца XIX в. Началом белорусоведения в Германии по праву считается создание в 1875 г. журнала «Архив славянской филологии», благодаря которому западный мир познакомился с белорусским краем, особенно с его древней культурой и фольклором. Белорусская проблематика нашла отражение в «Архиве» в таких работах, как «Указатель литературных источников Супрасльской летописи» Р. Абихта, «О Супрасльской летописи» А. Брукнера, «Страсти Христовы на польском и русском языках», «Русско-литовская уния и ее литературные памятники» и др. Во время Первой мировой войны жизнь белорусского народа нашла отражение в немецкой прессе: «*Zeitung der Zentrumarmee*», «*Grodnoer Zeitung*», «*Pinsker Zeitung*», «*Deutsche Kriegszeitung von Baranovici*» и др. В данных изданиях публиковался материал о белорусском театре («Белорусский театр» В. Егера), религии («Реформация в Белоруссии»), этнографии («Этнографические наблюдения за материальной культурой Беларуси» Ф. Куршмана) и др. Самым значимым произведением для развития белорусоведения того периода можно считать книгу В. Егера «Беларусь» — первое издание на немецком языке, полностью посвященное нашей стране (от древних времен и до образования БНР).

Период 1950-х—1970-х гг. XX в. можно считать временем становления историографических традиций в трактовке германскими учеными культуры и истории Беларуси. Рассматривая проблемы становления белорусоведения в ФРГ, следует отметить, что до конца 80-х гг. XX в. интерес к нашей стране проявлялся чаще всего не как к самостоятельному государству. В большинстве исследований Беларусь изучалась как составная часть многонационального государства: ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи, СССР. Поэтому до провозглашения независимости Республики Беларусь

отдельных центров белорусоведения на территории ФРГ не существовало. Вопросы истории и культуры Беларуси изучались отдельными учеными, которые работали в центрах, занимающихся исследованием истории и культуры восточных славян. Особый интерес в таких исследованиях привлекала Россия как политически и экономически мощное государство. Беларусь чаще всего упоминалась в контексте данных исследований. В 50-е—80-е гг. основные крупные центры славистики Германии находились в ГДР — в Халле (университет Мартина Лютера), в ФРГ — в Берлине (Берлинский Свободный университет), Мюнхене, Штутгарте (Исследовательский центр военной истории). После объединения Германии и распада СССР число таких центров значительно увеличилось (на сегодняшний день их около 50).

Важно и то, что не все явления белорусской культуры и истории в одинаковой степени притягивали внимание немецких ученых и общественных деятелей. Пробуждение интереса к истории и культуре нашей страны со стороны германского научного сообщества было тесно связано с конкретными историческими событиями и эпохами, где германская история явственно «резонировала» в белорусском историко-культурном контексте. Знакомство с основными источниками — историческими исследованиями немецких ученых 50-х—80-х гг. XX в. (К. Арнольда, К. Диркса, Ф. Фабри, Ю. Ферстера, Х.-А. Якобсена, К.-Х. Янсена, Р. Д. Мюллера, Х. Маинхаймера и др.) — позволяет выделить следующие исследовательские тематические доминанты:

- Х—XII вв. (контакты кривичей и немцев (тевтонов));
- Киевская Русь и Священная Римская империя;
- XIII—XV вв. (борьба балтских и восточнославянских народов, народов Восточной Европы с Тевтонским орденом);
- Реформация на восточнославянских землях;
- Магдебургское право на восточнославянских землях;
- «Саксонский период» в истории ВКЛ и Речи Посполитой;
- война 1812 года (участие армии Рейнского союза в войне на территории современной Беларуси).

Наиболее интенсивным исследованиям в работах немецких славистов новейшего времени подвергались проблемы, связанные с историей взаимоотношений восточнославянского мира и Германии в период Первой и Второй мировых войн. Несомненно, темы Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации занимают лидирующее место в трудах немецких ученых о Беларуси.

В 50-е гг. в ФРГ начинается возрождение и основание журналов, посвященных славянской филологии и литературе: «Журнал по славянской филологии», «Восточная Европа» и др. Важное значение для представителей белорусской литературы в ФРГ имело издание там «Малой славянской библиографии», в которой наиболее ярко представлены биографии белорусских писателей. С 1950-х гг. благодаря белорусским эмигрантам наша литература из-

давалась в ФРГ как на белорусском, так и на немецком языках. Этому способствовал Институт по изучению истории и культуры СССР, в котором работали Я. Станкевич, С. Станкевич, П. Урбан, А. Адамович и др. Они издавали в ФРГ альманах «Белорусский сборник», журнал «Советские исследования», газету «Родина». Вышли книги «Тутэйшыя» и «Спадчына» Я. Купалы, «Новая зямля» и «Сымон-музыка» Я. Коласа и др. Проникновению белорусской культуры в Германию способствовали и представители украинской эмиграции, например, Ю. Бойко-Блохин, который в 1960-х гг. читал курс лекций по славянским литературам в Мюнхенском университете. В 70-е гг. исследование белорусской литературы продолжил Э. Кошмидар в работе «Белорусская литература». В то же время белорусскую литературу изучали и ведущие слависты ФРГ Х. Роте и Ф. Шольц. В 50-е—80-е гг. западногерманскими учеными были изучены и проанализированы пути развития белорусского языка и литературы от истоков и до середины XX века [14, с. 51—54].

Большинству исследований в ФРГ 50-х—80-х гг., посвященных истории восточнославянских народов, нередко был присущ субъективизм, тенденциозный подход, антисоветская направленность, описательный характер. Недостаток объективности во многих работах определялся, в первую очередь, отсутствием в ФРГ достаточной информации об истории и культуре нашей страны, стереотипами и представлениями о советской действительности. Несмотря на то, что белорусоведение не стало самостоятельным объектом крупных исследований в ФРГ в данный период, большой фактический материал, многие обобщения и оценки не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день, явились фундаментом для дальнейшего развития белорусоведения в ФРГ как самостоятельной исторической дисциплины.

Второй этап изучения Беларуси в славяноведении ФРГ начался на рубеже 80-х—90-х гг. XX в. и продолжается до настоящего времени. Основным критерием его выделения является уже не столько идеологическая направленность исследований, сколько институциональный аспект. Процессы, происходившие в Европе и СССР в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., коренным образом повлияли на развитие белорусоведения в ФРГ, что связано с появлением интереса немецких ученых и политиков к Беларуси как к независимому и суверенному государству, как к значимому политическому и экономическому партнеру. Белорусская тематика прочно входит в круг научных интересов А. Рара, А. Зама, А. Лоренца, Р. Линднера, Б. Къяри, Х.-Л. Ферстера, Д. Зиберта и других авторов, которыми в последние годы написаны многочисленные статьи и крупные научные монографии по истории и культуре Беларуси. Для данных работ характерен глубокий анализ белорусской культуры и истории, широкое использование документальных и архивных источников.

Таким образом, даже первичное изучение имеющейся пока еще незначительной историографической, исследовательской традиции изучения проблемы становления белорусоведения в странах Западной Европы и Северной

Америки показывает одновременно на отсутствие в историческом белорусоведении систематизирующего, обобщающего ее рассмотрения в комплексе. Никто из белорусских и зарубежных авторов-славистов не проводил специального исследования по истории зарождения и формирования белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде во второй половине XX — начале XXI в. В то же время имеющееся источниковое «поле» выглядит весьма представительным и перспективным как в плане научной реконструкции исследуемого феномена в целом, так и в деле изучения составляющих его компонентов в частности (научно-исследовательские институты, университетские центры, творчество наиболее видных исследователей Беларуси и ее культуры в Великобритании, ФРГ, США и Канаде, качество и направленность научной информации — результата работы этих центров и ученых, механизмы трансляции знаний о Беларуси, добытых экспертным сообществом в систему общественного сознания политических и интеллектуальных элит Великобритании, ФРГ, США и Канады). Восполнение этого ошутимого пробела в современном белорусоведении — актуальная задача не только для сферы академических знаний, но и для определения точно выверенных ориентиров сегодняшней культурной политики Республики Беларусь, целью которой должно являться формирование позитивного образа нашей страны и ее богатейшей культуры в зарубежном сообществе.

Источники и литература

1. Власова Л. В. БССР в международном культурном и научном сотрудничестве. — Минск: Университетское, 1984.
2. Воробей Н. С. Участие Белорусской ССР в отношениях Советского Союза с капиталистическими странами (50-е—70-е годы). — Минск: Наука и техника, 1981.
3. Голубович О. От bipolarности к единой Европе // Беларуская думка. — 1994. — № 9. — С. 82—84.
4. Егоров А. Республика Беларусь и европейские институты безопасности и сотрудничества // Беларусь в мире. — 1999. — № 3. — С. 3—8.
5. Запруднік Я. Дванаццаць: Дакументальная апавесць пра дванаццаць беларускіх хлапцоў у Нямеччыне, Вялікабрытаніі й Бельгіі (1946—1954 гг.). — Нью-Ёрк: БІНІМ, 2002.
6. Знешняя палітыка Беларусі. Зб. дакументаў і матэрыялаў. Т. 5 (верасень 1945 г. — 1975 г.) / Склад. У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа, І. Г. Яцкевіч. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2002.
7. Кіпель В. Беларусь ў ЗША. — Мінск: Беларусь, 1993.
8. Короленок Л. Г. Беларусь и Великобритания: экономические, научно-технические и культурные связи в 1970—2003 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Минск: БГУ, 2004.
9. Крывашэй Д. А. Развіццё культурных сувязей Рэспублікі Беларусь з краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы (1991—1996). Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. — Мінск: ІГ НАНБ, 1999.
10. Ляднёва А. С. Скарынаўка // Беларуская мінуўшчына. — 1993. — № 2. — С. 55—57.

11. Меньковский В. И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. — Минск: БГУ, 2007.
12. Розанов А. Внешняя политика Беларуси: новые очертания // Беларусь в мире. — 1999. — № 2. — С. 3—7.
13. Раманоўскі Дз. В. Культурнае супрацоўніцтва Беларусі і Германіі ў 90-я гады / Д. В. Романовский // Беларусь и Европа: взаимодействие культур (история, уроки, опыт, современность) / Редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др. — Витебск: Изд-во ВГУ, 2000 — 291 с.
14. Сакалоўскі У. Л. Знаёмства з беларускай літаратурай у Германіі ў другой палове XX стагоддзя / В. Л. Соколовский // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы из исторического прошлого и современности / Редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др. — Витебск: Изд-во ВГУ, 2003 — стр. 51—54.
15. Сакалоўскі У. Л. Гісторыя і культура Беларусі ў кантэксце еўрапейскай гісторыі (1875—1925 гг.) / В. Л. Соколовский // Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизаций и культур / Редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др. Ч. 1 — Витебск: Изд-во ВГУ, 2001 — 296 с.
16. Сергеева Г. Г. Белорусская ССР в научном сотрудничестве Советского Союза и социалистических стран (1945—1985 гг.). — Минск: Наука и техника, 1986.
17. Шадурскі В. Г. Супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь з еўрапейскімі краінамі ў галіне культуры // Беларускі гістарычны часопіс. — 1999. — № 1. — С. 45—57.
18. Языкович Л. В. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО. — Минск: Наука и техника, 1986.

Т. В. Буевич

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ОБЛАСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КПБ (1940—1991) И ИХ ИНТЕГРАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВНЫЙ ФОНД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

20 ноября 1997 г. коллегия Госкомархива* приняла «Программу по развитию и совершенствованию госучета и НСА к документам бывших партийных архивов на 1998—2005 гг.». Республиканское совещание по вопросам выполнения программы, проходившее 30 мая 2006 г., и коллегия Белкомархива, состоявшаяся 30 июня 2006 г., подвели итоги ее реализации и наметили пути дальнейшей работы. Появление данного направления в деятельности госархивов республики не случайно. Оно является закономерным итогом функционирования партархивов в 1940—1991 гг.

Первые партархивы областных комитетов (обкомов) КПБ были образованы на основании постановления ЦК КП(б)Б от 3 марта 1940 г. С момента своего создания они являлись «закрытыми» учреждениями, доступ в которые не членов КПСС был практически не возможен. Основные функции их определялись как проведение экспертизы ценности, научно-техническая обработка (НТО), описание, учет, обеспечение сохранности и использование документов, создававшихся в деятельности областных парторганизаций. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 1991 г. № 489 комитеты КПБ были ликвидированы, а партархивы переданы в ведение Государственной архивной службы (ГАС). До 1991 г. их деятельность определялась исключительно целями и задачами КПСС—КПБ и протекала по своим собственным правилам. В частности, Центральный комитет партии и Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) разрабатывали инструкции, регламентирующие организацию хранения в архивах парткомитетов документов, оконченных в делопроизводстве, и их подготовку для передачи в партархивы обкомов КПБ. Инструкции были ориентированы, прежде всего, на удовлетворение потребностей парткомитетов и никогда не согласовывались с ГАС. Такой подход способствовал появлению ряда особенностей формирования архивных фондов комитетов и первичных организаций КПБ.

Впервые требования к работе архивов парткомитетов были изложены в «Инструкции для организации секретариатов», разработанной ЦК партии в августе 1918 г. В частности, в них говорилось о том, что оконченные в делопроизводстве документы должны храниться в структурных подразделе-

* Государственный комитет по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (Госкомархив) 24 сентября 2001 г. был реорганизован в государственное учреждение «Национальный центр по архивам и делопроизводству», а 3 июня 2002 г. — в Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь (Белкомархив).

ниях райкомов и горкомов КПБ и в первичных парторганизациях. В КПБ такой подход действовал до 1939 г. [1, с. 97].

С момента образования партархивов обкомов КПБ в 1940 г. порядок хранения документов областных парторганизаций был изменен: они в обязательном порядке должны были передаваться в общий отдел соответствующего парткомитета. Затем проводилось их описание. Экспертиза ценности осуществлялась только сотрудниками партархивов обкомов КПБ после приема на хранение всего комплекса документов, возникших в делопроизводстве того или иного парткомитета и подведомственных ему первичных организаций.

Дела по приему в члены КПСС, персональные и апелляционные дела коммунистов, а также личные дела номенклатурных (ответственных) работников парткомитета обрабатывались сотрудниками отделов (секторов), осуществлявших их учет. После НТО они сдавались в партийный архив обкома КПБ по отдельным описям, получавшим название «Личные дела». Систематизация личных дел по видам — по приему в члены партии, в кандидаты, персональные и апелляционные дела коммунистов — чаще всего не производилась. Еще одна особенность заключалась в том, что личные дела могли передаваться в партархив обкома КПБ не только в связи с истечением установленного для них срока хранения в архиве соответствующего парткомитета. В случаях, если они уже после вынесения решения конечной инстанцией повторно запрашивались тем или иным отделом парткомитета для текущей работы и пополнялись документами, то, как следствие, сдавались в партархив обкома КПБ при следующем очередном приеме. При этом конечная дата дела указывалась на основе даты самого позднего документа [3, л. 27].

Переломным моментом в организации работы с документами в период хранения их в архиве парткомитета стало снятие для работников райкомов, горкомов и обкомов КПБ запрета на проведение экспертизы ценности. С 1965 г. она стала осуществляться до передачи документов в партархив обкома КПБ. С этого момента в своих инструкциях и указаниях ИМЛ начинает активно использоваться термин «текущий архив», хотя его определение в нормативно-методических документах так и не было дано. Устанавливалось, что текущий архив парткомитета действовал на базе общего отдела и не мог являться самостоятельным структурным подразделением. По окончании делопроизводственного года в нем должны были концентрироваться организационно-распорядительные и справочно-информационные документальные материалы, планы работы парткомитета, статистическая отчетность, а также документы первичных парторганизаций (т. е. подведомственной сети). Финансовые документы и личные дела хранились, соответственно, в бухгалтерии и отделе (секторе), отвечавшем за учет коммунистов и номенклатурных работников. После выхода «Положения об Архивном фонде КПСС» (1966) текущие архивы парткомитетов стали также именоваться как «действующие архивы парткомитетов» или «текущие архивы общих отделов» [5, л. 2].

В 1966 г. вышли «Правила хранения и обработки архивных материалов в партийных, комсомольских органах и первичных организациях». В дальнейшем в истории КПСС—КПБ не появлялось специальных нормативно-методических документов, регламентировавших исключительно работу текущих архивов парткомитетов. Основные требования к ее организации излагались во вступительных частях к «Положению об Архивном фонде КПСС» (1966) и перечням документов партийных органов и первичных организаций, подлежащих сдаче в партийные архивы, утвержденных постановлениями Секретариата ЦК КПСС от 13 января 1965 г. и 22 июня 1984 г.

Иными словами, с момента образования в 1940 г. партархивов обкомов КПБ усилился контроль над деятельностью райкомов и горкомов КПБ по вопросам работы с документами в период с момента окончания их в текущем делопроизводстве и до передачи на постоянное хранение, что нашло отражение в соответствующих нормативно-методических документах [2, л. 30]. По аналогии с подходами, действовавшими в ГАС, означенный период можно назвать периодом ведомственного хранения. Однако термины «ведомственное хранение документов», «срок ведомственного хранения» и «ведомственный архив» в деятельности КПБ не использовались.

Проведенное нами исследование показало, что первые два из них в современном архивоведении могут быть в полной мере применимы при описании истории функционирования областных организаций КПБ. Использование же термина «ведомственный архив» в том значении, которое придается ему в ГАС, не совсем правомерно.

Сравнительный анализ перечисленных выше нормативных документов КПСС с «Правилами работы ведомственных архивов», разработанных ГАС в 1940—1980-х гг., показал, что цели создания ведомственных архивов ГАС и текущих архивов парткомитетов различны. В первом случае архивы ставили своей основной задачей организацию временного хранения документов с постоянным сроком хранения и документов длительного практического значения (в том числе документов по личному составу), а также — их учет, использование, отбор и подготовку для передачи на государственное хранение [6, с. 3; 7, л. 10; 8, с. 3]. В них создавался весь необходимый НСА к фонду и к описям. Прежде всего, в ведомственном архиве хранились документы самой организации. Однако в отдельных случаях в них могли концентрироваться документальные материалы подведомственной сети.

Основной задачей текущих архивов парткомитетов являлись отбор, описание, учет и передача для хранения в партархивы документов постоянного срока хранения как самого комитета, так и, в обязательном порядке, подотчетных ему первичных организаций КПБ и личных дел коммунистов. При этом составление НСА к фонду, за исключением описей и титульных листов к ним, не осуществлялось [9, л. 41—46]. Создание историко-архивных справок, а также использование документов, окончанных в делопроиз-

водстве и не востребованных в оперативной деятельности парткомитета, находились в компетенции исключительно партархивов обкомов КПБ.

Если проводить исторические параллели, то термин «текущий архив» ближе по содержанию к одноименному термину, использовавшемуся в ГАС в 1920-е гг. Так именовались архивы структурных подразделений учреждения, осуществлявшие хранение документов до передачи их в ведомственный архив данного учреждения. Не следует забывать и о том, что районные и городские парторганизации, их комитеты и первичные организации, а также обком КПБ являлись составляющими областной организации КПБ и в истории КПСС—КПБ рассматривались, по сути, как ее структурные подразделения.

Исключение из компетенции текущих архивов комитетов КПБ ряда задач и функций, свойственных ведомственным архивам непартийных учреждений, обусловило появление особенностей и в вопросе определения сроков передачи документов в партархивы обкомов КПБ.

До 1939 г. они не были четко определены: документы должны были передаваться в архив Белорусского отделения Единого партийного архива (Белпартархив)* «после утраты ими практического значения для деятельности партийной организации» [10, л. 30].

Создание в 1940 г. партархивов обкомов КПБ привело к установлению единых для всех структур компартии сроков ведомственного хранения — 2 года. Во второй половине 1940-х гг. его немного увеличили: для обкомов КПБ стал действовать 5-летний, а для райкомов и горкомов партии — 3-летний сроки ведомственного хранения [11, л. 1]. Для первичных организаций КПБ он не был изменен [12, л. 31]. В 1972 г. в соответствии с указаниями Центрального партийного архива (ЦПА) ИМЛ для всех парторганизаций, входивших в состав областных, стал действовать 5-летний срок ведомственного хранения. Однако уже в следующем, в 1973 г., ЦПА уточнил, что может использоваться дифференцированный подход в данном вопросе: срок ведомственного хранения должен быть не менее 3, но не более 5 лет, не считая делопроизводственного года [13, л. 10—11]. В 1980 г. для обкомов партии был установлен 5-летний срок ведомственного хранения, в то время как для остальных парткомитетов и организаций он по-прежнему мог варьироваться [14, с. 10].

В ГАС сроки ведомственного хранения документов составляли от 5 (для организаций городского и районного подчинения) до 15 лет (для организаций республиканского подчинения) [15; 16]. Данные хронологичес-

* 21 августа 1938 г. переименован в Партийный архив (Партархив) Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (КП(б)Б) с 14 октября 1952 г. — Коммунистической партии Белоруссии (КПБ). 21 января 1961 г. вновь переименован в партархив Института истории партии при ЦК КПБ. 24 сентября 1990 г. объединен с партархивом Минского обкома КПБ и реорганизован в Центральный партийный архив (ЦПА) КПБ.

кие рамки обусловлены тем, что документы, поступившие в госархив, должны использоваться, прежде всего, в научно-исследовательских целях, а их востребованность в оперативной деятельности учреждения после передачи на госхранение сведена к минимуму.

Установление для парткомитетов таких коротких в сравнении с ГАС сроков ведомственного хранения может быть объяснено, по нашему мнению, тем, что, как уже отмечалось выше, районные и городские организации и их комитеты рассматривались в системе КПБ как составляющие единой областной организации, руководящим центром которой и являлся обком КПБ. Чем быстрее осуществлялась концентрация документов всей областной парторганизации в партархиве, тем качественнее аппарат обкома КПБ мог не только владеть информацией о функционировании парторганизации в целом, но и контролировать сохранность партдокументов, соблюдение правил проведения экспертизы ценности и их описания. Не следует забывать, что таким образом максимально обеспечивался еще и режим закрытого хранения документов, а также возможность их эвакуации в экстремальных ситуациях. Кроме того, необходимо учесть, что работа текущих архивов парткомитетов не предполагала ведение справочной работы, а использование партдокументов в исследовательских целях до передачи их в партархивы обкомов КПБ вообще было запрещено нормативно-методическими документами ИМЛ [17, с. 12].

Наиболее важной особенностью, вытекающей из описанного нами общего порядка организации хранения документов в текущих архивах комитетов областных организаций КПБ, явилось правило, по которому с 1954 г. описание дел парткомитетов, передаваемых на постоянное хранение, стало осуществляться каждый раз по новой описи, имевшей законченную порядковую нумерацию единиц хранения [18, с. 6]. Сами описи также нумеровались в порядке возрастания номеров в пределах архивного фонда. Обычно хронологический период, за который описывались документы, составлял 1 год, реже — два—три, что аналогично в ГАС порядку составления и оформления описей дел структурных подразделений государственных организаций при передаче их на хранение в архив организации. Однако затем, на этапе подготовки дел для передачи в госархив, проводится работа по составлению сводных описей дел (или их очередных сводных годовых разделов) на все документы организации (отдельно постоянного и отдельно длительного сроков хранения). В парткомитетах такой работы не проводилось. Как результат, на современном этапе в составе фонда, например, Витебского обкома КПБ имеется 182 описи. В фондах райкомов и горкомов партии — от 48 до 126 описей. При этом почти половина из них — это описи «Личных дел».

Итоговая запись в описи дел парткомитета, в которой, как и в ГАС, цифрами и прописью указывалось фактическое количество дел, включенных в нее, редко отражала особенности нумерации (наличие литерных и пропущенных номеров). Да и сам процент таких особенностей был невелик. В случаях

обнаружения достаточного количества неучтенных дел за ранее описанный период они помещались в единую (новую) опись, которой присваивался очередной порядковый номер. При наличии небольшого количества дел расширялись хронологические рамки создаваемой при очередном описании описи, которые начинались годом самого раннего дела и заканчивались годом очередного описания. При отсутствии документов за какой-либо год в пределах описываемого периода хронологический раздел попросту опускался.

Описи дел горкомов—райкомов—обкомов именовались как «закрытые». Это означало, что они включают дела только за определенный хронологический период и продолжения иметь не будут. До 1971 г. документы первичных организаций также описывались по «закрытым» описям. 18 мая 1971 г. партархивам было направлено «Обзорное письмо ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС» [19, л. 120], в соответствии с которым, документальные материалы первичных организаций КПБ стали описываться с соблюдением тех же требований, которые применялись и в ГАС: по годовым разделам единой описи. Если до этого периода документы были приняты по «закрытым» описям, то теперь они должны были быть объединены в одну (т. е. переработаны), а новый прием осуществлялся по очередному годовому разделу. С этого момента описи первичных организаций стали именоваться «открытыми». При этом в них перестали делаться итоговые записи.

Еще одна особенность описания партийных документов заключается в том, что документы по личному составу парткомитетов (распоряжения, лицевые счета, ведомости на выплату зарплаты), в отличие от правил описания ГАС, включались в опись, содержащую организационно-распорядительную, справочно-информационную и т. п. документацию. Она называлась «Опись дел общего делопроизводства» [4, л. 5]. Следует все же подчеркнуть, что при систематизации дела по личному составу размещали обязательно в конце хронологического раздела.

Отнесение документов по личному составу КПБ к комплексу постоянного хранения объясняется тем, что для них правилами работы партархивов никогда не устанавливался временный срок хранения. Следует подчеркнуть, что и на современном этапе развития архивной отрасли сроки хранения дел по личному составу парткомитетов не пересмотрены. «Правила работы государственных архивов Республики Беларусь», утвержденные постановлением Белкомархива от 25 ноября 2005 № 7, установили лишь, что при переработке описей дел фондов парткомитетов новая опись составляется на каждую разновидность дел по личному составу в пределах каждого года, с сохранением особенностей их датировки [20, с. 86]. Следует подчеркнуть, что согласно уточнению, которое дано авторами правил, к составу личных дел отнесены только персональные дела, дела по приему в члены партии, личные дела номенклатурных работников. Деление их, безусловно, является обоснованным, т. к. по своему составу они существенно различаются [21, с. 72—75]. Однако

не ясно, необходимо ли применять для них 75-летний срок хранения. Кроме того, в правилах ничего не сказано о том, распространяется ли описанный выше подход на документы, служащие основанием при выдаче справок для назначения гражданам пенсии или установлении трудового стажа (распоряжения, лицевые счета, ведомости на выплату заработной платы и т. п.).

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что партархивы обкомов КПБ представляли собой, по сути, синтез ведомственного архива госучреждения и областного государственного архива. Основной их задачей являлось максимально быстрая концентрация, учет, обеспечение сохранности и использование окончанных в делопроизводстве документов парткомитетов и первичных организаций КПБ постоянного срока хранения и по личному составу. При этом различий в сроках хранения для них не делалось. Этим и можно объяснить наличие ряда особенностей в описании документов областных организаций КПБ, которые в современных условиях не отвечают действующему порядку работы госархивов. В связи с данным обстоятельством интеграция бывших партийных архивов в систему государственных архивных учреждений является неизбежным условием их функционирования.

Литература и источники

1. Буевич, Т. В. Текущие архивы местных организаций КПБ: история создания и этапы развития (1918—1991 годы) / Т. В. Буевич // Архивы и делопроизводство. — 2006. — № 2. — С. 97—98.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 71. — Оп. 6. — Д. 2. Переписка ИМЛ с областными партархивами по научно-методической работе, 1940 г.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 511-п. — Оп. 7. — Д. 24. Переписка партархива ЦК КПБ с областными партийными архивами, 1940 г.
4. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). — Ф. 2070. — Оп. 2. — Д. 2. Переписка с ИМЛ по методическим вопросам, 1945 г.
5. Там же. — Оп. 1. — Д. 11. Переписка с ИМЛ по методическим вопросам, 1966 г.
6. Основные правила работы ведомственных архивов: утверждены приказом № 263 Главархива СССР 05.09.1985. — М., 1985. — 84 с.
7. Ведомственные архивы // Словарь архивных терминов. — М.: Главное архивное управление при Совете Министров СССР, 1966. — 10 с.
8. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: ГОСТ 16487-70. — Введ. 01.01.85. — М.: Государственный комитет стандартов Совета Министров СССР. — 7 с.
9. Учреждение «Государственный архив Витебской области (ГАВО)». — Ф. 520-п. — Оп. 1. — Д. 2. Инструкции и методические указания ИМЛ и партархива ЦК КПБ, 1965 г.
10. РГАСПИ. — Ф. 71. — Оп. 6. — Д. 2. Инструкции, методические указания по работе партархивов, 1939 г.
11. НАРБ. — Ф. 511-п. — Оп. 8. — Д. 37. Переписка с ИМЛ по методическим вопросам, 1947 г.

12. ГАОМО. — Ф. 4474. — Оп. 1. — Д. 65. Переписка, указания ИМЛ о комплектовании партархивов, 1947 г.
13. НАРБ. — Ф. 4-п. — Оп. 21. — Д. 1000. Переписка с ИМЛ по методическим вопросам, 1973 г.
14. Правила работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии и институтов партии — филиалов ИМЛ при ЦК КПСС. — М.: ИМЛ при ЦК КПСС, 1980. — 106 с.
15. Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР: постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1958 г., № 914 // КонсультантПлюс. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7949;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=5B9F00925E4E210C7E23554B3DBCD173>. — Дата доступа: 25.04.2009.
16. Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и Положения о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР: постановление Совета Министров СССР от 4 апреля 1980 г., № 274 // КонсультантПлюс. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=644;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=29045A60926D44758619052CBB916093>. — Дата доступа: 25.04.2009.
17. Юдин, Г. В. Основные принципы комплектования фондов в партийных архивах. Формы инструкторской работы партархивов / Г. В. Юдин // Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива. — 1974. — № 20. — С. 10—18.
18. Правила описания документальных материалов в партийных архивах обкомов, крайкомов и ЦК Компартий союзных республик. — М., 1954. — 24 с.
19. НАРБ. — Ф. 511-п. — Оп. 8. — Д. 331. Методические указания, переписка с ИМЛ о работе партархивов, 1954 г.
20. Правила работы государственных архивов Республики Беларусь / Редкол.: В. И. Адамушко и др. — Минск: БелНИИДАД, 2006.
21. Бувевич, Т. В. Принципы комплектования архивов областных комитетов КПБ документами по учету личного состава / Т. В. Бувевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 5. — Минск: БелНИИДАД, 2004. — С. 72—83.

У. Г. Кулажанка

**ДАКУМЕНТЫ ўПАЎНАВАЖАНЫХ
САВЕТА ПА СПРАВАХ РУСКАЙ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ
ПРЫ САВЕЦЕ МІНІСТРАЎ СССР
ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ
ў БЕЛАРУСІ. 1944—1965 гг.**

Значную частку дакументальных крыніц па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі другой паловы XX ст. складаюць матэрыялы справаводства ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР (да 1946 г. Савет па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Народных Камісараў). Гісторыя гэтай дзяржаўнай структуры і сістэма яе справаводства да гэтага часу амаль не вывучаліся. Таму спачатку мэтазгодна прывесці агульную характарыстыку гісторыі стварэння Савета, разгледзець склад і структуру яго апарату, асноўныя напрамкі дзейнасці, а таксама вызначыць спецыфіку справаводства.

Ужо вясной—летам 1943 г. у кіраўніцтве СССР вызначаліся новыя падыходы адносна Рускай праваслаўнай царквы (РПЦ). Лібералізацыя дзяржаўнай палітыкі адносна царквы была выклікана патрыятычнай дзейнасцю духавенства падчас вайны, жаданнем стварыць станоўчае ўражанне аб палітыцы СССР сярод саюзнікаў, а таксама імкненнем выкарыстаць міжнародны аўтарытэт царквы ў пасляваенным уладкаванні Еўропы.

Са скасаваннем у 1938 г. Камісіі па справах культаў пры Цэнтральным Выканаўчым Камітэце СССР у краіне не існавала спецыяльнага дзяржаўнага органа, які б займаўся рэлігійнымі пытаннямі, акрамя спецыяльнага «царкоўнага» аддзела НКДБ і створанага ў 1939 г. упраўлення прапаганды і агітацыі ЦК ВКП(б). Зразумела, што падобныя структуры, дзейнасць якіх была накіравана на дэарганізацыю і ліквідацыю рэлігійных аб'яднанняў у перадваенны час, не маглі адпавядаць новым патрабаванням.

Ініцыятарам паляпшэння адносінаў з РПЦ быў сам І. В. Сталін. 4 верасня 1943 г. адбылася яго сустрэча з членам Дзяржкамтэта абароны Г. М. Малянковым, намеснікам старшыні СНК СССР Л. П. Берыя і начальнікам аддзела сакрэтна-палітычнага ўпраўлення НКДБ палкоўнікам Г. Р. Карпавым, адказным за царкоўныя пытанні. На гэтай сустрэчы Сталін прапанаваў стварыць пры СНК спецыяльны орган — Савет па справах Рускай праваслаўнай царквы і наступным чынам вызначыў яго задачы: Савет павінен ажыццяўляць сувязь паміж патрыярхам і ўрадам; Савет сам рашэнняў не прымае, а дакладае аб усім ураду і ад яго перадае дзяржаўныя рашэнні царкве; Савет не робіць прамога ўмяшальніцтва ў адміністрацыйнае, кананічнае і дагматычнае жыццё царквы і сваёй дзейнасцю падкрэслівае самастойнасць царквы, не робіць перашкод у арганізацыі семінарыяў, свечачных заводаў і г. д. [3, с. 283—285].

У той жа дзень па ініцыятыве Сталіна адбылася другая, гістарычная па сваёй значнасці сустрэча, на якой прысутнічалі іерархі РПЦ — мітрапаліты

Сергій (Страгародскі), Аляксій (Сіманскі) і Мікалай (Ярушэвіч). На сустрэчы былі агучаны найбольш балючыя і прынцыповыя праблемы РПЦ, абмеркаваны пытанні аб скліканні ў Маскве архірэйскага сабора, заснаванні пастырска-багаслоўскіх курсаў для папаўнення парадзеўшых пасля рэпрэсій шэрагаў духавенства, адкрыцці храмаў, вызваленні асуджаных святароў і інш. [4, с. 240].

Ужо праз дзесяць дзён, 14 верасня 1943 г., СНК СССР прыняў пастанову аб заснаванні Савета па справах РПЦ (ССРПЦ). Вызначаны асабіста Сталіным функцыі новага «царкоўнага» органа былі пакладзены ў аснову палажэння аб дзейнасці Савета, зацверджанага пастановай Саўнаркама ад 7 кастрычніка 1943 г. На пасаду старшыні быў прызначаны палкоўнік дзяржбяспекі Г. Р. Карпаў.

Сродкам рэалізацыі пастаўленых перад Саветам задач, адной з галоўных сярод якіх было «назіранне за правільным і своечасовым правядзеннем у жыцці на ўсёй тэрыторыі СССР законаў і пастаноў, якія адносяцца да РПЦ», Карпаў бачыў у стварэнні на месцах апаратаў упаўнаважаных. У дакладнай запісцы на імя намесніка наркама замежных спраў СССР А. Я. Вышынскага, датаванай лістападам 1943 г., ён прапанаваў увесці на месцах, пры СНК саюзных рэспублік, краёў і абласцей, інстытут упаўнаважаных па справах РПЦ (УСРПЦ). У БССР і УССР, дзе існавала найбольшая колькасць цэркваў, прапаноўвалася стварыць асобныя рэспубліканскія Саветы [6, с. 266—268]. Пасля вызвалення Беларусі на яе тэрыторыі існавалі чатыры епіскапскія кафедры: у Мінску, Брэсце, Гродне і Пінску, якія налічвалі 1044 дзеючыя праваслаўныя храмы [14].

Аднак прапанова аб стварэнні рэспубліканскіх саветаў не была падтрымана. У гэтай жа дакладнай запісцы вызначаліся і асноўныя напрамкі дзейнасці будучых упаўнаважаных. Гэта найперш ажыццяўленне сувязі з епархіяльнымі епіскапамі, разгляд пытанняў аб адкрыцці і закрыцці цэркваў, рэгістрацыя рэлігійных аб'яднанняў, улік і статыстыка, падрыхтоўка інфармацыі для Савета, практычнае прымяненне (інструкцыйных указанняў і распараджэнняў ССРПЦ), рэгістрацыя духавенства, храмаў, заключэнне дамоваў і інш.

Пастановай СНК СССР ад 18 снежня 1943 г. у краіне ўводзілася 89 штатных адзінак упаўнаважаных Савета. Прызначэнне ўпаўнаважаных па заходніх абласцях адбывалася адразу ж пасля вызвалення тэрыторыі ад акупацыі. Для БССР і УССР, а пазней і для іншых саюзных рэспублік быў сфарміраваны апарат рэспубліканскіх упаўнаважаных, якім падпарадкоўваліся ўпаўнаважаныя па абласцях.

Правы і абавязкі ўпаўнаважаных вызначала «Інструкцыя для ўпаўнаважаных ССРПЦ пры СНК СССР» ад 5 лютага 1944 г. У дзяржаўнай іерархіі рэспубліканскі ўпаўнаважаны быў роўны начальніку аддзела рэспубліканскага СНК і меў у сваім падпарадкаванні намесніка і сакратара.

Абласныя ўпаўнаважаныя мелі статус начальнікаў аддзелаў аблвыканкамаў, для работы ім павінна было прадстаўляцца асобнае памяшканне і сакратар-машыністка, што было абумоўлена сакрэтным характарам справаводства. Упаўнаважаныя мелі свой вуглавы штамп і пячатку (без герба) з указаннем пасады.

Ва ўмовах першых пасляваенных гадоў выдзяленне памяшканняў, грашовае і таварнае забеспячэнне работнікаў выконваліся не заўсёды. Ужо ў сакавіку 1946 г. штатная адзінка сакратара ў апарате ўпаўнаважаных па абласцях БССР была скасавана. Абласныя ўпаўнаважаныя вымушаны былі карыстацца паслугамі машбюро агульнай канцэлярыі аблвыканкамаў. Не хапала элементарных канцэлярыскіх прылад. Нярэдка дакументы пісаліся ад рукі, алоўкам і на кепскай паперы.

Не менш востра стаяла праблема з падборам кадраў упаўнаважаных. Дасведчаных спецыялістаў было мала. На думку Карпава, на пасады ўпаўнаважаных па заходніх абласцях неабходна было прызначаць выключна чэкістаў. Аднак асноўная частка кандыдатаў на пасаду ўпаўнаважаных па абласцях падбіралася з партыйных кадраў. У 1946 г. ўпаўнаважаны па БССР М. П. Часнакоў звяртаўся ў ЦК КП(б)Б аб неабходнасці тэрміновай замены недысцыплінаваных, малапільменных і некампетэнтных упаўнаважаных па Гродзенскай, Маладзечанскай, Гомельскай і Магілёўскай абласцях [25]. З 1950-х гг. абласныя абкамы партыі пачалі ўдзяляць падбору ўпаўнаважаных больш увагі. Кандыдаты падбіраліся з «гаспадарчай» работы, якія мелі вышэйшую ці сярэднеспецыяльную адукацыю, што палепшыла сітуацыю.

Паспяхова выконваць абавязкі таксама перашкаджалі частыя камандзіроўкі ўпаўнаважаных для кантроля за выкананнем сельскагаспадарчых і нарыхтоўчых кампаній.

Аднак найбольш сур'ёзныя складанасці на этапе арганізацыі работы ўпаўнаважаных ўзніклі з-за неўпарадкаванасці сістэмы ўнутранага справаводства. Праблемы ўзніклі з-за адсутнасці вызначанага парадку зносін Савета ў Маскве з рэспубліканскім і абласнымі ўпаўнаважанымі. Так, у пісьме ад 18 жніўня 1945 г. ўпаўнаважанага па БССР А. Д. Лабанава на імя старшыні Савета адзначалася: «За апошні час учасціліся выпадкі, калі абласныя ўпаўнаважаныя самастойна, мінуючы мяне, накіроўваюць у Савет рознага роду запыты і матэрыялы. Атрымаўшы ад вас копіі рашэнняў, я нярэдка не ведаю, аб чым ідзе гаворка» [15]. У сваю чаргу, у інфармацыйным дакладзе за 1946 г. ўпаўнаважаны па Баранавіцкай вобласці адзначаў: «Я атрымаў рэзкі папрок... за тое, што не накіраваў Савету копіі даклада за 4-ты квартал 1945 г. Між тым у інструкцыі Савета нідзе не сказана, што аблупаўнаважаныя Беларусі павінны даслаць Савету копіі сваіх справаздач. Наадварот, у Інструкцыі сказана, што «ўпаўнаважаны Савета па Беларускай ССР патрабуе ад абласных упаўнаважаных інфармацыйныя даклады, складае зводныя па рэспубліцы справаздачы і накіроўвае іх Савету пры СНК СССР» [17].

Парадак зносін упаўнаважаных пры аблвыканкамах УССР і БССР быў унармаваны новай інструкцыяй Савета ад 1946 г. Згодна з ёю ўпаўнаважаныя па абласцях УССР і БССР па ўсіх пытаннях звяртаюцца да рэспубліканскага ўпаўнаважанага, а ў асобных выпадках — непасрэдна ў Маскву [16]. На самай справе значная частка справаводства: справаздачы, запыты, дакументы па рэгістрацыі царкоўных абшчын накіроўваліся адразу на адрас Савета, і толькі копіі адсылаліся ўпаўнаважанаму па БССР і, наадварот, копіі рашэнняў Савета, якія датычылі абласных упаўнаважаных, адсылаліся ў двух экзэмплярах для рэспубліканскага і абласных упаўнаважаных, яшчэ адна копія зыходнага дакумента захоўвалася на месцы. Наяўнасць шматлікіх копіяў з’яўляецца агульнай практыкай для савецкага справаводства.

Справаводства ўпаўнаважаных Савета канчаткова было сістэматызавана і замацавана адпаведнай інструкцыяй толькі ў 1951 г., а наменклатура спраў сакрэтнага і несакрэтнага справаводства была ўведзена інструкцыйным пісьмом ССРПЦ у 1953 г. Распрацаваная наменклатура ўключала спіс найменняў спраў, якія фарміраваліся ў працэсе дзейнасці апарату ўпаўнаважаных: кіруючыя дакументы (законы, пастановы ўрада, інструкцыі і ўказанні ССРПЦ); справаздачы, даклады, статыстычныя табліцы; перапіска па розных пытаннях; дакументы па ўліку цэркваў і малітоўных дамоў; а таксама кнігі рэгістрацыі царкоўных абшчын; дакументы выканаўчых прыходскіх органаў і царкоўных служыцеляў; справы заяў і скаргаў і прынятых па іх рашэннях; справа агульнай перапіскі [10].

Практычна ўся дзейнасць Савета мела сакрэтны характар. Інструкцыямі былі вызначаны пытанні, дакументы па якіх ішлі пад грыфам «сакрэтна». Гэта датычыла перапіскі з дзяржаўнымі органамі і справаздачных дакументаў, якія складаліся з інфармацыйных квартальных справаздач, зводных статыстычных звестак аб дзеючых і нядзеючых цэрквах і малітоўных дамах, інфармацыі аб становішчы і дзейнасці Маскоўскай патрыярхіі і духавенства, стану рэлігійнасці насельніцтва і інш. [5, с. 88]. Вялікае значэнне надавалася належнаму захаванню дакументаў. Савет неаднаразова звяртаўся да ўпаўнаважаных з патрабаваннем належным чынам захоўваць дакументы, якія ўтрымліваюць сакрэтную інфармацыю.

Найбольшую цікавасць уяўляюць паквартальныя зводныя інфармацыйныя справаздачы аб дзейнасці ўпаўнаважанага, якія рыхтаваліся для ССРПЦ па рэспубліцы. Яны накіроўваліся ў Савет за месяц да канца бягучага квартала. На падставе іх, у сваю чаргу, Савет рыхтаваў інфармацыі па трох напрамках: СНК (СМ), ЦК ВКП(б) (КПСС) і НКДБ (МДБ, КДБ).

У квартальных інфармацыйных справаздачах адлюстроўваліся важнейшыя пытанні царкоўнага жыцця: агульная колькасць храмаў, рэгістрацыя новых абшчын і зніцце з уліку цэркваў і малітоўных дамоў; змены ў складзе духавенства, звесткі пра аўтарытэт святарства сярод насельніцтва; колькасць зваротаў і заяў да ўпаўнаважанага і іх змест; факты парушэння

заканадаўства аб рэлігіях з боку духавенства і вернікаў, а таксама з боку улад; дзейнасць архірэяў і благачынных, жыццё манастыроў і духоўных школ; вынікі паездак на месцы і г. д.

Савет штогод удакладняў пералік пытанняў, якія асвятляліся ў сувязі са зменамі ў дзяржаўна-царкоўных адносінах і спецыфікай царкоўнага жыцця на розных этапах. Так, у справаздачах першых пасляваенных гадоў падрабязна раскрываліся пытанні, звязаныя з наладжваннем работы ўпаўнаважаных. Адлюстраваны факты аб адкрыцці і пачатку дзейнасці Мінскай духоўнай семінарыі, прыведзены звесткі аб святарах — удзельніках партызанскага руху, патрыятычнай дзейнасці царквы, аб непадпарадкаванні асобных святароў уладзе Маскоўскага патрыярхату, дзейнасці прыходскіх брацтваў, аб арганізацыі рэпатрыяцыі праваслаўнага духавенства і вернікаў з Беларускага ваяводства Польшчы ў БССР, аб рэгістрацыі храмаў, святароў і г. д.

Для правільнага афармлення справаздачнасці Савет распрацоўваў інструкцыі і інструкцыйныя пісьмы з падрабязнымі тлумачэннямі і рэкамендацыямі. За перыяд 1944—1951 гг. упаўнаважанам было накіравана 47 сакрэтных інструкцыйных пісем [13]. Гэтыя дакументы складаліся на аснове аналізу і абагульнення інфармацыйных справаздач з улікам становага і адмоўнага вопыту работы на месцах.

Нядбайнасць пры афармленні, няпоўныя і неправераныя лічбавыя даныя нярэдка выклікалі сур’ёзную крытыку з боку Савета. Прычынай жа такога стану справаводства была адсутнасць на першапачатковым этапе ў многіх упаўнаважаных дакладнага ўяўлення аб сваіх функцыях, правах і абавязках, спосабах збору інфармацыі, рэальным становішчы царкоўных прыходаў і духавенства. Нярэдка гэта стварала блытаніну, выклікала неабходнасць дадатковых пераправерак і прадстаўлення новых даных.

Пацвярджэннем таму можа служыць пісьмо намесніка старшыні Савета С. К. Бельшава ад 19 мая 1947 г., у якім ён піша ўпаўнаважанаму па БССР В. С. Мянёкову: «У Савецце да сённяшняга дня адсутнічаюць дакладныя звесткі аб колькасці дзейючых цэркваў у Беларускай ССР. Асобныя абласныя ўпаўнаважаныя Савета (Баранавічы, Гродна, Полацк, Мазыр і Магілёў) у кожнай квартальнай справаздачы даюць розныя звесткі, а гэта значыць, што яны не ведаюць, колькі маецца дзеючых цэркваў і малітоўных дамоў» [18].

У інструкцыйным пісьме ад 9 студзеня 1947 г. Савет запатрабаваў «звярнуць галоўную ўвагу на больш дэталёвае вывучэнне працэсаў, якія адбываюцца ў жыцці царкоўных колаў, на вывучэнне кадраў духавенства, дзейнасць духоўных навучальных устаноў, становішча ў манастырах, а таксама сачыць за ажыццяўленнем савецкіх законаў» [19].

У канцы 1940-х гг. у справаздачах з’яўляюцца звесткі, якія больш дэталёва характарызуюць царкоўнае жыццё: звароты грамадзян аб адкрыцці храмаў, факты парушэння правоў веруючых з боку мясцовых улад, дзейнасць незарэгістраваных святароў, ушанаванне святых месцаў, факты «аб-

наўленны» ікон і інш. Упаўнаважаныя прыводзілі падрабязны характарыстыкі на найбольш актыўных святароў і архірэяў, цытавалі іх выказванні, перадавалі змест асабістых размоў, давалі ацэнку іх дзейнасці. Акрамя таго, справаздачы сведчаць аб асаблівай увазе ўлад да існуючых манастыроў — Жыровіцкага, Гродзенскага і Полацкага, а таксама Мінскай духоўнай семінарыі. Даюцца звесткі пра маёмасны стан, гаспадарку, апісваюцца ўмовы жыцця насельнікаў і семінарыстаў і інш.

Да квартальных справаздач прыкладаліся статыстычныя звесткі, якія афармляліся ў выглядзе табліц па ўстаноўленых формах. Форма 1 уключала звесткі аб колькасці дзеючых цэркваў, малітоўных дамоў і манастыроў (агульная колькасць, колькасць зарэгістраваных і знятых з ўліку за справаздачны перыяд, колькасць незарэгістраваных цэркваў, колькасць раёнаў, дзе цэрквы адсутнічаюць). Форма 2 уключала звесткі аб праваслаўным духавенстве. Прыводзіліся даныя аб колькасці святароў, дыяканаў і псаломшчыкаў (па гадах), час іх пасвячэння ў сан, узрост, адукацыя (духоўная і свецкая), колькасць выбыўшых і новапасвячоных святароў за справаздачны перыяд. Форма 3 мела загалолак «Аб паступіўшых хадайніцтвах па адкрыцці цэркваў і малітоўных дамоў» і ўтрымлівала інфармацыю аб месцазнаходжанні царквы, колькасці подпісаў пад заявай аб рэгістрацыі, колькасці наведванняў. У Форме 4 «Звесткі аб праваслаўных малітоўных дамах, якія знаходзяцца ў грамадскіх будынках і арандаваных у прыватных уласнікаў» прыводзіліся статыстычныя звесткі пра колькасць малітоўных дамоў, якія знаходзіліся ў грамадскіх будынках, колькасць тых, якія раней былі царкоўнымі будынкамі, колькасць дамоў, арандаваных у прыватных асоб. У Форму 5 заносіліся звесткі аб прыёме наведвальнікаў, паступленні заяў і скаргаў.

У дадатак да стандартных статыстычных звестак упаўнаважаныя нярэдка прыкладалі поўныя спісы пастаўленых на ўлік цэркваў з указаннем іх месцазнаходжання, спісы святароў з данымі аб месцы службы, узросце і адукацыі, анкеты і спісы выкладчыкаў семінарыі і навучэнцаў, што, бяспрэчна, уяўляе значную цікавасць для даследчыкаў.

Акрамя квартальных інфармацыйных справаздач, упаўнаважанымі рыхтаваліся тэматычныя інфармацыі па запыхах Савета, упаўнаважанага па БССР, ЦК рэспублікі ці абкамаў КП(б)Б. Як правіла, яны афармляліся ў выглядзе даведкі, дакладной запіскі ці інфармацыі. Звычайна запыхы датчылі звестак пра колькасць і становішча манастыроў, храмаў, духавенства і веруючых. Таксама рабіліся запыхы аб святарах, царкоўнаслужыцелях і членах царкоўнай дваццаткі, якія былі на акупіраванай тэрыторыі або мелі судзімасць, а таксама пра адносіны духавенства да кампаніі па калектывізацыі, да канфіскацыі храмаў пад культурна-адукацыйныя ці гаспадарчыя мэты і г. д.

З канца 1940-х — пачатку 50-х гг. рэгулярнай практыкай стала прадстаўленне для партыйных органаў абласцей і рэспублікі інфармацыі ідэала-

гічнага характару — аб рэлігійнай свядомасці насельніцтва, правядзенні буйных рэлігійных свят, ушанаванні мясцовых святыняў і г. д.

Збор падобнай інфармацыі ствараў для ўпаўнаважаных сур'езныя цяжкасці. Саветам рэкамендавалася выкарыстоўваць асабістыя назіранні пры размовах з наведвальнікамі, аналізаваць заявы веручых, даныя фінансавых органаў аб падатках і дэкларацыі аб даходах духавенства [11]. На практыцы для атрымання неабходных звестак упаўнаважаныя звычайна рабілі запыхы ў райвыканкамы ці напрамую да благачынных і прыходскіх святароў, хоць Савет катэгарычна забараняў афіцыйна звяртацца за інфармацыяй да духавенства і нават весці з імі афіцыйную перапіску.

Для сістэматызацыі і назапашвання справаздачна-інфармацыйных матэрыялаў упаўнаважаныя павінны былі весці «Дзённікі работы ўпаўнаважанага», дзе вяліся запісы аб гутарках з епіскапам, святарамі і іншымі наведвальнікамі, даваўся аналіз становішча цэркваў і духавенства, акрамя таго, фіксаваліся вынікі паездак на месцы, выкананне даручэнняў кіраўніцтва і г. д. [9].

Напрыклад, у інфармацыйнай справаздачы па Брэсцкай вобласці за 1946 г., складзенай упаўнаважаным па выніках асабістых размоў са святарамі і благачынным у раздзеле «Аб росце рэлігійнасці ў вобласці», прыведзены канкрэтныя паказчыкі стану рэлігійнасці: «Праваслаўныя цэрквы ў Брэсцкай вобласці абапіраюцца ў сваёй дзейнасці на пяцітысячны актыў зазнавальнікаў-царкоўнікаў, з якіх 500 чалавек — моладзь. ... Рэлігійны абрад «Пасхі» ў Брэсце ператварыўся ў шматлюднае свята. Для прычасця ў дзвюх цэрквах горада веруючыя прывялі звыш 450 чалавек дзяцей да 7—8-гадовага ўзросту. ... Наведванне храмаў высокае. Калі ў 6 благачынных у 1941 г. наведвалі царкву 40% веруючых, то ў 1946 г. працэнт узрос да 56. Акрамя таго, у Брэсце на кожны 100 памерлых прыпадае 93 пахаванні паводле рэлігійнага абраду, а на кожны 100 народжаных — 57 хрышчэнняў» [24].

Той факт, што колькасць веруючых не памяншалася, выклікаў раздражненне ў кіраўніцтва. Гэта адбівалася на рабоце ўпаўнаважаных. Нярэдка ўпаўнаважаныя пры зборы інфармацыі ішлі на грубае парушэнне ўказанняў Савета. Так, у пастанове Савета па выніках праверкі работы ўпаўнаважанага па БССР В. С. Мянкова за 1947—1948 гг. адзначалася, што апошні «... выказаў патрабаванне архіепіскапу Мінскаму і Беларускаму Піцірыму аб абавязковай рэгістрацыі здзяйсняемых абрадаў хрышчэння, вячання, адпявання памерлых...», і далей: «асабліва недапушчальным Савет лічыць факты, калі некаторыя ўпаўнаважаныя і прадстаўнікі ўлад (Бабруйск) бралі ў духавенства царкоўныя запісы аб асобах, якія здзяйснялі тыя ці іншыя царкоўныя абрады, нават праводзілі з гэтай мэтай вобьскі дома ў святара (Докшыцкі р-н Полацкай вобл.)» [12].

На той момант падобныя парушэнні сталі прычынай звальнення ўпаўнаважаных па Бабруйскай, Гомельскай і Палескай абласцях. Аднак з цягам часу непасрэдна кантроль за правядзеннем абрадаў і асобамі, якія ў іх

удзельнічалі, быў узаконены. З 1962 г. у кожнай царкве была заведзена «Кніга ўліку абраднасці», да якой без перашкод маглі звяртацца ўпаўнаважаныя і мясцовыя ўлады.

Удакладненне статыстычных даных стала магчымым дзякуючы правядзенню ў 1945—1947 гг. кампаніі па рэгістрацыі царкваў, малітоўных дамоў і іншых будынкаў, занятых пад царкоўныя патрэбы. У адпаведнасці з пастановай СНК ад 23.08.1945 г. «Аб праваслаўных царквах і манастырах» царкоўным арганізацыям прадстаўлялася права выкарыстання (арэнды) і валодання (будуўніцтва і набыцця) царкоўнага будынка. Але яны не атрымалі права юрыдычнага распараджэння будынкам у адпаведнасці з палажэннем Дэкрэта СНК ад 23.01.1918 г. «Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад дзяржавы», згодна з якім уся царкоўная маёмасць аб'яўлялася нацыяналізаванай і магла перадавацца ў бестэрміновае карыстанне царкоўнаму прыходу. Згодна з Інструкцыяй для ўпаўнаважаных ССРПЦ ад 05.02.1944 г. на ўсе дзеючыя царквы, капліцы і малітоўныя дамы, пры наяўнасці царкоўнай абшчыны, ўпаўнаважанымі па абласцях заводзіліся рэгістрацыйныя справы.

Царкоўная абшчына магла быць зарэгістравана пасля падачы адпаведнай заявы, падпісанай не менш, як дваццаццю паўналетнімі вернікамі дадзенага прыхода, не пазбаўленымі выбарчых правоў, з указаннем іх узросту, месца жыхарства і прафесіі. Акрамя таго, ўпаўнаважанаму прад'яўляўся ўказ правячага архірэя аб прызначэнні на прыход святара, зацверджаны старшынёй райвыканкама, запоўненая тыпавая анкета на служачага рэлігійнага культу (на бланку), спіс царкоўнаслужыцеляў (псаломшчык, стараста), спіс членаў царкоўнага савета, даведка аб тэхнічным стане будынка, акт санінспекцыі аб санітарным стане будынка, адбітак царкоўнай пячаткі, даведка аб пажарным стане, інвентарны вопіс будынка і царкоўнай маёмасці (царкоўныя прылады, аблачэнне, іконы, званы і інш.) з указаннем іх колькасці і кошту. Часам прыкладаўся фотаздымак царкоўнага будынка. Усе даныя ўпаўнаважаныя павінны былі правяраць на месцах або па запытах у райвыканкамах.

Працэдура рэгістрацыі царкваў выклікала незадавальненне сярод насельніцтва, асабліва ў заходніх абласцях, у сувязі з неабходнасцю прадстаўляць уладам складзеныя па форме спісы вернікаў і інвентарныя вопісы царкоўнай маёмасці. Па меркаванні некаторых, яны маглі быць выкарыстаны ўладамі для адміністрацыйнага ўціску ці нават высылкі, абкладання падаткамі і канфіскацыі царкоўнай маёмасці. У інфармацыйным дакладзе за 1945 г. ўпаўнаважаны па БССР А. Д. Лабанаў прызнаваў, што распаўсюджванню падобных чутак часткова садзейнічалі выпадкі грубых дзеянняў на месцах з боку райвыканкамаў [20].

Калі сабраныя дакументы адпавядалі ўсім патрабаванням, з царкоўнай абшчынай заключалася тыпавая дамова на арэнду будынка, якая падпісвалася старшынёй райвыканкама, святаром, членамі царкоўнага савета і прыхаджанамі (царкоўнай дваццаткай). Да дамовы прыкладаўся спіс членаў

дваццаткі з указаннем прозвішча, імя, імя па бацьку, года нараджэння, пасады і месца жыхарства, а таксама звестак пра знаходжанне на часова акупіраванай тэрыторыі і аб судзімасцях.

Акрамя рэгістрацыйнай справы, на ўсе царквы і малітоўныя дамы запаняліся ўліковыя карткі, якія дасылаліся для адпаведных картатэк у Савет і ўпаўнаважанаму па рэспубліцы. У картках фіксаваліся назва, месцазнаходжанне, стан будынка і час пабудовы, колькасць прыхаджан, адлегласць да бліжэйшай царквы, перыядычнасці службаў і інш.

Адначасова ўпаўнаважанымі праводзілася рэгістрацыя праваслаўнага духавенства для стварэння сістэмы ўліку і кантролю за яго перамяшчэннямі. Святары рэгістраваліся пасля прадстаўлення ўказа правячага архірэя РПЦ аб прызначэнні на прыход, аўтабіяграфіі і тыпавай анкеты на служачага рэлігійнага культу.

Немалая цяжкасць стварала адсутнасць у многіх святароў у першыя пасляваенныя гады адпаведных загадаў аб прызначэнні. Так, у інфармацыйным дакладзе ад 1 красавіка 1945 г. ўпаўнаважанага па Брэсцкай вобласці адзначалася, што духавенства былой украінскай аўтакефаліі пры рэгістрацыі абвяшчае сябе прыхільнікам РПЦ [22], аднак «значная частка святароў вобласці (каля 60 з 102) пры рэгістрацыі прад'яўляюць загады аб сваім прызначэнні ад былых епіскапаў пры польскай уладзе ці нямецкай акупацыі» [23].

Некаторыя святары, якія атрымалі загады аб прызначэнні на прыходы ад абнаўленчых епіскапаў або пры польскай уладзе і нямецкай акупацыі, не спышаліся прызнаваць уладу Маскоўскага патрыярхату. У інфармацыйным дакладзе па Гомельскай вобласці за I кв. 1946 г. ўпаўнаважаны паведамляе пра восем святароў, якія адмовіліся прайсці рэгістрацыю: «У асноўным гэта манахі, рукапаложаныя ў гады вайны, супраціўляюцца ў падпарадкаванні Маскоўскаму патрыярху» [26]. У Баранавіцкай вобласці настаецца Карэліцкай царквы Душук, дзейнасць якога ўпаўнаважаным была ацэнена як «антысавецкая», — «больш за год не прызнаваў Маскоўскага патрыярха і ў малітвах памінаў архірэяў Польскай праваслаўнай аўтакефаліі» [27]. Для дзяржаўных органаў такія святары з'яўляліся нелегітымнымі, таму мясцовым адміністрацыйным органам прадпісвалася «пры з'яўленні ўказаных асоб рашуча супрацьдзейнічаць ажыццяўленню рэлігійных абрадаў і прымаць меры па выдаленню іх з вобласці» [27]. Большасць з гэтых святароў пад удзеяннем мясцовай адміністрацыі і пасля вынясення папярэджання ці забароны на служэнне ад царкоўных улад урэшце падпарадкаваліся Маскоўскай патрыярхіі.

На аснове атрыманых рэгістрацыйных дакументаў для пастаянна дзеючай картатэкі па ўліку духавенства РПЦ, якая вялася ў Савеці і апарце УСРПЦ па БССР, абласным ўпаўнаважаным запаняліся ўліковыя карткі, дзе фіксаваліся наступныя звесткі: прозвішча, імя, імя па бацьку, дата і месца нараджэння, месца цяперашняй службы, свецкая і духоўная адукацыя, дата і месца рукапалажэння ў сан, па якіх артыкулах і на які тэрмін быў асуджаны,

ці знаходзіўся на акупіраванай тэрыторыі. На адваротным баку карткі прыводзіўся паслужны спіс святара ад пачатку працоўнай дзейнасці [8].

Асабліва ўвага ўпаўнаважаных была накіравана на збор інфармацыі аб дзейнасці манастыроў і Мінскай духоўнай семінарыі (МДС). На манахаў, паслушнікаў і выкладчыкаў МДС таксама заводзіліся адпаведныя асабовыя справы (анкета, аўтабіяграфія, фотаздымак). Таксама ўпаўнаважанаму прадстаўлялася тыпавая анкета на семінарыстаў (на бланку) з фотаздымкам, якая ўтрымлівала звесткі аб месцы нараджэння, сацыяльным паходжанні, прафесіі і апошнім месцы працы, адукацыі, сямейным становішчы, вайскай службе, судзімасцях [29]. Акрамя таго, ўпаўнаважаным дасылаліся пратаколы пасяджэнняў педагагічнага савета МДС, расклады заняткаў, справаздачы аб буйных мерапрыемствах.

Акрамя кантралюючых функцый, у першыя пасляваенныя гады ўпаўнаважаныя нярэдка аказвалі канкрэтную дапамогу царкоўным уладам па многіх гаспадарчых і арганізацыйных пытаннях. Гэта датычыла выдзялення памяшканняў, транспарту, паліва, харчовага забеспячэння. У многіх выпадках яны прадухілялі парушэнні заканадаўства з боку мясцовых органаў улады.

Аднак у аснове рэлігійнай палітыкі дзяржавы ўсё ж пераважаў «прагматычны» падыход. Выкарыстоўваючы пазітыўны «імідж» царквы для кансалідацыі грамадства ў цяжкія пасляваенныя часы і аўтарытэт царквы ў міжнароднай палітыцы, улады дазвалялі весці рэлігійнае жыццё толькі на «аптымальна дастатковым» узроўні. Такія адносіны ўлады да царкоўных абшчын прасочваюцца па заходах вернікаў на вяртанне канфіскаваных царкоўных будынкаў і аб будаўніцтве новых храмаў.

У 1920—30-я гг. многія закрытыя на тэрыторыі БССР царквы былі пераабсталяваны ўладамі пад гаспадарчыя і грамадска-культурныя патрэбы. Падчас вайны такія будынкі нярэдка займаліся вернікамі, а пасля вызвалення многія з іх былі канфіскаваны мясцовымі ўладамі.

Канфіскацыя храмавых будынкаў, якая нярэдка прымала характар масавых кампаній, выклікала пратэсты сярод вернікаў. Так, у дакладзе Сталіну 24 лістапада 1949 г. старшыня Савета Г. Р. Карпаў адзначаў, што «канфіскацыя прайшла арганізавана і спакойна, аднак у асобных выпадках мелі месца грубасць, паспешнасць і самачынныя дзеянні, у выніку чаго веруючыя збіралі подпісы і звярталіся ў Савет і іншыя цэнтральныя ўрадавыя органы са скаргамі на канфіскацыю будынкаў і грубыя дзеянні. Так, напрыклад, у Гомельскай вобласці за 1948—1949 гг. аблвыканкам і райвыканкамы прынялі рашэнні аб канфіскацыі 39 будынкаў, што складае 60% у адносінах да ўсіх дзеючых царкваў і малітоўных дамоў вобласці. Савет даў сваю згоду толькі ў 16 выпадках...» [1, с. 20—21].

Напрыклад, на 1945 г. з 14 паступіўшых заяў на закрыццё царкоўных будынкаў толькі два выпадкі прыстасавання царкваў пад калгасныя зернясховішчы ў Гомельскай і Палескай абласцях былі прызнаны грубым пару-

шэннем заканадаўства, і царквы былі вернуты веруючым [21]. Рашэнні аб канфіскацыі звычайна прымалі рай- ці аблвыканкамы, нярэдка без згоды Савета. Як паведамляў у 1949 г. ўпаўнаважаны па Гомельскай вобласці, «кіраўніцтва раёнаў жадаюць увогуле пазбавіцца ад царкваў, так як гэта з'яўляецца злом і падчас уборкі зрывае работы», і далей: «у населеных пунктах, дзе ёсць малітоўныя дамы, няма кінаатраў, клубаў і ў канфіскаваных будынках яны будуць арганізаваны» [7]. У 1956 г. ўпаўнаважаны ўжо быў незапакоены, што восем былых царкоўных будынкаў, канфіскаваных па вобласці ў 1948—1949 гг. пад культурна-асветніцкія мэты і бальніцу, выкарыстоўваюцца як зернясховішчы, што выклікае пратэсты сярод веруючых [28].

Згодна з пастановай СНК «Аб праваслаўных царквах...» ад 23 жніўня 1945 г. закрыццё царквы магло быць здзейснена толькі са згоды ССРПЗ з улікам аддаленасці населенага пункта ад іншых царкваў, перыядычнасці службаў, акрамя таго, вернікам павінна было прапанавана іншае памяшканне.

Перапіска ўпаўнаважаных з Саветам, рай- і аблвыканкамамі, вернікамі па пытаннях канфіскацыі і адкрыцця новых храмаў складала надзвычай змястоўную па інфармацыйным напавенні групу дакументаў па гісторыі царкоўнага жыцця ў першыя пасляваенныя гады. Савет і яго ўпаўнаважаныя нярэдка становіліся на бок вернікаў і змагаліся за захаванне законнасці, што сведчыць пра іх дастаткова незалежнае становішча ў адносінах да партыйных і мясцовых савецкіх органаў улады ў той перыяд.

Аднак узаемаадносіны паміж дзяржавай і Праваслаўнай царквой усё ж насілі суярэчлівы характар. Прадставіўшы царкве пэўныя правы, дзяржава захавала не толькі кантроль над усімі праявамі царкоўнага жыцця, але няўхільна імкнулася не дапусціць яго ўнутраны рост. З канца 1940-х і ў пачатку 1950-х гг. пачаўся новы перыяд дзяржаўна-царкоўных адносін, фармальна замацаваны пастановай ЦК КПСС ад 7 ліпеня 1954 г. «Аб буйных недахопах у навукова-асветніцкай прапагандзе і мерах яе паляпшэння». У ёй фактычна пераглядалася і асуджалася як прымірэнчая ранейшая палітыка ў «царкоўным пытанні», прапаноўвалася зноў вярнуцца да даваенных адносін з царквой. Пастановай Савета Міністраў СССР ад 16 кастрычніка 1958 г. «Аб манастырах у СССР» было дадзена ўказанне не толькі скараціць памер зямлі, якая знаходзілася ў карыстанні праваслаўных манастыроў, але пачаць працэс іх ліквідацыі. На падрыў эканамічнага стану царквы была скіравана і пастанова Савета Міністраў СССР ад 16 кастрычніка 1958 г. «Аб падаткаабкладанні даходаў епархіяльных упраўленняў...». У 1960 г. у Беларусі спынілі сваю дзейнасць два манастыры: Полацкі і Гродзенскі. Разам з тым у 1950—1951 гг. органы дзяржаўнага ахоранення арыштавалі серыю арыштаў найбольш актыўных свяшчэннаслужыцеляў Беларусі [2, с. 25—79]. Святары, якія супраціўляліся беззаконню, пазбаўляліся ўпаўнаважанымі рэгістрацыйных даведак і права на служэнне. Да 1953 г. колькасць дзеючых праваслаўных царкваў у Беларусі скарацілася да 957. У іх служылі 724 святары і 58 дьяканаў [30].

Пасля 1958 г. дастаткова роўныя дзяржаўна-царкоўныя адносіны першага пасляваеннага дзесяцігоддзя сталі паступова пагаршацца. У партыйных колах наспявала ўпэўненасць у магчымасці хуткай пабудовы камуністычнага грамадства і любыя ідэалагічныя альтэрнатывы, у тым ліку рэлігійныя, былі недапушчальнымі [4, с. 359.]. У гэты час назіраецца зварот да метадаў адміністрацыйнай барацьбы з рэлігіяй, актывізацыя атэістычнай прапаганды, закрыццё цэркваў, прыходаў, манастыроў, судовыя працэсы па рэлігійных матывах. Асаблівасцю перыяду было адкрыццё ўмяшальніцтва ўлады ва ўнутрыцаркоўнае жыццё, парушэнне ўкладу прыходскага жыцця. У гэты перыяд сфарміравалася ўсеабадымная сістэма кантролю за дзейнасцю царквы зверху да нізу.

Змены дзяржаўнай палітыкі адносна царквы ў 1950-х—1960-я гг. прывялі да змен інфармацыйнай складаючай справаздачных дакументаў УСРПЦ. У квартальных справаздачах больш увагі надавалася фінансаваму становішчу духавенства і прыходаў, а таксама адносінам насельніцтва да царквы, прыводзіліся факты актыўнасці пры правядзенні вялікіх рэлігійных свят, удзелу моладзі ў царкоўным жыцці, звярталася ўвага на змест царкоўных пропаведзяў, працягласць царкоўных службаў, іх уплыў на веруючых, давалася ацэнка дзейнасці духавенства і царкоўнага актыву, фіксаваліся факты наведвання цэркваў камсамольцамі і членамі партыі і г. д.

Разам са зменай асноўных функцый і задач дзейнасці Савета і яго ўпаўнаважаных паступова былі страчаны магчымасці гэтых структур уплываць на прыняцце рашэнняў па рэлігійных пытаннях, зніжаўся і іх статус у дзяржаўнай іерархіі. У выніку пастановай Савета Міністраў СССР ад 8 снежня 1965 г. Савет па справах РПЦ і Савет па справах рэлігійных культаў былі аб'яднаны ў Савет па справах рэлігій. Новая структура мела значна меншыя магчымасці ў параўнанні з Саветаў 1940—1950-х гг.

Такім чынам, дзейнасць Савета па справах РПЦ не можа быць ацэнена адназначна, яе характар мяняўся ў залежнасці ад афіцыйнай палітыкі партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва адносна РПЦ. З аднаго боку, Савет адыграў пэўную ролю ў наладжванні афіцыйных кантактаў паміж органамі дзяржаўнай улады і царквой. Дзейнасць Савета і яго ўпаўнаважаных пры ўсёй абмежаванасці ў першыя пасляваенныя гады дазваляла вернікам і прадстаўнікам царквы адкрыта заяўляць аб сваіх правах на абвешчаную рэлігійную свабоду. Аднак у канцы 1950-х і ў 1960-я гг. інстытут упаўнаважаных стаў інструментам жорсткага кантролю і сродкам канчатковага выпяцнення царквы са сферы грамадскага жыцця і яе паступовай ліквідацыі.

Фонды ўпаўнаважаных ССРПЦ сёння захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (Фонд № 951, 231 адз. зах., 1944—1965), а таксама ў абласных і занальных дзяржаўных архівах Беларусі: Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці (Фонд № 1482, 88 адз. зах., 1944—1965), Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці (Фонд № 4131, 50 адз. зах., 1944—1965), Дзяр-

жаўным архіве Гомельскай вобласці (Фонд № 3441, 92 адз. зах., 1947—1964), Дзяржаўным архіве Гродзенскай вобласці (Фонд № 478, 750 адз. зах., 1944—1966), Дзяржаўным архіве Мінскай вобласці (Фонд № 3196, 127 адз. зах., 1945—1965), Дзяржаўным архіве Магілёўскай вобласці (Фонд № 765, 75 адз. зах., 1944—1965), Занальным дзяржаўным архіве ў г. Баранавічы (Фонд № 477, 20 адз. зах., 1944—1953), Бабруйскім занальным дзяржаўным архіве (Фонд № 1194, 33 адз. зах., 1945—1954), Занальным дзяржаўным архіве ў г. Маладзечна (Фонд № 896, 72 адз. зах., 1945—1960), Занальным дзяржаўным архіве ў г. Пінску (Фонд № 679, 48 адз. зах., 1944—1954), Занальным дзяржаўным архіве ў г. Полацку (Фонд № 1221, 16 адз. зах., 1944—1954). Дакументы прыведзеных архіўных фондаў даюць даследчыку шырокі інфармацыйны матэрыял для даследавання гісторыі адносін царквы і дзяржавы перыяду пасляваенных гадоў. Вывучэнне гэтых дакументаў дае магчымасць выявіць асаблівасці наладжвання як царкоўнага жыцця, так і змены ў дзяржаўнай палітыцы, прасачыць працэсы рэарганізацыі і ўладкавання царкоўнага жыцця ў новых умовах існавання.

На падставе справаводных дакументаў упаўнаважаных можна зрабіць высновы, што ў першыя пасляваенныя гады пры цэрквах удавалася захоўваць раней створаныя формы прыходскага жыцця. Працягвалі існаваць брацтвы і сястрынствы (у заходніх абласцях), у прыходах выкладаўся Закон Божы, адбываліся хрэсныя ходы, вялікія хрысціянскія святыя насілі масавы характар.

Характар справаводных матэрыялаў упаўнаважаных з 1948 г. сведчыць аб паступовай змене дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да царквы. Гэта можна прасачыць найперш на прыкладзе прыпынення працэсу рэгістрацыі і адкрыцця новых цэркваў, а таксама праз стварэнне новых форм абмежаванняў і кантролю над дзейнасцю духавенства і вернікаў.

Улічваючы значны інфармацыйны патэнцыял дадзенага комплексу крыніц па вывучэнні гісторыі праваслаўнага духавенства, храмаў, манастыроў, духоўных школ у Беларусі ў 1940—60-я гг., мэтазгоднымі сталі б падрыхтоўка і выданне тэматычных зборнікаў дакументаў і ўвядзенне ў навуковае выкарыстанне новых масіваў дакументаў.

Літаратура і крыніцы

1. Дамаскин (Орловский), игумен. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // Реутов православный. Духовное обозрение, № 1, февраль, 2003. Реутов: Казанский храм. 2003. С. 19—33.
2. Кривонос Федор, свящ. Синодик за веру и Церковь Христову пострадавших в Минской епархии (1918—1951). Киевц, 1996.
3. Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994. 334 с.
4. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. 423 с.
5. Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943—1947 гг.: особенности формирования и деятельности аппарата //

- Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939—1958 (Дискуссионные аспекты). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 69—99.
6. Докладная записка Г. Г. Карпова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому об организации аппарата уполномоченных по делам РПЦ // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939—1958 (Дискуссионные аспекты). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 266—268.
  7. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці. Ф. 3441. Воп. 1. Адз. зах. 2. Л. 12.
  8. Там жа. Адз. зах. 11. Л. 1—5.
  9. Там жа. Л. 11.
  10. Там жа. Л. 12—14.
  11. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. Ф. 478. Воп. 2. Адз. зах. 7. Л. 1.
  12. Там жа. Л. 6—7.
  13. Там жа. Адз. зах. 13. Л. 12—13.
  14. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4. Воп. 62. Адз. зах. 162. Л. 131—132.
  15. Там жа. Ф. 951. Воп. 1. Адз. зах. 1. Л. 85.
  16. Там жа. Л. 86.
  17. Там жа. Адз. зах. 4. Л. 11.
  18. Там жа. Адз. зах. 9. Л. 22.
  19. Там жа. Адз. зах. 13. Л. 83.
  20. Там жа. Воп. 2. Адз. зах. 2. Л. 17.
  21. Там жа. Л. 19.
  22. Там жа. Л. 98.
  23. Там жа. Л. 116.
  24. Там жа. Адз. зах. 5. Л. 55—56.
  25. Там жа. Л. 60.
  26. Там жа. Адз. зах. 6. Л. 6.
  27. Там жа. Адз. зах. 8. Л. 27.
  28. Там жа. Воп. 3. Адз. зах. 1. Л. 138—139.
  29. Там жа. Адз. зах. 3. Л. 92.
  30. Архіў Мінскага епархіяльнага ўпраўлення. Ф. 1. Воп. 1. Адз. зах. 34. Л. 12—22.

В. М. Мамох

ДОКУМЕНТЫ ФОНДА МИНСКОГО РАДИОКОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ 1941—1944 гг.

До настоящего времени деятельность немецких структур радиовещания в оккупированной Беларуси в 1941—1944 гг. не изучалась как самостоятельный элемент нацистской пропагандистской машины. Как правило, о радиопропаганде лишь упоминалось в контексте общего анализа оккупационного режима.

Тем не менее вопросы немецкого радиовещания на территории Остланда в 1941—1944 гг. освещались в научных статьях историков государств Балтийского региона (в частности, Латвии) [1]. Этому способствовало наличие богатого материала о деятельности группы радиостанций «Остланд», отложившегося в латвийских архивах, так как Рига была центром Рейхскомиссариата Остланд и сети радиовещания на его территории.

В 1990-е гг. были опубликованы отдельные работы, посвященные белорусской оккупационной прессе [2], пропагандистской деятельности немецких оккупационных властей [3; 4], противостоянию немецкой и советской пропаганды на территории Беларуси [5], представляющие интерес в плане затронутой нами тематики. В работах А. А. Мигуновой и Г. А. Болсун были рассмотрены некоторые аспекты немецкого радиовещания в оккупированной Беларуси.

Из отечественных историков наибольшее внимание данной теме уделила А. А. Мигунова [4]. Но в ее работе имеется весьма существенный пробел — изучая деятельность немецкой пропаганды (в том числе и радиопропаганды) в Генеральном округе Беларусь, А. А. Мигунова опиралась только на материалы Национального архива Республики Беларусь. Но в фондах НАРБ представлены преимущественно документы об организации и деятельности радиосети в Восточной Беларуси — в тыловом районе группы армий «Центр», но не в Генеральном округе Беларусь. Хотя в указанной работе использовались и некоторые фонды Государственного архива Минской области (ГАМО), фонд 643 «Минский радиокomiteт», имеющий непосредственное отношение к теме немецкой пропаганды в Генеральном округе Беларусь, А. А. Мигуновой не изучался.

Между тем этот фонд является одним из уникальных собраний документов периода немецкой оккупации 1941—1944 гг. Это единственный фонд в белорусских архивах, в котором собраны документы учреждения, непосредственно занимавшегося организацией радиовещания на территории оккупированной Беларуси в 1941—1944 гг. — краевой радиостанции «Минск» (Landessender Minsk).

Фонд был передан в ГАМО в 1951 г. До этого он хранился в Управлении МВД по Минской области, где числился под номером 40-С и разрабо-

тывался на предмет выявления лиц, сотрудничавших с немцами [6, л. 1]. В 1991 г. фонд был рассекречен. Всего в нем насчитывается 42 дела в двух описях. Научно-техническая обработка фонда не проводилась, поэтому исторической справки к нему нет, дела сформированы и систематизированы произвольно. В опись 2 были включены три дела, обнаруженные во время различных перемещений архивного фонда и не учтенные в описи 1. Описи не отражают организационную структуру Минского радиокомитета и типологию его документов.

Следует отметить, что название «Минский радиокомитет», очевидно, было присвоено фонду во второй половине 1940-х гг. с использованием терминологии, принятой в Советском Союзе. Это название не соответствует ни характеру документов, отложившихся в фонде, ни статусу фондообразователя, ни организационной структуре немецкого радиовещания на оккупированных территориях СССР. По мнению автора, фонду 643 следовало бы дать название «Краевая радиостанция «Минск» (Landessender Minsk) группы радиостанций «Остланд» (Sendergruppe Ostland)» или просто «Радиостанция «Минск».

Следует отметить, что в документах фонда термин «радиокомитет» встречается всего несколько раз, и только в неофициальной русско- или белорусскоязычной документации — квитанциях на получение продуктов из магазинов и складов Минска, в переписке по хозяйственным вопросам [7, л. 111; 8, л. 63; 9, л. 12]. В немецкоязычных документах этот термин не встречается ни разу — Минская радиостанция называется всегда Landessender Minsk или LS Minsk. Автор полагает, что термин «радиокомитет» использовался в неофициальной русско- и белорусскоязычной переписке по советской традиции, тем более что в Минске до войны существовал Минский радиокомитет при СНК БССР, который находился по адресу ул. Революционная, 3. В период оккупации это же здание, но с новым адресом — Kirchenstrasse, 3 — занимала радиостанция «Минск», что подтверждают бланки документов радиостанции [10, л. 1].

В справочнике «Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах», изданном в 2003 г., фонд 643 ГАМО называется «Радиокомитет при Минском городском комиссариате» [11, с. 203]. Это название, по мнению автора, также ошибочно. Радиостанция «Минск» не была подчинена городским властям, как и прочие радиостанции Остланда. Руководитель радиостанции «Минск» входил на правах референта по радио в отдел пропаганды Генерального комиссариата Беларуси [12, с. 28].

Структура немецкой радиовещательной сети на оккупированной территории Беларуси отражена в статьях руководителя группы радиостанций «Остланд» Ханса Криглера, опубликованных в журнале «Мировое радиовещание» («Welt-Rundfunk») в 1942 г. [13] и «Ежемесячнике рейхскомиссара Остланда» («Monatsschrift des Reichskommissars für das Ostland») в

1943 г. [12] (ранее Х. Криглер был руководителем отдела радио в Имперском министерстве пропаганды и президентом Имперской палаты радио).

Организация радиовещания в Рейхскомиссариате Остланд была связана с его административным делением. На начало 1943 г. на территории Прибалтики и Беларуси действовали следующие радиостанции, объединенные в «Группу радиостанций Остланд» — Sendergruppe Ostland [12, с. 27—28]:

	Волна, м	Частота, кГц	Мощность, кВт
Riga	238,4	1258	15
Modohn (Мадона)	514,6	583	50
Goldingen (Кулдига)	271,7	1104	50
Libau (Лиепая)	209,9	1429	1
Kauen (Каунас)	1961	153	7
Wilna	560	536	50
Minsk	1442	208	35
Baranowitschi	577	520	50
Reval (Таллинн)	410	1348	1
Dorpat (Гарту)	586	514	1
Turgel (Тюри)	222,5	731	20

Радиостанции в столицах генеральных комиссариатов — Каунасе, Минске и Таллинне — имели статус Landessender («краевых радиостанций»). Радиостанция в столице Остланда Риге имела статус «главной радиостанции» (Hauptsender). Вся группа радиостанций «Остланд» входила в состав Имперского радиовещания (Reichs-Rundfunk G.m.b.H.) вместе с радиостанциями протектората Богемия и Моравия, Польского генерал-губернаторства и Финляндии [13]. Структура группы радиостанций «Остланд» даже отображалась на бланках этого учреждения, сохранившихся в документах фонда 643 [14, л. 7].

Главные и краевые радиостанции, в том числе и Минская, имели право формировать свою собственную программу вещания. Все остальные должны были работать только в качестве ретрансляторов, передавая в эфир записи программ, получаемые из центра своего генерального округа. Минской радиостанции были формально подчинены радиостанции в Барановичах и Смоленске. Однако из-за отсутствия проводной связи между большинством радиостанций Остланда и невозможности организации централизованного радиовещания всем радиостанциям приходилось составлять свою программу вещания самостоятельно (по крайней мере, по состоянию на начало 1942 г.) [13].

Практически повсеместно немцы использовали неповрежденные здания и радиостановки советских радиостанций. Исключение составили Таллинн и Тюри, где радиостановки были взорваны советскими войсками при отступлении. Сначала радиостанции подчинялись отделу пропаганды при Главнокомандующем вермахта в Остланде (Wehrmachtbefehlshaber Ostland), но после создания Рейхскомиссариата Остланд все радиостанции, находящиеся на его территории, были переданы гражданской администрации оккупированных территорий. 9 ноября 1941 г. под гражданское управление перешла и радиостанция «Минск». Причем была скопирована германская система организации радиовещания: непосредственно передающие установки (излучатели) были подчинены Имперской почте (Reichspost), а студии радиостанций со всей техникой и персоналом подчинялись Имперскому радиовещанию (Reichs-Rundfunk G.m.b.H.) [12, с. 28].

Но радиостанции, находившиеся в Восточной Беларуси, в зоне управления военной администрации тыловой зоны группы армий «Центр», действовали отдельно. Центральной в этом регионе была радиостанция в Смоленске (первоначально входившая в «Группу радиостанций «Остланд»), с лета 1942 г. носившая название «Голос народа» [4, л. 27]. В ноябре 1942 г. в связи с осложнившейся военной обстановкой эта радиостанция была переведена из Смоленска в Могилев.

Руководитель группы радиостанций «Остланд» входил в отдел пропаганды при Рейхскомиссариате Остланд как референт по радиовещанию [13], соответственно, руководители краевых радиостанций (Landessender) были референтами пропаганды генеральных округов. На территории Генерального округа Беларусь пропагандистская работа находилась в ведении главного отдела политики генерального комиссариата Беларуси, в состав которого входил отдел пропаганды, состоявший из восьми рефератов (подотделов): пропаганды, радиопропаганды, прессы, кино, зарубежных связей, экономической вербовки, ярмарок и выставок, обслуживания войск [5, л. 23].

Сведения о деятельности Минской радиостанции в 1941 г. можно почерпнуть в статье Х. Криглера, в которой указано, что программа вещания составлялась с учетом интересов солдат вермахта, т. е. Минская радиостанция была, в первую очередь, «солдатской радиостанцией» (Soldatensender). Этот термин встречается и в документации фонда 643 [15, л. 5]. Но в статье было также упомянуто, что вещание осуществлялось на двух языках: на немецком и местном языке региона (т. е. белорусском). Некоторые сведения о деятельности радиостанции «Минск» содержатся также в статье одного из ее сотрудников — Германа Толле, опубликованной в журнале «Имперское радиовещание» в 1942 г. [16]. Г. Толле также указал, что деятельность радиостанции была двойкой: с одной стороны, она должна была обслуживать солдат вермахта и немцев — сотрудников оккупационной администрации, с другой — служить посредником между немцами и местным населением,

выполнять пропагандистские функции. Но выполнение последних, по свидетельству Г. Толле, было сильно затруднено отсутствием квалифицированных кадров, которые могли бы вести белорусскоязычные передачи. Немцы привлекали к работе Минской радиостанции оркестр городского театра и военного гарнизона, но, по выражению Г. Толле, «нельзя было только музицировать целыми днями». Радиостанция транслировала европейские, мировые и белорусские новости, передачи на санитарно-медицинские, экономические и социально-культурные темы. Новости передавались на трех языках: немецком, белорусском и русском [16, с. 371].

Радиостанция «Минск» участвовала и в крупных пропагандистских кампаниях, например, таких, как празднование дожинок 4 октября 1942 г. По свидетельству Г. Толле, в этот день состоялась первая в истории Беларуси радиотрансляция торжественного молебна из православного кафедрального собора в Минске. По радио широко освещались праздничные мероприятия, организованные оккупационной администрацией по этому случаю [16, с. 372].

Х. Криглер в своей статье перечислил следующие главные задачи минской радиостанции: обеспечение немцев на территории Беларуси новостями с фронта и из Германии; для местного населения — новости с фронта, события в мире и Беларуси; развлекательные задачи — трансляция музыки, радиопостановок и передач; культурный обмен между Германией и Остландом [12, с. 29].

25 апреля 1942 г. В. Кубе подписал распоряжение о создании так называемого «пропагандистского круга». В него наряду с представителями генерального комиссариата, пропагандистских служб, редакции газеты «Minsker Zeitung», полиции и СС входил и представитель Минской радиостанции. Новый орган должен был обеспечивать сотрудничество в области пропаганды всех важнейших служб [2, с. 32—33].

На основании приказа А. Гитлера от 18 декабря 1943 г. в январе 1944 г. в Генеральном комиссариате Беларусь вместо отдела пропаганды было создано управление пропаганды, имевшее статус отдела Имперского министерства пропаганды [5, л. 23]. Если до этого в значительной степени пропагандистскую политику немцев на территории Беларуси определял Генеральный комиссар, то теперь руководство было передано Имперскому министерству пропаганды и его структурам.

В марте 1944 г., согласно приказу А. Розенберга, главный отдел политики был преобразован в «руководящий штаб политики». Упраздняя старые и создавая новые структурные подразделения, немцы стремились повысить эффективность проводимой работы, найти наиболее действенный механизм пропагандистского воздействия на население оккупированных территорий.

Весьма информативным источником, позволяющим реконструировать деятельность радиостанции «Минск», являются документы фонда 643 ГАМО.

В видовом отношении большую часть всех документальных материалов фонда 643 составляют программы, тексты и монтажные листы радиопередач и радиоконцертов на немецком и белорусском языках, тексты литературных передач и научно-популярных лекций на белорусском языке.

Вторая по объему видовая группа документов — документы бухгалтерского учета и отчетности (гонорарные листы участников радиопередач, квитанции на получение продуктов и товаров со складов и магазинов Минска, товарные накладные на получение граммофонных пластинок, магнитофонных записей, книг, нотных изданий, текстов песен и радиопередач). Третья, и, по сравнению с предыдущими группами, весьма незначительная по объему группа документов — переписка с другими радиостанциями Остланда и Германии, Имперским радиовещанием, Рейхскомиссариатом Остланда, различными звукозаписывающими компаниями и издательствами.

В качестве отдельных видовых групп документов можно выделить также нотные записи и нотные издания немецких песен и маршей [17], извещения о поломках и неисправностях оборудования на радиостанции [18] и др. В очень незначительном количестве представлены письма немецких солдат, направленные на адрес Минской радиостанции.

Документы сформированы в дела по хронологическому принципу, но достаточно произвольно. Видовая классификация документов выдержана лишь относительно гонорарных листов, которые сформированы в отдельные дела [19]. Во всех остальных случаях можно говорить только о преобладании в данном деле того или иного вида документов.

Наиболее рациональна классификация документов фонда, вариант которой приведен ниже. Необходимо отметить, что она достаточно условна, так как значительная часть документов фонда представляет собой источники комплексного характера, которые сложно отнести к определенной группе.

Первая тематическая группа — это документы, раскрывающие повседневную деятельность радиостанции «Минск» по обеспечению радиовещания — дневные и недельные программы радиовещания (все на немецком языке), монтажные листы радиопередач, немецкоязычная переписка с главной радиостанцией «Рига», другими краевыми и имперскими радиостанциями о пересылке магнитофонных записей и граммофонных пластинок, книг, о гастроях в Минске различных немецких творческих коллективов (оркестров, певцов, актеров). В документах за 1944 г. имеются программы радиовещания, составившиеся Минской радиостанцией для радиостанции в Барановичах. Документы этой группы могут представлять интерес для исследователей истории немецкого радиовещания вообще и на оккупированных территориях СССР в частности (безотносительно территории Беларуси). В этой группе документов можно выделить следующие подгруппы:

1. Документы, отражающие повседневную (деловую) деятельность Минской радиостанции: переписка, монтажные листы, программы передач

и др. Достаточно интересный исторический источник — списки и тексты немецких маршей и песен, транслировавшихся по LS Minsk. Американский историк Р. Э. Герцштейн, изучавший систему нацистской пропаганды в Третьем рейхе, в своей книге указал на то, какое внимание уделялось лично Й. Геббельсом и министерством пропаганды вопросу отбора музыки для радио [3, с. 236—237]. Музыка была средством пропаганды и поднятия боевого духа немецкого народа и вермахта.

2. Документация по бухгалтерскому учету и отчетности (в основном кассового и мемориального характера): гонорарные листы, квитанции на получение продуктов из магазинов и складов Минска, переписка по вопросам выплаты лицензионных отчислений, счета, товарные накладные и др. Эта группа документов может быть востребована исследователями, занимающимися вопросами экономики оккупированных территорий и Третьего Рейха. Особенно интересными в этом отношении могут быть лицензионные и гонорарные листы. По утверждению Р. Э. Герцштейна, Имперская радиоккомпания (Reichs-Rundfunk) была основным источником финансирования Министерства пропаганды. Министерство Й. Геббельса получало от 55 до 75% от всех средств, собираемых радиоккомпанией в виде налоговых поступлений от слушателей, причем это положение распространялось и на оккупированные территории [3, с. 158]. Относительно большое количество финансовых документов по лицензионным и гонорарным вопросам в фонде Минской радиостанции может объясняться именно тем фактом, что Министерство пропаганды уделяло большое внимание финансовой стороне деятельности радиостанций. Впрочем, весьма вероятно также, что при эвакуации радиостанции первичные бухгалтерские документы были оставлены как малоценные.

Вторая тематическая группа — документы, характеризующие политику оккупационных властей в области белорусской культуры — тексты и программы радиопередач на немецком и белорусском языках, тексты лекций, концертов, новостных сообщений на белорусском языке. Это, в определенной степени, источники комплексного характера, которые лишь условно можно отнести по тематике к документам, относящимся исключительно к сфере культуры, так как в условиях немецкой оккупации культура и идеологическая работа были тесно связаны.

В этой группе документов в качестве подгрупп выделяются следующие комплексы документов:

1. Литературные материалы белорусскоязычных передач, которые представляют интерес для историков белорусской культуры, в основном это стихи Натальи Арсеньевой, Алеся Соловья, Аристарха Крота, Владимира Дудицкого, Ларисы Гениош, Янки Золака и других авторов.

2. Музыкальные материалы — тексты песен, репертуары белорусских певцов и хоров, программы белорусских музыкальных передач, в которых транслировались произведения белорусских композиторов. В одном из пи-

сем в Рейхскомиссариат Остланд руководство радиостанции «Минск» перечислило имена белорусских композиторов, которых, по его мнению, следовало поддержать материально и заинтересовать в дальнейшем сотрудничестве с немецким радиовещанием. Речь шла об Алексее Туренкове, Николае Щеглове-Куликовиче, Марке Синчуке и Григории Самохине [20, л. 62]. Эти же композиторы наиболее часто упоминаются в гонорарных листах, составляющих значительную часть документов фонда 643.

3. Дневные и недельные программы передач Минской радиостанции, содержащие информацию о количестве белорусскоязычных передач, звучавших в ее эфире, их названиях и продолжительности. На белорусском языке в ноябре—декабре 1943 г. шли следующие передачи: «Беларусь — наша Бацькаўшчына», «Гавораць беларусы», «Беларуская культура», «Беларусы спяваюць і граюць» и др. [21, л. 2—5]. Служба новостей радиостанции «Минск» (Nachrichtendienst LS Minsk) выходила в эфир на двух языках — белорусском и немецком. В целом по программам радиопередач можно выявить достаточно большую перечень различных белорусских передач. Их доля в общем времени эфирного вещания радиостанции колебалась от 15 минут в день до одного часа. Нужно отметить, что общее время, отведенное для белорусскоязычных передач, периодически изменялось в сторону увеличения или, наоборот, уменьшения. Возможно, это прямо или косвенно отражало изменения в национально-культурной политике немцев в оккупированной Беларуси.

Третья тематическая группа документов, которую можно выделить в материалах фонда 643, имеет отношение к оккупационной политике в области здравоохранения. В сущности, они представляют собой материалы одной радиопередачи Минской радиостанции под названием «Was sagt der Arzt dazu?» («Что об этом скажет врач?»). Это тексты лекций на белорусском языке на медицинские и санитарно-гигиенические темы: «Корь», «Ветряная оспа», «Коклюш», «Малярия», «Брюшной тиф», «Сахарный диабет», «Крысы» и т. д. На многих текстах указан их автор — доктор Евгений Станкевич.

Однако по ряду вопросов, которые могут быть поставлены перед историками немецкого радиовещания в оккупированной Беларуси в 1941—1944 гг., документы фонда не содержат адекватной информации. Так, в нем практически отсутствует организационно-распорядительная документация, что не позволяет установить организационную структуру Минской радиостанции. О ней можно получить лишь приблизительное представление из монтажных листов радиопередач, где указывались отделы, задействованные в организации конкретной передачи [7, л. 3; 22, л. 151]. Видимо, структурная организация радиостанции со временем менялась в соответствии с изменением подчиненности и расширением эфирного времени (особенно значимые преобразования относятся к 1944 г.).

В фонде практически отсутствует переписка радиостанции «Минск» с отделом пропаганды Генерального комиссариата Беларуси, которому фор-

мально подчинялся начальник радиостанции. Наряду с этим достаточно хорошо представлена переписка Landessender Minsk с главной радиостанцией в Риге, другими радиостанциями Германии и Имперским радиовещанием (Reichs-Rundfunk G.m.b.H.). Но эта переписка касается в основном вопросов обеспечения повседневной деятельности радиостанции: заказов, покупки и пересылки звукозаписей, нотных изданий, книг. Соответственно, материалы фонда не дают оснований для выводов о степени реальной подчиненности радиостанции «Минск» Генеральному комиссару Беларуси В. Кубе и степени взаимодействия с ним и его непосредственными подчиненными по вопросам радиовещания и пропаганды.

В фонде также отсутствует планово-отчетная документация. Это затрудняет создание полноценного исторического обзора деятельности Краевой радиостанции «Минск» в 1941—1944 гг. без обращения к архивным фондам организаций, которым подчинялась LS Minsk, и с которыми она взаимодействовала в своей деятельности.

Если рассматривать тематическую классификацию документов фонда, то нельзя не обратить внимания на тот факт, что в фонде 643 слабо представлены материалы пропагандистского характера, причем как на немецком, так и на белорусском языках. Сводки новостей, политико-экономические обзоры, лекции на политические темы встречаются в фонде эпизодически и не образуют какого-либо целостного комплекса. Возможно, текущие и новостные материалы, быстро утратившие свою актуальность, специально не хранились и периодически уничтожались за ненадобностью.

В период Второй мировой войны всеми воюющими сторонами большое внимание уделялось радио. Оно давало возможность доводить пропагандистские установки до сознания тысяч слушателей и активно влиять на формирование определенного общественного мнения. Но здесь важно было не допустить проникновения альтернативной информации. Поэтому немцы изымали у населения оккупированных территорий радиоприемники, а специальное распоряжение Рейхскомиссара Остланда от 13 января 1942 г. запрещало прослушивание передач радиостанций, находящихся за пределами Рейхскомиссариата. Нарушение постановления каралось тюремным заключением [5, л. 35].

На полное отсутствие у белорусского населения эфирных приемников указывает в своей статье и Х. Криглер, объясняя это политикой большевиков [12, с. 29]. Запрещая населению свободно пользоваться эфирными радиоприемниками, немцы тем самым резко сужали аудиторию слушателей. Они считали гораздо большим негативным фактором возможность широкой доступности для населения советской радиопропаганды. Выходом для немецких пропагандистов могло стать проводное радио, активно развивавшееся до войны в Советском Союзе. Но его использование было по ряду причин неэффективным.

Согласно немецким источникам, недостаточное использование проводного радио в агитационных целях было связано с тем, что во многих городах проводные радиосети были уничтожены при отступлении советских войск, а восстановление требовало времени. По сведениям начальника отдела пропаганды Генерального комиссариата Беларуси Х. Шрётера, в Генеральном округе Беларусь на 1 января 1943 г. действовало следующее количество радиоточек: Минск — 4548, Барановичи — 1837, Вилейка — 738, Слуцк — 369, Слоним — 145 [23, с. 163]. Приблизительно такая же ситуация была и на территории группы армий «Центр». На сентябрь 1942 г. в Смоленске действовало 1070 радиоточек, Витебске — 2145, Лепеле — 200, Борисове — 536, Могилеве — 890, Орше — 10. В деревнях радиоточки и вовсе отсутствовали [5, л. 35].

Именно этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что такое мощное средство пропаганды, как радио в Беларуси использовалось ограниченно. На совещании высшего руководства Генерального округа Беларусь 8—10 апреля 1943 г. Х. Шрётер заявил, что «одной из главных задач радиовещания является обслуживание солдат». Впрочем, далее он отметил, что «значительную часть программы составляют радиопередачи на белорусском языке, в которых мы стремимся охватить белорусское население живым словом радиопропаганды» [23, с. 164].

Анализ программ радиовещания позволяет утверждать, что в 1943 г. время эфирного вещания Landessender Minsk составляло около 8—9 часов в сутки. Из этого времени 5—6 часов занимали немецкие радиоконцерты и музыкально-развлекательные передачи. Белорусскоязычные радиопередачи занимали в 1943 г., в лучшем случае, около часа эфирного времени в день (а, как правило, еще меньше — около 30 минут), причем большинство этих передач также носило музыкально-развлекательный, непропагандистский характер. Пропагандистская деятельность радиостанций «Минск» и «Барановичи», которая, несомненно, имела место, была направлена скорее на немецких солдат и чиновников оккупационной администрации, на которых не распространялись ограничения на пользование эфирными радиоприемниками, чем на белорусское население оккупированных территорий. В 1944 г. доля белорусскоязычного вещания в общей программе передач LS Minsk снизилась еще больше за счет расширения общего времени вещания почти до 24 часов в сутки и включения в программу передач русских и украинских новостей, а также большого количества немецких сводок с фронта. Напомним, что в 1944 г. Минская радиостанция подчинялась уже не столько Генеральному комиссару Беларуси, сколько Имперскому министерству пропаганды, деятельность которого была ориентирована, прежде всего, на немцев.

На основании анализа материалов фонда 643 можно сделать предположение о том, что в деятельности Минской краевой радиостанции пропаганда (как в отношении немецких солдат и чиновников оккупационной админист-

рации, так и в отношении белорусов) не являлась главной задачей. Радио создавало, прежде всего, определенный «цивилизационный фон». Основную часть эфирного времени Минской радиостанции занимали программы культурно-развлекательной тематики. Landessender Minsk вещала в основном (согласно программам радиопередач) для немецких солдат. Программа вещания радиостанции формировалась, прежде всего, с учетом интересов солдат вермахта. Ограничения на пользование эфирными радиоприемниками, о которых говорилось выше, проблемы с организацией проводного радиовещания и документы фонда Минской радиостанции не дают нам пока достаточных оснований для утверждения, что пропагандистская деятельность в отношении населения оккупированных территорий составляла основную (или хотя бы достаточно значительную) часть вещания Минской краевой радиостанции. При этом необходимо учитывать неполную комплектность фонда, лишь часть которого сохранилась и ныне находится на государственном хранении.

Тем не менее есть основания полагать, что фонд 643 ГАМО «Минский радиокomitee» — ценный источник для исследователей, занимающихся реконструкцией повседневной деятельности немецких радиослужб на оккупированных территориях СССР. Наличие относительно обширного комплекса такого вида источников, как программы, тексты, монтажные листы радиопередач и радиоконцертов, финансовой документации, деловой переписки дает возможность получить достаточно глубокое и достоверное представление о повседневной деятельности радиостанции по обеспечению регулярного радиовещания на оккупированной территории.

Материалы фонда «Минский радиокomitee» представляют определенный интерес для исследователей истории литературы, поэзии и музыкальной культуры периода Великой Отечественной войны. Наличие достаточно обширного комплекса источников по этой тематике позволяет провести новые исследования и установить новые факты в этой сфере. Материалы фонда позволяют оценить, насколько были представлены белорусскоязычные радиопередачи в общей программе вещания краевой радиостанции «Минск», проанализировать их содержание и проследить изменения в культурно-идеологической политике немцев в оккупированной Беларуси на основе изучения дневных и недельных программ радиовещания, в которых, как можно полагать, отражались изменения в национально-культурной политике немцев в оккупированной Беларуси (речь идет о прослеживаемом сокращении перечня белорусскоязычных передач к 1944 г. и снижении доли общего эфирного времени Минской радиостанции, отведенного для них).

Дальнейшие исследования дадут возможность уточнить имеющиеся знания об особенностях пропагандистской и культурной политики немцев в различных регионах оккупированной Беларуси. В этом плане можно отметить приведенный А. А. Мигуновой отчет руководителя радиодцентра в Могилеве Хартзайля (этот радиодцентр подчинялся отделу пропаганды военной ад-

министрации тылового района группы армий «Центр»). В 1942 г. 11,5% от общего количества материалов Могилевской радиостанции составляли сообщения вермахта и спецвыпуски по военным вопросам, 19,4% — военно-политическая информация, 39,8% — «политические новости из Великой Германии и зарубежья», 9,6% — информация о хозяйственном строительстве «в освобожденных областях России», 11,5% — о культурном строительстве, 8,2% — об экономическом и военном положении СССР [4, л. 28]. Передач на белорусском языке или посвященных Беларуси среди них нет. Не было таких передач и в программе Лепельской радиостанции за октябрь 1942 г. [4, л. 28]. Это свидетельствует о безразличном отношении военной оккупационной администрации к национальному вопросу и его использованию в пропаганде.

Определенный интерес для исследователей политики немцев в области здравоохранения в оккупированной Беларуси могут представлять тексты белорусскоязычных лекций на медицинские и санитарно-гигиенические темы, транслировавшиеся Минской краевой радиостанцией.

Так как в фонде недостаточно представлены чисто пропагандистские материалы, то для восстановления полной картины деятельности радиостанций на оккупированных территориях желательно обратиться к фондам пропагандистских организаций и служб, например, фонду 411 «Рота пропаганды при Верховном командовании группы армий «Центр», фонду 370 «Генеральный комиссариат Беларуси» НАРБ и др.

Также весьма значимым было бы использование фондов зарубежных архивов, содержащих документацию организаций, определявших политику радиовещания на оккупированных территориях: главной радиостанции «Рига», отдела пропаганды Рейхскомиссариата Остланд, Имперского радиовещания и др. Это позволило бы определить общую структуру и организацию деятельности немецких служб радиовещания на оккупированных территориях и уточнить различные аспекты их деятельности.

Л и т е р а т у р а

1. Kruks, S. Krieg über das Radio: Propaganda in lettischer Sprache während des Zweiten Weltkrieges / S. Kruks // Государственные архивы Латвии [Электронный ресурс]. — 2008. — Режим доступа: http://www.arhivi.lv/sitedata/ZURNALS/zumalu_raksti/97-118-VESTURE-Kruks-Radio.pdf. — Дата доступа: 1.03.2009.
2. Жумарь, С. В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / С. В. Жумарь. — Минск: БелНИИДАД, 1996. — 286 с.
3. Герцштейн, Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер / Р. Э. Герцштейн. — Смоленск: Русич, 1996. — 608 с.
4. Мігунова, А. А. Прапагандысцкая і культурна-асветніцкая дзейнасць нямецкай акупацыйнай улады ў Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941—1944): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. А. Мігунова. — Мінск, 1999. — 126 с.

5. Болсун, Г. А. Противостояние немецкой и советской пропаганды на оккупированной территории Беларуси (1941—1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г. А. Болсун. — Минск, 1999. — 124 с.
6. Дело фонда 643 // ГАМО. — Ф. 643.
7. Приходные ордера, расписки, накладные, квитанции и др. бухгалтерские документы Минского радиокомитета // Там же. — Оп. 1. — Д. 6.
8. Приходные ордера, квитанции, счета и др. бухгалтерские документы Минского радиокомитета // Там же. — Оп. 1. — Д. 13.
9. Переписка с городским театром, программы радиоконcertов и гонорарные листы исполнителей Минского радиокомитета // Там же. — Оп. 1. — Д. 30.
10. Гонорарные листы сотрудников Минского радиокомитета // Там же. — Оп. 1. — Д. 15.
11. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь / Редколлегия: В. Селеменов, С. Жумарь, К.-Д. Мюллер, Шт. Карнер. — Дрезден—Минск—Грац, 2003. — 592 с., ил.
12. Krieger, H. Der Rundfunk im Ostland / H. Krieger // Ostland: Monatsschrift des Reichskommissars für das Ostland. — 1943. — Nr. 7. — S. 27—30.
13. Krieger, H. Sendergruppe Ostland / H. Krieger // Welt-Rundfunk. — 1942. — № 2 // History of Broadcasting in Lithuania [Электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа: <http://www.zilionis.lt/history/ostland.htm>. — Дата доступа: 1.03.2009.
14. Инструкции и переписка Имперского радиовещания с Минским радиокомитетом // ГАМО. — Ф. 643. — Оп. 1. — Д. 3.
15. Тексты литературных передач Минского радиокомитета // Там же. — Оп. 1. — Д. 19.
16. Tölle, H. Rundfunk für Weissruthenien / H. Tölle // Reichsrundfunk. — 1942/1943. — Heft 19. — S. 370—372.
17. Ноты музыкальных передач Минского радиокомитета // ГАМО. — Ф. 643. — Оп. 1. — Д. 39.
18. Копии донесений о повреждениях Минской радиосети // Там же. — Оп. 1. — Д. 14.
19. Гонорарные листы сотрудников Минского радиокомитета // Там же. — Оп. 1. — Д. 15, 23, 29, 33, 36.
20. Переписка, инструкции, расчетные листы сотрудников Минского радиокомитета // Там же. — Оп. 1. — Д. 1.
21. Расписание радиопередач на ноябрь 1943 г. (с указанием тем и авторов) // Там же. — Оп. 2. — Д. 2.
22. Программы радиоконcertов, гонорарные листы и расчетные листки исполнителей Минского радиокомитета // Там же. — Оп. 1. — Д. 17.
23. Стенограмма совещания высшего руководства генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8—10 апреля 1943 года) / авторы-сост. С. В. Жумарь, С. Е. Новиков, Р. А. Черноглазова; пер. с нем. Г. Г. Белькевич, О. А. Лойко, С. Е. Новиков, С. П. Павловицкий; коммент. С. В. Жумаря, С. Е. Новиковой, Р. А. Черноглазовой; сост. имен. и географ. указателей С. В. Жумарь. — Минск: МГЛУ, 2006. — 220 с.

И. В. Дорогуш

ЭВАКУАЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ БЕЛАРУСИ В 1941 ГОДУ

Вероломное и внезапное нападение фашистской Германии на Советский Союз создало тяжелое положение для архивных органов Беларуси как пограничной республики, перед которыми встала задача подготовки эвакуации архивного фонда в восточные районы страны.

В первые дни войны заместителем народного комиссара внутренних дел БССР А. П. Мисюревым было разослано указание начальникам УНКВД западных областей Белоруссии об эвакуации важнейших документальных материалов государственных архивов. Но осуществить это не удалось, так как многие города (Брест, Белосток и др.) подверглись сильной бомбардировке; железнодорожная и автотранспортная связь была нарушена.

Несмотря на тяжелую обстановку, имелась полная возможность вывезти из восточных областей БССР значительную часть материалов государственных архивов. Но ни руководство НКВД БССР, ни начальник отдела государственных архивов И. А. Переплетчиков своевременно не приняли необходимых мер и не дали соответствующих указаний. Решение вопроса об эвакуации документальных материалов усложнялось тем, что отсутствовал мобилизационный план на случай военных действий, а без него эвакуировать документы в массовом масштабе достаточно сложно.

Налеты немецкой авиации на Минск начались 24 июня. В этот день Наркомат внутренних дел БССР вместе с правительством эвакуировались из Минска в Могилев, не дав никаких указаний, как поступить с документальными материалами, хранившимися в государственных архивах Белоруссии. Вечером эвакуировался и начальник отдела государственных архивов НКВД БССР И. А. Переплетчиков. Руководство белорусских архивов, так и не дождавшись распоряжения о дальнейших действиях, вынуждено было эвакуироваться, оставив документы на произвол судьбы [1, с. 2].

Основные силы были направлены на эвакуацию заводов, фабрик, предприятий. Вывозилось оборудование, материалы, зерно, продукты, скот. Вследствие захвата коммуникации врагом, разрушений и общего пожара Минска в результате непрерывных бомбардировок некоторые предприятия города не были эвакуированы. Полностью эвакуированы денежные знаки и ценности Белорусского отделения госбанка в Минске и 9 областных банков, сберегательные кассы, а также документы НКВД, НКГБ, Партархив ЦК КП(б)Б и большая часть документов обкомов, горкомов и райкомов. Не вывезены документы наркоматов, Президиума Верховного Совета БССР и ведомственных архивов (в основном за 1936—1941 гг.). Секретная документация по мере возможности уничтожалась.

Указания архивным органам поступили только 30 июня 1941 г. Был разработан план эвакуации ценных документальных материалов государст-

венных архивов НКВД—УНКВД, находящихся в угрожаемой зоне, за подписью зам. наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышева. В нем давались указания Архивному отделу НКВД БССР о вывозе в Пензу государственных архивов: Октябрьской революции и социалистического строительства, архив Минской области, исторический архив в Могилеве [2, с. 1, 5].

Приказом по НКВД СССР от 30 августа 1941 г. № 0401 всем архивным органам были даны развернутые указания по вопросам охраны и эвакуации документальных материалов, а также по разгрузке государственных архивов от материалов, не имеющих научно-исторической и оперативной ценности [3, с. 1, 2, 18]. Но к этому времени Белоруссия была оккупирована немецкими войсками, поэтому не представлялось возможным вывезти материалы центральных и подавляющее большинство областных и районных архивов БССР.

Из всех белорусских архивов удалось эвакуировать небольшое количество документов лишь из трех областей: Вилейской, Витебской, Гомельской.

Документальные материалы Вилейской области прибыли в г. Саратов в конце июня 1941 г. и размещены в Саратовском областном государственном архиве. Из Государственного архива Вилейской области и Архивного отдела УНКВД по Вилейской области были вывезены документы оперативного значения в количестве 793 ед. хр. и 2 ящика с секретной картотекой. Отбор материалов для эвакуации производил начальник отдела государственных архивов УНКВД по Вилейской области В. П. Андреев, который сопровождал документы в г. Саратов [4, с. 15]. Также были вывезены документы ведомственных архивов: Вилейской областной прокуратуры, Вилейского Ошпосдора, Вилейского горкомхоза в количестве 958 связок, 6 ящиков и 1 шкафа. Кроме того, сдано 5 штампов и печатей: 1 угловой штамп Вилейской облпрокуратуры, 1 угловой штамп Вилейской городской прокуратуры, сургучная печать Вилейской городской прокуратуры и 2 трафаретных штампа Вилейской облпрокуратуры. Документы хранились в упакованном виде и работа над ними не производилась [5, с. 4].

Документы Государственного архива Витебской области прибыли в г. Йошкар-Ола Марийской АССР 19 июля 1941 г. и поступили на хранение в Центральный государственный архив Марийской АССР в количестве 14 489 ед. хр. (34 фонда). Это фонды Витебского губернского военно-революционного трибунала, губернского военного комиссариата, судебного следователя, начальника губернского жандармского управления и охранных отделений, окружной милиции, земельного управления и др. Вместе с архивным материалом вывезен учетно-справочный материал. Архив сопровождал начальник Архивного отдела УНКВД Белостокской области А. Ф. Александрович [5, с. 8, 9].

Государственный архив Гомельской области был эвакуирован в г. Тамбов и размещен в хранилищах Тамбовского областного архива. Документы прибыли 13 июля 1941 г. и были упакованы в 42 деревянных ящика, 1 деревянный ящик, обитый железом, 4 металлических ящика,

15 мешков и связки [5, с. 10]. Документы сопровождали сотрудники Архивного отдела УНКВД Гомельской области Н. А. Сараев и [...]Гриньков. В дальнейшем в Тамбов был командирован для работы над документальными материалами научный сотрудник Государственного архива Гомельской области В. А. Бубнов. Он разобрал эвакуированный материал по фондам и составил на них топографические карточки [5, с. 12].

Таким образом, из наиболее ценных документальных материалов Гомельского архива были вывезены: Гомельский губернский ревтрибунал, Гомельский губернский исполком, Гомельский окружной исполком, Гомельское губернское земельное управление, Гомельский губернский совет народного хозяйства, Гомельский отдел управления, Мозырский окружной исполком, Гомельский губернский административный отдел, несколько фондов волостных исполкомов, райисполкомов, сельских советов, совхозов и колхозов и др., а также описи всех фондов, справочно-учетный материал и секретные фонды. Всего вывезено около 60 тыс. дел. В августе планировалось вывезти еще 100 тыс. архивных дел, но по ряду обстоятельств это не удалось, вывезено только 2 мешка наиболее ценных документов и текущий делопроизводственный и отчетный материал архива.

Из ценных документов Гомельского областного архива не были вывезены: Управление гомельскими имениями князя Паскевича, часть фондов дореволюционного периода, несколько волостных исполкомов, райисполкомов, сельских советов, колхозов, совхозов и др.

Таким образом, Гомельский областной архив вывез $\frac{1}{5}$ часть всего состава материалов и $\frac{1}{2}$ наиболее ценных документов, а также полностью секретную часть архива [5, с. 13].

29 ноября 1941 г. в связи с приближением линии фронта к Тамбову секретные документы Гомельского губернского исполкома были эвакуированы вместе с материалами Тамбовского государственного архива в г. Курган Челябинской области [6, с. 35].

В данном исследовании предпринята попытка собрать воедино информацию, касающуюся эвакуации государственных и ведомственных архивов. Для этого изучены документальные материалы Главного архивного управления БССР и СССР: приказы, распоряжения, переписка, «акты ущерба», докладные и объяснительные записки. Выявлены и представлены все пункты эвакуации архивов, которые менялись в связи с приближением линии фронта. К сожалению, в документах отсутствуют полные сведения по эвакуации — это количество фондов, единиц хранения, их характеристика. Не всегда указаны пункты эвакуации, в частности ведомственных и районных архивов. Часто используются формулировки «в глубь страны», «в тыл страны», которые вызывают сомнения в том, что архивный материал вообще вывозился, так как подтверждающих документов, таких, как «приемно-сдаточный акт» или хотя бы переписка по вопросу эвакуации, не обнаружено.

Сведения об эвакуации документальных материалов наркоматов, учреждений, предприятий и организаций БССР

1. **Совет Народных Комиссаров БССР.** Вывезены документы 2-го отдела военной консультации СНК БССР (78 ед. хр.) в Государственный архив Красной Армии, г. Москва.
2. **Наркомат просвещения.** Документы (около 600 ед. хр.) вывезены из Дома Правительства на окраину города, в школу, где сгорели от зажигательной бомбы.
3. **Наркомат финансов.** Вывезены только документы Управления сберкассами в Казань.
4. **Наркомат текстильной промышленности.** Вывезены только технические документы крупных текстильных предприятий.
5. **Уполномоченный Наркомата связи.** Вывезены в Уфу личные дела работников секретно-шифровального отдела.
6. **Республиканское управление трудовых резервов.** Вывезено 31 ед. хр. в Могилев.
7. **Белорусское управление «Главнефтеснаб».** Вывезена часть секретных документов на Смоленскую нефтебазу.
8. **Белорусская контора госбанка.** В архив Горьковской конторы госбанка.
9. **Барановичская контора госбанка.** В архив Горьковской конторы госбанка, Тамбов, Караганду.
10. **Белостокская контора госбанка.** В архив Горьковской конторы госбанка.
11. **Вилейская контора госбанка.** В архив Горьковской конторы госбанка, Саратов.
12. **Витебская контора госбанка.** В архив Горьковской конторы госбанка, Саратов, Тамбов, Усть-Каменогорск (500 ед. хр.).
13. **Гомельская контора госбанка.** Секретный архив (1850 ед. хр.) сдан на хранение в Чкаловский областной архив, общий архив (9000 ед. хр.) — в Тамбов, Караганду, Горький.
14. **Добрушское отделение госбанка.** Вывезены книги приказов, циркуляры, инструкции, годовые отчеты в Иваново, Курск, Караганду.
15. **Дятловское отделение госбанка.** Вывезено 465 ед. хр. (1 ф.) в тыл страны.
16. **Могилевская контора госбанка.** В архив Горьковской конторы госбанка, Тамбов, Караганду.
17. **Полесская контора госбанка.** Вывезено 120 ед. хр. в архив Горьковской конторы госбанка, Тамбов, Караганду.
18. **Пинская контора госбанка.** В архив Горьковской конторы госбанка, Тамбов, Караганду.
19. **Пинская область, Ганцевичское отделение госбанка.** Вывезено 1170 ед. хр. в глубь страны.

20. **Барановичский облисполком.** Вывезено 10 тонн в тыл страны.
21. **Вилейский облисполком.** Вывезено 2000 ед. хр. в тыл страны.
22. **Гомельский облисполком.** Вывезен секретный архив и часть общего архива в областной архив г. Чкалова, г. Сталинград.
23. **Минская область, Пуховичский райисполком.** Вывезено 296 ед. хр. в г. Юхнов Смоленской области.
24. **Могилевская область, Чаусский райисполком.** Вывезен в тыл.
25. **Полесский облисполком.** Вывезено 124 ед. хр. в г. Маманган Узбекской ССР.
26. **Полесская область, Домановичский райисполком.** Вывезено 126 ед. хр. в г. Орел.
27. **Полесская область, Мозырский райисполком.** Вывезено 500 ед. хр. (в основном личный состав) в г. Орел.
28. **Вилейский областной земельный отдел.** Вывезен в Тамбовскую и Саратовскую области.
29. **Витебская область, Суражский районный земельный отдел.** Вывезено 500 ед. хр. (1 ф.).
30. **Гомельский областной земельный отдел.** Вывезено 850 ед. хр. (акты на вечное пользование землей колхозам и др.) в Пензенский обл. земельный отдел. Сгорели во время транспортировки от бомбежки.
31. **Гомельская область, Светиловичский районный земельный отдел.** Документы вывезены в глубь страны.
32. **Гомельская область, Тереховский районный земельный отдел.** Вывезено 1000 ед. хр. в Пензу.
33. **Минская область, Руденский районный земельный отдел.** Вывезены документы отделов в количестве 585 ед. хр., 342 государственных акта 87 колхозов Руденского района, 120 ед. хр. карточного и планового материала в глубь страны.
34. **Могилевский областной земельный отдел.** Вывезены в Тамбовскую и Саратовскую области.
35. **Полесский областной земельный отдел.** Вывезено 450 ед. хр. в Тамбовскую, Пензенскую и Саратовскую области.
36. **Полесская область, Ельский районный земельный отдел.** Вывезено 180 ед. хр. в глубь страны.
37. **Витебский областной финансовый отдел.** Вывезено 2000 ед. хр. в Смоленск.
38. **Гомельский областной финансовый отдел.** Вывезено 2500 ед. хр. в Сталинград.
39. **Могилевский областной финансовый отдел.** Вывезено 100 ед. хр. в Тамбов.
40. **Полесский областной финансовый отдел.** Документы вывезены в Курск.

41. **Полесская область, Калининвичский районный финансовый отдел.** Вывезено 70 ед. хр. в Орловскую область.
42. **Гомельский финансово-экономический техникум.** Вывезены документы в Астраханский финансово-экономический техникум.
43. **Гомельская областная контора «Заготзерно».** Вывезено 50 ед. хр. в Центральную контору «Заготзерно», часть секретной документации в Чкалов.
44. **Полесская областная контора «Заготзерно».** Документы вывезены в Куйбышевскую контору «Заготзерно».
45. **Полесская область, Калининвичская контора «Облгаотживсырье».** Вывезено 100 ед. хр. в Орловскую область.
46. **Полесская область, Ельский районный потребительский союз.** Вывезено 800 ед. хр. в Воронеж.
47. **Полесская область, Хойникская контора связи.** Вывезено 6000 ед. хр. в глубь страны.
48. **Полесская область, Василевичский лесхоз.** Вывезено 44 ед. хр. в Главное управление лесоохраны при СНК СССР.
49. **Полесская область, Хойникский лесхоз.** Вывезено 133 ед. хр. в Уфу.
50. **Полесское территориальное управление лесоохраны и лесонасаждения.** Вывезено 20 ед. хр. в Бударинский район Сталинградской области.
51. **Днепро-Двинский военно-установительный отряд.** Вывезено 150 ед. хр. в г. Казань Татарской АССР.
52. **Гомельский городской отдел коммунального хозяйства.** Вывезена часть документов по планировке и съемке города в Саратовскую область.
53. **Гомельский областной отдел коммунального хозяйства.** Вывезено 100 ед. хр. секретного материала в Чкалов.
54. **Гомельская областная контора «Заготживсырье».** Вывезено 2000 ед. хр. в глубь страны.
55. **Гомельская областная контора «Облторг».** Вывезено 65 ед. хр. в Сталинград.
56. **Гомельская областная контора «Торгплодоовощ».** Вывезено 25 ед. хр. в Курск.
57. **Гомельский областной отдел местной промышленности.** Вывезены секретные документы в Чкалов.
58. **Барановичский обллесдревхимхоз.** Вывезено 12 ед. хр. спец. отдела в глубь страны.
59. **Барановичский облпотребсоюз.** Вывезено 350 ед. хр. в глубь страны.
60. **Витебский облпотребсоюз.** Вывезено 3 ед. хр. спец. отдела в Центрсоюз, г. Москва.
61. **Барановичское облоно.** Вывезено 14 ф. в неизвестном направлении.
62. **Барановичский главзаготсцентр.** Вывезено 230 ед. хр. (1 ф.) в глубь страны.

63. **Барановичский военкомат.** Вывезено 2100 ед. хр. в глубь страны.
64. **Барановичская городская прокуратура.** Вывезено 18 ед. хр. в глубь страны.
65. **Барановичский областной суд.** Вывезено 170 ед. хр. в глубь страны.
66. **Пинская городская прокуратура.** Вывезено 12 ед. хр. в г. Свердловск.
67. **Пинская областная прокуратура.** Вывезено 50 ед. хр. в глубь страны.
68. **Управление Брест-Литовской железной дороги.** Вывезено 1924 ед. хр. в глубь страны.
69. **Пинская контора пассажирской станции.** Вывезено 240 ед. хр. в глубь страны.
70. **Витебский узел железной дороги.** Вывезено 58 480 ед. хр. в Воронеж и сданы на хранение Управлению Юго-Восточной железной дороги. В марте 1942 г. архив сгорел при бомбардировке города.
71. **Новобелицкий «Жироскомбинат».** Вывезены секретные документы общей канцелярии (331 ед. хр.) в г. Троицк Челябинской области.
72. **Новобелицкий завод «Красный химик».** Вывезены секретные документы в глубь страны.
73. **Новобелицкий ликеро-водочный завод.** Вывезены секретные документы и документы общего делопроизводства в глубь страны.
74. **Гомельский лесокombинат.** Документы вывезены в Сталинград, завод им. Куйбышева.
75. **Речицкая спичечная фабрика.** Документы вывезены в Бийск, Барнаул.

Исходя из этого видно, что архивный материал не был сконцентрирован в одном месте. При приближении линии фронта документы перевозились дальше в восточные районы страны, иногда частично, а это не обеспечивало их сохранность. Они терялись, физически изнашивались, часто смешивались с другими документами архивов, в которые были эвакуированы. Это привело к тому, что многие из них были возвращены лишь в 50-е годы, когда было завершено комплектование союзных архивов и произведен учет фондов.

Литература и источники

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 249. Оп. 5. Д. 3. Докладные записки начальника Отдела государственных архивов НКВД БССР о работе отдела и акт проверки работы отдела от 22 августа 1944 г.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5325. Оп. 10. Д. 837. План эвакуации ценных архивных материалов.
3. Там же. Д. 851. Общие материалы по эвакуации госархивов в глубокие пункты СССР.
4. Там же. Д. 1235. Справки об эвакуации документальных материалов госархивов в глубокие пункты СССР.
5. Там же. Д. 858. Материалы по эвакуации документальных материалов государственных архивов союзных республик.
6. Там же. Д. 836. Докладные записки и рапорты по вопросу эвакуации.

А. Г. Каранузава

ОРГАНЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1919—1930-е гг.

(По материалам Государственного архива Брестской области)

В начале советско-польской войны для управления оккупированной территорией правительством Польши было образовано Гражданское управление Восточных земель при Верховном командовании польской армии, которое возглавлялось Генеральным комиссаром Восточных земель [25, с. 68]. Структура организации гражданского управления на занятых поляками землях определялась приказом верховного главнокомандующего от 12 мая 1919 г. [6, с. 11—12]. Компетенцию Гражданского управления составляли следующие вопросы: административные и полицейские вопросы, касающиеся гражданского населения, налогообложение, вопросы промышленности, торговли и сельского хозяйства, управление государственным имуществом, снабжение продовольствием населения, вопросы правосудия, касающиеся гражданского населения, регулирование передвижения гражданского населения и др. [7, с. 12].

В результате наступления Красной Армии летом 1920 г. Гражданское управление Восточных земель было упразднено. Вместо него на вновь оккупированной поляками территории Беларуси 9 сентября 1920 г. было создано Управление прифронтовых и этапных территорий, просуществовавшее до конца ноября 1920 г. [12, с. 479; 13, с. 480; 14, с. 2].

По условиям Рижского мирного договора, подписанного 18 марта 1921 г. между Советской Россией и Польшей, западнобелорусские земли вошли в состав Польского государства. На этой территории начала формироваться общепольская система административного управления.

В период существования так называемой II Речи Посполитой аппарат государственного управления представлял собой дифференцированную систему органов. Управление делилось на центральное, осуществляемое Советом Министров и министрами, и территориальное (местное), которое в свою очередь подразделялось на правительственную администрацию и самоуправление [1, с. 456]. Территориальные органы правительственной администрации делились на общую администрацию, которая выполняла задачи, относящиеся к компетенции ведомства внутренних дел, и специальную администрацию, функции которой были связаны с деятельностью остальных ведомств (военных дел, юстиции, финансов, почт и телеграфа, вероисповедания и народного просвещения и др.) [1, с. 456—457].

Территория государства была разделена на воеводства, которые в свою очередь делились на поветы. Поветы делились на гмины. Гмина охватывала либо территорию одного города (городская гмина), либо территорию нескольких населенных пунктов (поселков, деревень, местечек, хуторов и т. д.) (сельская гмина).

В 1920—1930-е гг. в Польше государственное управление на местах было представлено административными органами власти первой и второй инстанций (поветовые старосты и воеводские управления соответственно). Города, насчитывающие более 75 тыс. жителей, составляли отдельные городские поветы, во главе которых стоял городской староста, назначаемый министром внутренних дел [21, s. 162—163].

Местное самоуправление, которое начало формироваться еще в 1919 г., было представлено на уровне поветов, гмин и городов. Органы местного самоуправления всех уровней делились на распорядительные и исполнительные.

На землях, вошедших в состав Польши по условиям перемирия, подписанного в Риге 12 октября 1920 г., были образованы Волынское, Новогрудское и Полесское воеводства [18, s. 216].

Рассмотрим деятельность органов местного управления и самоуправления на примере Полесского воеводства.

Изначально в состав Полесского воеводства входило 10 поветов: Брестский, Дрогичинский, Камень-Каширский, Кобринский, Коссовский, Лунинецкий, Пинский, Пружанский, Сарненский и Столинский. В 1930 г. Сарненский повет отошел к Волынскому воеводству [22, s. 1077].

Во главе администрации воеводства стоял воевода, назначавшийся президентом по предложению министра внутренних дел, утвержденному Радой Министров. Сфера деятельности воеводы, его права и обязанности, а также структура и функции воеводского управления определялись распоряжением Рады Министров Польши от 21 марта 1921 г. об организации административных властей второй инстанции на землях, присоединенных к Польше на основании договора о прелиминарном мире и перемирии, подписанном в Риге 12 октября 1920 г. [19, s. 525—532].

Согласно распоряжению, воевода являлся исключительным представителем правительства и сосредоточивал в своих руках государственную власть. В сферу деятельности воеводы входили все вопросы государственной администрации на территории воеводства, за исключением судебных, казначейских, военных вопросов, а также вопросов образования, железной дороги и почтово-телеграфной службы. Воевода во вверенном ему воеводстве должен был обеспечивать порядок и общественную безопасность, осуществлять контроль над печатью, обществами, союзами, деятельностью религиозных конфессий и др. В его обязанности также входило решение вопросов здравоохранения, социального обеспечения, снабжения населения продовольствием, сельского хозяйства, промышленности, местного самоуправления. В подчинении у воеводы находились все органы власти и управления, органы местного самоуправления, действующие на территории воеводства.

Закреплялись законодательные нормы деятельности воеводы и воеводского управления в распоряжении президента Польши от 19 января

1928 г. «Об организации и сфере деятельности властей общей администрации» [21, s. 155—168].

По организационной структуре воеводское управление состояло из отделов, которые в свою очередь делились на более мелкие структурные подразделения (подотделы), каждый из которых занимался определенным кругом вопросов. Так, например, Полесское воеводское управление в соответствии с организационным уставом, утвержденным распоряжением воеводы от 29 августа 1930 г., состояло из 9 отделов, каждый из которых делился на более мелкие подотделы: 1) общий отдел (организационный, бюджетно-хозяйственный подотделы, инспекция); 2) административный отдел (подотделы: общедминистративный, промышленный, восстановления, продовольственный, вероисповеданий); 3) отдел самоуправления (подотделы администрации самоуправления, финансов и коммунального хозяйства, инспекция); 4) отдел безопасности (подотделы политических вопросов и безопасности, вопросов общественного порядка); 5) военный отдел; 6) отдел общественного здоровья (врачебный и фармацевтический подотделы); 7) отдел сельского хозяйства (подотделы земледелия, рыболовства, государственных имений, лесничества, ветеринарии); 8) отдел труда и социального обеспечения (подотдел социального обеспечения, посредничества труда и социального страхования, подотдел вопросов военных инвалидов); 9) дирекция общественных работ (общетехнический, водный, строительный, дорожный подотделы) [30, s. 295—320].

На протяжении своей деятельности структура воеводского управления неоднократно менялась, отделы реорганизовывались, ликвидировались, создавались новые. Структура управления, разделение обязанностей между отделами и подотделами определялись в организационном уставе воеводского управления, утверждаемом распоряжением воеводы.

Каждое воеводское управление издавало свое официальное периодическое печатное издание «Dziennik Wojewódzki», в котором публиковались распорядительные и другие нормативные акты, объявления административных властей, а также других государственных органов, за исключением центральных, которые были обязательны для исполнения и всеобщего сведения на территории воеводства [21, s. 159].

В качестве совещательного органа в воеводстве распоряжением Рады Министров Польши от 19 марта 1924 г. создавалась воеводская рада, председателем которой выступал воевода [20, s. 511—512]. В распоряжении президента Польши от 19 января 1928 г. «Об организации и сфере деятельности властей общей администрации» определялось, что до момента организации воеводского самоуправления создаются при воеводе воеводская рада и воеводский отдел, которые призваны взаимодействовать с воеводой для исполнения его функций в сфере общей администрации [21, s. 159]. В состав рады входили выбранные поветовыми сеймиками и городскими радами представители (по одному от каждого повета и города, выделенного из поветового ком-

мунального союза). Заседания рады проводились не реже 1 раза в год, председательствовал на них воевода. Воеводская рада была совещательным органом, выражала свое мнение по требованию воеводы, представляла интересы населения воеводства [24, s. 52]. На итоговом заседании воеводской рады воевода должен был представить подробный отчет о состоянии воеводства и определить задачи на будущее. В таких отчетах, как правило, приводились сведения обо всех сторонах жизни воеводства (в том числе статистические данные): о состоянии сельского хозяйства, промышленности, строительства, здравоохранения, образования, деятельности органов местного самоуправления и многих других вопросах [3, л. 73—79; 4, л. 1—72].

В состав воеводского отдела входили: воевода или вице-воевода как председатель, два государственных служащих и три члена, выбранных воеводской радой из числа жителей воеводства. Выбранные члены отдела выполняли свои обязанности на протяжении четырех лет. Заседания отдела проводились по мере необходимости. Воеводский отдел имел совещательный голос во всех вопросах, которые воевода передавал ему на рассмотрение [21, s. 160].

Таким образом, воеводская рада и воеводский отдел являлись коллегиальными органами. Самоуправление же на уровне воеводства в межвоенной Польше так и не было создано [2, с. 97].

На территории поветов местными органами управления являлись поветовые староства, образованные распоряжением Рады Министров Польши от 28 августа 1919 г. как административный орган власти первой инстанции [16, s. 784—785]. Во главе староства стоял староста, назначавшийся министром внутренних дел и подчинявшийся воеводе. Он являлся представителем государственной власти в повете. В сферу деятельности старосты входили все вопросы государственной администрации, за исключением вопросов, входящих в компетенцию военных, судебных, казначейских, школьных административных органов, а также железнодорожной и почтово-телеграфной служб. Староства руководили политической, экономической, социально-культурной жизнью в повете, осуществляли контроль за деятельностью органов самоуправления, промышленных предприятий, развитием сельского хозяйства, здравоохранения, социального обеспечения и др.

Подробно функции и задачи староств прописывались в исполнительном распоряжении Рады Министров от 13 ноября 1919 г. к распоряжению о создании староств [17, s. 904—907]. В соответствии с ним в компетенцию староств входило: обеспечение целостности государственных границ (в пограничных поветах), решение военных вопросов (связанных с мобилизацией, призывом, повинностями в пользу армии и т. п.), учет населения (вопросы гражданства, переписи, учета движения населения и т. п.), решение вопросов общественной безопасности, вероисповеданий, социального обеспечения, здравоохранения, ветеринарии, охраны труда, продовольственного

снабжения, промышленности, торговли, строительства, культуры, надзор над объединениями, союзами, печатью и др. [17, s. 904—905]. Староство руководило органами местного самоуправления (магистратами, гминными правлениями) и контролировало их деятельность.

Структурной единицей староства являлся реферат (отдел), возглавлял который начальник реферата. Каждый реферат курировал определенный круг вопросов.

Руководствуясь высшими законодательными актами, воевода путем издания соответствующих распоряжений и циркуляров определял сферу деятельности, структуру поветовых староств, функции, права и обязанности, ответственность старосты, начальников рефератов применительно к местным условиям.

В соответствии с организационным уставом староств Полесского воеводства, утвержденным распоряжением полесского воеводы от 31 декабря 1929 г., все староства в Полесском воеводстве делились на следующие рефераты: 1) общий, общественной безопасности и порядка, 2) административный, 3) военный, 4) здравоохранения, 5) ветеринарный, 6) строительный, 7) охраны лесов, 8) восстановления, 9) в Брестском и Пинском староствах дополнительно действовал реферат социального обеспечения и по делам инвалидов. Кроме того, в Брестском старостве вопросы промышленности, сельского хозяйства, снабжения, а также вопросы государственных имений были выделены из ведения административного реферата в отдельный — реферат промышленный, сельскохозяйственный и продовольственный [29, s. 16—39].

Органы местного самоуправления формировались по мере образования польских административно-территориальных единиц на занятых поляками западнобелорусских землях и наряду с созданием местных органов власти.

Поветовое самоуправление регламентировалось декретом о временном поветовом положении от 4 февраля 1919 г. и распоряжением Генерального комиссара Восточных земель о поветовом самоуправлении от 4 июня 1920 г. [15, s. 171—179; 11, s. 377—384]. В соответствии с этими нормативными документами каждый административный повет представлял собой поветовый коммунальный союз (союз самоуправления), в состав которого входили гмины и города. В сферу деятельности поветовых коммунальных союзов входили: попечение и контроль над хозяйством сельских и городских гмин, управление собственным имуществом и его доходами, строительство и содержание дорог, охрана и развитие сельского хозяйства, торговли и промышленности, контроль за санитарным состоянием повета, охрана общественного здоровья, социальная опека, развитие просвещения, содержание больниц, школ, приютов и др.

Источники доходов поветовых коммунальных союзов составляли: доходы с собственного имущества, доходы от предприятий, находившихся в ведении органов самоуправления, различные оплаты (общие и специ-

альные), налоги, кредиты, однократные поступления, средства, полученные в дар и т. п. [11, s. 382].

Органами поветового коммунального союза являлись: поветовый сеймик и поветовый отдел. Председателем и сеймика, и отдела выступал поветовый староста.

Поветовый сеймик — распорядительный и контролирующий орган. Он устанавливал принципы управления имуществом поветового коммунального союза, утверждал поветовый бюджет, устанавливал повинности в натуральном и денежном выражении, выбирал членов поветового отдела, утверждал регламенты своей деятельности и поветового отдела и др. Членами поветового сеймика являлись радные и члены поветового отдела. Радные выбирались на 3 года и исполняли свои обязанности на общественных началах. Староста созывал обязательные заседания сеймика 3 раза в год, а в случае необходимости — чрезвычайные заседания. Решения принимались большинством голосов присутствующих, причем председатель не принимал участие в голосовании [15, s. 171—175; 11, s. 377—381].

Поветовый отдел осуществлял исполнительные функции и состоял из председателя и двух-трех членов, которых выбирал сеймик на 3 года. Члены отдела исполняли свои обязанности за постоянное вознаграждение.

К компетенции поветового отдела относилось: подготовка дел на рассмотрение поветового сеймика, выполнение решений поветового сеймика, рассмотрение вопросов, не требующих решения сеймика, разработка регламента своей деятельности, осуществление дисциплинарных функций над работниками поветового союза самоуправления и др. [11, s. 381—382].

Контроль за деятельностью поветовых сеймика и отдела осуществляли воевода и министр внутренних дел.

В соответствии с распоряжением Генерального комиссара Восточных земель от 4 мая 1920 г. некоторые крупные города в зависимости от числа жителей могли быть выделены из поветового коммунального союза и представляли собой отдельную самоуправляемую территориальную единицу [10, s. 370]. На территории Полесского воеводства к таким городам относились Брест и Пинск.

Самоуправление городов, как выделенных из поветового коммунального союза, так и не выделенных, регламентировалось распоряжением Генерального комиссара Восточных земель от 14 августа 1919 г. о городском уставе, в соответствии с которым каждая городская гмина являлась самоуправляемой территориальной единицей и юридическим лицом [8, s. 124—131]. Городская гмина управляла городским имуществом, занималась строительством и содержанием дорог, мостов, улиц, площадей, парков, водопроводной и канализационной сети, снабжением города электроэнергией, охраной общественного здоровья, содержанием заведений социального

обеспечения, больниц, школ, библиотек и др. Органами городского самоуправления выступали городская рада и магистрат.

Городская рада являлась распорядительным и контролирующим органом. В состав городской рады входили радные и члены магистрата. Число радных зависело от количества жителей в городе. Так, например, в городах, насчитывающих менее 5 тысяч жителей, в состав рады входило 12 радных, от 5 до 25 тысяч — 24 радных, от 25 до 45 тысяч — к числу 24 радных прибавлялось по одному радному на каждые 2 тысячи жителей и т. д. Члены рады избирались на 3 года. Исполнение функций радных являлось почетной обязанностью, поэтому вознаграждение радные не получали.

К компетенции городской рады относилось решение следующих вопросов: установление принципов управления и способов пользования имуществом городской гмины, а также всех предприятий и учреждений, принадлежащих гмине; приобретение, продажа недвижимости, получение займов и кредитов для города, инвестиций в городскую экономику и инфраструктуру; утверждение бюджета города; утверждение налогов, оплат в пользу городской гмины; утверждение штатов магистрата, других городских учреждений; утверждение плана застройки города; утверждение положений о работе рады и ее комиссий; контроль над деятельностью магистрата; выборы президиума рады, членов магистрата и др.

Заседания проводились по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц. На заседаниях рады председательствовал президент (бургомистр) города, решения принимались голосованием. Все заседания протоколировались [8, s. 124—129].

Исполнительным органом городской рады являлся магистрат. Членами магистрата являлись президент, вице-президент (в городах, выделенных из поветового коммунального союза) или бургомистр, его заместитель (в городах, не выделенных из поветового коммунального союза) и заседатели. Число заседателей составляло 10% от числа радных. Члены магистрата получали постоянную заработную плату из городской казны, размер которой определяла рада. Члены магистрата избирались радными на три года (на срок действия полномочий рады) из числа лиц, имеющих польское гражданство. Президент (бургомистр) и его заместитель выбирались большинством голосов. На заседаниях магистрата председательствовал президент (бургомистр) или его заместитель. Заседания магистрата были правомочны, если на них присутствовало более половины членов магистрата. Решения магистрата принимались большинством голосов и предоставлялись к сведению городской раде.

В компетенцию магистрата входило: исполнение решений городской рады; управление городским имуществом и проведение его инвентаризации; управление собственными учреждениями и предприятиями; составление проектов городского бюджета; управление доходами и расходами городской гмины, распределение налогов и повинностей, установленных ра-

дой; предоставление раде отчетов о деятельности магистрата и подчиненных ему учреждений, отчетов об исполнении бюджета; назначение и увольнение городских работников и т. д. [8, s. 129—131].

Магистрат состоял из отделов, каждый из которых занимался определенным направлением деятельности. Отделы в свою очередь делились на более мелкие структурные подразделения — рефераты (сектора). В процессе деятельности структура магистрата неоднократно изменялась: отделы ликвидировались, объединялись, создавались новые. Так, например, Брестский магистрат по состоянию на 1931 год состоял из 5 отделов:

1. Общий отдел (рефераты: общий, школьный, юридический, секретариат, общая канцелярия).
2. Финансовый отдел (рефераты: бюджетный, налоговый, исполнительный, городская касса).
3. Административный отдел (рефераты: военный, уголовно-административный, учета движения населения).
4. Социальный отдел (рефераты: общественного здоровья, социального обеспечения)
5. Техническо-хозяйственный отдел (рефераты: технический, инспекционно-строительный, дорожный, хозяйственный) [5, л. 1—5].

На территории гмины в соответствии с распоряжением Генерального комиссара Восточных земель от 26 сентября 1919 г. о гминном самоуправлении органами самоуправления являлись гминная рада и гминное правление во главе с войтом [9, s. 1—8]. Сельская гмина состояла из нескольких деревень, поселков, фольварков и т. п. и представляла собой административную единицу. Каждая административная сельская гмина являлась одновременно самоуправляемой территориальной единицей и юридическим лицом [9, s. 1].

Сферу деятельности гмины составляло: управление своим имуществом, строительство и содержание дорог, мостов, средств коммуникации, водопроводных и канализационных сооружений, опека над бедными, создание и содержание благотворительных заведений, охрана здоровья и содержание больниц, снабжение жителей гмины продовольствием, поддержка сельского хозяйства, торговли и ремесла, развитие просвещения, открытие и содержание школ, библиотек и другие вопросы, касающиеся территории гмины.

Гминная рада принимала решения и контролировала их выполнение. Членами гминой рады являлись радные и члены гминного правления. Радные избирались на три года и выполняли свои обязанности на общественных началах. В компетенцию рады входило: установление принципов правления имуществом гмины, всеми предприятиями и учреждениями, находящимися в ее ведении, распоряжение недвижимым имуществом, утверждение бюджета гмины, установление налогов и оплат в пользу гмины, утверждение штатов гминных работников и др. Заседания рады созывал войт раз в квартал. Председательствовал на них войт или его заместитель [9, s. 2—4].

Гминное правление являлось распорядительным органом, а войт осуществлял исполнительные функции [24, s. 118]. Правление состояло из войта, его заместителя и одного заседателя. Войта и его заместителя выбирали радные на 3 года (на срок действия полномочий рады). Однако их выбор подлежал утверждению властями первой инстанции. Войт получал постоянное установленное радой вознаграждение из фондов гмины.

В функции гминного правления входили следующие вопросы: подготовка и исполнение решений гминой рады, распоряжение доходами, имуществом гмины и проведение его инвентаризации и др. [9, s. 4—6].

Вспомогательным органом в работе войта и гминного правления был гминный писарь, который осуществлял свои функции под руководством войта. В свою очередь, писарь мог иметь в своем подчинении помощника [28, s. 159].

В распоряжении Генерального комиссара Восточных земель от 26 сентября 1919 г. о гминном самоуправлении также определялось, что каждая отдельная деревня, колония, поселок или фольварк, как правило, составляли сельскую громаду. В громаду могли объединяться и несколько мелких населенных пунктов. Членами громады являлись лица, которые были и членами той гмины, в состав которой входила данная сельская громада, а также постоянно проживали на ее территории [9, s. 6].

Органами сельской громады являлись: солтыс и громадское собрание (громадский сход). Солтыс обладал распорядительными и исполнительными функциями, подчинялся непосредственно войту и избирался громадским собранием на один год. Он должен был выполнять решения, принятые на громадском собрании, распоряжения войта и государственных властей, касающихся деятельности громады, осуществлял надзор за должным содержанием дорог, мостов, выполнением всех повинностей членами громады, занимался сбором налогов и оплат, распоряжался имуществом и доходами громады в установленном ею порядке и др. Кроме того, солтыс должен был оказывать помощь органам полиции при исполнении их служебных обязанностей, следить за порядком и безопасностью на территории громады и др. [27, s. 4—7]. Право участия в громадском собрании имели все члены громады как мужчины, так и женщины, достигшие 21-летнего возраста. К компетенции громадского схода относилось: выбор солтысы и его заместителя, распоряжение имуществом, находящегося на территории громады, обсуждение насущных потребностей громады с целью вынесения их на рассмотрение гминой раде или правлению [9, s. 7—8].

Такая структура и принципы деятельности органов местного самоуправления просуществовали до начала 1930-х гг., когда 23 марта 1933 г. был принят закон о частичном изменении устройства местного самоуправления. В результате чего претерпели некоторые изменения принципы деятельности органов местного самоуправления на всех уровнях [23, s. 693—722].

Причем больше всего изменения коснулись устройства самоуправления на низшем уровне — в городах и сельских гминах. Перечислим лишь некоторые изменения в деятельности местного самоуправления, появившиеся в этом законе. Вместо названия «поветовый коммунальный союз» было введено понятие «поветовый союз самоуправления», городские магистраты были переименованы в городские управления, поветовые сеймики — в поветовые рады [31, с. 3—4]. Срок полномочий поветовых, городских и гминных рад был установлен в 5 лет, а члены городских управлений, гминных правлений стали избираться сроком на 10 лет [23, с. 694]. Органами громады, которая насчитывала свыше 200 жителей, являлись солтыс и громадская рада, менее 200 жителей — солтыс и громадское собрание (сход) [26, с. 13]. Солтыс стал избираться на 3 года.

Повышались требования к образовательному уровню и профессиональной подготовке кандидатов в президенты, бургомистры, войты и их заместители [23, с. 705]. Кроме того, законом от 23 марта 1933 г. устанавливались правила проведения выборов в органы местного самоуправления всех ступеней.

Таким образом, на западнобелорусских землях, входивших в состав Польши в 1920—30-х гг., было установлено территориально-административное деление, сформирована система административного управления и местного самоуправления, аналогичные как в центральных и западных воеводствах Польши. Причем законодательно они начали оформляться сразу после занятия этих земель польскими войсками в феврале 1919 г. Законодательная база деятельности местных органов власти первой и второй инстанций, органов самоуправления на поветовом, городском и гминном уровнях формировалась на протяжении всего межвоенного периода.

Л и т е р а т у р а

1. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодарский, М. Пиетрчак. — М.: Юридическая литература, 1980. — 560 с.
2. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. І. Борка. — Гродна, 2007. — 129 л.
3. ГАБО. Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 29. Циркуляры Министерства внутренних дел и полесского воеводы, протокол заседания Полесской воеводской рады 17.05.1929 — 04.07.1929.
4. Там же. — Оп. 2. — Д. 215. Отчет полесского воеводы о деятельности административных учреждений, органов самоуправления, об экономическом и культурном состоянии Полесского воеводства за 1939 год.
5. Там же. Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 671. — Регламент Брестского городского магистрата 1931 год.
6. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Warszawa, 1919. — № 3. — Poz. 15. — S. 9—16.
7. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Warszawa, 1919. — № 3. — Poz. 16. — S. 9—16.

8. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Warszawa, 1919. — № 12. — Poz. 99. — S. 125—136.
9. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Wilno, 1919. — № 21. — Poz. 215. — S. 1—11.
10. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Wilno, 1920. — № 45 (89). — Poz. 1240. — S. 369—376.
11. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Wilno, 1920. — № 46 (90). — Poz. 1284. — S. 377—384.
12. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Warszawa, 1920. — № 59. — Poz. 1630. — S. 479—484.
13. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. — Warszawa, 1920. — № 59. — Poz. 1632. — S. 479—484.
14. Dziennik Urzędowy Zarządu Terenów Przyfrontowych i Etapowych. — Warszawa, 1920. — № 5. — Poz. 36. — S. 1—11.
15. Dziennik Praw Państwa Polskiego. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1919. — № 13. — Poz. 141. — 1089 s.
16. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1919. — № 72. — Poz. 426. — 1089 s.
17. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1919. — № 90. — Poz. 489. — 1089 s.
18. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1921. — № 16. — Poz. 93. — 950 s.
19. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1921. — № 39. — Poz. 235. — 950 s.
20. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1924. — № 34. — Poz. 352. — 832 s.
21. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1928. — № 11. — Poz. 86. — 1524 s.
22. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1930. — № 82. — Poz. 649. — 1314 s.
23. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1933. — № 35. — Poz. 294. — 864 s.
24. Encyklopedia prawa obowiązującego w Polsce. Praca zbiorowa z udziałem profesorów uniwersytetów polskich / pod red. prof. Peretiatkowicza. Bohdan Wasiutyński. Ustrój władz administracyjnych, państwowych i samorządowych. — Poznań, 1929. — 190 s.
25. Gierowska-Kałuż, J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 — 9 września 1920) / J. Gierowska-Kałuż. — Warszawa, 2003. — 447 s.
26. Gmina wiejska i gromada w świetle nowej ustawy samorządowej. — Warszawa, 1933. — 48 s.
27. Instrukcja dla sołtysów Województwa Poleskiego. — Brześć-nad-Bugiem: Drukarnia Literacka, 1927. — 30 s.
28. Muzyczka, L. Podręcznik urzędnika Państwowego. Wydane drugie. Przejrzane i uzupełnione / L. Muzyczka. — Wilno, 1925. — 288 s.
29. Poleski Dziennik Wojewódzki. — Brześć nad Bugiem, 1930. — № 2. — Poz. 11. — 426 s.

30. Poleski Dziennik Wojewódzki. — Brześć nad Bugiem, 1930. — № 17. — Poz. 138. — 426 s.
31. Ustrój powiatowych związków samorządowych (ze zmianami, wprowadzonymi ustawą z 23 marca 1933 r.). — Warszawa, 1933. — 102 s.

М. Ф. Шумейка

**ЗНАЧЕНИЕ ВИТЕБСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ
В РАЗВИТИИ АРХИВНОГО ДЕЛА, АРХЕОГРАФИИ,
АРХЕОЛОГИИ, КРАЕВЕДЕНИЯ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ
В НАЧАЛЕ XX в.**

(К 100-летию создания)

Прежде чем говорить о комиссии-юбиларе, отметим феномен самого создания и деятельности в конце XIX — первой четверти XX в. этих полугосударственных, полуообщественных образований под названием губернских ученых архивных комиссий, нигде более в мире, за исключением России и входивших в нее в тот период Беларуси, равно как и Украины и других ныне суверенных государств, не встречающихся. Просуществовав три с половиной десятилетия, они оставили после себя не только значительный источниковый след (в виде делопроизводственных документов, фиксировавших их работу, документальных публикаций, статей научного и популярного характера и т. п.), но и огромную историографию с порой прямо противоположными оценками, начиная от характеристик губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) как «сборищ чиновников, исправников, безграмотных попов, отставных козы-барабанщиков и недорослей» [1, с. 24], призванных воспеть и романтизировать крепостной строй до таких определений, как «выдающиеся», сыгравшие огромную позитивную роль «для развития архивоведения, музееведения, памятниковедения, исторической библиографии, археологии, источниковедения, историографии, других специальных (вспомогательных) исторических дисциплин, для развития исторической науки и гуманитарных знаний» [2, с. 5].

Наличие такого рода оценок и характеристик не может не свидетельствовать о сохраняющемся устойчивом интересе в современном обществе к истории создания и результатам деятельности этих объединений. Укажем здесь лишь на некоторые, специально посвященные архивным комиссиям, аналитические, научно-популярные исследования, а также библиографические справочники и современные публикации документов самих комиссий, с тем чтобы составить представление о широте историографически-библиографического, а также археографического поля, которое породили ученые архивные комиссии. Здесь представляется важным отметить, что исследования и публикации готовились по инициативе не только архивных учреждений, что могло бы указывать на приоритетную роль, которую архивные комиссии играли в архивной сфере, но и археографических, научно-исторических, музейных, краеведческих организаций, что свидетельствует об интегрирующем характере их деятельности.

Одной из первых попыток дать более или менее объективную оценку архивных комиссий (работы их непримиримого критика Д. Я. Самоквасова (1843—1911) носили явно тенденциозный, порой вульгаризаторский харак-

тер [1]; под его влиянием находились и преподаватели открытого в 1930 г. Московского государственного историко-архивного института И. С. Назин [3, с. 81], А. В. Чернов [4] и даже профессор этого института, по праву считающийся классиком архивоведения И. Л. Маяковский [5, с. 281]) стала защищенная в 1951 г. в МГИАИ кандидатская диссертация Н. В. Бржостовской [6], а также ее статья в «Трудах» МГИАИ [7]. В последней автор отмечает, имея в виду наряду с губернскими статистическими комитетами, археографическими экспедициями, комиссиями для разбора древних актов и губернские архивные комиссии, что все они ставили перед собой объективно положительные задачи разбора архивов, выявления важнейших документов и введения их в научный оборот. «Но в то же время, — подчеркивает Бржостовская, — их деятельность, лишенная плана и научных методологических оснований и исходившая из интересов господствующих классов, приводила к перетасовке документальных материалов, раздроблению фондов, распылению материалов по музеям и библиотекам, к созданию искусственных коллекций документов» [7, с. 80].

С такой оценкой деятельности архивных комиссий трудно не согласиться. В то же время нельзя принять высказанных автором упреков в их адрес, обусловленных, на наш взгляд, явно идеологическими причинами. Так, Н. В. Бржостовская считает, что после Октября 1917 г. архивные комиссии под руководством «контрреволюционного Союза Российских архивных деятелей» [8] вели борьбу против советской централизации архивного дела на местах [7, с. 85].

Если работы историка-архивиста Н. В. Бржостовской ставили своей задачей дать оценку роли и значения комиссий в деле формирования исторических архивов в дореволюционной России, то составленный историком О. И. Шведовой указатель их «Трудов», напечатанный в первом выпуске издававшегося возрожденной по инициативе академика М. Н. Тихомирова в 1956 г. Археографической комиссии АН СССР «Археографического ежегодника» [9, с. 377—436], призван был обратить внимание исследователей на значительный источниковый пласт, каким являлись многочисленные издания архивных комиссий. Наряду со сведением воедино рассеянной библиографии, чем была заложена основа для продолжения этой работы на более глубоком библиографическом уровне [10], О. И. Шведова дает и оценку деятельности комиссий, отмечая, что они не справились с возложенными на них задачами по упорядочению архивного дела на местах, плохо выполняли свои функции, «но иначе и быть не могло». Тем не менее, отмечает автор, «они были единственными учреждениями в дореволюционной России, так или иначе ведавшими архивным делом на местах» [10, с. 378].

Справедливо обращая внимание на то, что в «Трудах» встречалась масса выражения верноподданнических чувств, как в чистом виде (по поводам), так и в содержании публикуемых статей и материалов (по истории

церквей и монастырей, генеалогии местного дворянства, «их императорских высочеств и величеств» и т. п.), О. И. Шведова вместе с тем указывает на оригинальный характер многих опубликованных на страницах изданий комиссий документов: «Интерес, который представляют «Труды» ... состоит в том, что в них было опубликовано большое количество документов, часто первостепенного значения, отсутствовавших в центральных архивах и в составленных ими также в большом количестве описей архивных дел и документов, находившихся в распоряжении комиссий» [10, с. 379].

Еще более усилился интерес к истории архивных комиссий в конце 1980-х — начале 90-х гг. Это обусловлено, с одной стороны, начавшимися в это время их 100-летними юбилеями (первые 4 комиссии — Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тверская — были открыты в 1884 г.), а с другой, ликвидацией многих идеологических догм, ранее существовавших в исторической науке. Так, в 1991 г. увидела свет монография нижегородского историка В. П. Макарихина (по ней автором защищена докторская диссертация), объектом исследования которой стали 6 архивных комиссий Поволжья, созданных в числе первых: Тверская, Костромская (1885), Саратовская (1886), Нижегородская (1887), Ярославская (1889), Симбирская (1895) [11]. Юбилейный характер носят статьи А. С. Майоровой [12] и С. Л. Солодовниковой [13], посвященные соответственно Саратовской и Смоленской ученым архивным комиссиям.

Более других «повезло» архивным комиссиям, существовавшим в украинских губерниях (Черниговской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Харьковской, Херсонской), а также в Крыму (Таврической). Почти все они стали объектом исследования или библиографического описания современных украинских историков [14].

На этом фоне вполне достойно, хотя и в «малых формах», представлена и историография единственной белорусской — Витебской ученой архивной комиссии. Помимо фрагментов в изданиях исторического [15, с. 119—126], историографического [16, с. 199], краеведческого [17], архивоведческого [18], археографического [19, с. 216—220], историко-биографического [20], научно-справочного [21] характера, укажем на ряд специальных научных и научно-популярных работ, объектом исследования которых является архивная комиссия в Витебске [22]. Заметим, что оценки ее деятельности в основном находятся в русле тех, которые выше уже приводились. Исключение, может быть, составляет работа зам. председателя Оршанского окружного общества краеведения Д. М. Василевского, в которой автор пытается «примирить» официальный (в основном великодержавный, монархический) характер дореволюционных учреждений, включая и Витебскую ученую архивную комиссию, с национальным «духом» многих работавших в них лиц. Он, в частности, пишет: «Вышаўшы з працоўнае Беларусі, але атрымаўшы расійскую адукацыю, дасьледчыкі з беларусаў падваліся ў сваёй

працы. Офіцыйныя пасады і мэты буржуазнай навукі цягнулі іх у бок Расійскай дзяржавы, але замілаваныя да роднага краю і культуры схілялі іх да Беларусі. У іх працах адчуваецца недагаворанасць. Пачыналі яны на расійскі лад, а ў канцы міжвольна сыходзілі на праўду і дагавораліся часам, як А. П. Сапуноў, да прызнання самастойнай культуры і мовы беларуса ды яе асьветніцкай ролі ў Масковіі» [17, с. 9].

Известно, что губернские ученые архивные комиссии возникли в соответствии с положением Комитета министров «Об учреждении ученых архивных комиссий и исторических архивов», утвержденным 13 апреля 1884 г. российским императором Александром III. Инициатором их создания был директор Московского архива Министерства юстиции академик Н. В. Калачов (1819—1885). Не вдаваясь в подробности, связанные с неудавшимися попытками Калачова реформировать архивное дело в России, отметим здесь, что выше упомянутым положением перед комиссиями ставились сугубо архивные задачи: разбирать старые дела губернских и уездных учреждений, выявлять в них ценные в историческом отношении документы и создавать из них исторические архивы в губерниях.

Однако в реальности архивные комиссии, включая и Витебскую, как увидим ниже, определяли круг своих задач гораздо шире. В него они включали выявление, собиранье, учет, охрану, изучение, пропаганду и популяризацию всех памятников (а не только исключительно документальных). Благодаря этому на местах, в недрах архивных комиссий, создавались не только архивы, но и музеи, библиотеки, дававшие впоследствии жизнь архивно-музейно-библиотечным учреждениям губернского уровня.

Деятельность ГУАК имела выдающееся значение для развития архивоведения, музееведения, памятниковедения, книговедения, исторической библиографии, археографии, источниковедения, в целом для развития исторической науки и в ряде случаев — даже археологии, особенно в тех регионах, где не было университетов, научно-исторических центров.

Особого разговора заслуживают издания ГУАК — эти своеобразные «энциклопедии региональной истории». Рецензируя «Издания губернских ученых архивных комиссий 1884—1924 гг.» [10], современный российский исследователь пишет, что «полный список всего содержания выпущенных УАК сборников и отдельных книг ... рождает ощущение почтительного изумления. Здесь не только огромное количество текстов письменных памятников древних и новых времен ... не только описи и обзоры архивных материалов, хранившихся в самих комиссиях и в частных руках, но и интересные труды по археологии, архивоведению, археографии, охране памятников древности, церковной истории, истории летописания, дипломатике (включая словари актовых терминов), нумизматике, иконографии, геральдике и даже сигиллографии, генеалогии, демографии, этнографии (с публикациями фольклора), библиографии, книговедению, палеографии и орфографии, не го-

воря уже об истории литературы, истории искусства, сюжетах местной истории, в которых ярко выступает направление истории «повседневности», ныне полагаемое достижением новейшей политической науки» [23].

Нельзя также не согласиться с несколькими возвышенными, но по сути своей верными, оценками роли и значения ГУАК в истории науки и культуры, которые дает современный российский исследователь, известный своей склонностью к занятиям архивософией. Он, в частности, пишет: «... деятельность ГУАК была принципиально новым в истории мировой науки и культуры явлением. По своей сути ГУАК являлись первыми создателями единого архивно-информационного поля в его самом идеальном, целостном воплощении. История самосознания Человека здесь создается самим человеком в таких масштабах и в таком разнообразии, которое не может быть охвачено ни одним официальным ведомством или учреждением. Их деятельность была реализацией основной идеи интегрального архивоведения, согласно которой понятие «архивоведение» почти сливалось с понятием «культура» в самом широком толковании» [24, с. 325].

Далее, учитывая наличие достаточно пространной историографии, раскрывающей историю создания и основные направления и итоги деятельности комиссии-юбилера [15—22], остановимся на некоторых аспектах, не ставших пока что объектом исследования белорусских ученых-гуманитариев.

Прежде всего отметим достаточную ограниченность источниковой базы, на которую опирались в прошлом и которую ныне используют исследователи. В лучшем случае привлекаются документы, к счастью, сохранившегося архивного фонда самой Витебской архивной комиссии [25], до десятка дел из фондов витебских гражданского губернатора, городской управы, губернского правления, губернского статистического комитета и др. Вне поля зрения исследователей остаются документы фондов аналогичных учреждений, действовавших в других белорусских губерниях и имевших контакты с Витебской УАК. Совершенно нетронуты белорусскими историками фонд Московского археологического института, в котором представлены документы детища ВУАК — Витебского отделения МАИ [26], фонд Русского исторического общества, особая комиссия которого курировала деятельность ГУАК, фонд Московского археологического общества, с которым были тесно связаны многие члены и сотрудники ВУАК; мало привлекаются документы личных фондов людей, имевших отношение к комиссии, хранящихся в музеях, библиотеках (например, А. П. Сапунова — в Витебском областном краеведческом музее, Б. Р. Брежго — в Научном отделе редких книг и рукописей Национальной библиотеки Латвии) и др.

Заслуживает также, на наш взгляд, более пристального внимания изучение причин открытия архивной комиссии именно в Витебске, а также отражения в общественном сознании самого факта создания комиссии, восприятия результатов ее деятельности и т. д.

Исследователи, включая и автора настоящей статьи, традиционно связывают открытие ученой архивной комиссии в Витебске с тем обстоятельством, что именно здесь в 1862 г. начал свою работу один из трех центральных исторических архивов древних актов книг, заложивший архивные традиции в крае. И это верно, учитывая, что вокруг просуществовавшего 40 лет в качестве самостоятельного Витебского центрального архива древних актов книг формировались те немногие ученые силы края в лице А. М. Сазонова, М. Л. Веревкина, А. П. Сапунова, Д. И. Довгялло, Н. Я. Никифоровского и других [27]. До начала XX в. архив выполнял здесь функции своеобразного «научно-методического центра» в области архивоведения и отчасти — археографии [28]. С его переводом в 1903 г. в «далекую Вильну» образовалась своего рода «лакуна», заполнить которую были не в состоянии ни местный статистический комитет, ни тем более соседние «молодая» Смоленская (открыта в 1908 г.) и открытая в числе первых четырех в 1884 г. Орловская ученые архивные комиссии.

Отказ к тому же последней «от просмотра дел архивных учреждений, находящихся вне Орловской губ. и соприкасающихся с ней, так как есть более близкие и заинтересованные» [29, л. 79—80], и рекомендация витеблянам обратиться за методической и практической помощью в Смоленскую архивную комиссию стали побудительным мотивом к открытию в Витебске архивной комиссии, тем более, что почва для этого была уже достаточно подготовленной.

Никоим образом не ставя под сомнение иницилирующую роль в деле создания комиссии ее первого председателя — переведенного в 1908 г. в Витебск на должность советника губернского правления В. С. Арсеньева [30], — отметим вместе с тем и позитивный вклад в дело создания комиссии, который внес работавший в качестве архивариуса Витебского центрального архива древних актов книг с 1893 г. Д. И. Довгялло (в 1880-е гг. он обучался здесь в местной духовной семинарии), и возглавлявший с 1908 г. созданное еще в конце XIX в. по инициативе того же Довгялло и Н. Я. Никифоровского Витебское церковно-археологическое древлехранилище Н. Н. Богородский и др.

Как отмечает современный исследователь Л. В. Алексеев, «до революции крупнейшим культурным центром в Беларуси был Витебск, не случайно именно в нем вопрос об учреждении археологического общества был поднят (местным губернатором) еще в 1895 г. Общество должно было «привести в известность рукописные, печатные и иные памятники Северо-Западного края и сохранить их от истребления». Но тогда этот вопрос не имел последствий «как слишком серьезный», для осуществления которого «необходима предварительная подготовка». Вместе с тем мысль о создании подобного учреждения полностью оставлена не была, этим занимался А. П. Сапунов и его окружение. Ученый предполагал открыть в Витебске

особое отделение белорусского общества, «проектировавшегося Е. Р. Романовым для Могилева» [17, с. 167].

Наряду с Е. Р. Романовым и, вероятно, независимо от него к идее необходимости создания такого общества именно в Витебске пришел и М. В. Довнар-Запольский, на что указывает выявленное нами недавно в его личном архивном фонде письмо Д. И. Довгялло от 10 января 1900 г. [31, л. 11—16об.]. Его содержание подтверждает утверждение члена-корреспондента НАН Беларуси В. К. Бондарчика о том, что именно М. В. Довнар-Запольский «першы ўзняў пытанне аб стварэнні ў Віцебску гісторыка-археалагічнага таварыства» [32, с. 153].

Это письмо-исповедь, ставшее ответом на отправленное 7 января 1900 г. послание М. В. Довнар-Запольского, в котором последний высказывал соображение о необходимости учреждения в Витебске «Историко-археологического общества или какой-нибудь комиссии», любопытно в нескольких аспектах: прежде всего, в биографическом (в нем содержатся дополнительные сведения о служебной деятельности автора); во вторых, в историко-психологическом (автор дает характеристики людям, его окружавшим) и, наконец, в наиболее интересующем нас, историко-архивном.

Письмо настолько интересно, что мы повредили бы целостному восприятию его содержания, пытаясь цитировать фрагменты; надеемся в ближайшее время опубликовать его в одном из историко-архивных периодических изданий. Здесь же отметим важный применительно к теме настоящей статьи вывод, к которому приходит его автор. Это, с одной стороны, готовность и целесообразность создания такого общества, но, с другой, отсутствие для этого объективных и субъективных условий: негде будет проводить заседания, негде разместить необходимую для работы библиотеку, отсутствуют кадры, которые были бы в состоянии вести научную работу и самое главное — бедность Витебской губернии древностями. «Не знаю, — вопрошал Довгялло, — есть ли которая из губерний России столь бедная древностями (постройками, памятниками, документами, архивами и др.) более, нежели Витебская? Войны да пожары да люди злые снесли старину с лица земли Витебской» [31, л. 15]. И тем не менее, он не сомневался, что «нужны (и весьма) люди, которые бы могли разыскать и помочь собрать все остатки старины, ибо иначе и те могут погибнуть!».

Заметим, что со всеми этими сложностями и пришлось в дальнейшем столкнуться членам и сотрудникам торжественно открытой 31 мая 1909 г. в Витебске ученой архивной комиссии.

Сохранившиеся в фонде Витебского губернского правления инициативные документы об открытии комиссии и ее первых шагах дают возможность восстановить картину событий 100-летней давности. Здесь обращают на себя внимание помимо опубликованного в Своде законов Российской империи и затем неоднократно перепечатывавшегося в других изданиях, включая подго-

товленный РИО «архивный сборник» [33] «Высочайше утвержденного положения о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях» от 13 апреля 1884 г. (машинописная копия) список лиц, подписавших ходатайство об открытии комиссии, насчитывающий 82 фамилии с росписями тех из них, кто присутствовал на церемонии открытия; постановление витебского губернатора Б. Б. Гершау-Флотова об открытии комиссии и др. [29, л. 1—134]. Среди подписавших — В. С. Арсеньев, В. А. Кадыгробов, В. Н. Юренев, В. К. Стукалич, Н. Н. Богородский, Н. Я. Никифоровский, А. П. Сапунов и др.

Приведем далее полностью подписанное 13 мая 1909 г. постановление губернатора, оформившее создание Витебской ученой архивной комиссии:

«Ввиду того, что согласно пар. 3 Высочайше утвержденного положения о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях образование ученых архивных комиссий зависит от соглашения губернатора и директора Археологического института и за получением согласия последнего, постановляю, согласно выраженному в подписанном ходатайстве витеблян, открыть в городе Витебске ученую архивную комиссию, первое заседание коей назначить на 31 сего мая в 3 часа дня в помещении губернского правления, пригласив на него подписавших вышеозначенное ходатайство лиц.

Б. Б. Гершау-Флотов. Г. Витебск 13 мая 1909 г.» [29, л. 111]

Как выше уже отмечалось, открытию комиссии предшествовала большая организационная работа, выразившаяся в подготовке проектов необходимых документов, обращений от имени Витебского губернского правления, где служил советником В. С. Арсеньев, за консультациями в уже действовавшие аналогичные комиссии, к руководству Петербургского археологического института и т. п.

Обратившись к журналу «делового», второго заседания комиссии, состоявшегося 10 сентября 1909 г., видим, что на нем кроме «ритуальных» вопросов (посылки телеграммы на имя министра императорского двора, утверждения состава комиссии) была намечена широкая и разнообразная программа ее действий на ближайшее время и перспективу. Это и решения об образовании особой комиссии для выработки программы празднования юбилея войны 1812 г., об участии представителей архивной комиссии в торжествах, связанных с перенесением мощей преподобной Евфросинии Полоцкой (происходили с 19 апреля по 23 мая 1910 г.), о содействии согласно указу Святейшего Синода составлению описаний кладбищ и могил в Витебской губ. [34]; просьба о высылке архивом Сената дел, касающихся Витебской губ. и др. На следующем заседании 2 октября 1909 г. комиссия приняла решение об издании своих «Трудов»; здесь же был обсужден и утвержден план первого выпуска [25, д. 151, л. 4—7]. Заметим, что все эти решения были впоследствии реализованы, что не может не свидетельствовать о действенности работы комиссии [35].

28 сентября 1909 г. В. С. Арсеньев докладывал губернатору о посещении Полоцка, где им были даны необходимые разъяснения полицмейстеру и уездному исправнику о необходимости собирания и сохранения могущих быть в архивах учреждений и у частных лиц архивных древностей и передаче их в Московское археологическое общество. Он сообщает адресату о поездке в Спасо-Евфросиньевский монастырь и фольварк Козино, где находятся так называемые «Борисовы камни». Результатом поездки стал поступивший из Полоцка рапорт уездного полицейского управления, датированный этим же днем, в котором сообщалось о выполнении «личного поручения советника губернского правления» об исследовании памятников древности в Спасо-Евфросиньевской обители. В рапорте полицейского чиновника отмечалось, что «в Спасо-Евфросиньевской обители имеется как памятник древности церковь Спаса и устроенный преподобной Евфросинией в 1161 г. драгоценный крест». Здесь же приводилось их описание [29, л. 4, 118].

Безусловно, Витебская комиссия, равно как и другие аналогичные 38 комиссий [36], не могла не испытывать трудностей, обусловленных отсутствием специально выделенного для нее помещения, более чем скромным финансированием ее деятельности, неопределенностью статуса и т. п. Обо всех этих проблемах говорил, дважды выступая на Первом съезде представителей губернских ученых комиссий, проходившем в Петербурге в мае 1914 г., третий (и последний) председатель Витебской комиссии — ректор (с 1910 г.) Учительского института К. И. Тихомиров, сменивший в августе 1912 г. на этом посту В. А. Кадыгробова, который в свою очередь возглавил комиссию в марте 1911 г. после перевода В. С. Арсеньева в Тулу [38, с. 32—35, 63—64]. Он отмечал, что Витебская комиссия относится к числу комиссий, влачащих свое существование, не имеющих ни средств, ни помещений и существующих как учреждение благотворительное. Соответственно занимаемым ее председателями постов они и давали приют у себя ее аппарату: в зданиях губернского правления, Учительского института [39].

И тем не менее в таких крайне сложных условиях ВУАК смогла сделать немало, опубликовав 4 тома своих трудов, каталоги книг, монет и медалей, описи документов, хранившихся в ее библиотеке, музее и архиве [10, вып. 1, с. 5—8]. Важным итогом деятельности комиссии стало открытие по ее инициативе отделения Московского археологического института, готовившего высоко профессиональные кадры архивистов, археографов, а позже и искусствоведов, на плечи которых впоследствии ляжет основная тяжесть в упорядочении и организации архивного, музейного, библиотечного дела в Беларуси уже в условиях советской государственности.

Значительным будет вклад архивной комиссии и в дело спасения архивов с началом первой мировой войны. Из выделенных ей Особой комиссией по сохранению местных архивных материалов РИО 2 тыс. руб. половина была истрачена для приспособления архивных помещений, где размеща-

лись архивные фонды, эвакуированные с территорий, которым угрожала оккупация, остальные деньги также были употреблены на благие дела по спасению архивов [25, д. 154, л. 118, 121].

В архивоведческой литературе, изданной в Беларуси, нередко можно встретить упоминания о существовании наряду с Витебской и Минской ученой архивной комиссией, хотя последняя не значится в выше указанных справочных изданиях. В чем тут дело?

Во-первых, под таким названием действительно существовала созданная в июле 1921 г. при Академическом центре Наркомпроса БССР комиссия в составе пяти человек [40, с. 6]. Однако это была уже совсем иная комиссия, хотя сам факт заимствования ею названия — «ученая архивная комиссия», — которым ранее именовались закрытые с образованием губернских архивов в 1919 г. ГУАКи, о многом говорит. Во-вторых, попытка создания Минской ученой архивной комиссии действительно предпринималась в условиях войны. Выявленная нами переписка руководства упоминавшейся выше Особой комиссией с минским губернатором подтверждает это. Так, 22 апреля 1915 г. председатель комиссии А. Н. Куломзин направляет А. Ф. Гирсу письмо, в котором, опираясь на постановление Первого съезда представителей ГУАК и дабы «сосредоточить силы ныне существующих губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений на пересмотре и приведении в порядок местных архивных материалов, освободив их по возможности от разбора чуждых им дел», предлагает «поднять вопрос об учреждении ученой архивной комиссии во вверенной Вам губернии» [39, л. 1—10б.]. Ответ губернатора не замедлил себя ждать и был отрицательным: «... в виду переживаемой ныне тяжелой години и связанной в нею сложностью в работе общественных организаций я полагаю бы своевременным возбудить вопрос об учреждении ученой архивной комиссии в губернии по окончании войны» [39, л. 2].

Однако через два года грянет Февральская революция, затем — Октябрьская, начнутся хаос и потрясения, в которых будут гибнуть не только люди, но и культурные ценности, памятники истории, архитектуры, архивные, музейные, библиотечные собрания. Витебская ученая архивная комиссия не будет стоять в стороне от этой вакханалии разрушений. Собрав 26 марта 1917 г. экстренное заседание своего совета, она изберет депутата Е. М. Николаева в Витебский городской общественный комитет для защиты памятников старины [25, д. 145, л. 370].

Витебская ученая архивная комиссия станет единственным архивным учреждением, к которому будут апеллировать и местные органы Советской власти в плане их привлечения к работе по сохранению архивов от расхищений. Во всяком случае, в принятом 1 июля 1918 г. президиумом областного исполкома Советов Западной области и фронта постановлении об организации архивного дела, в 4-м пункте отмечается: «В области функциони-

руют ученые архивные комиссии: для Смоленской губернии — Смоленская (адрес: Смоленск, Тенишевская, 5, кв. 2); для Витебской и временно Могилевской губерний — Витебская (адрес: Витебск, Гоголевская, Учительский институт)» [41, с. 11].

В завершение статьи отметим, что Витебская ученая архивная комиссия, несмотря на свои, на первый взгляд, достаточно скромные результаты деятельности (а они и не могли быть иными, учитывая непродолжительность существования комиссии — фактически всего 5 лет, до начала первой мировой войны), внесла существенный вклад и не только в становление архивного, но и музейного, библиотечного дела в Витебской губернии (более широко — в Беларуси). Она содействовала подготовке кадров архивных, музейных, библиотечных работников, которые уже в условиях белорусской советской государственности активно включались в дело реформирования архивного, музейного, библиотечного дела в республике. Деятельность Витебской ученой архивной комиссии выходила далеко за рамки обусловленных соответствующими положениями направлений, являя собой научный, культурный, образовательный центр, вокруг которого группировалась местная гуманитарная интеллигенция. Официально-охранительный характер, присущий деятельности комиссии, особенно в первые годы ее существования, не помешал ей, тем не менее, втягивать в свою орбиту национальные научные силы, способствуя таким образом развитию краеведения, этнографии. Однако главная ее заслуга все же состоит в том, что в условиях отсутствия централизованной архивной системы, органов по ее управлению комиссия пыталась реализовывать функции последних в той мере, в какой это было возможно.

Л и т е р а т у р а

1. Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1.
2. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887—1931 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь: Черномор-ПРЕСС, 2004. 316 с.
3. Назин И. С. Рец. на кн.: Чернов А. В. История и организация архивного дела в СССР (краткий очерк) // Архивное дело. 1940. № 4 (56). С. 80—84.
4. Чернов А. В. История и организация архивного дела в СССР (краткий очерк). М., 1940.
5. Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (опыт систематического руководства). Ч. 1: История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М.: ГАУ НКВД СССР; Историко-архивный институт, 1941. 344 с.

Давая оценку комиссиям, автор пишет буквально следующее: «Самым длительным и **чреватым последствиями** (здесь и далее выдел. мною. — *М. Ш.*) результатом деятельности Калачова и его комиссии, вошедшим в жизнь в годы разгула реакции и приобретшим неизменное благоволение правительства, были **губернские ученые архивные комиссии**» (с. 281).

- Правда, в лекциях, читанных слушателям архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г., И. Л. Маяковский совершенно по-иному характеризовал архивные комиссии. Он, в частности, говорил, что благодаря их деятельности большое количество дел было спасено, а затем разобрано и приведено в порядок; что комиссии создали на местах исторические архивы, устроили ряд музеев — в Костроме, Симбирске, Твери, Ярославле, создали ценные библиотеки и т. д., включая факт «занятый издательской деятельностью и «создание кадров архивных работников, самоотверженно преданных своему делу» (Цит. по кн.: Хорхордина Т. И. «Неизвестный» Маяковский. М.: РГГУ, 2001. С. 43).
6. Бржостовская Н. В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивов (1887—1917 гг.). Автореф. канд. дис. ... М.: МГИАИ, 1951.
  7. Бржостовская Н. В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды Московского гос. историко-архивного института. М., 1954. Т. 5. С. 79—116.
  8. Объективные оценки Союза РАД содержатся в работах: Автократов В. Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917—1918 гг.) // Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 313—393; Шмидт С. О. Археография, архивоведение, памятниковедение: Сб. статей. М.: РГГУ, 1997. 364 с.; Олигов А. В. Фонд Общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917—1924) // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей. М.: МГИАИ, 1980. С. 73—76; Иванова Л. В. Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917—1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М.: Наука, 1981. С. 194—203.
  9. Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник (далее АЕ) за 1957 год. М.: Наука, 1958.
  10. Здесь мы имеем в виду фундаментальную библиографию: Издания губернских ученых архивных комиссий 1884—1923 гг. / Сост. Л. Ф. Писарькова; ответ. ред. С. О. Шмидт. Нью-Йорк, 1994—1995. Вып. 1—3. Ей предшествовала статья составителя: Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // АЕ за 1989 год. М.: Наука, 1990. С. 187—198.
  11. Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России / Науч. ред. И. Д. Ковальченко. Н. Новгород, 1991.
  12. Майорова А. С. Из истории Саратовской губернской ученой архивной комиссии // Отечественные архивы. 1997. № 4. С. 12—19.
  13. Солодовникова С. Л. Деятельность Смоленской ученой архивной комиссии. 1908—1918 гг. // Вестник архивиста. 2008. № 2 (102). С. 121—133.
  14. Филимонов С. Б. Документальные материалы Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1920—1931 гг. // АЕ за 1982 год. М.: Наука, 1983. С. 203—207; Літопис Катерінославської вченої архівної комісії. 1904—1915: Бібліографічний довідник / АН УРСР, АК, Днепропетр. держ. університет, Київ, 1991. 41 с.; Труды Полтавской ученой архивной комиссии. 1905—1917: Библиографический указатель / Сост. А. Б. Супруненко. Полтава, 1991. 52 с. (ротапонт. изд.); Архівний збірник на посвяту 90-річчю Полтавської вченої архівної комісії. 1903—1993. Полтава, 1993. 254 с.;

- Вісті Таврійської вченої архівної комісії і Таврійського товариства історії, археології та етнографії (1887—1931): Бібліографічний покажчик. Київ, 1994. 48 с.; Симоненко І. М. Вчені архівні комісії в Україні: історія, діяльність, здобутки: Автореф. дис. канд. іст. наук. Київ, 2001; Он же. Губернські вчені архівні комісії в Україні: Історіограф. огляд і бібліограф. покажчик / Держкомархів України, УДНДІАСД, НАН України, Центр Пам'яткознавства, Укр. т-во охорони пам'яток історії і культури. Київ, 2003. 132 с.; Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887—1931 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. 316 с. и др.
15. Клепиков Н. Е. Культурно-историческое наследие Беларуси периода Российской империи. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. 175 с.
  16. Карев Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 312 с.
  17. Васілеўскі Д. Сталецьце краязнаўчай працы на Беларусі // Наш край. 1926. № 2—3 (5—6). С. 3—14; Каспяровіч М. І. Краязнаўства: Нарысы. Мінск, 1929. С. 32—34; Алексеев Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. — 30-е годы XX в. / Под ред. акад. Б. А. Рыбакова. Минск: Белорусская наука, 1999. С. 167—168 и др.
  18. Азаров А. И. Архивное дело в Белорусской ССР. Автореф. канд. дис. ... М.: МГИАИ, 1955. С. 6; Он же. Архивное дело в Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции // Научно-информационный бюллетень Архивного управления при Совете Министров БССР. Минск: Изд. АН БССР, 1961. № 10. С. 18—19; Шумейко М. Ф. Архивоведение Беларуси: Учебное пособие для студентов исторических факультетов в двух частях. Ч. 1. История и организация архивного дела / М. Ф. Шумейко, К. И. Козак, В. Д. Селеменов. Минск: Изд. центр РИВШ БГУ, 1998. С. 76—86.
  19. Шумейко М. Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики). Минск: БелНИИДАД, 2007. 498 с.
  20. Падліпскі А. Летапісец Віцебшчыны. Мінск: Польша, 1993. С. 62—64; Хмяльніцкая Л. Гісторыя з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова). Мінск: Энцыклапедыя, 2001. С. 151—164 и др.
  21. Літаратура і мастацтва. Энцыклапедыя. Мінск, 1984. Т. 1. С. 641, 644—645; Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 322—323; Архівісты Беларусі: Біябібліографічны даведнік. Мінск: БелНДДАС, 2006. С. 7—8, 36—38 и др.
  22. 90 гадоў Віцебскай вучонай архіўнай камісіі: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі 24 лістапада 1999 г. г. Віцебск. Мінск: БелНДДАС, 2000. 92 с.; Шумейка М. «... захавайшы для нашчадкаў» // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 6. С. 44—45; Он же. Предшественница Госкомархива: К 90-летию со дня учреждения Витебской ученой архивной комиссии // Архивы и делопроизводство. 1999. № 3. С. 4—11 и др.
  23. Чирков С. В. [Рец.] на «Издания губернских ученых архивных комиссий ...» // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 127.
  24. Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.

25. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2771. Оп. 1. Витебская ученая архивная комиссия.
26. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 376 (МАИ). Оп. 1. Личные дела студентов и вольнослушателей. Д. 1—4589; Оп. 2. Личные дела преподавателей. Д. 1—223; Оп. 3. Канцелярия совета МАИ. Д. 1—114.
Пользуясь случаем, выношу благодарность ответственному работнику Московского городского объединения «Мосгорархив» В. Ю. Коровайникову, любезно указавшему автору статьи на наличие в данном фонде личных дел А. П. Сапунова (Оп. 2. Д. 121), Б. Р. Брежго (Оп. 1. Д. 475), М. В. Мелешко (Оп. 1. Д. 2518), А. А. Шлюбского (Оп. 1. Д. 4524).
27. Подробнее об этом см.: Витебщина архивная: история, фонды, персоналии (сер. XIX—XX вв.) / Сост. М. В. Пищуленок и др. Минск: БелНИИДАД, 2002. 213 с.
28. О последних достаточно критически отзывался работавший в 1895 г. в этом архиве И. И. Лаппо (см.: Журнал Министерства народного просвещения. 1904, январь—апрель. Ч. 351—352. С. 326—356).
29. НИАБ. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 26799. Переписка витебского губернатора с Витебским губернским правлением о создании Витебской ученой архивной комиссии.
30. Подробнее о нем см.: Подлипский А. М. Три председателя комиссии // 90 гадоў Віцебскай вучонай архіўнай камісіі. С. 32—35; Антонов Дм. Русский историк Василий Арсеньев // Московский журнал. История государства Российского. 1995. № 1. С. 6—11; Он же. Н. С. Арсеньев и судьба его архива // Проблемы зарубежной архивной России. Сб. статей. М., 1997. С. 159—164.
31. Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (ЦГИАУК). Ф. 262. Оп. 1. Д. 181. Переписка М. В. Довнар-Запольского с неустановленными лицами.
32. Беларусь: У 8 т. Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння / В. К. Бандарчык. Мінск: Беларуская навука, 1999. 365 с.
33. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2.
34. Имеется в виду указ Св. Синода от 29 ноября 1908 г., согласно которому всем епархиальным начальствам и ставропигиальным монастырям предписывалось организовать составление «списков лиц, погребенных в церквах и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян и наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий», для последующего издания подготавливаемого вел. князем Николаем Михайловичем, возглавлявшим, как известно, Русское историческое общество, «Русского провинциального некрополя».
35. См.: Труды Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1910. Т. 1; Довгяло Д. И. Перенесение святых мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полотск. Подробное описание церковно-нарядных торжеств по пути следования святых мощей с изображением преподобной Евфросинии и многими рисунками. Вильна: Русский почин, 1910. 80 с.; Шилов Д. Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: история научного предприятия. Часть вторая: Описание провинциальных погребений // АЕ за 2003 год. М.: Наука, 2004. С. 154—194.
36. В литературе можно встретить указание на различное количество существовавших в России губернских архивных комиссий. О. И. Шведова называет цифру 39; автор статьи о Смоленской комиссии С. Л. Солодовникова [13] со ссылкой на статьи

- Н. В. Бржостовской [7], с одной стороны, учебное пособие современных российских авторов по архивоведению [37], с другой, говорит о 40 и даже 41 комиссии.
- Здесь нет противоречий: каждый из авторов по-своему прав, применяя различную методику подсчета. Если говорить об архивных комиссиях на время их ликвидации (1919 г.), исключив из них закрытую в 1910 г. Херсонскую и не являвшуюся уже к этому времени российской Холмскую (последняя к тому же ввиду начала первой мировой войны фактически перестала действовать), то получим цифру 39, которой мы и придерживаемся.
37. Алексеева Е. В. Архивоведение / Е. В. Алексеева, Л. П. Афанасьева, Е. М. Бурова. М.: РГГУ, 2007. С. 21.
  38. Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6—8 мая 1914 г. СПб., 1914.
  39. Выступление К. И. Тихомирова не осталось незамеченным, о чем свидетельствует содержание письма председателя Особой комиссии по сохранению местных архивных материалов Русского исторического общества (РИО) А. Н. Куломзина от 22 апреля 1915 г., направленное на имя минского губернатора А. Ф. Гирса. В нем говорилось, что после доклада Николаю II председателем РИО, вел. князем Николаем Михайловичем постановлений Первого съезда представителей ГУАК, российский император просил РИО «принять меры для увеличения числа архивных комиссий, так, чтобы одна из них приходилась на каждую губернию» (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8959. Переписка с Особой комиссией по сохранению местных архивных материалов об учреждении в Минске ученой архивной комиссии).
  40. Тэзісы міжнароднай навукова-гэарэтычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы». Мінск, 1993. Ч. 1.
  41. Архивное дело в БССР (1918—1968): Сборник законодательных и руководящих документов / Сост. Е. Ф. Шорохов; под ред. А. И. Азарова. Минск: Полымя, 1972. 142 с.

С. М. Восович

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в., НАХОДЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В конце XIX — начале XX в. заметную роль в церковной жизни Беларуси играли православные братства — религиозно-общественные объединения духовных и светских лиц, деятельность которых определялась интересами и потребностями Русской православной церкви. Они активно занимались просветительской, благотворительной, миссионерской, церковно-благоустроительной, а в начале XX в. — и экономической деятельностью. Однако в отечественной историографии недостаточно изучена история этих церковно-общественных организаций. Поэтому данная статья поможет будущим исследователям провести системный, всесторонний и последовательный анализ развития православных братств в Беларуси во второй половине XIX — начале XX в.

Источники по истории братств можно разделить на несколько основных типов:

законодательные документы и нормативные акты;
делопроизводственная документация;
издания православных братств.

К первому типу источников относятся законодательные документы, регламентировавшие деятельность братских объединений. Особенно ценным из них является Закон от 8 мая 1864 г. «Основные правила для учреждения православных церковных братств» [1]. К нормативным актам относятся уставы православных братств. В них зафиксированы цели, задачи, состав, структура и средства существования указанных церковно-общественных организаций. Данный тип источников позволяет проследить отношение государства и местных гражданских властей к братствам, так как уставы этих объединений утверждались правящими архиереями только после согласования с губернаторами.

К делопроизводственным документам можно отнести следующие группы материалов: 1) журналы заседаний братских советов и общих собраний братств; 2) распорядительная документация; 3) деловая переписка братских советов; 4) отчетная документация; 5) документы текущего учета (например, списки членов братств, ведомости членских взносов).

К печатной продукции братств относятся не только книги, брошюры и листки, изданные данными религиозными союзами, но и периодические церковные издания, находившиеся в ведении братских объединений. В 1905 г. Витебскому Свято-Владимирскому братству были переданы «Полоцкие епархиальные ведомости», а в начале XX в. Виленское Свято-Духовское братство стало издавать свой «Вестник».

В Национальном историческом архиве Беларуси и в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно находится немного документов, касающихся истории православных братств Беларуси. В НИАБ в г. Гродно хранятся источники по истории братств, действовавших на территории Гродненской губернии: Брестского Свято-Николаевского, Кобринского Александро-Невского, Волковысского Свято-Петро-Павловского, Супрасльского Благовещенского, Слонимского Преображенского и др. В указанном архиве не имеется специальных фондов по истории данных церковно-общественных союзов. Отдельные сведения о них встречаются в фондах Канцелярии гродненского губернатора, Гродненского губернского правления, Гродненской Контрольной палаты, отдельных церквей Гродненской губернии. Например, сведения по истории Брестского Свято-Николаевского братства находятся в фонде 1 (Оп. 9. Д. 858, 1016; Оп. 16. Д. 1146; Оп. 17. Д. 881; Оп. 18. Д. 241, 2516) и фонде 853 (Оп. 1. Д. 8). Данные по Волковысскому братству также содержатся в фонде 1 (Оп. 8. Д. 2511; Оп. 16. Д. 780; Оп. 17. Д. 881), фонде 22 (Оп. 1. Д. 12) и фонде 853 (Оп. 1. Д. 8).

Материалы по истории большинства братств, находящиеся в НИАБ в г. Гродно, разбросаны не только по разным фондам, но и делам, затрагивающим различные аспекты общественной жизни населения. Например, сведения по истории Слонимского Преображенского братства встречаются в материалах «Дела по прошениям разных лиц о разрешении им открыть трактиры, биллиардные, о разрешении покупки земли и другие» (Ф. 1. Оп. 18. Д. 485).

Дел, посвященных исключительно деятельности братств, в НИАБ в г. Гродно немного. Например, дело 1833 описи 8 фонда 1 дает представление только об учреждении Кирилло-Мефодиевского братства при Пухловской Свято-Покровской церкви Бельского уезда Гродненской губернии. А дело 2043 описи 8 фонда 1 посвящено предоставлению сведений виленскому генерал-губернатору о Слонимском Преображенском братстве.

В целом материалы НИАБ в г. Гродно фрагментарны и не позволяют составить более-менее полное представление об истории какого-либо отдельного братства Гродненской губернии. Тем не менее, они помогают проводить исследование братского движения, так как содержат отдельные сведения по некоторым братствам. Например, при изучении благотворительности братств исследователю помогут материалы дел 126, 191, 390 описи 18 фонда 1. В данных делах содержится информация об организации Друскенинским братством лотереи, средства от которой шли на благотворительные цели. При определении целей и задач деятельности братств помогут многочисленные данные по Кобринской Александро-Невской братской организации, приведенные в деле 970 описи 9 фонда 1.

НИАБ в г. Гродно содержит материалы не только по городским братствам, но и по сельским приходским церковно-общественным организациям. Указанные сведения хранятся в фондах отдельных церквей, при кото-

рых были открыты местные приходские братства. Например, в деле 3 описи 1 фонда 1707 приведены данные о количестве братчиков и пожертвованных ими средствах с 1892 г. по 1906 г. в пользу братства, которое существовало при Сычевской церкви в честь св. Параскевы в Брестском уезде. Находятся в архиве некоторые сведения и по монастырскому Супрасльскому братству, и по Гродненскому, которое в 1900 г. стало епархиальным. Так, материалы по истории Супрасльского Благовещенского братства содержатся в деле 2516 описи 18 фонда 1, а в деле 97 (л. 199—203) описи 1 фонда 23 приведен устав кассы взаимопомощи при Гродненском Софийском православном братском объединении.

Вообще в вышеперечисленных источниках приведены не только уставы большинства указанных церковно-общественных организаций, но и отчеты об их деятельности, списки членов за отдельные годы, а иногда и прошения прихожан об учреждении данных религиозных союзов. Большую помощь исследователям в изучении братского движения в западных регионах Беларуси могут оказать опубликованные в «Литовских епархиальных ведомостях» и «Гродненских епархиальных ведомостях» отчеты и уставы некоторых братских организаций.

Что касается НИАБ, то здесь находится больше, чем в НИАБ в г. Гродно, материалов по истории братского движения. В НИАБ имеются фонды, специально посвященные деятельности отдельных братств Восточной Беларуси. Фонд 2556 содержит материалы исключительно по истории Витебского епархиального Свято-Владимирского братства, а фонд 2318 — Могилевского Богоявленского братства. Объемы указанных фондов не одинаковы. Фонд 2556 содержит всего лишь два дела, которые раскрывают деятельность противораскольнического миссионерского комитета, созданного при Витебском братстве в 1894 г. Эти дела показывают состав братского миссионерского комитета, его деятельность в 1897—1898 гг. Исследователь имеет возможность познакомиться с задачами, средствами и результатами миссионерской работы Витебского братства в указанный период. В делах приведены списки окружных миссионеров Полоцкой епархии, помогавших братскому комитету, и анализируется их миссионерская работа. Однако на основании этих архивных данных нельзя составить полного представления о развитии и деятельности Свято-Владимирского братства в 1887—1914 гг. Но недостаток информации архивных документов восполняют опубликованные в «Полоцких епархиальных ведомостях» уставы и ежегодные отчеты о деятельности данного братства. При этом следует заметить, что в 1904 г. миссионерский годовой отчет был напечатан отдельно от братского отчета. Кроме того, в «Полоцких епархиальных ведомостях» иногда печатались акты общих годичных собраний членов Витебского братства.

Ценным источником по истории Свято-Владимирского церковно-общественного объединения является также и «Описание предметов древнос-

ти, поступивших в Витебское епархиальное церковно-археологическое древлехранилище по ноябрь 1897 года» [2]. В нем приведены история создания, устав и каталог предметов Витебского епархиального церковно-археологического музея, который был создан братством в конце XIX в.

В отдельных номерах «Полоцких епархиальных ведомостей» печатались некоторые ежегодные отчеты деятельности и списки членов Полоцкого братства во имя святителя Николая и преподобной княжны Евфросинии. Данная церковно-общественная организация была создана в 1867 г. В начале XX в. местное периодическое церковное издание Полоцкой епархии стало печатать информацию и о вновь открытых братствах: Двинском Александро-Невском, Училищном Спасо-Евфросиниевском и др. [3; 4].

Фонд 2318 содержит 40 дел, раскрывающих историю Могилевских братств в 1870—1906 гг. Хотя фонд и носит название «Могилевское Богоявленское братство», однако в нем есть дело (№ 1), относящееся к истории Могилевского Александро-Невского братства, существовавшего в 1865—1877 гг. Другие дела фонда раскрывают историю Могилевского Богоявленского братского союза. В них имеются братские отчеты с 13 февраля 1883 г. по 1892 г., журналы некоторых общих братских собраний и совета, устав 1886 г., а также материалы, касающиеся открытия Оршанского, Мстиславского и Гомельского отделений Богоявленского братства. Большим подспорьем в изучении истории Богоявленского объединения являются опубликованные в «Могилевских епархиальных ведомостях» ежегодные отчеты данной организации.

Сведения по истории братств Минской епархии находятся в отдельных делах фонда 136. Например, дело 31490 показывает безуспешную попытку Св. Синода открыть миссионерские братства в Минской епархии, а дело 37402 раскрывает некоторые моменты создания братства законоучителей, работавших в светских учебных заведениях г. Минска. Одним из наиболее ценных дел, находящихся в фонде 136, на наш взгляд, является дело 30544. В нем содержатся рапорты благочинных об учрежденных и существовавших в начале 1860-х гг. в Минской епархии церковных братствах, а также приведен первый в Северо-Западном крае братский устав (Станьковского благочиния) середины XIX в. Материалы указанного дела позволяют опровергнуть утверждение М. О. Кояловича о том, что братства в начале 60-х гг. XIX в. существовали почти при каждой церкви Минской епархии. При этом следует подчеркнуть, что это ошибочное утверждение оказало огромное влияние на раскрытие истории братского движения второй половины XIX — начала XX в. и впоследствии приводилось другими дореволюционными историками, которые занимались исследованием братств Северо-Западного края. Материалы дела 30544 (л. 8—10) убедительно свидетельствуют о том, что в конце 1863 г. в Минской епархии насчитывалось всего 107 братств. Отчеты о деятельности и уставы некоторых братских объеди-

нений Минской епархии печатались также и в местном церковном епархиальном периодическом издании.

Материалы по истории отдельных братств Беларуси находятся и в Литовском государственном историческом архиве. Немногочисленные дела содержатся в фонде 378 (Канцелярия виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора). Например, дело 824 за 1863 г. общего отдела указанного фонда посвящено участию братчиков Ильинского и Полякова в выделении леса из казенных дач на строительство церкви и школы в с. Фасты Гродненской губернии. А дело 1285 за 1864 г. общего отдела того же фонда было открыто по поводу просьбы церковного братства и жителей г. Новогрудка о выделении пособия на ремонт местной Свято-Борисо-Глебской церкви.

В фонде 378 находятся дела, относящиеся к истории братств не только Гродненской губернии. В нем есть дела по истории братского движения других регионов Беларуси. Например, дело 1715 за 1865 г. содержит материалы по истории Пропойского церковного братства (находилось в Могилевской епархии), а дело 1605 за тот же год раскрывает безуспешную попытку создания в 1865 г. Спасо-Евфросиниевского братства в г. Витебске.

В Литовском государственном историческом архиве большинство дел, затрагивающих историю братств, имеет сведения о деятельности данного типа церковно-общественных организаций, находившихся в Литовской епархии. Наиболее ценными из указанной группы дел являются документы, раскрывающие деятельность Виленского Свято-Духовского православного братства, которое до 1900 г. считалось главнейшим среди всех подобных религиозных союзов в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях (оно распространяло свои действия на территорию всей Западной Беларуси). Большинство материалов по истории Виленского братства находится в фонде Виленского Свято-Духовского монастыря (Ф. 610). Значительная часть из них — это протоколы заседаний братского совета. Однако на основании этих протоколов нельзя составить полного представления о культурно-просветительской, благотворительной и миссионерской деятельности данного объединения. Поэтому пробелы в сведениях об этих видах деятельности восполняются братскими отчетами, опубликованными в «Литовских епархиальных ведомостях» и «Вестнике Виленского Свято-Духовского братства». В середине 70-х гг. XIX в. в «Литовских епархиальных ведомостях» были опубликованы даже протоколы заседаний совета указанной организации.

После образования в 1900 г. Гродненской епархии Виленское братство осталось епархиальным только для Литовской епархии, в которой в начале второго десятилетия XX в. приступили к составлению подробной истории епархиального братского объединения. В ходе этой работы в «Вестнике Виленского Свято-Духовского братства» были опубликованы материалы из архива виленского генерал-губернатора, подобранные А. И. Миловидовым [5]. Эти материалы интересны тем, что позволяют составить представление об от-

ношении правительства, виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева к возрождению братского движения на территории Беларуси и Литвы.

Большим подспорьем в изучении братского движения является исследование братских отчетов, изданных в виде отдельных брошюр. Для создания более полной картины просветительской деятельности братств исследователям необходимо также познакомиться с братской печатной продукцией, так как почти все епархиальные объединения Беларуси занимались в рассматриваемый период издательской деятельностью.

Таким образом, для проведения системного, всестороннего и последовательного анализа развития и деятельности православных братств Беларуси в 1861—1914 гг. необходимо использовать материалы НИАБ, НИАБ в г. Гродно, а также Литовского государственного исторического архива. Однако архивные материалы из-за своей фрагментарности не дают возможности составить полное представление о братском движении Беларуси в указанный период. Поэтому исследователям необходимо обратиться к материалам, опубликованным в местных епархиальных церковных периодических изданиях, а также изучить братские издания.

Л и т е р а т у р а

1. Указ из Св. Синода // Литовские епархиальные ведомости. — 1864. — № 18. — С. 649—655.
2. Довгялло, Д. И. Описание предметов древности, поступивших в Витебское епархиальное церковно-археологическое древлехранилище по ноябрь 1897 года / Д. И. Довгялло, Н. Я. Никифоровский. — Витебск: Губернская типолитография, 1899. — 89 с.
3. Отчет о состоянии и деятельности Двинского православного Александро-Невского Братства за 1-й год (с 30 августа 1909 года по 1 сентября 1910 года) // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1910. — № 46 (официальный отдел). — С. 432—448.
4. Устав Спасо-Евфросиниевского Училищного Братства // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1910. — № 33 (официальный отдел). — С. 351—355.
5. Миловидов, А. И. К 50-летию возрождения Западно-русских братств при гр. М. Н. Муравьева / А. И. Миловидов // Вестник Виленского Св.-Духовского братства. — 1913. — № 12. — С. 230—232; № 13—14. — С. 247—251; № 15—16. — С. 275—278.

И. Н. Шпилевская

РЕВИЗИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1857 г.

В XIX в. делопроизводство в государственных учреждениях на территории Беларуси было подробно регламентировано законами Российской империи. Документы ревизий делопроизводства губернских учреждений Российской империи, которые отражают реальную картину постановки делопроизводства на местах, являются значительным, но до сих пор не разработанным источником. Российскими учеными уделялось внимание описанию и анализу лишь сенаторских ревизий [1], основными целями которых являлись: проверка действий должностных лиц «для расследования и прекращения злоупотреблений»; раскрытие нужд местного населения; ознакомление на местах с работой учреждений; выявление недостатков и определение средств к улучшению работы [2]. О проведении на территории Беларуси в XIX в. сенаторских ревизий сведений не выявлено.

В соответствии с законодательством делопроизводство в учреждениях Российской империи наряду с вступлением, движением, исполнением, отправлением дел и ревизиями включало отчеты (в форме ведомостей) [3]. Конечным этапом в работе канцелярий являлись отчеты, на основании которых делались выводы о состоянии делопроизводства в учреждении. Выводы делались высшими чиновниками губернии, в первую очередь, губернским прокурором и стряпчими. В соответствии с положениями главы «О прокурорской должности» закона «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г., в обязанность прокурора вменялись надзор за сохранением законодательно установленного порядка производства и отправления дел, доклад губернскому наместническому правлению и генерал-прокурору «о медленности по делам и производстве» [4].

В соответствии с Законом 1837 г. устранение недостатков в ведении делопроизводства велось за счет собственных средств виновных канцелярских служащих путем найма вольнонаемных: «В случае чрезмерного накопления дел ... происшедшего от беспечности и нерадения начальника губернии, вице-губернатора и советников, если для решения оных признано будет необходимым учредить при губернском правлении особое временное отделение, то издержки на содержание ононого обращаются на виновных» [5, с. 463].

Действие этого закона отражают документы о ревизиях Бобруйского, Пинского и Борисовского городских магистратов и Докшицкой городской ратуши, содержащиеся в архивном фонде «Минский гражданский губернатор». Ревизии прошли по предложению управляющего Министерством юстиции начальнику Минской губернии от 24 июля 1857 г. на основании принесения минского губернского прокурора.

Первый документ — предложение исполняющего обязанности губернатора вице-губернатора от 11 декабря 1857 г. Минскому губернскому правлению об «упущениях» по делопроизводству в Бобруйском, Пинском и Борисовском городских магистратах и Докшицкой городской ратуше [6, л. 2]. Для устранения этих нарушений Пинский городской магистрат был «обревизован» самим вице-губернатором и заключение по ревизии передано в губернское правление на рассмотрение. Делопроизводство Бобруйского магистрата было ревизовано заседателем Бобруйского уездного суда Зябковским.

К предложению прилагалась «Опись бумагам, следующим к предложению начальника губернии от 14 декабря за № 17992» [6, л. 3]. Вся переписка канцелярии губернатора по этому вопросу по описи была препровождена в губернское правление для «законного постановления». В описи среди представленных документов значились: предложение управляющего Министерством юстиции от 24 июля за № 13404; рапорты Бобруйского городского магистрата от 9 сентября № 237, пинского уездного стряпчего от 20 сентября № 801, бобруйского уездного стряпчего от 22 сентября № 722, Пинского городского магистрата от 24 сентября № 640 и 5 октября № 649; рапорт заседателя Бобруйского уездного суда Зябковского от 25 октября № 2004, бобруйского уездного стряпчего от 24 октября № 842; рапорт Зябковского с четырьмя ведомостями о ревизии Бобруйского городского магистрата от 14 сентября № 26, рапорт исполняющего должность пинского стряпчего от 26 сентября № 934, рапорт Пинского городского магистрата от 24 ноября № 707 и 13 ноября № 724, список минского губернского правления за № 8193. Приведем некоторые из перечисленных документов с небольшими сокращениями.

Замечания минского вице-губернатора после ревизии пинских присутственных мест:

«В Пинском земском суде.

Нерассмотренных дел и неисполненных бумаг до 6 числа сентября 1857 г. (день ревизии) ничего не осталось. Все установленные по наказу о земской полиции книги заведены и содержатся в исправности, некоторые только из них были не пронумерованы и не припечатаны, но это исправлено при ревизии. При просмотре распорядительных реестров, заведенных по столам, найдено, что некоторая часть текущих бумаг разрешена поздно, то есть по истечении месяца, двух и более [...]».

В исходящей книге в подлежащей графе нет отметок о времени отсылки исходящих бумаг, вместо чего не согласно с заголовком той графы поясняется, через кого посылается бумага. Не сделано всех отметок по книге поручениям, данным приставу 1-го стана Пинского уезда и при ревизии оказалось, что некоторые поручения, показанные за сим приставом, окончательно уже им исполнены.

* Опушен текст, в котором приведены три примера.

Понуждения становым приставам о скорейшем окончании порученных им дел и исполнении важнейших поручений посылались очень редко, представлений же губернскому начальству об их медленности вовсе из суда не посылается, в алфавит не внесены архивные дела с 1848 г.

В Пинской городской полиции.

До 6 октября осталось три гражданские дела, начавшиеся в июле, августе и сентябре месяцах, кои приостановились в окончании на неполучении от тяжущихся требуемых объяснений и документов, уголовных же дел собственно за полицию не числится. Исполнение по текущим бумагам делается довольно успешно и следствием сего до 6 сентября осталось 7 неисполненных бумаг, поступивших последних чисел августа и первых сентября 1857 г.

Журналы изготовлены за все числа и просмотр оным делается стряпчим своевременно.

Все установленные законом книги заведены и содержатся в исправности, но из них, кроме денежных, ни одна не пронумерована и не скреплена, что исправлено при ревизии.

Генеральной описи делам, находящимся в архиве, равно алфавита сим делам нет» [6, л. 3, 4].

При ревизии частных приставов были отмечены неисполненные поручения. В квартирной комиссии замечаний не было.

«В городской думе.

Исполнение по текущим бумагам делается поздно и едва половина оных исполнялась своевременно, остальные же исполнены по истечении месяца, двух и более [...]».

По входящему реестру, против некоторых бумаг была сделана отметка, доложить присутствию со справкою, но бумаги эти окончательно не были разрешены через несколько месяцев. По сему же реестру нет отметок против многих бумаг и об исполнении, между тем, когда бумаги эти потребованы при ревизии, оказалось, что они давно уже исполнены, но не сделано отметок об исполнении. Кроме того, по сему же входящему реестру в 7-й графе нет отметок, кто принял бумаги к исполнению.

В бухгалтерской части беспорядков и упущений не найдено, кроме того только, что некоторые книги, в коих заключается извлечение коробочных и другого рода сумм, не были прошнурованы и не припечатаны, но это при ревизии исправлено.

В Пинском городском магистрате.

До 7 сентября осталось нерешенных дел уголовных — 109 и гражданских — 57, из числа сих дел числится магистратом уголовных 102 и гражданских 28, прочие же за другими местами по неполучению справок, документов и тому подобного. Из остающихся собственно за магистратом дел,

* Опушен текст, в котором приведены три примера.

находятся поступившие в оный в 1850 году — 1, в 1851 — 3, в 1852 — 1, в 1853 — 7, в 1854 — 10, в 1855 — 19, в 1856 — 22, в 1857 — 67. Все эти дела остаются без малейшего движения и едва из некоторых начаты составляться выписки, а по делам, числящимся за прочими местами, не имеется должного наблюдения, и следствием сего весьма редко посылаются подтверждения и повторения в подлежащие места [...]».

Настольного реестра входящим бумагам не заведено и посему не может быть должного наблюдения за своевременным исполнением оных, при том не представляется возможности к верной отчетности о неисполненных бумагах, при ревизии же показано по ведомости и представлено на лицо секретарем 20 неисполненных бумаг, поступивших в сентябре месяце. Настольный реестр делам и прочие книги заведены на 1857 г. и содержатся довольно удовлетворительно.

Журналы написаны за все время, но в оных, в графе, где должно быть показано время исполнения, нет никаких отметок.

Алфавита делам, находящимся в архиве, вовсе нет.

Накопление дел в магистрате последовало (как объяснили при ревизии члены и секретарь оного) с прежних лет по вине бывшего секретаря Окулича, который при перемещении его в Борисовский городской магистрат передал настоящему секретарю Мурзичу 30 апреля 1856 г. нерешенных дел уголовных — 109, гражданских — 45, а также 145 неисполненных бумаг, что подтвердилось по пересмотре передаточной описи. При таком остатке дел прежних лет и при значительном поступлении новых магистрат, не предвидя возможности очистить оные собственными средствами, вошел с представлениями в губернское правление сначала о прикомандировании в него чиновников из других присутственных мест для отписки старых дел и о даче разрешения на приискание вольнонаемных способных людей на счет остатка городских сумм, а потом об оказании вспомоществования магистрату по усмотрению начальства к скорейшему очищению накопившихся дел; но губернское правление отказалось в таковых представлениях, по неимению в виду закона, на основании которого могло быть удовлетворено ходатайство магистрата, а лишь предписало очистить накопленные дела собственными средствами и за неисполнение сего в назначенные сроки подвергало членов и секретаря магистрата замечаниям, выговорам в предварении удаления их от должностей.

Канцелярия Пинского городского магистрата составлялась из секретаря и трех писцов, но один из них болен несколько уже месяцев, одна вакансия остается праздною по неприисканию желающего и посему в настоящее время занимается отпискою дел секретарь с одним только писцом. Из членов магистрата один только ратман Бобров знает хорошо русскую грамоту и мог бы заниматься отпискою дел и бумаг, но является к должности (как

* Опушен текст, в котором перечислены дела, остающиеся за магистратом.

докладывали при ревизии пинский уездный стряпчий и секретарь магистрата) не раньше 12 часов поутру лишь только для подписки журналов, и делаемые ему стряпчим напоминания нимало не действуют.

О Пинском сиротском суде.

Нет настольного реестра входящим бумагам и посему не может быть должного наблюдения за своевременным исполнением оных, при том не представляется возможности к верной отчетности о неисполненных бумагах, при ревизии же показано по ведомости и представлено налицо секретарем 10 неисполненных бумаг, поступивших в июне, июле и августе месяцах 1857 г.

Прочие книги заведены на 1857 г. и содержатся исправно [...]*.

По всем почти опекунским и административным управлениям не представлены отчеты на ревизию в Минскую гражданскую палату со времени учреждения опекунских и административных управлений о вытребовании каких-либо отчетов заведена Сиротским судом с пинской городской полицией переписка с 1 августа 1856 г.

У пристава 1 стана Пинского уезда [...]**.

Неисполненных поручений — 131, некоторые из них оставались без всякого движения по два и более года после первоначальных распоряжений, заключающихся в посылке тысяцким и пятисотским предписаний. В исполнении сих поручений не предстоит особенного затруднения, так как исполнение заключается в объявлении указа какого-нибудь губернского присутственного места и взыскании гербовых пошлин, во вручении повестки и тому подобного, но медленность происходит по ненаблюдению пристава над подведомственными ему полицейскими служителями за исполнением данных им предписаний.

Реестр входящим бумагам содержался неисправно, ибо против многих бумаг нет никаких отметок ни о первоначальном распоряжении, ни об окончательном исполнении, между тем при ревизии оказалось, что некоторые из них совершенно исполнены и посему неисполненных бумаг и поручений оказалось почти вдвое против наличных; затем, дабы иметь верный счет о неисполненных поручениях и должное наблюдение над подведомственными пристава полицейскими служителями за исполнением данных им предписаний, следует непременно сделать верные отметки по входящему реестру.

Все книги по наказу о земской полиции заведены и содержатся исправно» [б, л. 4, 8об].

Приставу 2 стана Слуцкого уезда были сделаны такие же замечания.

В Несвижской городской ратуше, Несвижском сиротском суде и Несвижской городской думе не замечено «беспорядков и упущений» по делу производству.

* Опущены два абзаца текста о количестве дел, не оконченных производством.

** Опущен один абзац текста о количестве дел, не оконченных производством.

Таким образом, в делопроизводстве вышеперечисленных присутственных мест самыми распространенными замечаниями были:

отсутствие регистрационных форм (настольного реестра);

ведение настольного реестра с отступлениями от правил: незаполнение граф об исполнении бумаг (там, где реестр не заводили, ревизорам представляли «Ведомости», например, бумагам или делам нерешенным);

отсутствие в журналах отметок о времени исполнения;

медленность в решении дел;

слабая исполнительская дисциплина;

отсутствие в архивах: 1) алфавита делам; 2) генерального алфавита делам.

Ревизия Бобруйского городского магистрата, которую произвел заседатель Бобруйского уездного суда титулярный советник Викентий Осипович Зябковский, выявила следующее:

«1-е) Входящий регистр за 1857 г. ведется аккуратно, за прошлые же годы нет в исполнении по некоторым подлежащим отметок.

2-е) Прочие книги, относящиеся канцелярского порядка, за настоящий год ведутся в надлежащей исправности, кроме книг для отсылки к стряпчему журналов и протоколов, которых вовсе нет.

3-е) По денежным книгам в счетоводстве ошибок нет, приход-расход записан правильно как за настоящий год, так и равно и за прошлые годы, оные свидетельствованы ежемесячно комплектом членов при уездном стряпчем.

4-е) Отчеты за 1856 г. своевременно в казенную палату представляемы.

5-е) По настольному регистру отметок, куда бумага приобщена, нет.

6-е) Нарядов исполненным бумагам и описи оным нет, равно окончательно исполненным делам не учинено надлежащих описей и не внесены в архивную опись.

7-е) Бумаги разрешаются не по очереди, они вносятся в настольный регистр произвольно, резолюции по оным составляет секретарь, и таковые вносит в докладной писец одного магистрата [...]*.

10-е) Текущих бумаг не разрешено по 10-е сентября. Бумаги, поступившие в магистрат, записаны по входящим книгам под тем числом, когда поступили, и разрешаются того-же самого дня, а некоторые через несколько дней, недель и далее.

11-е) Журналы составлены по 22 августа, оные подписаны не всеми членами, а уездным стряпчим, однако же пропущены, а именно, в числах августа м[есяц]а 1857 года 9-го, 20-го и 21-го.

12-е) О неисполнении предписания Минского губернского правления от 14 февраля № 801 о деле Кривошеевой» [решение об исполнении было

* Далее опущены два листа текста, где отмечено количество и перечислены не оконченные производством гражданские и уголовные дела.

принято в то время, когда само дело было отослано на дополнение магистратом в Бобруйский земский суд 30 апреля 1854 г. — *И. Ш.*], «а подтверждения Губернского правления остались в Магистрате в связках бумаг, как на сей предмет наряды не заведены».

13-е) В журнале 20 августа записано предписание Минского губернского правления от 28 мая 1857 г. № 4026, коим подтверждает в скорейшем решении дела о несостоятельности еврея Кацнельтона к уплате долга князю Кропоткину, и о исполнении донести губернскому правлению» [6, л. 12—16].

Далее с 14 по 16 пункт ревизором разбирались факты неисполнения и упущения в журнальных постановлениях.

«17-е) Архив магистрата в самом бедственном состоянии — нет никакого порядка делам, бумаги разброшены, нет даже связок по годам, а оные брошены на судьбу ... (sic!), так что для приведения оной в порядок нужно много трудов и прилежания» [6, л. 17—17об].

В заключение ревизор анализирует кадровый состав магистрата. Члены — бургомистр В. Окулич, Ф. Макаревич; ратманы — В. Жук, И. Ковбан, от евреев — Т. Белинский и Т. Шейнин; секретарь — И. Фалевич; писцы: Ф. Тризна и А. Сицимский. Из членов только в текущем году поступили на службу В. Окулич, В. Жук, И. Ковбан. Из членов со стажем только Т. Шейнин и В. Окулич «грамотные и понимающие дело». Новый секретарь поступил на службу в начале года и не в состоянии был привести магистрат в «какой-нибудь порядок» после беспорядков, оставшихся от прежних секретарей.

Отмечено также, что если бы стряпчий «наблюдал как следует за исполнением закона», а не соглашался с мнением магистрата, то магистрат мог быть приведен в порядок. Ревизор отмечал, что бывал в свободное время от присутствия в Бобруйском магистрате в то время, когда там должно быть заседание, но никогда членов магистрата не было, а одного только секретаря заставлял при занятии, а иногда бургомистра Окулича и Шейнина и на то стряпчий не обращал внимания. В заключении делался вывод, что «запущение» делопроизводства магистрата произошло от «нерадения» бывших секретарей и незнания службы членами магистрата и «ненаблюдения» уездного стряпчего.

К документам ревизий прилагались ведомости (на 21 листе) [6, л. 19—40]: «Ведомость Бобруйского городского магистрата делам гражданским нерешенным» из 46 дел, «Ведомость ... делам уголовным, состоящим на дополнении» из 9 дел, «Ведомость ... делам ..., состоящим на объяснении» из 35 дел, «Ведомость ... делам нерешенным уголовным» из 129 дел. Ведомости составлялись по следующей форме:

Ведомость Бобруйского городского магистрата делам уголовным, состоящим на дополнении [6, л. 25]

№ дела	Время начала дела	Содержание дела	Движение дела
5	1854 июля 19	О краже стога сена на лугах помещика...	Дело сие было решено Магистратом 24 февраля 1854 г. и представлено на ревизию в Минскую уголовную палату, которая нашла неполным и при Указе от 17 июля за № 4055 возвращено на дополнение...

В канцелярию начальника губернии поступил «Список с определением Минского губернского правления», состоявшегося 24 октября 1857 г. (последние листы отсутствуют).

«Слушали доклад: губернское правление, заметив большое накопление дел в Пинском городском магистрате, подтверждало оному 24 апреля, 18-го июня, 12-го июля 1856 года о принятии самых деятельных мер и должной заботливости к немедленному очищению сих дел, и на исполнение сего назначило сроки. Магистрат, отказываясь невозможностью исполнения предписанное собственными средствами, просил губернского правления, по уважению, что накопление дел последовало по вине бывшего секретаря Окулича, командировать из других присутственных мест писцов для усиления действий магистрата или разрешить оный на приискание вольнонаемных на счет остатка городских сумм. Губернское присутствие, не имея в виду закона, на основании которого могло бы быть удовлетворено это ходатайство Пинского городского магистрата, отказало оному в просимом и 25 октября 1856 года вновь подтвердило с учинением за медленность выговора, назначив срок на окончание накопленных дел к 1-му числу января 1857 года. Между тем исправляющий должность минского губернского прокурора заметил из доставляемых пинским уездным стряпчим ведомостей, что в тамошнем городском магистрате остаток нерешенных дел несколько не уменьшается, 17 октября 1856 года вошел с представлением к г[осподину] начальнику губернии об оказании тому магистрату вспомоществования к успешному окончанию накопленных дел. Вследствие сего его превосходительство 31 декабря 1856 года строжайше подтвердил членам и секретарю Пинского городского магистрата, чтобы занялись со всем усердием к очищению дел по магистрату, ибо при дальнейшем бездействии они устранены будут от должностей с преданием суду. Засим исправляющий должность минского губернского прокурора, не видя успеха со стороны Пинского магистрата в решении дел, сообщил в губернское правление...», чтобы оно вместо напоминаний и подтверждений оказало более существенную помощь «к очищению остающихся дел» [6, л. 45, 46]. Губернское правление же «не имеет никаких средств и воз-

возможности потому, что доходы города Пинска (не покрывают даже сметных расходов) находятся в таком неудовлетворительном состоянии, что из них решительно не представляется способов к таковому вспомоществованию, равно не представляется возможности оказать пособие назначением писцов из других мест, потому что в полиции по штату всего один писец, а в думе состоят таковые по вольному найму и число лиц по мере средств зависит от усмотрения самой думы. Вместе с тем, обращая внимание, что на правлении по закону лежит обязанность понуждения и взыскания с виновных за медленность, а потому по определению 19 апреля 1857 года, исполненному 29-го того ж апреля, заключило: членов и секретаря Пинского городского магистрата за непринятие мер в продолжении целого года к очищению накопленных дел и невнимание к подтверждениям начальства хотя следовало согласно предварению [господина] начальника губернии от 31-го декабря 1856-го года, отстранить от должностей с преданием суду, но на этот только раз ограничится сделанием им строгого выговора со внесением в книгу и посылкою строжайшего подтверждения, чтобы, отстранив дальнейшую медленность и нетерпимые по службе отговорки, употребили заботливость к безотложному очищению значительного остатка дел собственными средствами и старанием, имея в виду губернское начальство, что при дальнейшем неуспехе членов и секретаря магистрата по делопроизводству вынуждено будет подвергнуть их тому взысканию, о котором они уже предварены» [6, л. 46об—47об].

Пинский городской магистрат рапортовал об «успехах секретаря», усилиями которого с 1 мая 1856 г. по 1 апреля 1857 г. было решено 127 уголовных и 20 гражданских дел. Одному писцу магистрата было вменено в обязанность составление месячных ведомостей, требуемых уездным стряпчим. Но без «усиления канцелярских служителей» труд одного секретаря и двух писцов, которые оформляли также и дополнительно учрежденные послеобеденные заседания без выходных дней «не в состоянии очистить накопления дел прежних лет». «Члены, не получая никакого жалования, не только лишены времени и средств к снисканию дневного пропитания, но, стремясь к очищению дел, заставлены с крайней своей обидою нанимать вольных по возможности своей, однако при всем этом не предвидится надежды, дабы при собственных средствах членов можно было ожидать очищения в скором времени всех дел» [6, л. 48, 48об]. Причиной увеличения документооборота магистрата называлось увеличение товарооборота на пристани реки. Пинск «есть многолюдный и в нем находится пристань, между судопромышленниками и самими жителями, занимающимися торговлею, возникают разные дела и поступают в немалом количестве в магистрат» [6, л. 49]. Магистрат просил начальника губернии и губернское правление разрешить найм писцов «... на счет остатка городских сумм и добавить денег на канцелярские расходы» [6, л. 49об]. Повторно 29 июня 1857 г. магистрат доносил губернскому правлению о том, что с увеличением торговли в г. Пинске увеличилось коли-

чество дел в магистрате, и просил учредить в г. Пинске Коммерческий суд. Губернское правление указом от 27 сентября 1857 г. отклонило предложение об открытии в г. Пинске Коммерческого суда, обосновав это тем, что увеличение торговли в городе было связано с закрытием многих торгов по причине военного времени, а в данное время она вернулась в прежнее состояние.

Из Министерства юстиции поступило предписание управляющего Министерством юстиции от 24 июня 1857 г. № 13404 о мерах устройства Бобруйского, Пинского и Борисовского магистратов, в котором было предложено сделать распоряжение о замене в Борисовском магистрате секретаря Окулича, ответственного за делопроизводство, и вообще улучшить личный состав этих судебных мест [6, л. 56].

Таким образом, выявленные ревизиями в 1857 г. недостатки в ведении делопроизводства и принимаемые меры к их устранению подтверждают, что делопроизводство в Минской губернии, как и на всей территории Беларуси, велось в соответствии с законами Российской империи.

Во второй половине XIX в. продолжали действовать установившийся еще в 1775 г. иерархический порядок подчиненности и должностные инструкции высших губернских чиновников, например, прокурора.

Материалы ревизий выявили жесткую регламентацию правил ведения делопроизводства в учреждениях, которая требовала производить устранение недостатков в ведении делопроизводства за счет собственных средств виновных канцелярских служащих путем найма вольнонаемных [4].

Чиновниками при проведении ревизий отмечались:

увеличение документооборота в связи с развитием экономических отношений;

недостаточная подготовка кадрового состава присутственных мест;

слабая трудовая и исполнительская дисциплина канцелярских служащих;

недостаточное количество кадров в канцеляриях присутствий.

Л и т е р а т у р а

1. Паина Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы. XIX — нач. XX в. / Э. С. Паина // Некоторые вопросы изучения исторических документов. XIX — нач. XX в. — Л., 1967. — С. 147—176.
2. Сенаторские ревизии // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. — СПб., 1890. — Т. XXIX-A. — С. 504.
3. Учреждение для управления Сибирских губерний, 22 июня 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи: собр. 1. — СПб., 1830. — Т. 38. — Ст. 29125. — С. 367; Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи, повелениям государя императора Николая первого составленный. — СПб., 1892. — Т. 2. — С. 18—40.

4. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи: закон Российской империи, 7 нояб. 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи: собр. 1. — СПб., 1830. — Т. 20. — Ст. 14392. — С. 280.
5. Высочайше утвержденное положение о порядке производства дел в губернских правлениях: именной указ, 3 июня 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи: собр. 2. — СПб., 1838. — Т. 12. — Ст. 10304. — С. 439—463.
6. «Рапорты уездных стряпчих об обревизованности и состоянии делопроизводства Минской губернии 1857—1860 гг.» // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 1350.

В. В. Гарбачова

ЯЎСТАФІЙ ЯНУШКЕВІЧ І ЯГО ЎСПАМІНЫ*

У гістарыяграфіі Яўстафій Янушкевіч у большай ступені вядомы як занавальнік польскай кнігарні і друкарні ў Парыжы, што знаходзіць адлюстраванне ў даследаваннях Л. Гадона, А. Грабскага, В. Захароўскага, С. Траяновіч, А. Баршчэўскай, А. Класоўскага і інш. [15, 17, 45, 44, 6, 20]. На гэтую сферу дзейнасці звяртаецца ўвага ў працах і самога Я. Янушкевіча [18]. Адначасова з гэтым даследчыкамі не абмінаўся таксама яго ўдзел у эмігранцкіх таварыствах [5, 2]. Разам з тым трэба адзначыць, што ў эміграцыі Яўстафій Янушкевіч апынуўся ўжо сфарміраванай асобай.

Яўстафій Напалеон Севярын Станіслаў Костка Янушкевіч нарадзіўся 26 лістапада 1805 г. у в. Прусы Слуцкага павета Мінскай губерні. Паходзіў ён з вядомага шляхецкага роду. Яго бацька Міхал Янушкевіч (28.01.1772—14.2.1826), гранічны суддзя, меў значныя ўладанні на Міншчыне, сярод якіх спадчынны маёнтак Дзягільна. Маці, Тэкля Сакалоўская, па лініі сваёй маці Францішкі Галецкай знаходзілася ў сваяцкіх адносінах з родам Касцюшкаў [43]. Яўстафій меў трох братоў Адольфа, Рамуальда** і Януарыя*** і тры сястры Соф'ю****, Юлію***** і Касільду*****. Дзве сястры Каміла і Валерыя памерлі ў малалетстве. Пачатковую адукацыю Яўстафій атрымаў у дамініканскай школе ў Нясвіжы, дзе правучыўся 5 гадоў, пасля чаго працягнуў навучанне ў Віленскай гімназіі, атрымаўшы ў чэрвені 1821 г. дыплом аб яе заканчэнні [43]. Наступным этапам стала навучанне ў Віленскім універсітэце, які ён пакінуў 26 чэрвеня 1824 г.***** і з 1825 г. распачаў працу ў Радзіві-

* Артыкул падрыхтаваны пры дапамозе Касы імя Юзафа Мяноўскага.

** Біяграфічныя звесткі аб жыхці Адольфа і Рамуальда Янушкевічаў гл. [1, с. 380—382].

*** Януарый (х. 30.1.1816), малодшы з чатырох братоў Янушкевічаў, які адзіны пасля паўстання 1830—1831 гг. застаўся пры маці ў Дзягільна. Ажаніўся з Марыяй Булгарынай, з якой меў чатырох дзяцей, якія памерлі ў маладзым узросце: Станіслава Яўстафія (1847—1850), Вітольда Адольфа (н. 1844), Міхала і Касільду (1842—1854) [4, арк. 26адв.; 43].

**** Соф'я (п. 1876) 17 чэрвеня 1830 г. выйшла замуж за ўласніка маёнтка Шырвінты, былога сябра таварыства філаматаў і філарэтаў, віленскага адваката Казіміра Пясецкага (1798—1882), з якім мела дачок Паўліну, Казіміру і сына Вацлава [43].

***** Юлія выйшла замуж за Міхала Кавалеўскага, з якім мела дачок Міхаліну, Марыю і сына Багдана [43].

***** Касільда, малодшая сястра Яўстафія Янушкевіча, выйшла замуж за былога сябра таварыства філарэтаў, удзельніка паўстання 1830—1831 гг. Міхала Кант-коўскага, ад якога мела сына Густава і дачку Ізабэлу [43].

***** Дыплом аб заканчэнні Віленскага універсітэта Янушкевіч атрымаў толькі 5 лютага 1826 г. [43].

лаўскай масе. Службовая кар’ера Янушкевіча развівалася досыць паспяхова. 28 жніўня 1828 г. ён атрымаў чын калежскага сакратара [43], а з 2 ліпеня 1829 г. быў запрошаны на пасаду генеральнага сакратара Пракураторыі Радзівілаўскай масы.

Адначасова з выкананнем сваіх службовых абавязкаў Янушкевіч займаўся перакладчыцкай працай*, а таксама супрацоўнічаў з «Віленскім дзённікам»**. Разам з гэтым у яго праявілася цікавасць да гістарычных дакументаў Радзівілаўскага архіва, да якога адпаведна сваім працоўным абавязкам меў доступ. Аб сваіх навуковых пошуках ён паведамляў Лявелеву, з якім знаходзіўся ў добрых адносінах яшчэ з часоў студэнцтва [17, s. 152—153]. 10 жніўня 1830 г. Янушкевіч пазнаёміў Лявелева і са сваім першым выдаўнічым праектам — выданнем Метрыкі ВКЛ.

Кардынальна змяніла жыццё Янушкевіча паўстанне 1830—1831 гг., да якога ён далучыўся з самага пачатку, выконваючы абавязкі эмісара Цэнтральнага Віленскага паўстанцкага камітэта. Паўстанцкая актыўнасць Янушкевіча вымусіла яго да эміграцыі.

Нягледзячы на значнасць у жыцці Яўстафія Янушкевіча даэмігранцкага перыяду, ён амаль не даследаваўся гісторыкамі. Па сутнасці адзінай інфармацыйнай крыніцай аб яго жыцці 1805—1832 гг. з’яўляецца некралог, напісаны Браніславам Залескім для штогодніка Гісторыка-літаратурнага таварыства [9, s. 303—331]. Досыць аб’ёмны артыкул Залескага акрэслівае як агульныя накірункі дзейнасці Янушкевіча, так і ўтрымлівае шэраг падрабязнасцей прыватнага кшталту. Аднак трэба адзначыць, што выкарыстанне змешчанага Браніславам Залескім інфармацыі было абмежаваным. Адной з прычын гэтага з’яўляецца адсутнасць даследчыцкай мэты ў Залескага. Відавочна, што пры напісанні артыкула аўтар імкнуўся акрэсліць як мага больш шырокае кола дзейнасці Янушкевіча, не аналізуючы яе вынікаў і наступстваў. Яшчэ адной прычынай, паўплываўшай на абмежаванасць выкарыстання гісторыкамі змешчанага Залескім інфармацыі, выступае адсутнасць спасылак на выкарыстаныя крыніцы.

Яшчэ меншую інфармацыйную вартасць мае выданне, здзейсненае эмігранцкім сябрам Янушкевіча Юльянам Клячкам [19]. Невялікая брашурыка гэтага аўтара, якая выйшла адразу пасля смерці Янушкевіча, мае аднолькавую з некралагам мэту. Ю. Клячка ацэньвае дзейнасць свайго героя ў вы-

* Як адзначаецца самім Янушкевічам, ён займаўся перакладам трэцяга тома чатырохтомнага даследавання Жана П’ера Фрыдэрыка Ансіёна (1767—1832), прысвечанага палітычнай сістэме еўрапейскіх краін новага часу (Ancillon F. Tableau des révolutions du système politique de l’Europe. T. I—IV. Berlin, 1803), часткі якога ўдалося нават апублікаваць [13, s. 16; 17, s. 153].

** Дзейнасць Янушкевіча ў «Віленскім дзённіку» прыпадае на перыяд, калі выдаўцом і рэдактарам яго з’яўляўся Антоній Марціноўскі [13, s. 23].

давецкай галіне, а таксама спрабуе развязаць некаторыя стэрыятыпы, якія замацаваліся за ім у эмігранцкім асяроддзі.

Не істотна змянілася ўспрыманне асобы Яўстафія Янушкевіча і пасля з’яўлення артыкула Адама Левака [21, s. 595—597]. У публікацыі гэтага гісторыка таксама не надаецца неабходнай увагі перыяду 1805—1831 гг. у жыцці Янушкевіча. У пэўнай ступені гэта абумоўлівалася незнаёмасцю Левака з дакументальнай спадчынай Янушкевіча дапаўстанцкага перыяду, змешчанага ў асноўным у кракаўскіх архіўных сховішчах.

Змяніць узнікшую ў дачыненні да асобы Яўстафія Янушкевіча сітуацыю можа апрацоўка і даследаванне каштоўнейшых матэрыялаў са збору самога Янушкевіча, якія ўтрымліваюцца ў фондах Ягелонскай бібліятэкі. Папярэдне яны ўваходзілі ў склад кнігазбору Яўстафія Попеля і да 1939 г. захоўваліся ў Вялікіх Чаплях Келецкага ваяводства. Пасля заканчэння Другой сусветнай вайны рукапісы, што засталіся са збору Попеля, трапілі ў дэпазіт Ягелонскай бібліятэкі. У 1969 г. бібліятэка выкупіла шэраг матэрыялаў Попеляў [46, s. 87, 90], сярод якіх знаходзіліся ўспаміны Яўстафія Янушкевіча [13, 14] і яго жонкі Яўгеніі Ларыс [11, 12], карэспандэнцыя Янушкевіча з генераламі Юзафам Хлапціцкім, Генрыкам Дэмбінскім, Самуэлем Рожыцкім, Юзафам Скішынецкім, перапіска з Адамам Міцкевічам, Іаахімам Лявелем, Юльянам Нямцэвічам, Феліксам Вратноўскім, Браніславам Залескім, Леанардам Ходзькам, Валяр’янам Калінкай, Юльянам Клячкам і інш. [23—39]*, а таксама збор прыватных дакументаў Янушкевіча [43].

Апошняя з пазначаных спраў мае непасрэднае дачыненне да яго ўспамінаў. Відавочна, што пры напісанні сваіх мемуараў ім выкарыстоўваліся дакументы, у якіх зафіксаваны ўсе асноўныя этапы жыцця перыяду 1805—1870-х гг. Дадзеная справа, не ўведзеная яшчэ ў асноўны фонд рукапіснага аддзела Ягелонскай бібліятэкі, не мае сталага пагінацыі. Яна складаецца з асобных фасцыкулаў, сфарміраваных па змястоўна-храналагічным прынцыпе. Першы і другі фасцыкулы справы ўтрымліваюць матэрыялы аб нараджэнні і навучанні ў Нясвіжскай павятовай школе, Віленскай гімназіі і Віленскім універсітэце; трэці фасцыкул утрымлівае дакументы аб працоўнай дзейнасці Янушкевіча; чацвёрты звязаны з перыядам паўстання 1830—1831 гг. Значная частка матэрыялаў уключана ў асобны фасцыкул пад назвай «Лісты, адрасаваныя Яўстафію Янушкевічу». На гэтую частку не распаўсюджваецца асноўны прынцып упарадкавання справы. Яна ўключае лісты перыяду 1829—1863 гг. Пэўную каштоўнасць для даследчыкаў маюць яшчэ тры фасцыкулы разглядаемай справы — генеалагічныя матэрыялы, сабраныя і апрацаваныя самім Янушкевічам, падборка дакументаў, прысве-

* З пералічанай карэспандэнцыі апублікаваны лісты І. Лявелева да Я. Янушкевіча і яго жонкі Я. Ларыс [22].

чаных дачцэ Марыі Янушкевіч, а таксама неапублікаваная літаратурна-публіцыстычная спадчына Яўстафія Янушкевіча.

Акрамя Ягелонскай бібліятэкі матэрыялы са збору Попеляў трапілі таксама ў Гданьскую бібліятэку Польскай Акадэміі навук (30 адз. зах.) і бібліятэку Польскай Акадэміі мастацтваў у Кракаве (40 адз. зах.).

Рукапісныя мемуарныя матэрыялы Яўстафія Янушкевіча захоўваюцца ў дзвюх асобных справах аддзела рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі і прадстаўляюць сабой два сшыткі ў скураной аправе. Гэтыя дакументы адрозніваюцца паміж сабой як часам стварэння, так і формай напісання. Першы сшытак прадстаўляе сабой матэрыялы, якія ўзніклі ў 1871 г. і ахопліваюць перыяд ад нараджэння аўтара да яго ад'езду ў эміграцыю [13]. Гэтая частка па форме напісання ўяўляе сабой мемуары. Другая частка напісана ў форме дзённіка, які прадстаўляе сабой вытрымкі з карэспандэнцыі і нататак, распачатых ад 29 лістапада 1831 г. і даведзеных да жніўня 1851 г. [14].

Дапаўстанцкі перыяд жыцця Я. Янушкевіча знаходзіць адлюстраванне менавіта ў першай частцы яго ўспамінаў. Умоўна яны складаюцца з пяці асноўных раздзелаў. Першы з іх (s. 2—36) утрымлівае апісанне дзіцячых гадоў аўтара, перыяд навучання братаў Янушкевічаў у Нясвіжскай школе і Віленскім універсітэце, перыяд працы Яўстафія ў Радзівілаўскай масе. Другі раздзел, з трыццаць шостага па шэсцьдзят трэцюю старонкі, утрымлівае апісанне падзей паўстання 1831 г. Трэцяя частка ўспамінаў (s. 64—71) — апісанне ад'езду Янушкевіча ў эміграцыю. На дзесяці наступных старонках змяшчаюцца паэтычныя прысвячэнні Юліуша Славацкага і Станіслава Рапялеўскага, адрасаваныя аўтару. Апошняя, пятая частка ўспамінаў (s. 112—120), уяўляе сабой вынікі генеалагічнага даследавання, праведзенага Янушкевічам па гісторыі свайго роду.

У археаграфічным плане рукапіс прадстаўляе сабой блакнот памерам 10×15,5 см, які налічвае 128 старонак. Шэраг старонак пакінуты чыстымі (s. 82—111, 119, 121—128). Блакнот мае скураную вокладку зялёнага колеру з залатым цісненнем па краях. Польскамоўны тэкст запісаны з двух бакоў аркуша. Тэкст запісаны чорным атрамантам на лінаванай паперы XIX ст. жаўтаватага колеру з аўтарскай пагінацыяй у правым верхнім куце аркуша. Па тэксце сустракаюцца падкрэсліванні, якія тычацца ў асноўным геаграфічных назваў ці прозвішчаў. На старонку 68 прыклеены ліст папяроснай паперы блакітнага колеру, спісаны з двух бакоў. Гэты дакумент мае ранейшае паходжанне і датуецца прыкладна 1840 г. Напрыканцы дакумента змешчаны подпіс Янушкевіча. Матэрыял на старонках 116—118 прадстаўлены аўтарам у выглядзе генеалагічнай схемы.

Нягледзячы на тое, што рукапіс успрымаецца як чыставік, у ім сустракаюцца толькі нешматлікія праўкі, выкананыя ці шляхам закрэслівання і надпісання неабходнага тэксту над радком, ці выпраўленнем неабходнай літары. Мемуары не прызначаліся самім аўтарам да выдання. Пацверджаннем

гэтай думкі могуць служыць шматлікія моўныя і стылістычныя памылкі, дапушчаныя аўтарам па тэксце. Янушкевіч устаўляе ў рукапіс аўтарскія скарачэнні, сустракаюцца незавершаныя сказы, а таксама пропускі літар. Неабходна ўлічваць і той факт, што ўспаміны пісаліся для дачкі Марыі.

Што тычыцца моўных і лексічных асаблівасцей рукапісу, то яны адпавядаюць традыцыі правапісу XIX ст. У некаторых месцах аўтарам апускаюцца характэрныя для польскай мовы дэакрытычныя знакі.

Нягледзячы на тое, што ўспаміны Яўстафія Янушкевіча да сёняшняга часу ўтрымліваюцца толькі ў рукапісным выглядзе, яны ў пэўнай ступені ўжо вядомы даследчыкам. Па-першае, дзякуючы артыкулу Б. Залескага вядомы асноўны змест мемуараў Янушкевіча. Мажліва адназначна сцвярджаць, што Залескі карыстаўся рукапіснымі нататкамі апошняга, прыводзячы шматлікія падрабязнасці прыватнага характару з жыцця свайго сябра. Некаторыя фрагменты з успамінаў Янушкевіча трапілі ў друк. У большай ступені гэта тычыцца паэтычных твораў, прысвечаных Яўстафію Янушкевічу, якія Б. Залескі змясціў напрыканцы свайго твора.

Адным з такіх вершаў, адрасаваных Янушкевічу і вядомых даследчыкам, з'яўляецца паэтычнае прысвячэнне Юліуша Славацкага. Гэты твор быў напісаны Славацкім у падарожжы на Усход, якое ён распачаў у верасні 1836 г. Падчас вяртання параходам з Трыпалі ў Еўропу паэт з 16 чэрвеня 1837 г. адбыўся трохтыднёвы каранцін у Ліворна, па заканчэнні якога накіраваўся ў Фларэнцыю. Верш пад назвай «Да Яўстафія Я...» Славацкі змясціў у лісце, высланым Янушкевічу з Італіі. Упершыню ён быў надрукаваны ў месячным дадатку да часопіса «Час» у 1857 г. [42, s. 641—643]. У 1875 г. верш у скарачаным выглядзе (былі апушчаны два слупкі) быў змешчаны ў выданні, прысвечаным Я. Янушкевічу Юльянам Клячкам [19, s. 8—9]. У 1960 г. быў зроблены пераклад верша на рускую мову, які ўвайшоў у двухтомнае выданне выбраных твораў Ю. Славацкага. У рускамоўным варыянце верш мае назву «Из письма издателью» [3, с. 114—115; 16, s. 18, 50, 212].

Наступныя два вершы, змешчаныя ў Янушкевіча, належаць польскаму паэту, літаратурнаму крытыку Станіславу Рапялеўскаму [13, s. 72—78]. Гэты паэт пасля паўстання 1830—1831 гг. эмігрыраваў у Францыю і знаходзіўся там да 1848 г., часу свайго вяртання на Пазнаншчыну, быў у сяброўскіх адносінах з Адамам Міцкевічам, Богданам Залескім і Яўстафіем Янушкевічам. Тым не менш у эміграцыі Рапялеўскі вылучыўся не столькі сваёй літаратурнай творчасцю, колькі супрацьстаяннем з Юліушам Славацкім. Адмоўна ставячыся да яго творчасці, што на працягу 1838—1839 гг. знайшло яскравае адлюстраванне ў рэцэнзіях Рапялеўскага, ён вызваў Славацкага нават на дуэль. Паядынак не адбыўся, аднак сам факт яго абвясчэння атрымаў досыць шырокі рэзананс у эмігранцкім асяроддзі. З Янушкевічам Рапялеўскага звязвалі не толькі сяброўскія адносіны, а таксама і прафесій-

ная дзейнасць. Так, у 1838—1840 гг. яны разам займаліся рэдагаваннем чачопіша «Маладая Польшча» [7, s. 98—99].

Станіслаў Рапялеўскі прысвяціў Янушкевічу два вершы, першы з якіх датуецца 29 сакавіка 1836 г., а другі — 12 сакавіка 1841 г. Абодва вершы, як пазначаецца Янушкевічам, адрасаваліся яму з нагоды імянін [13, s. 71], якія, згодна каталіцкай традыцыі, прыходзяцца якраз на 29 сакавіка. Пры жыцці ў Рапялеўскага выйшаў толькі адзін паэтычны зборнік, у які адзначаныя творы не ўвайшлі [41]. Між тым верш, напісаны ў 1836 г., нягледзячы на сцвярджэнне Янушкевіча, пасля смерці Рапялеўскага быў апублікаваны з некаторымі апушчэннямі ў 1865 г. [8]. Мажліва меркаваць, што Янушкевіч проста не ведаў гэтага факта.

Яшчэ адзін фрагмент з успамінаў Янушкевіча трапіў у друк дзякуючы Вітольду Захароўскаму [13, s. 67а—67в]. Даследчык натрапіў на матэрыялы Янушкевіча яшчэ падчас іх знаходжання ў зборы Попеляў у Вялікіх Чаплях. Аднак Захароўскага з усіх успамінаў зацікавіў толькі адзін аркуш з інфармацыяй аб перыядзе выдавецкай дзейнасці Яўстафія Янушкевіча — з 1835—1839 гг. У 1938 г. фрагмент пра дзейнасць польскай кнігарні ў Парыжы быў выдадзены ў «Бібліятэчным аглядзе» (45, s. 19—21). Дадзены фрагмент не супадае з часам напісання саміх успамінаў, ён адносіцца прыкладна да 1840 г. Як пазначае сам Яўстафій Янушкевіч, папярэдне гэты аркуш, дзе змяшчаецца інфармацыя аб яго кнігавыдавецкай дзейнасці, знаходзіўся сярод карэспандэнцыі, адрасаванай да жонкі, а ў тэкст успамінаў ён быў проста ўключены падчас іх напісання ў 1871 г. [13, s. 67]. Прызнаваючы першынаство В. Захароўскага ва ўвядзенні гэтага матэрыялу ў навуковы ўжытак, неабходна адзначыць, што ў выдадзенай даследчыкам крыніцы ў некаторых месцах сустракаецца разыходжанне з арыгіналам.

Пачатак вывучэння успамінаў Яўстафія Янушкевіча мажліва звязваць з імем Браніслава Залескага, але, як намі ўжо пазначалася, у дадзеным выпадку не назіраецца іх навуковай апрацоўкі. Першым, кім яны ўводзяцца ў навуковы ўжытак, быў Эдвард Хвалевік. У сваім зборніку, выдадзеным яшчэ ў 1926 г., ім пазначаецца наяўнасць дадзеных мемуараў у калекцыі Я. Попеля [10, s. 53].

У даваенны перыяд у кнігазборы Попеля ў Вялікіх Чаплях працаваў з успамінамі таксама Станіслаў Пігань, які натрапіў на ўспаміны Янушкевіча падчас збору матэрыялаў да біяграфіі Адама Міцкевіча [40, s. 71—80]. Вывучэнне С. Піганем дзейнасці Міцкевіча абумовіла яго павярхоўны агляд матэрыялаў, што мелі дачыненне да Янушкевіча. Сабраныя падчас гэтай навуковай экспедыцыі нататкі вядомага даследчыка нават не дайшлі да друку і да сённяшняга часу захоўваюцца ў рукапісным адзеле Ягелонскай бібліятэкі сярод іншых варштатowych матэрыялаў гісторыка [40].

У межах даследавання гісторыі польскага кнігадрукавання перыяду паслялістападаўскай эміграцыі ў Парыжы да ўспамінаў Янушкевіча звяртаўся

гісторык Андрэй Грабскі [17, s. 153, 155, etc.]. У канцы 50-х гг. XX ст., калі ён працаваў над абранай тэмай, згаданыя ўспаміны яшчэ не мелі сталай сігнатуры і наша сцвярджэнне аб выкарыстанні ім гэтай крыніцы падмацоўваецца толькі параўнаннем арыгіналу з цытуемым тэкстам. Адначасова трэба адзначыць, што даследчыка цікавіла ў большай ступені другая частка ўспамінаў Янушкевіча, прысвечаная жыццю ў эміграцыі. Гэтым у асноўным абумоўліваецца павярхоўнасць выкарыстання матэрыялаў 1805—1831 гг.

У канцы 80-х гг. XX ст. пра ўспаміны Янушкевіча ўзгадвае Данута Камалава, якая ўнесла іх у даведнік рукапісных збораў у бібліятэках і музеях Польшчы [46, s. 87, 90].

Неабходна таксама падкрэсліць, што каштоўнасць мемуараў Яўстафія Янушкевіча паўстае не толькі ў сувязі з пашырэннем ведаў аб жыцці гэтай асобы. Пэўнае месца аўтарам надаецца апісанню побыту і звычайў беларускай шляхты перыяду 10—30-х гг. XIX ст., а пры гэтым закранаюцца важнейшыя гістарычныя падзеі, якія ўплывалі на лёс шляхты. Важным момантам, закладзеным у аснову гэтых успамінаў, выступае імкненне да захавання для нашчадкаў гістарычнай спадчыны, што аўтар здзяйсняе праз далучэнне да слухцкіх і віленскіх рэалій сваёй народжанай у эміграцыі дачкі.

Літаратура і крыніцы

1. Гарбачова, В. В. Удзельнікі паўстання 1830—1831 гадоў на Беларусі: біябібліяграфічны слоўнік. 2-е выданне. — Мінск: Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 2006. — 400 с.
2. Гарбачова, В. Дзейнасць Таварыства літоўскага і рускіх зямель у межах Вялікай эміграцыі ў Францыі / В. Гарбачова // Гістарычны альманах. — Гародня—Беласток, 2005. — С. 172—188.
3. Словацкий, Ю. Избранные сочинения. В 2-х т. / Ю. Словацкий / Под ред. М. Рильского. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. — Т. 1. — 432 с.
4. Справа Мінскага дваранскага дэпутацкага сходу аб дваранскім паходжанні рода Янушкевічаў // НІГАБ. — Ф. 319. — Воп. 2. — Спр. 3756.
5. Barszczewska, A. Rola Towarzystwa Litewskiego i Ziemi Ruskich w popularyzacji wiedzy o Litwie i Białorusi na emigracji (1831—1836) / A. Barszczewska // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki Humanistyczno-Społeczne. — Seria 1. — Z. 53. — Łódź, 1967. — S. 45—67.
6. Barszczewska-Krupa, A. Emigracja i kraj. Wokół modernizacji polskiej świadomości społecznej i narodowej. 1831—1863. — Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1999. — 226 s.
7. Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut. — Т. 9: Romantyzm / Oprac. pod kier. I. Śliwińskiej i S. Stupkiewiczza. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. — S. 98—99.
8. Bibliograficzne szczegóły o S. Ropelewskim // Czas. — 1865. — Nr 233.
9. Br. Z. Januszkiewicz Eustachy. Zmarli na wychodźstwie od 1873 do 1878 roku / Br.[onisław] Z.[aleski] // Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu. — Rok

- 1873—1878. — Poznań: Nakładem Księgarni Jana Konstantego Zupanskiego, 1878. — T. 2. — S. 303—331.
10. Chwalewik, E. Zbiory Polskie. Archiwa, biblioteki, gabinety, galerye, muzea i inne zbiory pamiątek przeszłości w Ojczyźnie i na Obczyźnie / E. Chwalewik. — Warszawa—Kraków: Wydawnictwo J. Mortkowicza, 1926. — T. 1. — 490 s.
  11. Eugenia z Laryszów Januszkiewicz. Pamiętnik // Biblioteka Jagiellońska (BJ). — Rkps przyb. 258/69.
  12. Eugenia z Laryszów Januszkiewicz. Pamiętnik. Ciąg dalszy // BJ. — Rkps przyb. 259/69.
  13. Eustachy Januszkiewicz. Pamiętnik // BJ. — Rkps przyb. 257/69.
  14. Eustachy Januszkiewicz. Wyjątki z korespondencji z lat 1831—1871 // BJ. — Rkps przyb. 256/69.
  15. Gadon, L. Z życia Polaków we Francji. Rzut oka na 50-letnie koleje Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu 1832—1882 / L. Gadon. — Paryż: Drukarnia Polska A. Zabieżyńny, 1883. — 169 s.
  16. Gasowa, H. Juliusz Słowacki / H. Gasowa // Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut. — Wrocław: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2000. — T. 11. — 556 s.
  17. Grabski, A. F. Z dziejów księgarstwa polskiego w Paryżu / A. F. Grabski // Roczniki Biblioteczne. — Wrocław, 1960. — Z. 1—2. — S. 151—207.
  18. Januszkiewicz, E. Kilka słów drukami Polskiej / E. Januszkiewicz. — Paryż: Drukarnia Bourgoigne et Martinet, 1835. — 8 s.
  19. Klaczko, J. Eustachy Januszkiewicz / J. Klaczko. — Kraków: Drukarnia Leona Paszkowskiego, 1875. — 29 s.
  20. [Kłossowski, A.] Historia księgami Polskiej w Paryżu przez jej współwłaściciela Eustachego Januszkiewicza spisana / [A. Kłossowski] // Roczniki Biblioteczne. — 1966. — Z. 3/4. — S. 505—528.
  21. Lewak, A. Eustachy Januszkiewicz / A. Lewak // Polski słownik biograficzny. — Wrocław—Warszawa—Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1962—1964. — T. 10. — S. 595—597.
  22. Lelewel, J. Listy emigracyjne / J. Lelewel / Wyd. H. Więckowska. — T. 5. — Kraków: Zakład im. Ossolińskich, 1956. — 266 s.
  23. List do Eustachego Januszkiewicza Bronisława Zaleskiego // BJ. — Rkps przyb. 158/74.
  24. Listy Adama Mickiewicza 1836, 1846, 1847 // BJ. — Rkps przyb. 225/69—231/69.
  25. Listy Alberta Kazimerskiego z lat 1850, 1856, 1871 // BJ. — Rkps przyb. 208/69.
  26. Listy Bronisława Trentowskiego z 1842 // BJ. — Rkps przyb. 237/69.
  27. Listy Bronisława Zaleskiego z lat 1842, 1850, 1868 // BJ. — Rkps przyb. 222/69.
  28. Listy Bronisława Zaleskiego z lat 1861, 1870, 1871 // BJ. — Rkps przyb. 223/69.
  29. Listy F. Wrotnowskiego z lat 1838—1867 // BJ. — Rkps przyb. 221/69.
  30. Listy gen. Józefa Skrzynieckiego // BJ. — Rkps przyb. 211/69.
  31. Listy Henryka Dembińskiego z 1843 // BJ. — Rkps przyb. 206/69.
  32. Listy J. Lelewela do Eustachego Januszkiewicza 1838—1855 oraz do Eugonii Januszkiewiczowej z lat 1853—1856 // BJ. — Rkps przyb. 219/69.
  33. Listy Józefa Chlopickiego z lat 183—1838 // BJ. — Rkps przyb. 205/69.
  34. Listy Juliana Klaczki do Eustachego Januszkiewicza z lat 1860—1872 i żony z lat 1870—1888 // BJ. — Rkps przyb. 209/69.
  35. Listy Juliana Niemcewicza z 1839 // BJ. — Rkps przyb. 235/69.
  36. Listy Leonarda Chodźki z lat 1841, 1855, 1856 // BJ. — Rkps przyb. 234/69.

37. Listy Samuela Różeckiego do Karola Larysza z 1832—1832 // BJ. — Rkps przyb. 210/69.
38. Listy Waleriana Kalinki z 1863, 1867—1870 // BJ. — Rkps przyb. 207/69.
39. Listy z Syberii Adolfa Januszkiewicza do Eugonii Larysz 1832, 1836, 1843 // BJ. — Rkps przyb. 217/69.
40. Materiały warsztatowe Stanisława Pigionia do biografii Adama Mickiewicza // BJ. — Rkps 10523 III.
41. Ropelewski, S. Wiersze Nałęcza / S. Ropelewski. — Paryż: Drukarnia Bourgoigne et Martinet, 1836. — 25 s.
42. Słowacki, J. Do Eustachego J... / J. Słowacki // Czas. Dodatek miesięczny. — Kraków: Drukarnia «Zsasu», 1857. — T. 8. — Z. 22. — S. 641—643.
43. Teka papierów osobistych i korespondencji Eustachego Januszkiewicza (1805—1874) // BJ. — Przyb. rkps 33/62.
44. Trojanowiczowa, Z. Księgarnia polska Eustachego Januszkiewicza. Parę przypomnień i uzupełnień / Z. Trojanowiczowa // Fakty i interpretacje. Szkice z historii literatury i kultury polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. S. 196—210.
45. Zachorowski, W. Księgarnia Eustachego Januszkiewicza / W. Zachorowski // Przegląd Biblioteczny. — Kraków, 1938. — S. 19—21.
46. Zbiory rękopisów w bibliotekach i muzeach w Polsce / Oprac. D. Kamołowa przy współudziale K. Muszyńskiej. — Warszawa: Wydawnictwo Biblioteki Narodowej, 1988. — 492 s.

А. М. Лукашевич

ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКИХ СЛУЖБ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА И КОНТРРАЗВЕДКИ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ 1812 г.

Одной из важных и интересных тем отечественной историографии остается судьба белорусских земель в период наполеоновских войн. Несомненно, ключевым событием этой эпохи стала война 1812 г. Несмотря на приближающийся 200-летний юбилей, в этой теме до настоящего времени остается много слабо изученных вопросов. Одним из них является деятельность в начале XIX в. российских служб политического сыска и контрразведки и оценка ими политической ситуации на белорусских землях. Изучение проблемы 1812 г. через призму спецслужб позволит более объективно оценить настроения различных социальных, конфессиональных и национальных групп населения. Совершенно по-иному можно будет также взглянуть на комплекс мер, принятых накануне войны российским правительством. В целом это позволит пересмотреть многочисленные стереотипные оценочные клише в отношении событий 1812 г., которые сохраняются в белорусской исторической науке.

Поскольку в отечественной историографии тема спецслужб Александровской эпохи совершенно не исследована, данная статья будет посвящена анализу существующих источников. Они отражают различные аспекты деятельности секретных комитетов (1805 г. и «13 января 1807 г.»), Комитета министров, особенной канцелярии Министерства полиции, Секретной экспедиции Военного министерства, особенной канцелярии военного министра, а также «Высшей воинской полиции». Именно эти структуры практически день за днем отслеживали ситуацию в «польских провинциях» Российской империи.

В целом весь комплекс письменных источников по вопросам деятельности органов политического сыска и контрразведки, которые хранятся преимущественно в архивах Беларуси, России, Польши и Литвы, можно разделить на четыре группы.

К первой группе относятся различные законодательные материалы (законы, высочайше утвержденные положения и записки, штаты и т. д.) и директивные документы высших органов управления. Многие из них были опубликованы в первом «Полном собрании законов Российской империи». Среди них — документы о создании секретного комитета «13-го января» [31, т. XXIX, № 22425], полномочиях Министерства полиции [31, т. XXVII, № 20406; т. XXXI, № 24307, 24326, 24626, 24932], Комитета министров [31, т. XVIII, № 21896; т. XXX, № 23262, 23352], внутренней [31, т. XXXI, № 24486, 24568, 24704, 24893] и пограничной [31, т. XXXI, № 24480] стражи. Особыми актами также регламентировалось и военное положение, которое весной 1812 г. было введено в пограничных губерниях [31, т. XXXII, № 24975, 25035, 24041].

Сюда же следует отнести не утвержденные императором проекты и записки, которые отражают правительственные искания в области организации в Российской империи «высшей полиции». В конце XIX в. они были опубликованы в качестве приложений к работе Н. К. Шильдера «Император Александр Первый» [40, с. 362—367]. Этот блок документов дополняют высочайшие рескрипты на имя А. Д. Балашова [26, д. 21, л. 244] и С. К. Вязмитинова [26, д. 21, л. 248] по вопросам организации деятельности Министерства полиции.

Деятельность армейских структур контрразведки предусматривалась двумя важнейшими законодательными документами — «Образованием Военного министерства» [31, т. XXXII, № 24971] и «Учреждением для управления Большой действующей армии» [31, т. XXXII, № 24975]. Непосредственно организационная структура и деятельность военной контрразведки в 1812 г. регламентировались секретными и неопубликованными, но утвержденными императором дополнениями к этим законодательным актам.

В частности, Секретная экспедиция функционировала с 1810 г. на основе записки М. Б. Барклая де Толли «Образование экспедиции секретных дел при Военном министерстве», а законный статус получила лишь после утверждения «Образования Военного министерства». С января 1812 г. она стала называться «Особенная канцелярия при военном министре».

Военная контрразведка при армии была образована под названием «Высшей воинской полиции». Ее деятельность регламентировалась рядом секретных приложений к «Учреждению для управления Большой действующей армии» [12]. К ним относились «Образование Высшей воинской полиции» [33, д. 482, л. 1—7; д. 517, л. 25—34об.], «Инструкция директору Высшей воинской полиции» [33, д. 482, л. 8—12об.; д. 517, л. 16—24], а также «Инструкция начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полиции» [33, д. 517, л. 35—36об.], утвержденные императором 27 января 1812 г. Впоследствии эти документы были расширены разработанными М. Б. Барклаем де Толли специальными дополнениями — «Инструкцией Канцелярии высшей полиции» [33, д. 608, л. 2—4] (утверждена Александром I 16 апреля 1812 г. в Вильно), а также инструкциями директору воинской полиции армии [33, д. 517, л. 14—14об.; 29, т. XI, с. 414—415].

В целом документы нормативного характера позволяют представить эволюцию организационной структуры органов политического сыска и контрразведки, их цели, задачи и основные направления деятельности, правила, способы и методы работы с агентурой, сбора и передачи сведений.

Ко второй группе следует отнести весь комплекс делопроизводственных документов (служебная переписка, документы финансовой отчетности, журналы заседаний, следственные дела, документы о перлюстрации корреспонденции и др.) различных высших полицейских учреждений и контрразведывательных структур.

Делопроизводство учреждений, проводивших накануне войны 1812 г. контрразведывательные мероприятия, сохранилось лишь частично. Оно представлено следственными документами секретного комитета «13 января 1807 г.» [34] и особенной канцелярии Министерства полиции (ГАРФ, ф. 1165) [7; 8].

Рапорты и аналитические записки гражданских и военных губернаторов относительно политической ситуации в пограничных губерниях частично сохранились в фондах архивов Беларуси (НИАБ, ф. 295, 320, 2001, НИАБ в Гродно, ф. 1), Литвы (LVIA, ф. 378) и Польши (AGADawnych, Komisja Rządząca). В них затрагивались вопросы организации надзора за «тишиной и порядком» в «литовских» и «белорусских» губерниях [27; 28; 45, д. 12, 189; 26, д. 6, 21], борьбы с распространением польских агитационных материалов [45, д. 94], пресечения контрабанды товаров и капиталов [45, д. 18, 95], нелегальной эмиграции [46, л. 2—2об., 21—31, 70, 98—100, 121—121об., 195; 24, т. III, с. 254—255, 268—269], надзора за подозрительными лицами, прибывающими в пределы империи [45, д. 21, 53, 154], поиска отдельных агентов разведки противника [25; 45, д. 73, 112] и др. Сюда же следует отнести предписания министров этим губернаторам [27, л. 1—1об.; 26, д. 13, л. 94, 183; 29, т. VII, с. 321, 330].

Деятельность Комитета министров нашла всестороннее освещение в журналах заседаний этого высшего органа управления Российской империи за 1801—1812 гг. Они были опубликованы в конце XIX в. в двухтомном сборнике [16].

Для изучения истории военной контрразведки наибольший интерес представляют журналы исходящей и входящей переписки особенной канцелярии военного министра за 1810—1812 гг. (сосредоточены в РГВИА, ф. ВУА [33, д. 420—422, 432—433, 435—436, 439—440, 456, 459, 3388, 3499—3501, 3509]) и литовского военного губернатора (LVIA, ф. 378). Исходящая переписка канцелярии (и, соответственно, входящая у губернатора [45, д. 303]) состояла из документов директивного характера Военного министерства, служебной переписки с другими ведомствами и финансовой документации. Входящая переписка канцелярии (и исходящая у губернатора [45, д. 304]) представлена как донесениями из-за границы военных агентов и послов, так и рапортами военачальников и резидентов на границе и др. Многие из этих документов были опубликованы в сборнике «Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива» [29].

Поскольку Секретная экспедиция не имела собственных контрразведывательных структур, эти функции возлагались на различных военных. Поэтому значительный интерес представляет служебная переписка между военным министром и командирами российских корпусов и армий на западных границах, которые курировали проведение разведывательных и контрразведывательных операций (П. Х. Витгенштейн, К. Ф. Багговут,

Д. С. Дохтуров, И. Н. Эссен, Н. А. Тучков, П. И. Багратион) [см. 29]. Эти документы дополняет переписка М. Б. Баркляя де Толли с министрами полиции и финансов (о выделении денег и др.) [29, т. I, ч. I, ч. II, т. VII, IX].

Сведения о политических настроениях населения в пограничных губерниях Российской империи и на сопредельной территории (Княжество Варшавское, Пруссия, Австрия) поступали от комендантов пограничных городов (В. А. Анохин, К. Шиц), специальных резидентов на границе (И. И. Турский, М.-Л. де Лезер, А. Врангель, братья А. К. и К. К. Гирсы) и их агентуры [29, т. I, ч. II, с. 248; т. VIII, с. 100—101; т. XII, с. 5—6, 35—36, 205].

Наибольшую ценность для исследования политической ситуации в пограничье представляет комплекс документов (более 200) за 1810—1812 гг. подполковника (затем полковника) Свиты е. и. в. по квартирмейстерской части И. И. Турского (рапорты военному министру [29, т. I, ч. II, т. II, IV—IX, XII] и предписания М. Б. Баркляя де Толли этому офицеру [29, т. I, ч. I, с. 115, 117; т. V, с. 72; т. VII, с. 307, 309, 310, 318, 324]). Они касались положения дел в Белостокской области (внутренний быт, настроения населения, деятельность администрации, злоупотребления). И хотя многие из рапортов офицера-резидента весьма расплывчаты и заключают в себе ненужные подробности, они наиболее полно отражают динамику событий. Этот комплекс документов дополняют рапорты И. И. Турского на имя главнокомандующего 3-й Обсервационной армии (с 21 июня по 10 сентября 1812 г.), опубликованные в 1912 г. Д. П. Ахлестышевым [11, с. 539—545].

Служебную переписку И. И. Турского дополняют предписания военного министра полковнику К. П. Шицу об организации контрразведки в Белостокской области [29, т. I, ч. I, с. 32—33, 43, 56, 60, 101] и донесения этого офицера за 1810—1812 гг. о ситуации на белорусско-польском пограничье [29, т. I, ч. II, с. 81—83, 100—102, 127, 132—134, 155—158, 241—242, 245—246, 261—263, 316—319; т. II, с. 13—15, 27—28, 32—33, 47—48; т. V, с. 69—70], а также рапорты правителя Белостокской области С. А. Щербинина (май 1812 г.) [29, т. XII, с. 31, 47—48, 79—80, 145—146, 276, 298].

Сохранился также значительный комплекс документов (доклад военного министра Александру I от 18 декабря 1811 г. [29, т. VII, с. 89—90], донесения, отчеты, специальные билеты [29, т. VII, с. 151, 336—338; т. VIII, с. 77—78, 80—81; т. XI, с. 12, 58—60, 238, 239; т. XII, с. 21, 33—34, 46, 55—56, 61, 64—65, 113, 203, 207, 208, 293]), который отражает вопросы организации пограничного и таможенного контроля, пропуска через границу агентов российской разведки, порядок выезда за границу различных лиц, ведения казаками приграничной разведки [29, т. XII, с. 109, 142—143, 248, 262; т. XII, с. 95, 110, 112, 132].

Информацию о положении в «белорусских» и «литовских» губерниях дополняют документы, которые отражают политические настроения и военные приготовления на сопредельной территории — в Княжестве Вар-

шавском (различные анонимные записки [29, т. I, ч. II, с. 285—288; т. IV, с. 316—322; т. VII, с. 147—162; 1, л. 1—16] и сводные данные разведки) [29, т. I, ч. II, с. 307—316; т. VII, с. 42—43; т. IX, с. 123; т. X, с. 133—136; 33, д. 436, л. 440—441].

Отдельные сюжеты о деятельности польско-французской разведки на территории западных губерний Российской империи можно почерпнуть из опубликованных польскими историками документов [44], официальной переписки Наполеона I [47] и маршала Л. Н. Даву [43].

Довольно обширным является комплекс документов «Высшей воинской полиции», который сохранился в двух фондах РГВИА (ф. ВУА и 474). В основном это предписания военного министра [29, т. XII, с. 308—310] и директора воинской полиции Я. И. де Санглена своим сотрудникам (Ф. П. Розену [29, т. XII, с. 127], И. Вульфурту и др.) и их рапорты о выполнении заданий [29, т. XII, с. 310—313]. Ряд опубликованных документов посвящен деятельности двойного агента Д. Савана [29, т. II, с. 296—299] и др. [4].

Ряд документов, хранящихся в РГВИА, посвящен становлению внутренней стражи, на которую накануне войны 1812 г. также были возложены функции политического надзора за населением приграничных губерний. Большинство из них было опубликовано в 2002 г. в сборнике «Внутренняя и конвойная стража России» [5].

В целом делопроизводственная документация отражает основные направления деятельности органов политического сыска и контрразведки. Анализ же агентурных сведений позволяет оценить объем и качество информации о внутриполитической ситуации в пограничье и ее соответствие истинному состоянию дел.

К третьей группе следует отнести большой комплекс документов, связанных с персональным составом служащих структур политического сыска и контрразведки.

В официальных документах начала XIX в. упоминалась лишь небольшая часть достоверных имен; часто лица, задействованные в агентурной работе, скрывались под условными инициалами или вообще не назывались. Но даже если источники раскрывали настоящие имена и фамилии, то содержали, как правило, очень скудные сведения. Исключения составляли лица, занимавшие важные посты, или люди, известные в обществе. Однако их участие в тайной войне не афишировалось, и поэтому в официальных документах можно отыскать лишь скудные строки, к тому же в туманной или общей форме.

Достаточно большой комплекс материалов, позволяющих судить о персональной деятельности сотрудников политического сыска и контрразведки, сохранился в российских архивах. Наиболее ценными документами являются формулярные (послужные) списки. Самый большой массив формулярных списков сосредоточен в РГВИА (Ф. 489). Ряд послужных списков сотрудников центральных структур разведки и контрразведки был

опубликован в начале XX в. в пятом отделе третьего тома «Столетия Военного министерства» [37]. Определенный интерес вызывают представления к наградам или к повышению в чине (в них кратко и в обобщенном виде характеризовалась деятельность отдельных лиц) [45, д. 139].

Интересные биографические данные о деятельности сотрудников спецслужб содержатся в личных фондах (А. А. Гирса [10], Воейковых [9; 32]) различных архивов и в опубликованных тематических сборниках (А. А. Закревский [35; 36]). В них сохранились многие служебные документы о деятельности сотрудников разведки и контрразведки. В частности, в фонде А. В. Воейкова обнаружены интересные документы, которые проливают свет на причины отставки руководителя особой канцелярии военного министра весной 1812 г. [32, л. 1—14об.].

Некоторые сведения о сотрудниках контрразведки и политического сыска содержатся в переписке военного министра с их непосредственными начальниками. В частности, интересные сведения о личных качествах И. И. Турского почерпнуты из донесений П. И. Багратиона [29, т. VII, с. 93—94].

В целом документы о службе и индивидуальной деятельности сотрудников политического сыска и контрразведки дают возможность получить дополнительную информацию об отдельных операциях разведок сторон, охарактеризовать и оценить деятельность сотрудников и агентов спецслужб накануне войны 1812 г.

Четвертую группу составляют источники личного происхождения (мемуары, дневники, переписка), дополняющие официальную документацию. Помимо информации о событиях мемуаристы давали собственную оценку фактам, действиям и личную характеристику персоналиям. Все это позволяет исследователям дополнить картину изучаемых явлений и получить сведения, не отраженные в официальных источниках. В то же время воспоминания, как носители ретроспективной информации, имеют свои недостатки: субъективизм в оценках, ошибки и искажения при сообщении фактов в связи с временным разрывом между описываемыми событиями и моментом написания мемуаров.

Для характеристики общественных настроений в Российской империи начала XIX в. определенный интерес представляют воспоминания Ф. Ф. Вигеля [20], С. П. Жихарева [15], а также записки чиновников, служивших «по части высшей полиции» (А. Д. Боровкова [3]). В мемуарах графа Е. Ф. Комаровского приоткрывается завеса тайны, связанная с учреждением в 1805 г. в России «высшей полиции», а также раскрываются секретные функции, которые возлагались на внутреннюю стражу накануне войны 1812 г. [19].

Однако наибольшую ценность представляют воспоминания правителя особой канцелярии Министерства полиции, а затем директора «Высшей воинской полиции» Я. И. де Санглена [21]. И хотя в них основной центр тя-

жести перемещен на общественно-политические и военные события, читатель без труда может проникнуть в сущность служебной деятельности автора повествования. Впрочем, значительным минусом этого источника является то, что воспоминания были написаны по памяти и не основывались на документах. Поэтому в записках искажены многие детали секретных операций. В частности, Я. И. де Санглен неправильно указал фамилии выявленных в Вильно агентов польско-французской разведки [4, ч. 2, с. 18].

Характеристика общей ситуации в западных губерниях накануне войны 1812 г. нашла отражение в мемуарах военачальников, имевших некоторое отношение к контрразведывательной деятельности (Л. Л. Беннигсен [2], А. П. Ермолов [17], Л. Вольбоген [50]). В частности, В. И. Левенштерн повествует в своих воспоминаниях о выполнении секретных заданий в Белостокской области накануне войны 1812 г. [18].

Некоторые данные, позволяющие судить об эффективности деятельности российских спецслужб накануне войны 1812 г., имеются в записках сотрудников польско-французской разведки. С этой точки зрения заслуживают внимания мемуары руководителя разведывательного бюро в Варшаве Э. Биньона [42], коменданта г. Данцига генерала Ж. Раппа [30], французского посла в России А. Коленкура [23], одного из агентов Княжества Варшавского Ю. Немцевича [48; 49] и др.

Дополняют мемуарику эпистолярные источники. Ценность подобного рода источников заключается в том, что они были написаны не для печати. В то же время эти документы имеют ряд особенностей: крайний субъективизм и отрывочность сведений. Как правило, частные письма публиковались вперемешку в сборниках документов (в виде вставок в официальные материалы) [13; 14] или в исторических журналах.

Для исследования ситуации самого кануна войны 1812 г. несомненный интерес представляет личная и служебная переписка многих генералов и чиновников, имевших непосредственное отношение к организации контрразведывательной деятельности в пограничье (М. Б. Барклай де Толли [22], П. И. Багратион [39; 6, с. 130—138, 158], М. И. Платов [39] и др. [38]). Она содержит такие подробности, которые не встретишь ни в официальной документации, ни в мемуарной литературе.

В целом сведения, содержащиеся в источниках личного происхождения, существенно расширяют, а местами и уточняют многие аспекты тайных операций и проливают свет на деятельность отдельных сотрудников спецслужб на белорусских землях.

Таким образом, проанализированный круг источников позволяет раскрыть практически все аспекты деятельности служб политического сыска и контрразведки на территории западных губерний Российской империи. Они очерчивают организационную структуру спецслужб, раскрывают механизм функционирования служб, отражают деятельность отдельных резидентов и

агентов. В целом существующая источниковая база предоставляет возможность проанализировать не только способы получения секретной информации, но и проанализировать ее на предмет достоверности, а также оценить степень влияния на выработку политических решений в отношении белорусских земель накануне войны 1812 г.

Литература и источники

1. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации. — Ф. 79. Сношения России с Польшей. — Оп. 79/6. — Д. 1879.
2. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. / Л. Л. Беннигсен; пер. с франц. с прим. П. М. Майкова. — Киев: Губ. тип., 1912. — 152, XVIII с.
3. Боровков А. Д. Автобиографические записки / А. Д. Боровков; сообщ. Н. А. Боровков. — СПб.: Тип. Общ-ва «Общественная польза», 1899. — 112 с.
4. Виленский временник. Кн. V. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812—1813 гг.: в 2 ч. — Вильна: Губернская тип., 1912—1913. Ч. 1—2.
5. Внутренняя и конвойная стража России 1811—1917. Документы и материалы / Под общей ред. В. Ф. Некрасова. — М.: Изд-во «ЭКЗАМЕН», 2002. — 576 с.
6. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов / Под ред. С. Н. Голубова и Ф. Е. Кузнецова. — М.: Госполитиздат, 1945. — 280 с. с илл., 2 л. портр. и карт.
7. ГАРФ. — Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. — Оп. 2. — Д. 1, 26, 240.
8. Там же. — Ф. 1165. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел. — Оп. 3. — Д. 37.
9. Там же. — Ф. 877. Воейковы. — Оп. 1. — Д. 341.
10. Там же. — Ф. 892. А. А. Гирс. — Св. 1. — Д. 284.
11. Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западной армией генерала от кавалерии А. П. Тормасова / Извлечен из семейного архива и приведен в порядок Д. П. Ахлестышев. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. — VIII, 722 с.
12. Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. архив, 1992. — Т. II—III. — С. 50—68.
13. Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.) / Н. Дубровин. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. — XXIV, 691 с.
14. Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I (с 1807—1829 гг.) / Н. Дубровин. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. — XXIV, 533 с.
15. Жихарев С. П. Записки современника / С. П. Жихарев; под. общ. ред. А. К. Дживелегова. Ред., коммент. и вступ. ст. С. Я. Штрайха: в 2 т. — М.—Л.: Academia, 1934. — Т. 1—2.
16. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802—1826 гг.: в 2 т. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1888—1891. — Т. I—II.
17. Записки А. П. Ермолова. 1798—1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. — М.: Высш. шк., 1991. — 463 с.: ил.

18. Записки генерала В. И. Левенштерна / Пер. с фр. рукописи // Русская старина. — 1900. — Т. 104. — № 11. — С. 331—361.
19. Записки графа Е. Ф. Комаровского / Авт. предисл. Е. А. Ляцкий. — М.: Внешторгиздат, 1990. — 176 с.
20. Записки Филиппа Филипповича Вигеля / Ф. Ф. Вигель; (доп. с подлин. рукописи): в 7 ч. — М.: Изд-во «Рус. архив», Университ. тип., 1891—1893. — Ч. 1—7.
21. Записки Якова Ивановича де Санглена. 1776—1831 гг. / Сооб. М. И. Богданович // Русская старина. — 1882. — Т. 36. — № 12. — С. 443—498; 1883. — Т. 37. — № 1. — С. 1—46; № 2. — С. 374—394; № 3. — С. 538—578.
22. Из секретной переписки Барклая де Толли в 1812 году. Сообщ. А. З. Мышлаевского // Русская старина. — 1899. — № 9. — С. 649—650.
23. Коленкур А., де. Мемуары: Поход Наполеона в Россию / Арман де Коленкур; предисл. А. Васютинского. — М.: Госполитиздат, 1943. — 380 с.
24. Материалы по истории русской армии. Русские полководцы. Сборники документов и материалов / Под общей ред. В. Д. Стырова, А. В. Сухомлина. — М. И. Кутузов. Сборник документов: в 5 т. / Под ред. Л. Г. Бескровного. — М.: Военное изд-во Военного мин-ва Союза ССР, 1950—1956. — Т. III: 1808—1812. — 1952. — XXXIII, 1028 с.; 6 л. план.
25. НИАБ в Гродно. — Ф. 1. Канцелярия гродненского губернатора. — Оп. 1. — Д. 107.
26. НИАБ. — Ф. 2001. Канцелярия моголевского гражданского губернатора. — Оп. 1. — Д. 6, 13, 21.
27. Там же. — Ф. 295. Канцелярия минского гражданского губернатора. — Оп. 1. — Д. 80.
28. Там же. — Ф. 320. Минский губернский предводитель дворянства. — Оп. 2. — Д. 4.
29. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба: в 21 т. — СПб.: Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, Главного штаба, Гл. управления ген. штаба, генерал-квартирмейстера, 1900—1914. — Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. — Т. I—XIII.
30. Отрывки из записок генерала Ж. Раппа, напечатанных в Париже в 1823 году / Пер. с фр. // Военно-исторический вестник. — 1912. — Кн. III. — С. 123—141.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. — СПб.: Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830—1851. — Т. I—XLV.
32. РГВИА. — Ф. 216 (А. В. Воейкова). Оп. 1. Д. 8.
33. Там же. — Ф. 846. Военно-ученый архив. — Оп. 16. Д. 420—422, 432—433, 435—436, 439—440, 456, 459, 482, 517, 608, 3388, 3499—3501, 3509.
34. РГИА. — Ф. 1163. Комитет охранения общей безопасности. — Оп. 16. 1807 г. — Д. 3, 14, 24, 25, 28, 50, 58.
35. Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1890. — Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / Под ред. Н. Дубровина. Т. 1. — 616 с.
36. Там же. — СПб., 1891. — Т. 78. Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / Под ред. Н. Дубровина. Т. 2. — 556 с.

37. Столетие Военного министерства. 1802—1902: в 13 т. — Т. III. Отд. 5. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающийся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно. Ч. 1 / Сост. Н. М. Затворницкий. — СПб.: Тип. поставщиков двора е. и. в. т-ва М. О. Вольф, 1909. — V, 952, XIX с.
38. 1807 год. Письма с дороги от князя А. Б. Куракина к государыне императрице Марии Федоровне // Русский архив. — 1868. — № 2. — Стб. 162—240.
39. 1812—1814: Секретная переписка генерала П. И. Баграциона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собрания Государственного Исторического музея / Сост.: Ф. А. Петров и др. — М.: Тера, 1992. — 512 с.; ил.
40. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование: в 4 т. / Н. К. Шильдер. — СПб.: Издание А. С. Суворина 1897—1898. — Т. 2. — 1897. — 408 с.
41. AGAD (Warszawa). — Komisja Rządząca. — Zespół. 174. — Syg. 307.
42. [Bignon E.]. Polska w r. 1811 i 1813. Wspomnienia dyplomaty Edwarda Bignona: W 2 t. / Wydał i przedmową opatrzył J. Iwaszkiewicz. — Wilno: Biblioteka pamiętników, Nakładem Tow. Udz. «Kurjer Litewski», Druk J. Zawadzkiego, 1913. — Т. 1.—2.
43. [Davout L.]. Correspondence du marechal Davout prince d'Eckmühl ses commandements, son ministère 1801—1815 avec introduction et notes par Ch. De Mazade: 4 v. — Paris: Librairie Plon, E. Plon, Nourrit et Cie, imprimeurs éditeurs, 1885. — V. 1—4.
44. Instrukcje i depeze rezydentów francuskich w Warszawie 1807—1813. Wydał Marce-li Handelsman: W 2 t. — Kraków: Akad. Umiejęt., 1914. — Т. 1.—2.
45. LVIA. — Ф. 378. Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора. — Общий отдел. 1807 г. — Д. 12, 18, 21, 53, 73, 94, 95, 112, 139, 154, 189, 303, 304.
46. Там же. — Ф. 378. Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора. — Общий отдел. 1809 г. — Д. 183.
47. [Napoleon I.]. Correspondence de Napoleon I, publiee par ordre de l'Empereur Napoleon III: 32 v. — Paris, 1858—1870. — V. 1—32.
48. [Niemcewicz J. U.]. Pamięniki Juljana Ursyna Niemcewicza / Po raz pierwszy z autografów wydane: W 2 t. — Poznan: Nakładem Księgami J. K. Żupańskiego, 1871. — Т. 1.—2.
49. [Niemcewicz J. U.]. Pamiętnik Juljana Ursyna Niemcewicza o czasach Księstwa Warszawskiego (1807—1809) / Z autografu Biblioteki Cesarskiej w Petersburgu. Wydał Alexander Kraushar. — Warszawa: Nakładem Gebethnera i Wolffa, Drukarnia i Litografja J. Cotty; Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1902. — VI, 196, IV s., portr.
50. Wolzogen L. F., von. Memoiren des königlich preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherr von Wolzogen / L. F. Wolzogen. — Leipzig: Otto Wigand, 1851. — VI, 311, CXXXVI s.

Ю. С. Петухов

**ПЕРЕПИСКА БЫХОВЦЕВ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
БЕЛОРУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Изучение вопросов этнополитического сознания представляется одним из наиболее перспективных направлений исследования в современной белорусской историографии. Понимание этнополитического сознания эпохи «в качестве объективизированных представлений индивида об общем с иными членами группы территориальном и историческом происхождении, языковой и культурной близости, политически сформированных представлений о государстве и политических институтах, а также осознания отличности от других индивидов с иным набором перечисленных черт» [1, с. 35] позволяет несколько по-новому взглянуть на особенности этнической истории, дополнить ее рефлексивной информацией. Исследование этнополитического сознания белорусского дворянства конца XVIII — начала XX в., на наш взгляд, помогло бы с новой точки зрения взглянуть на многие важные вопросы истории Беларуси, в том числе и на степень участия этнического дворянства в процессе становления белорусской нации и национального самосознания.

Вместе с тем, в настоящее время исследование этнополитического сознания сталкивается с определенными трудностями, обусловленными, в первую очередь, недостаточной разработанностью и в отечественном, и в российском гуманитарном знании теоретических аспектов этой проблематики. В связи с этим в сфере исторического изучения этнополитического сознания встает вопрос о поиске адекватной проблемы источниковой базы. С нашей точки зрения, одним из источников по изучению этнополитического сознания белорусского дворянства первой половины XIX в. может быть названа переписка дворян Быховцев, находящаяся на хранении в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно в составе соответствующего фамильного фонда.

Фамильный фонд дворян Быховцев насчитывает 893 единицы хранения за 1511—1938 гг., однако основную его часть составляют материалы по финансово-хозяйственной деятельности имений, фольварков, деревень. В составе фонда имеются не только документы семьи-фондообразователя, но и материалы помещиков Дзеконских, Биспингов, Войно, Денгофов, Друцких-Горских, Корсаков, Манковских, Радзивиллов и др. Собственно переписка Быховцев содержится в достаточно большом количестве единиц хранения, и вся она может быть разделена на две большие тематические группы: личную и официальную. Личная понимается как переписка между частными лицами, официальная — как переписка частных особ с официальными лицами и учреждениями. В виду ограниченности тематики практически исключительно хозяйственными вопросами официальная корреспонденция

денция не представляет интереса с позиций изучения этнополитического сознания. В свою очередь, с точки зрения тематики личная переписка дворян Быховцев может быть разделена на собственно личную и переписку по финансово-хозяйственной деятельности, причем к последней относится достаточно большое количество писем, которые повествуют о займе-выдаче денежных сумм, вопросах управления имениями и т. д.

Собственно же личная переписка лучше всего представлена письмами Казимира и Станислава Быховцев родителям, а также тремя письмами Александра Быховца своим сыновьям. Весь этот комплекс насчитывает 44 эпистолярных источника за 1847, 1855, 1857—1858, 1860 гг., написанных на польском языке. Данная часть переписки является наиболее информативной с точки зрения изучения этнополитического сознания дворянства в силу сразу нескольких причин. Во-первых, это переписка детей и родителей, то есть наиболее близких родственников, между которыми открытое обсуждение самых личных проблем является естественным, а доверительный характер общения способствует раскрытию в письмах внутреннего мира корреспондентов. Во-вторых, к особенной информативности этой переписки predisполагают обстоятельства ее создания. Дело в том, что в 1847 г. Казимир и Станислав Быховцы проходили обучение в одном из военных учебных заведений под Петербургом (к сожалению, точнее установить не удалось), причем Казимир получал военно-инженерную специальность в одной роте с великими князьями Михаилом и Николаем [2, л. 5об.]. Позднее, к 1859 г., полковник Станислав Быховец состоял обер-квартирмейстером 5-го армейского корпуса в Одессе, а Казимир Быховец — адъютантом лейб-гвардии конного эскадрона в Петербурге [3, л. 10об.]. Таким образом, сыновья находились вдалеке от родителей, проживавших в имении Либерполь Гродненской губернии, на протяжении очень длительного периода, а потому в корреспонденции — единственном доступном способе общения — объективно отразились все новости, события, переживания, которыми они хотели поделиться друг с другом. В-третьих, немаловажное значение имеет и факт проживания братьев Быховцев именно на территории русской части империи, некогда разрушившей польское дворянское государство. В этой связи отношение братьев к их окружению, с нашей точки зрения, имеет весьма важное значение для изучения этнополитического сознания белорусского дворянства интересующего нас периода.

Стоит отметить, что отношение белорусского дворянства к окружающим его социальным реалиям Российской империи было весьма разносторонним. Так, к примеру, в некоторых произведениях А. Мицкевича просматривается исключительно отрицательное отношение к столице империи и ее нравам. В третьей части поэмы «Деда», целиком посвященной России, Петербург показан как «творение злых сатанинских сил истории» [4, с. 74]. В поэме «Пан Тадеуш» все высказывания относительно города и его светского

уклада вложены автором в уста Телимены [5, с. 77, 123], а сама героиня и предстательные ею адаптирующиеся к нормам столичной светской жизни шляхтичи показаны как утратившие связь с исконными литовскими традициями, а потому смешны и достойны сожаления. При этом, однако, нельзя забывать, что А. Мицкевич создал оба эти произведения уже в эмиграции, ностальгируя о давно утраченном отечестве. В его сознании оно идеализировалось, в то время как его антипод — Россия — приобрел отрицательные черты. Следует полагать, однако, что другие представители белорусского дворянства, оставшиеся на родине, вынуждены были считаться с требованиями российского социального окружения и искать способы адаптации и существования в его рамках. На наш взгляд, именно эта тенденция нашла наилучшее проявление в переписке Станислава и Казимира Быховцев с родителями.

В наиболее ранней части этой корреспонденции, созданной в период получения братьями военной специальности (1847 г.), самым ярким с точки зрения изучения этнополитического сознания моментом является их заинтересованность в обучении. Казимир и Станислав, несмотря на свою этническую принадлежность к белорусскому дворянству, относя себя к дворянству польскому и пользуясь в семейном обиходе польским языком, тем не менее несколько не смущаются службы в армии российской империи, и, более того, прилагают все усилия и старания к повышению успешности своего обучения. Так, Казимир искренне обеспокоен своим статусом в классе, он надеется, что его место переменится с «шестого на пятое или четвертое», так как этим способом можно заслужить благосклонность генерала Ломновского, которая поспособствует продвижению по службе [6, л. 15об.]. Учитывая, что 1847 год был предпоследним в его обучении, Казимир пишет: «Приятно вспомнить, что через год надену эполеты, и только прошу Бога, чтобы этот год прошел также удачно, как и первые три» [7, л. 12об.]. В этом же письме Станислав, заканчивающий обучение, высказывает надежду получить через неделю или две чин подпоручика, которого ожидает целый год [7, л. 12]. Примечательно, что получение этого чина он рассматривает как награду за свои труды в прошедшем году [8, л. 10].

С другой стороны, насколько представляется возможным судить, братья принимают активное участие в светской жизни. Станислав, к примеру, ежедневно ездит в один из парков, чтобы послушать музыку в компании своего друга Ф. Залесского [8, л. 9об.]. Для обозначения Петербурга вместо названия города он употребляет слово «столица», причем делает это с положительным эмоциональным оттенком [9, л. 1]. Петербург явно понимается им как средоточие культурной и светской жизни, где положение и знакомства предоставляют большие возможности. Недаром в апреле 1847 г. в своем письме сыну Александр Быховец просит Станислава употребить все имеющиеся связи, чтобы определить в столичное учебное заведение сына слонимского маршалка [10, л. 1].

Стремление к активному участию в светской жизни не угасло у братьев Быховцев и впоследствии. Об этом достаточно достоверно можно судить на основании переписки периода 1857—1858, 1860 гг. В это время корреспонденция становится более фактологичной, описаний личных переживаний и чаяний в ней становится гораздо меньше, однако и на основе имеющегося материала, на наш взгляд, можно сделать некоторые выводы. Насколько можно судить, в этот период Казимир и Станислав Быховцы находятся в центре столичной светской жизни. Они бывают на балах во дворце, Казимир получает приглашения на вечера, организуемые великим князем Николаем [11, л. 40об.], Станислав удостоивается приглашения на обед к императору [12, л. 5]. Братья в курсе петербургских слухов и сообщают отцу о готовящейся смене гродненского губернатора [13, л. 4]. Вместе с тем, стремление к успешности в учебе, отчетливо различимое в переписке 1847 г., в период 1857—1858, 1860 гг. трансформируется в активные усилия по достижению карьерного роста. Казимир с радостью пишет отцу о том, что можно «рассчитывать на успешную службу, тогда ведь и на полковника можно будет быстро вскочить, то есть за два или три года» [14, л. 52]. Одновременно братья Быховцы активно используют свои знакомства для лоббирования собственных и семейных интересов. Они пытаются воздействовать на ход разрешения длительной семейной судебной тяжбы [15, л. 54], ходатайствовать о высылке отцу через французское посольство медали Святой Елены и выдаче разрешения на ее ношение [16, л. 19]. И частично это им удается.

Наряду со всем этим, с нашей точки зрения, было бы несколько неправомерно считать Казимира и Станислава Быховцев полностью адаптировавшимися к этнокультурным особенностям русской общественной жизни и утратившими поэтому связь со своим этносом. По долгу службы находясь длительное время в Одессе, Станислав сетует на то, что всего лишь три раза смог пообщаться с другом по-польски, но теперь уезжает в Бесарабию и долго не будет в Одессе, где можно было бы найти польское товарищество [17, л. 33]. Такая ностальгия по родному языку, употребление в своих письмах русских слов только в случае действительной необходимости, поиск носителей той же культуры даже в достаточно отдаленных от родины местах говорит о стремлении к сохранению этнической идентичности в рамках иного этнокультурного окружения. Подобное явление в соотнесении со стремлением к построению карьеры в имперской армии, частичным принятием столичной светской культуры и лоббированием своих интересов с помощью знакомств в высших кругах хорошо иллюстрирует направление эволюции этнополитического сознания дворян Быховцев. В ее ходе одновременно сформировалось и стремление к сохранению собственной идентичности, и желание инкорпорироваться в систему российских властных, бюрократических, сословных и иных отношений.

Характер и информативность переписки Быховцев при изучении ее в тесной связи с анализом социально-культурной ситуации этого периода представляются возможными сделать некоторые выводы относительно эволюции этнополитического сознания белорусского дворянства на протяжении первой половины XIX в. Кратко они могут быть сформулированы следующим образом. Во-первых, разделы Речи Посполитой и инкорпорирование белорусской части ее территории в состав Российской империи вызвали включение белорусского дворянства в российскую систему общественных отношений, чем объективно породили стремление дворянства найти свое место в изменившихся этносоциальных условиях, что, в свою очередь, запустило процесс эволюции его этнополитического сознания. Во-вторых, эволюция этнополитического сознания белорусского дворянства имела, насколько в настоящее время представляется возможным допустить, по крайней мере две модели. Первая из них характеризовалась идеализацией уклада и традиций времен Речи Посполитой и, соответственно, демонизацией порядков, нравов и системы общественных отношений Российской империи. В первой половине XIX в. она нашла свое наилучшее проявление в эмигрантской среде и, на наш взгляд, хорошо представлена в позднем творчестве А. Мицкевича. Вторая же модель основывалась на необходимости адаптации к общероссийским социальным условиям, а потому вызвала постепенное их принятие, хотя и наряду со стремлением к сохранению собственной этнической идентичности. Именно она нашла свое отражение в материалах корреспонденции Быховцев.

Таким образом, переписка Быховцев является интересным и достаточно информативным источником по истории этнополитического сознания белорусского дворянства первой половины XIX в. Мало привлекавший до настоящего времени внимание исследователей, этот эпистолярный комплекс, как нам представляется, позволяет делать интересные выводы в русле этнической истории. В этой связи открытие и анализ подобных источников видится одной из наиболее актуальных задач белорусской исторической науки в настоящее время.

Источники и литература

1. Копсергенова, Е. О. Этнополитическое сознание в политическом процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Е. О. Копсергенова. — Черкесск, 2006. — 175 с.
2. Письмо Казимира Быховца родителям от 17 июля 1847 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). — Фонд 1664. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 5—6.
3. Прощение Александра Быховца Виленскому военному губернатору и генерал-губернатору Гродненскому и Ковенскому В. И. Назимову от 1859 г. // Там же. — Д. 81. — Л. 10—12об.
4. Мархель, У. І. Шлях да Беларусі: Адам Міцкевіч — прадвеснік адраджэння беларускай літаратуры / У. І. Мархель. — Мінск: Бел. навука, 2003. — 123 с.

5. Мицкевич, А. Пан Тадеуш или последний наезд на Литве. Шляхетская история 1811—1812 гг. в двенадцати книгах / А. Мицкевич. — М.: Гослитиздат, 1956. — 383 с.
6. Письмо Казимира и Станислава Быховцев отцу от 1 ноября 1847 г. // НИАБ в г. Гродно. — Фонд 1664. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 13—16об.
7. Письмо Казимира и Станислава Быховцев отцу от 26 сентября 1847 г. // Там же. — Д. 18. — Л. 11—12об.
8. Письмо Казимира и Станислава Быховцев матери от 26 сентября 1847 г. // Там же. — Д. 18. — Л. 9—10об.
9. Письмо помещика Быховца Станислава родителям от 16 июля 1847 г. // Там же. — Д. 17.
10. Письмо помещика Быховца Александра сыну от 2 апреля 1847 г. // Там же. — Д. 16.
11. Письмо Казимира Быховца отцу от 9 января 1860 г. // Там же. — Д. 20. — Л. 38—40об.
12. Письмо Станислава Быховца отцу от 20 августа 1857 г. // Там же. — Д. 20. — Л. 5—6об.
13. Письмо Станислава Быховца отцу от 14 июля 1857 г. // Там же. — Д. 20. — Л. 1—4об.
14. Письмо Казимира Быховца отцу от 8 апреля 1860 г. // Там же. — Д. 20. — Л. 52—53об.
15. Письмо Казимира Быховца отцу от 28 апреля 1860 г. // Там же. — Д. 20. — Л. 54—55об.
16. Письмо Станислава Быховца отцу от 28 марта 1858 г. // Там же. — Д. 20. — Л. 19—20об.
17. Письмо Станислава Быховца отцу от 10 сентября 1858 г. // Там же. — Д. 20. — Л. 32—33.

І. П. Клімаў

ДА ПРАБЛЕМЫ РАЗМЕЖАВАННЯ ЎКРАЊНСКІХ І БЕЛАРУСКІХ ПМНІКАЎ СТАРАЖЫТНАГА ПІСЬМЕНСТВА

Праблема размежавання беларускіх і ўкраінскіх помнікаў старажытнага пісьменства эпохі ВКЛ і РП* з розных прычын з'яўляецца складанай у мовазнаўстве [19, с. 79; 14, с. 7; 21, с. 11; 26, с. 68] і пакуль не мае навукова карэктнага вырашэння. Даследчыкаў XIX і пач. XX ст. яна не цікавіла, ці гэтым пытаннем яны задаваліся мімаходзь. Толькі ў 1920-я гг. гэта праблема ўзнікла ў навуцы ў сувязі з выходам на арэну ўкраінскага і беларускага нацыяналізму, які пачаў заяўляць свае правы на культурную спадчыну [7; 32]; тады яе паспрабаваў вырашыць выдатны ўкраінскі вучоны І. Агіенка [29, с. 224—236; 30]. Аднак толькі з 2-й пал. XX ст. вучоныя пачалі надаваць гэтаму пытанню больш увагі (гл. каментаваны агляд розных пазіцый даследчыкаў на працягу стагоддзя [26, с. 70—78]). Тым не менш гэтае пытанне пакуль не атрымала ні глыбокай тэарэтычнай распрацоўкі, ні сур'ёзнага эмпірычнага матэрыялу. Існуючыя прапановы носяць павярхоўны ці аднабаковы характар і часта выключаюць адна адну. Нярэдка яны зыходзяць ад асоб, далёкіх ад навукі, у сваю чаргу, пазіцыі навукоўцаў не заўжды вольныя ад суб'ектыўных чыннікаў і палітычных спекуляцый [33, с. 80; 34, с. 115]. У выніку «розв'язанню цієї проблеми цієї не видно» [26, с. 69]. Некрытычна ўспрынятыя спрэчкі лінгвістаў могуць істотна заблытаць навуковы пошук гісторыкаў, літаратуразнаўцаў, архівістаў, спарадзіць у іх хібныя высновы і апісанні.

Але суб'ектыўнасць навукоўцаў толькі ўскладняе сітуацыю, але не прадвызначае яе. Праблема размежавання даўніх беларускіх і ўкраінскіх помнікаў існуе аб'ектыўна і абумоўлена гетэрагенным і наддыялектным характарам даўняй літаратурна-пісьмовай мовы ўсходнеславянскіх народаў у складзе ВКЛ / РП, што ўскладняе дыферэнцыяцыю і стратыфікацыю гэтай мовы. Відаць, пэўную цяжкасць стварае і праблема крытэрыяў для выяўлення моўна-дыялектнай прыналежнасці помнікаў пісьменства.

1. Пытанне пра дыялектную аснову і дыялектную дыферэнцыяцыю даўняй літаратурна-пісьмовай мовы ВКЛ і ўсходнеславянскіх зямель у

* Для больш позняй і больш ранняй эпох пытанне размежавання беларускіх і ўкраінскіх помнікаў не актуальна. У пісьменстве XIX ст. моўныя межы маніфэставаны больш выразна: з аднаго боку, пранікненне дыялектных (беларускіх ці ўкраінскіх) асаблівасцей мінімізавана адносна высокай стандартызаванасцю мовы і правапісу дакумента, з другога, запісы ці фрагменты дыялектнага (беларускага ці ўкраінскага) маўлення больш выразныя, паколькі наяўнасць дыялектных асаблівасцей ужо ўсведамлялася. Практычна ўсё актавае пісьменства да XIV ст. напісана фактычна на старажытнарускай актавай мове з дамешкам тых ці іншых усходнеславянскіх рыс.

складзе РП застаецца праблематычным. І перш за ўсё гэта праяўляецца ў навуковай тэрміналогіі для наймення лінгвістычных аб'ектаў. У XIV—XVIII стст. саманайменне гэтай мовы было *язык руський* ці *мова руська(я)* (польск. *język ruski*, лац. *lingua ruthenica*), а ў некаторых кантэкстах, як правіла, пры супастаўленні з сакральнай, рэлігійнай мовай (звычайна царкоўнаславянскай: *языкъ словѣньскъ (-ий)*, рэдка лацінскай) яна набывала (з XVI ст.) назву *проста(я) мова*, *просты діалектъ* (як пераклад лац. *lingua vernacula* ці *lingua vulgaris*) [43, с. 88—89, 93; 2, с. 36; 4, с. 11—12, 16]. У навуцы існуюць і іншыя прапановы і нават дыскусіі па найменні гэтай мовы (гл. нядаўнія агляды [25, с. 223—227; 40, с. 157—158; 28, с. 9—26]), якія далей не абмяркоўваюцца*. У дадзенай працы для наймення гэтай мовы выкарыстоўваецца яе гістарычная назва *языкъ руський* (сінонім — *мова рус(ь)-кая*), хаця наконт і такога наймення маюцца пярэчанні [2, с. 39—40].

Сучасныя беларускія і ўкраінскія даследчыкі называюць яе адпаведна старабеларускай ці стараўкраінскай мовай, паколькі яна адыгрывае ролю папярэдняга этапу развіцця цяперашніх беларускай і ўкраінскай моў. Сапраўды, гетэрагенны і наддыялектны характар *языка руського*, у якім прысутнічаюць беларускія і ўкраінскія рысы, дазваляе кваліфікаваць гэтую мову адначасова як старабеларускую і стараўкраінскую. Праўда, у навуцы ўжыванне тэрмінаў «старабеларуская» і «стараўкраінская» мова карэктнае бадай што толькі ў адносінах да гістарычнай граматыкі і гістарычнай дыялекталогіі [19, с. 83—84; 4, с. 16—17; 21, с. 12—13]. Аднак мову пісьменства з дапамогай такіх тэрмінаў апісаць праблематычна ўжо хаця б таму, што адзін аб'ект не можа быць адначасова і беларускай і ўкраінскай мовай. Гэтую лагічную праблему яшчэ можна было б неяк вырашыць, калі б не існавала яшчэ большай праблемы — старажытная літаратурна-пісьмова мова беларусаў і ўкраінцаў была негаматэрыяльнай паводле сваёй прыроды і складу. Але і гэтая праблема падлягае вырашэнню — пры адпаведным прэпараванні матэрыялу (напрыклад, у выглядзе пералікаў помнікаў). Галоўная праблема — метадалагічная. Пры лінгвістычным вывучэнні тэксту на старажытнай літаратурна-пісьмовай мове недастат-

* Найбольш вядомы выпадак — найменне гэтай мовы як «заходнерускай» (паходзіць з расійскага імперскага дыскурсу сяр. XIX ст. [28, с. 13—14]), што прымаюць зараз амаль усе расійскія даследчыкі, а пад іх уплывам і некаторыя беларускія і ўкраінскія (напр., [15, с. 103; 14, с. 7, 8, 10; 4, с. 17]). Аднак такая назва навукова не абгрунтаваная і гістарычна зусім нядаўняя, яна падкрэслівае самастойнасць гэтай мовы і нараджае памылковае ўяўленне, нібыта гэтая мова з'яўляецца перыферычнай часткай сучаснай рускай мовы. Апрача таго, «заходнерускай» Л. Гумецкая прапаноўвала называць мову тых помнікаў, якія немагчыма залічыць ні да выключна беларускіх, ні да выключна ўкраінскіх [12, с. 334], што выклікала пярэчанне ў беларускіх вучоных [4, с. 15—16]. Зараз некаторыя даследчыкі робяць і іншыя прапановы, напрыклад, «мова ВКЛ» (пры захаванні ранейшага тэрміну «старабеларуская мова»!) [6], што здаецца няўдалым і неадэкватным.

кова вызначыць яе дыялектную аснову, трэба ацаніць іншыя параметры: іншадзялектныя награвашчэнні, архаізмы, запазычэнні, індывідуальныя асаблівасці аўтара/ пісьма, што «маюць значэнне варыянтнай нормы ці сігналізуець аб пераходзе да яе» [19, с. 84; 21, с. 13]. І з гэтай прычыны вызначэнне дыялектнай асновы мовы прынцыпова нічога не мяняе ў ацэнцы мовы помніка. «Наяўнасць у помніку вялікай колькасці фанетычных, граматычных і лексічных запазычанняў...» (у т. л. з украінскіх або беларускіх дыялектаў) «... не можа служыць дастатковай падставой для выключэння такога помніка з ліку крыніц вывучэння гэтай мовы» [19, с. 84; 21, с. 13]. У такім аспекце тэрміны «старабеларуская» і «стараўкраінская» мовы ўвогуле становяцца абмежаванымі і недастатковымі, якія (у аспекце гісторыі літаратурнай мовы) толькі аднабакова апісваюць свой аб'ект. І ўжо абсалютна немэтазгодна (і гістарычна, і метадалагічна) вылучаць (услед за Л. Гумецкай) у даўнім кірылічным пісьменстве ВКЛ/ РП дзве асобныя мовы — стараўкраінскую і старабеларускую, якія ўтваралі «пам'яткі з суто украінскімі або суто білоруськімі мовнымі рысамі, вільні від спецыфічных рис іншай мовы» [12, с. 334]. Гэты погляд нечакана знайшоў далейшае і крайняе развіццё ў У. Свяжынскага **.

* Калі прыняць пазіцыю Л. Гумецкай, то трэба вылучаць яшчэ дзве мовы: мову помнікаў з невыразнымі рысамі (ні беларускімі, ні ўкраінскімі, а іх было ці не найбольш [29, с. 230, 231]) — сама даследчыца называе яе «заходнерускай мовай» [12, с. 334], і мову помнікаў з агульнымі беларускімі і ўкраінскімі рысамі. А калі далучыць да гэтага ліку розныя мяшаньня *руська-царкоўнаславянскія* і *руська-польскія* ўтварэнні, якія таксама прысутнічаюць у тагачасным пісьменстве, то лік моў можа пайсці на дзесяткі, што з'яўляецца поўным nonsensam. Такі ж nonsens і іншая выснова, што вынікае з тэзы Л. Гумецкай (калі строга яе прытрымлівацца): мову помніка нельга правільна вызначыць, пакуль ён не будзе вывучаны, а доля беларускіх і ўкраінскіх элементаў у ім не будзе вызначана.

** У. Свяжынскі лічыць, што ад самых пачаткаў ВКЛ існавалі дзве асобныя літаратурна-пісьмовыя мовы: старабеларуская і стараўкраінская [40, с. 153], а ў адзінай дзяржаве (ВКЛ, затым РП) меў месца «беларуска-ўкраінскі ўзаемапераклад» [40, с. 160, 141, 142]. Паводле яго, пад адной арфаграфічнай абалонкай выступалі дзве ўсходнеславянскія мовы — беларуская і ўкраінская [40, с. 149—150], у залежнасці ад таго, хто як чытаў, і на гэтай падставе даследчык адмаўляе адзінства літаратурна-пісьмовай мовы беларусаў і ўкраінцаў эпохі Сярэднявечча [40, с. 149]. Такі погляд спекуляцыйны і цалкам памылковы. Калі дапусціць існаванне ўзаемаперакладу, то трэба прызнаць, што перакладчыкі (а гэта, згодна са Свяжынскім, усе пісьменныя асобы) валодалі кампетэнцыяй у абедзвюх мовах, і тады губляецца сэнс у перакладзе. Калі дапускаць, што арфаграфія прыхоўвала дзве асобныя мовы, тады ў помніках увогуле не павінны былі адлюстроўвацца ніякія беларускія і ўкраінскія рысы (ці бессістэмна бльптацца), чаго на самай справе няма. Але галоўны хіб ідэі Свяжынскага — залежнасць мовы ад інтэнцый карыстальнікаў (што мова тэксту залежыць ад таго, хто яго прачытае (ці напіша), беларус ці ўкраінец, — а як быць тады з лігоўцамі ці яўрэямі, што пісалі на гэтай мове?).

Аб'ектыўна мова *руская* была супольная для беларусаў і ўкраінцаў эпохі Сярэднявечча [18, с. 144; 43, с. 89, 90]. Яна абслугоўвала беларускі і ўкраінскі народы (а таксама іншыя этнасы), што жылі ў складзе агульнай дзяржавы — напачатку ВКЛ, затым РП, і падтрымлівалася агульнасцю іх культурнага паходжання (з часоў Кіеўскай Русі) ды структурнай блізкасцю беларускіх і ўкраінскіх дыялектаў [16, с. 279; 29, с. 224, 227, 229; 30, с. 263—265, 277; 8, с. 213; 35, с. 130; 36, с. 220; 25, с. 228]. Аднак погляды, што кваліфікуюць усю гэтую мову толькі як (стара)украінскую ці толькі як (стара)беларускую, з'яўляюцца аднабаковымі і некарэктнымі, яны не маюць пад сабой ніякага лінгвістычнага ці гістарычнага гунту [33, с. 81; 4, с. 17].

Тым не менш многія навукоўцы працягваюць аспрэчваць адзінства гэтай мовы ва ўсіх сферах ужытку ці прызнаюць такое адзінства хіба што для ранняга перыяду XIV—XVI стст. [35, с. 130—131; 38, с. 140—141]. На іх думку, пра такое адзінства можна і трэба казаць толькі ў адносінах да актавага пісьменства, і то адносна XV—XVI стст., а потым гэтае адзінства распалася з утварэннем двух варыянтаў: старабеларускага і стараўкраінскага [8, с. 41], ці нават дзвюх асобных літаратурна-пісьмовых моў: старабеларускай і стараўкраінскай [4, с. 89—90, 114—115; 34, с. 116]. Фактычна гэта азначае аднаўленне хібных тэзаў Л. Гумецкай і У. Свяжынскага. Для некаторых даследчыкаў нават сам тэрмін супольнай мовы беларусаў і ўкраінцаў зводзіцца толькі да сферы актавага пісьменства, і «пашыраць яго на мову летапісаў і хронік, а таксама мову мастацкай і канфесіянальнай літаратуры няма падстаў» [34, с. 116]. Пры такім падыходзе «агульнасць» мовы ўвогуле абмяжоўваецца не толькі храналагічна, але і жанрава-функцыянальна. У любым выпадку структурныя і функцыянальныя адрозненні гэтых варыянтаў (ці моў) даследчыкамі звычайна не вызначаюцца і не абмяркоўваюцца.

Натуральна, любыя спробы вылучыць у складзе *языка руського* асобныя агрэгаты — пэўныя часткі ці варыянты — заслугоўваюць усялякай увагі. У розныя перыяды функцыянавання літаратурна-пісьмовай мовы эпохі Сярэднявечча, калі адсутнічалі многія сучасныя механізмы стабільнасці і аднастайнасці напісання і моваўжывання, дыялектны склад элементаў быў неаднолькавы і мог хістацца ад рэгіёна да рэгіёна. Пытанне толькі ў тым, які статус і якое распаўсюджанне мелі гэтыя асаблівасці ў складзе самой літаратурна-пісьмовай мовы.

Адны ўкраінскія вучоныя прызнаюць [24, с. 48; 33, с. 81; 34, с. 115—116], што асновай канцылярскага кірылічнага пісьменства ВКЛ паслужылі менавіта беларускія дыялекты, паколькі першыя пісары ў велікакняжацкую канцылярню (Навагрудак, Трокі, Вільня), што задавала ўзор і прыклад усім правінцыяльным і лакальным канцылярыям, набіраліся з беларускіх зямель. Таму можна лічыць, што са структурнага і функцыянальнага пункту гледжання афіцыйнай мовай ВКЛ напачатку была беларуская, і з такой дыялектнай асновай яна распаўсюджвалася на ўкраінскія землі [22, с. 16; 19, с. 79—80;

20, с. 38; 25, с. 228]. Але іншыя ўкраінскія вучоныя аспрэчваюць [13, с. 253—254; 10, с. 40—41] гэты погляд, прапаноўваючы ў якасці зыходнай асновы пісьмова-літаратурнай мовы вальнскія і турава-пінскія дыялекты, блізкія да беларускіх у некаторых рысах [13, с. 253—254; 10, с. 42—43; 36, с. 236; 37, с. 96]*, што выклікала пярэчанне ў іх беларускіх калег [19, с. 80—81], або нават галіцка-вальнскія дыялекты**. Як кампраміс палескія (вальнскія) гаворкі былі прапанаваны ў якасці асновы толькі «стараўкраінскай» мовы ці ўкраінскага варыянта мовы *руськай* [33, с. 82—83], хаця раней падкрэслівалася вядучая роля ў гэтай мове з XIV да сяр. XVI ст. паўднёва-заходніх (галіцка-вальнскіх) украінскіх гаворак [27, с. 104—105].

Аднак на працягу ўсёй гісторыі існавання літаратурна-пісьмовай мовы беларусаў і ўкраінцаў яе дыялектная аснова не была стабільная. Найлепш гэтая сітуацыя вывучана ў дачыненні да актава-канцелярскай мовы ВКЛ. Ужо даволі рана, з 1340 г., калі ў склад ВКЛ была далучана Вальнь, у гэтую мову пачаў дадавацца ўкраінскі ўплыў [33, с. 81]***. Так, даследаванне Х. Станга, які апрацаваў мову 268 грамат велікакняжацкай канцелярыі з 1360 па 1627 г.,

* Упершыню гэтую ідэю выклаў у 1930-я гг. украінскі вучоны І. Агіенка, які меркаваў, што ў аснове мовы *руської* (якая для яго была выключна ўкраінскай [31, с. 95—97, 98]) ляжыць палескі (паўночнаўкраінскі) дыялект [29, с. 226, 227, 238, 248—249, 252; 30, с. 263, 279—283; 31, с. 97—98]. Гэтым самым можна было здавальняюча вгледзіць украінскім чыгачам таго часу, чаму «дужо богато пам'яток «руської мови» XVI-го віку звычайно не маюць типовых ознак ... українських» [29, с. 231]. На невыразнасць моўных рыс палескіх пісьмовых помнікаў, іх пераходнасць паміж беларускай Поўначчу і ўкраінскім Поўднем тады ж указваў і польскі даследчык У. Курашкewіч [44, с. 51—52; 45, с. 284—285]. Зусім гіпертрафіраваны выгляд гэтая канцэпцыя нядаўна набыла ў украінскага даследчыка В. Майсіенкі, які «пашырў» палескі арэал на ўсю мову *руськую* Беларусі, сцвярджаючы, што гэта палескі ўплыў падавіў беларускія рысы ў даўнім пісьменстве Беларусі, якое на самай справе трэба лічыць палеска-беларускім [26, с. 78—82].

** На погляд некаторых украінскіх вучоных, старажытнаруская мова, што ўжывалася ў канцелярыях Галіцка-Вальнскага княства, з разбурэннем Кіеўскай Русі трансфармавалася пад уплывам мясцовай гаворкі ў стараўкраінскую мову [15, с. 104; 36, с. 236]. Праўда, такі погляд цяжка абгрунтаваць фактамі, таму ён не знайшоў падтрымкі нават сярод украінскіх калег [10, с. 43].

*** Але І. Агіенка сцвярджаў, што паколькі Берасцейшчына і Паўднёвае Падляшша ўваходзілі (з 1315 г.) у склад ранняй літоўскай дзяржавы, то ўкраінцы і былі сярод першых пісараў велікакняжацкай канцелярыі [29, с. 225; 30, с. 263, 267, 282]. Першымі вядомымі тэкстамі, у якіх праявіліся ўкраінскія рысы, лічацца дзве граматы: 1341 г. кн. Кейстута і яго брата кн. Любарта торуньскім купцам і 1349 г. кар. Казіміра яго слугу Івану, а таксама дамова 1366 г. кн. Альгерда і яго братаў з кар. Казімірам [48, с. 10]. У Луцку напісана большасць грамат кн. Свідрыгайлы, таму можна меркаваць, што там знаходзілася яго канцелярыя, хаця яго граматы пісаліся таксама ў Жыгміры, Кіеве, Каламыі, Гарадку і іншых месцах; асобныя граматы Вітаўта таксама выдаваліся ў Луцку і Астрогу.

паказала, што ў іх правапісе і, радзей, марфалагічных формах назіраюцца розныя дыялектныя ўплывы. У 7 граматах Вітаўта (1390—1430) адлюстраваны тры дыялектныя тыпы: галіцкі, паўночнавальнскі (палескі) і невыразны паводле сваіх асаблівасцей тып [48, с. 20—21; 49, с. 100]. Апошні прысутнічае і ў 4 граматах Альгерда (1345—1377), найбольш ранніх. У час кіравання Жыгімонта Кейстутавіча (1432—1440), 2 граматы, Казіміра (1440—1492), 24 граматы, і яго дзяцей Аляксандра (1492—1506), 29 грамат, ды Жыгімонта Старога (1506—1548), 152 граматы, галіцкі тып амаль зусім знікае, але захоўваецца паўночнавальнскі тып і пашыраецца беларускі [48, с. 26, 50—51, 114—116], які становіцца адзіным пануючым пры Жыгімонце Аўгусте (1548—1572), 22 граматы, і застаецца да канца XVII ст. [48, с. 116, 122—123]. У сувязі з гэтым трэба разглядаць і выснову М. Рудзінскай, што ў канцелярска-актавай мове ВКЛ напачатку дамінуючым быў украінскі тып, які пазней паслабіўся [46]. Гэта пацвярджае і У. Курашкewіч, які адзначае перавагу паўднёваўкраінскіх рыс у арфаграфіі велікакняжацкіх грамат да сяр. XV ст. [44, с. 47—50, 55; 45, с. 280—283, 288]. Высновы Х. Станга тычацца толькі актаў велікакняжацкай канцелярыі, у той час як у лакальных канцелярыях (напрыклад, полацкіх) мацней захоўваліся мясцовыя асаблівасці [49, с. 102], якія, праўда, напрыканцы XV ст. ужо наблізіліся да велікакняжацкіх [49, с. 93—94, 126]. На гэтай падставе можна меркаваць, што ў працы велікакняжацкай канцелярыі нароўні з носьбітамі паўднёвабеларускіх гаворак прымалі ўдзел носьбіты паўночнаўкраінскіх дыялектаў [29, с. 226; 30, с. 262—263, 283; 48, с. 21, 115; 44, с. 50, 52; 45, с. 283, 285; 31, с. 97—98; 10, с. 43], хаця гістарычнага матэрыялу на гэты конт бракуе [4, с. 42]. Але ўдзел у працы канцелярыі пісараў з рознай дыялектнай гаворкай яшчэ не вядзе да падзелу іх пісьмовай прадукцыі на адпаведныя дыялектныя варыянты — інакш немагчыма ўвогуле весці гаворку пра адзіную літаратурна-пісьмовую мову і адзінае актавае пісьменства. Хутчэй можна казаць пра пэўныя пісарскія школы ці традыцыі, дыялектна дэтэрмінаваныя. Таму гаварыць пра з'яўленне нейкіх «беларускага» і «ўкраінскага» варыянтаў канцелярскай мовы ВКЛ [33, с. 82] не выпадае [2, с. 41—42]*, па меншай меры, да Люблінскай уніі 1569 г., калі раней адзіная адміністрацыйна-палітычная прастора дзяржавы парушылася. Але нават і пасля гэтага часу праблематычна вылучыць такія варыянты — не заўжды палітычна-адміністрацыйны падзел суправаджаўся моўна-пісьмовай дывергенцыяй, аб чым сведчыць т. зв. галіцкі прыклад. Галіччына, якая з сяр. XIV ст. уваходзіла ў склад Каралеўства Польскага, захоўвала сваё традыцыйнае кірылічнае пісьменства ў актавай галіне, якое развівалася ў тым жа кірунку, што і актавае пісьменства ВКЛ, хаця, зразумела, з прыкметнымі адрозненнямі ў мове [33, с. 83].

* Сам Р. Піўтарак кажа пра «спільны для ўсіх рэгіонаў канцелярскі дзіловы стиль» [33, с. 81].

Некаторай мадыфікацыяй пазіцыі М. Рудзінскай і Х. Станга з'яўляецца погляд Ю. Шавялёва пра перасоўванне дыялектнай базы *языка русьскога* з поўначы (Вільня) на поўдзень (Кіеў) у пач. XVII ст. [47, с. 566—567; 25, с. 228—229]. У адрозненне ад сваіх папярэднікаў даследчык грунтаваўся на аналізе пераважна неактавых крыніц (літаратурных, навукова-вучэбных, рэлігійных тэкстаў). З XVII ст. цэнтрам праваслаўнага жыцця ў РП становіцца Кіеў, паколькі Вільня як царкоўны цэнтр пераходзіць пад кантроль уніятаў. Вынікам гэтага становіцца даўно заўважаная для XVII ст. перавага ўкраінізмаў у помніках з украінскай тэрыторыі [2, с. 42; 1, с. 31] і ўзмацненне ўкраінскага ўплыву на правапіс помнікаў беларускага паходжання [43, с. 139; 20, с. 302—303; 4, с. 178—179, 186—194, 215]*. Аднак актывыя помнікі, калі давяраць высновам Х. Станга (гл. вышэй), здаецца, у цэлым не пацвярджаюць меркавання пра перасоўванне дыялектнай базы.

Нягледзячы на ўсе супярэчнасці, агульнапрынятым стала вылучэнне беларускага і ўкраінскага варыянтаў адзінага *языка русьскога* — такога падыходу прытрымліваюцца многія вучоныя, як украінскія [24, с. 47; 35, с. 130—131; 15, с. 103; 13, с. 258; 10, с. 39—40, 44], так і беларускія [2, с. 40—46; 4, с. 41 і наст.]. Але калі трэба выявіць лінгвістычныя рысы гэтых варыянтаў адзінай літаратурна-пісьмовай мовы, вынікі амаль заўжды зводзяцца да некалькіх супрацьпастаўленых з'яў, пераважна фанетычных ці ўвогуле арфаграфічных.

На самай справе, пад «варыянтам» даследчыкі, як правіла, разумеюць праявы гутарковых асаблівасцей перапісчыка ці аўтара, дэтэрмінаваныя арэальна: у помніках з Беларусі адлюстроўваліся рысы беларускіх гаворак, у помніках з Украіны — украінскіх [24, с. 47]. Пры такім падыходзе «варыянт» амаль заўжды разумеецца як сума гутарковых асаблівасцей перапісчыка ці аўтара, а вылучэнне «варыянтаў» становіцца амаль аўтаматычным, калі вядома паходжанне помніка**. Калі што і парушае такую схему, дык гэта няўрымслі-

* І. Агіенка меркаваў, «што украінскі ўплыў у Беларусі справді був сильний, що в Білорусі ширилась навіть українська церковна вимова» [30, с. 263, 264] і прыводзіў прыклады царкоўнага вымаўлення з тэкстаў XVII ст. [29, с. 232—234], аднак у іх прысутнічаюць і беларускія рысы [25, с. 242]. Як адзначаў А. Жураўскі, «украінскія рысы яшчэ не парушалі адзінства пісьмовай мовы» [20, с. 303]. Царкоўнае вымаўленне сведчыць толькі пра ўплыў, але не прадвызначае аснову мовы. Украінскі ўплыў адзначаецца і ў царкоўным вымаўленні Расіі ў 2-й пал. XVII — 1-й пал. XVIII ст., але гэта, натуральна, не гаворыць пра ўкраінскую аснову яе мовы.

** На гэтай падставе ўкраінскія даследчыкі, пачынаючы з І. Агіенкі [30, с. 269—271, 277—278], моцна абураюцца на сваіх беларускіх калег, што разглядаюць мову твораў, напісаных выхадцамі з Украіны (напрыклад, М. Смярыцкім), як складнік старабеларускай мовы (гл. адзін з нядаўніх прыкладаў такога абурэння, [26, с. 68]). Але выхадцы з Украіны за межамі сваёй радзімы пісалі на многіх мовах — царкоўнаславянскай, польскай, лацінскай (напрыклад, той самы М. Смярыцкі) — чаму б ім, жывучы на Беларусі, не пісаць на старабеларускай мове?

васць даўніх аўтараў, якія «пісалі і друкавалі сваёй работай і в заходних, і в південно-заходних руських землях, і тому в таких роботах часом помітне змішування особливостей української і білоруської літературних мов» [24, с. 47]*.

Аднак ці тоесная сукупнасць гэтых гутарковых асаблівасцей перапісчыкаў / аўтараў існаванню варыянта літаратурна-пісьмовай мовы як падсістэмы пэўнай сістэмы? Такія гутарковыя асаблівасці заўжды праяўляліся як адхіленне ад традыцыі, як парушэнне нормы і ніколі не складалі дамінуючай тэндэнцыі ці нават часткі (хай сабе і факультатывнай) пісьмовай нормы [1, с. 31; 25, с. 241]. Зразумела, адхіленні, назапашаныя ў помніках на працягу некалькіх стагоддзяў, добра бачныя сучасным даследчыкам, якія арыентуюцца перш за ўсё на пошук асаблівасцей у традыцыйным пісьме (і перш за ўсё — рыс жывой гаворкі). Аднак такія адхіленні наўрад ці свядома рабіліся тагачаснымі аўтарамі ці перапісчыкамі і, больш таго, наўрад ці свядома вытрымліваліся імі.

Строга кажучы, каб вызначыць існаванне пэўнага варыянта літаратурна-пісьмовай мовы, неабходна, каб нейкія рысы такога варыянта: а) не мяшаліся паміж сабой у адным тэксце (і нават у адным радку), а існавалі асобна, хаця б у розных жанрах, стылях ці тэкстах; б) вытрымліваліся б многімі перапісчыкамі ці аўтарамі незалежна ад іх роднай гаворкі, г. зн. былі б надлакальнымі. Наколькі вядома, такіх звестак пакуль не сабрана і ніводнага даследавання ў гэтым кірунку пакуль не было праведзена. Наадварот, у даследаваных помніках назіраецца супрацьлеглае сфармуляваным вышэй крытэрыям: у тэкстах спалучаюцца рысы абедзвюх моў (гл., напрыклад, даследаванне У. Анічэнкі [4, с. 49—69 і інш.]**), а самі яны адлюстроўваюць апрача больш-менш агульных беларускіх і ўкраінскіх рыс (а таксама польскіх і царкоўнаславянскіх уплываў) вузкалакальныя рысы роднага дыялекту аўтара, перапісчыка, карэктара. Вельмі сумнеўна, што варыянт мовы вызначаецца толькі тым, які пісар — беларус ці украінец — узяўся за напісанне дакумента ў канцылярыі.

Важна адзначыць, што ўсё вузкія дыялектызмы адлюстроўваліся ў помніках больш-менш выпадкова, як адхіленне, нідзе не ўтвараючы да-

* Дарэчы, менавіта з таго факта, што старажытныя аўтары жылі то на Беларусі, то на Украіне і публікавалі свае творы то тут, то там, і вынікае, на думку некаторых украінскіх вучоных, агульнасць *языка русьскога* [24, с. 49].

** Насуперак меркаванню Л. Гумецкай, якая ўпэўнена сцвярджала, што «вже з XV ст. дійшли до нас пам'ятки з специфічними рисами української чи білоруської мови, вільні від взаємних впливів і домішок (галицько-волинські грамати, білоруський літопис Авраамки 1495 р. тощо). Дедалі чіткішим стає розмежування пам'яток української і білоруської мов» [12, с. 334]. Праўда, даследчыца сама прызнавалася, што «розмежування таке не завжди легке» [12, с. 334], г. зн. абвяргала саму сабе.

мінуючай сістэмы (за выключэннем, магчыма, некаторых груп і жанраў помнікаў і, відаць, 2-й пал. XVIII ст.). Сапраўды, ніводны з меркаваных «варыянтаў» не выступаў у межах аднаго тэксту як закончаная сістэма. У лепшым выпадку такі варыянт можна рэканструюваць на падставе аналізу многіх помнікаў пэўнага арэала, даследаваных на працягу некалькіх эпох (пры тым, што іншыя рысы вымушана трэба ігнараваць).

У свядомасці тагачасных носьбітаў мовы дыферэнцыяцыі яе менавіта на беларускі і ўкраінскі варыянты (ці помнікі), здаецца, не існавала [30, с. 267]*, хаця гэтае пытанне канчаткова не асветлена і заслуговае самай пільнай увагі. Мела месца толькі падсвядомае праяўленне роднай гутаркі перапісчыка, якая ў большай ці меншай ступені адхілялася ад імпліцытных пісьмовых норм, наколькі яны тады ўсведамляліся і вытрымліваліся [25, с. 249]. Але гэтая праява не складала адметнай тэндэнцыі (прынамсі, да сяр. XVII ст.). Беларускія і ўкраінскія варыянты канцылярскай мовы калі і існавалі, то былі іманентныя і амаль незаўважныя для карыстальнікаў. Таму аб складванні беларускага і ўкраінскага варыянтаў калі і можна казаць, дык хіба што пасля Люблінскай уніі, калі ўкраінскія землі апынуліся пад уладай Польшчы і хаця б фармальна былі неяк адзелены ад беларускіх. Аднак паколькі адметных межаў унутры РП не было (параўн. прыклад Галіччыны), то цалкам верагодна, што гэтыя варыянты так і не склаліся аж да скасавання ўжытку гэтай мовы ў ВКЛ у 1696 г. ці на Украіне на мяжы XVI—XVII стст. або пачалі складвацца ў сферы неактавых помнікаў толькі ў XVIII ст.

* З лінгвістычнага пункту гледжання беларускія і ўкраінскія дыялекты ўяўляюць сабой кантынум з пераходнай зонай у Палессі. У эпоху Сярэднявечча размежаванне паміж мовамі ўсведамлялася толькі, калі было звязана з наяўнасцю пісьмовай формы, а распаўсюджанне апошняй на тэрыторыі іншых дыялектаў, набыццё імі надрэгіяльнага характару ўласціва ўжо Новаму часу — эпасе романтизму. Паколькі ў эпоху Сярэднявечча ва ўсходнеславянскага насельніцтва ВКЛ / РП пісьмовая мова была адзіная, то і тагачасныя носьбіты на Беларусі і Украіне мусілі трактаваць сваю мову як адзіную, хаця пры гэтым яны вылучалі (як, напрыклад, у слоўніку Памвы Бярынды) дыялектызмы / лакалізмы (палескія, вальнскія, кіеўскія, галіцкія, закарпацкія і г. д.). Таму вылучэнне ў мове *руської* толькі беларускага і ўкраінскага варыянтаў выглядае мадэрнізацыяй (рэтраспектыўным адбіццём сучасных уяўленняў) і здаецца недастаковым і абмежаваным. У гэтым сэнсе трэба разумець заўвагу У. Анічэнкі, што ў складванні норм пісьмовай мовы прымалі ўдзел многія дыялекты, а не некалькі дыялектаў [4, с. 45—47]. У навуцы няма абсалютных крытэрыяў для размежавання мовы і дыялекту, таму аб'яднанне сучасных усходнеславянскіх дыялектаў у тры мовы — пэўная ўмоўнасць, народжаная нядаўняй палітычнай гісторыяй і заснаваная на геаграфічна-палітычных (але не лінгвістычных) рэаліях. Можна згадаць пра існаванне русінскай мовы, што прэтэндуе на статус чацвёртай усходнеславянскай (гл. напр., [39]) і шырока прадстаўленая ў карпацкіх помніках XVI—XVIII стст. — існаванне гэтай мовы зяцята адмаўляе большасць украінскіх мовазнаўцаў.

Размежаванне на варыянты паводле моўна-дыялектных асаблівасцей магчыма і нават патрэбна толькі для перыферычных абласцей, накіраваных паўднёва-ўсходняй Польшчы (Перамышльшчына, Холмшчына) і Галіччыны, Закарпацця, Букавіны і Малдовы. Помнікі ў гэтых абласцях ствараліся ў розных палітычных арганізмах, з рознай адміністрацыйна-дыскурсінай практыкай і пад уплывам рознага культурнага і моўнага асяроддзя. Аднак помнікі з гэтых тэрыторый якраз і не выклікаюць спрэчак сваёй асаблівасцю і адметнасцю, хаця менавіта іх украінскія даследчыкі без ніякіх дыскусій далучаюць да ўкраінскага варыянта. Сапраўды, там шмат яркіх украінскіх рыс, але нават тут склад дыялектных элементаў далёка не бяспрэчны. Напрыклад, беларускія моўныя рысы адзначаюцца нават у малдаўскіх актах XIV—XVI стст. [5, с. 18—20], як і супольныя беларуска-ўкраінскія з'явы [5, с. 4—8] і паланізмы [5, с. 25—26], яны пранікалі туды ў складзе агульнай канцылярскай мовы ВКЛ [5, с. 3, 4].

2. У цэлым, *язык руський* ніколі не быў фіксацыяй якога-небудзь аднаго дыялекту, таму маюць рацыю тэорыяны, што, азначаючы прыроду гэтай мовы, гавораць пра кайнэ [16, с. 179—180; 17, с. 6—7; 29, с. 89—90, 231; 35, с. 130, 143; 43, с. 89—90; 41, с. 242; 10, с. 43; 19, с. 80; 4, с. 216; 42, с. 61—62; 25, с. 240—241], г. зн. наддыялектнае ўтварэнне. Сапраўды, у адносінах да *языка руського*, відаць, трэба казаць пра мяшанку (і, магчыма, гібрыдызацыю, г. зн. утварэнне структурных навацый) рознамоўных (беларускіх і ўкраінскіх, а таксама іншаславянскіх) рыс. Зразумела, такая мяшанка была нетатальнай, суадносіны беларускіх і ўкраінскіх (а таксама іншаславянскіх) элементаў былі нестабільнымі і неаднолькавымі ў розных помніках і жанрах, у розных аўтараў і ў розныя эпохі. Тым не менш, ужо на ранніх этапах існавання *языка руського* яму была ўласціва высокая ступень наддыялектнасці [10, с. 43], «языковаго выравнівання» [25, с. 243], што праяўлялася ў наступных рысах:

а) адсутнасць ці мінімальнасць вузкіх і выразных дыялектных (фанетычных, лексічных, сінтаксічных) асаблівасцей, уласцівых толькі беларускім ці толькі ўкраінскім гаворкам*;

б) прысутнасць у некаторых паўночных (беларускіх) помніках (напрыклад, з Полацку ці Віцебску) некаторых паўднёвых (украінскіх) рыс і наадварот;

* Натуральна, яны маглі праяўляцца ў асобных аўтараў ці ў асобных помніках, але нават у гэтым выпадку яны не складалі пануючай тэндэнцыі (ці ўтваралі яе толькі на позніх этапах — у XVIII ст.). Сюды нельга далучаць фіксацыі дыялектнага беларускага маўлення, што адзначаюцца з 2-й пал. XVI ст. у інтэрмедых, камедыях, песнях, вершах і іншых жанрах як літаратурны прыём.

в) слабая рэгіяналізацыя мовы ў мясцовых актах параўнальна з агульнадзяржаўнымі;

г) супольная лексіка і ідэнтычны сінтаксіс пры значнай колькасці запазычанняў з іншых літаратурна-пісьмовых моў (царкоўнаславянскай і ці польскай [25, с. 244—248]);

д) традыцыйны правапіс, які ў многім захоўваў спецыфічныя асаблівасці маўлення («який скрізь закриває ці типові риси» ўкраінскай і беларускай гаворкі [29, с. 230; 30, с. 281; 43, с. 88, 89]).

Падобная наддыялектнасць у той ці іншай ступені характэрна для любой пісьмовай мовы, але ў эпоху Сярэднявечча яна асабліва выразна праяўлялася ў канцылярскай сферы, дзе пісьмовая мова актыўна выкарыстоўвалася для адміністрацыйных і судовых функцый. Важнасць канцылярскай сферы ўжытку, прынамсі, для ВКЛ / РП, вынікае з таго факта, што менавіта яна наймацней уздзейнічала на іншыя сферы дыскурсу і жанры: канфесійную і мастацкую літаратуру, летапісы і хронікі. Гэта абумоўлена тым, што ў адміністрацыйна-справавой сферы канцылярская мова ўжывалася стала і рэгулярна, тады як у іншых сферах — аказіянальна і спарадычна. Для ўсіх, хто пісаў на *руськай мове*, не існавала ні традыцыі яе школьнага вывучэння (праваслаўная, а затым і уніяцкая моладзь вывучала пераважна царкоўнаславянскае пісьмо, пазней і ў значна меншым памеры — лаціну або польскае пісьмо), ні падручнікаў для яе (у друку выходзілі толькі царкоўнаславянскія буквары і лацінскія, пазней польскія абэцэды і граматыкі) [43, с. 151—156; 25, с. 248—250]*. Таму ўсе, хто спрабаваў пісаць на мове руськай, мусілі арыентавацца на пісьмо і нормы канцылярый (але, натуральна, не абавязкова арыентаваліся). У адрозненне ад усіх астатніх, канцылярысты пісалі на мове *руськай* стала і рэгулярна, таму іх моўныя і пісьмовыя звычкі былі больш устойлівыя і уніфікаваныя, тады як у астатніх асоб (царкоўнікаў, кніжнікаў, пісьменнікаў, палітычных дзячаў і г. д.) — менш стабільныя і больш дыялектна афарбаваныя. У дадатак, пісьмовыя і дыскурсіўныя звычкі апошніх былі моцна разбураныя валоданнем іншымі мовамі і звычкамі царкоўнаславянскага, польскага ці лацінскага пісьма.

Трэба меркаваць, што пісары мэтанакіравана імкнуліся зрабіць мову дакументаў зразумелай для розных куткоў краіны і дзеля гэтага свядома ці інтуітыўна абіралі больш пашыраныя элементы і пазбягалі вузкакаляльных рыс, абіралі напісанні, максімальна адпаведныя і беларускай мове, і ўкраінскай [17, с. 6—7; 35, с. 131; 43, с. 90; 1, с. 31; 47, с. 397; 34, с. 116]. Пісарам былі ўласцівы пісьмовыя звычкі (правапісная мане-

* Тым не менш некаторая (даволі сціплая) практыка вывучэння мовы *руськай* у школах і выкарыстання яе ў якасці дапаможнай мовы для авалодання іншымі існавала, што вядома з гістарычных крыніц [25, с. 237—238].

ра), што культываваліся ў канцылярных і ўплывалі на мову падлеглых ім канцылярый [8, с. 36, 37]. Канцылярская мова кансервала пэўныя архаічныя з’явы, была насычана формуламі і штампамаі, сінтаксічнымі зваротамі і спецыфічным словаўжываннем, што перашкаджала вольнаму пранікненню элементаў жывой гутаркі, затое дапушчала больш-менш шырокае запазычанне з іншых літаратурных моў.

Найбольш уніфікаванай была мова велікакняжацкай канцылярый, дзе складаліся граматы для шырокага распаўсюджвання*. Крыху слабейшая уніфікацыя назіраецца ў больш дробных гарадскіх канцылярных (мясцовых устаноў і гродскіх судаў), якія мелі справу з дакументацыяй пераважна мясцовага значэння і прыватнаправавога характару, але і яны дэманструюць досыць высокі ўзровень аднастайнасці. Максімальны ўплыў жывой мовы выяўляюць прыватныя граматы параўнальна з афіцыйнымі [48, с. 125]. Але нават запісы, якія, здавалася б, фіксуюць асаблівасці вуснай мовы (пратаколы допытаў, паказанні сведак і да т. п.), выяўляюць дастаткова уніфікаваную мову, пазбаўленую выразных дыялектызмаў. Дзякуючы выкарыстанню кірылічнага пісьма уніфікаваны, наддыялектны тэкст мог па-рознаму чытацца, што таксама мацвала наддыялектны характар мовы. Напрыклад, напісанні кшталту *т□ло* беларусамі вымаўляліся праз [’e], украінцамі — праз [’i], напісанні кшталту *небо* беларусамі вымаўляліся з [н’], украінцамі — з [н] [29, с. 231—232; 30, с. 265; 35, с. 131; 43, с. 90; 38, с. 141; 25, с. 242].

Такім чынам, *езык руський* была мяшаная (і, магчыма, гібрыдная) мова, куды, у дадатак, залучаліся (генералізаваліся) толькі распаўсюджаныя дыялектныя з’явы (хаця гэта не перашкаджала адлюстраванню індывідуальных дыялектызмаў аўтара, перапісчыка). Каб падкрэсліць наддыялектны характар гэтай мовы, варта называць яе нейкім супольным для ўкраінскага і беларускага мовазнаўства тэрмінам**. У сваю чаргу, «прызнанне зыходнага тэзіса аб агульнасці беларуска-ўкраінскай пісьмовай мовы старажытнага перыяду само па сабе выключае неабходнасць якога-небудзь размежавання помнікаў пры вывучэнні гэтай мовы» [19, с. 82—83]. Вывучэнню мусяць падлягаць як помнікі, што ўзніклі на беларуска-ўкраінскай тэрыторыі [19, с. 82—83], так і помнікі, што ўзніклі на гэтай мове за межамі этнічна беларус-

* Пры гэтым уніфікацыя напісанняў у граматах велікакняжацкай канцылярый адбылася каля 1480 г. [48, с. 52; 44, с. 55; 45, с. 288].

** Таму дадатныя бакі атрымліваюць тэрміны, што захоўваюць этнічна-дыялектны склад гэтай мовы, — «заходнеруская мова» [4, с. 17; 28, с. 14], «рутэнская мова», «простая мова» і да т. п.

кай і ўкраінскай тэрыторыі — у этнічнай Літве (Жамойці), Польшчы, Венгрыі, Валахіі і Малдове, Крыме, а таксама ў далёкім замежжы*.

На самай справе, размежаванне помнікаў на беларускія і ўкраінскія патрэбна, бадай што, у класіфікацыйных мэтах — дзеля практычных патрэб сучаснай гістарычнай лексікаграфіі, калі неабходна вызначыць корпус крыніц слоўніка [1, с. 26], або для тэарэтычных праграм нацыяналізму, калі неабходна акрэсліць гістарычную спадчыну «свайго» народа («обидва народи мають право на історію власной мовы і власной культуры» [13, с. 258; 33, с. 80])**, вызначыўшы ў далёкай мінуўшчыне як мага шырэйшае кола «сваіх» культурных здабыткаў і пры гэтым, па магчымасці, не аддаўшы «сваё» суседзям. Магчыма, у будучым, калі гэтыя мэты знікнуць ці будуць сфармуляваны інакш, патрэба размежавання помнікаў ВКЛ і РП на беларускія і ўкраінскія перад навукай знікне.

3. У навуцы ўжо прапановаўся шэраг параметраў, паводле якіх трэба адрозніваць беларускія і ўкраінскія помнікі. Усе такія параметры можна згрупаваць у некалькі крытэрыяў: моўны, арэальны (аўтарска-тэрытарыяльны) і змставы.

А. Моўны крытэрыі, нягледзячы на яго дакладнасць і ўяўную адназначнасць, не заўжды дазваляе размежаваць тэксты на «беларускія» і «ўкраінскія», а часта — і ўвогуле адмежаваць беларускія рысы ад украінскіх [22, с. 16; 30, с. 275—277, 281; 19, с. 85, 86; 1, с. 25—26, 28—30; 4, с. 32—33] (хаця некаторыя навукоўцы ўпэўнены ў гэтым [35, с. 131]). Прычынай гэтага служаць: агульнасць многіх дыялектных рыс для асобных беларускіх і ўкраінскіх гаворак; мяшаны, гетэрагенны характар мовы многіх помнікаў, у якой прысутнічаюць разам беларускія і ўкраінскія рысы (ці не маецца ні тых, ні другіх); удзел у стварэнні помніка розных асоб (перакладчыкаў, перапісчыкаў ці карэктараў, калі помнік друкаваны), якія прыносілі ў яго мову свае рысы. У дадатак, надзейныя метады моўнага аналізу пакуль не

* Агульны пералік некаторых такіх помнікаў (праўда, толькі для XVI — I-й пал. XVII ст. і з акрэсленнем іх як выключна ўкраінскіх) даў Дз. Грынчыншын [9, с. 133—141].

** У сувязі з гэтым заканамерная і крытыка ўкраінскімі вучонымі метадыкі Я. Карскага [29, с. 230; 30, с. 265—266, 269—273; 26, с. 70], які крытэрыяў для размежавання беларускіх і ўкраінскіх помнікаў не шукаў і да разгляду прымаў усе помнікі, у якіх адсутнічалі яскравыя ўкраінізмы («лишь те памятники, которые не отражают малорусских черт») ці якія набылі іх у выніку пазнейшай перапіскі [22, с. 16]. Аднак і самі ўкраінскія даследчыкі ўжываюць абсалютна той жа прыцып: «коли тільки в ... мові пам'ятки ... нема нічого противного мові українській, зараховуємо таку пам'ятку до українських» [30, с. 275].

распрацаваны [18, с. 144; 19, с. 86], а само *руськое* пісьменства ВКЛ недастаткова вывучана [2, с. 36; 13, с. 252, 257; 20, с. 13]*.

Праўда, украінскія вучоныя ўпэўнены, што беларусізмы, якія яшчэ адзначаліся напачатку XVII ст. у помніках з тэрыторыі Украіны (Кіеўскі летапіс 1621 г., «Лямент на пахаванне Астрожскага» 1631 г. і інш.) [3, с. 121, 123]), пасля 1630-х гг. «зовсім знікаюць» [35, с. 143; 16, с. 50 і наст., але параўн.: 36, с. 229; 38, с. 155], аднак гэта патрабуе аб'ектыўнага высвятлення**. У большасці грамад, асабліва ранніх, XIV—XV стст., амаль немагчыма знайсці яскравых беларускіх ці ўкраінскіх рыс або такія рысы амбівалентныя і двухзначныя, або найчасцей абмежаваны дробнымі фанетычнымі асаблівасцямі [8, с. 32, 33, 34].

Калі ўвогуле разглядаць моўныя крытэрыі размежавання беларускіх і ўкраінскіх помнікаў, то трэба прызнаць, што найбольш паказальнымі з'яўляюцца фанетыка-арфаграфічныя рысы, у той час як марфалагічныя і сінтаксічныя рысы (гл. спробы У. Анічэнкі вылучыць спецыфічна беларускія [3, с. 116—120; 4, с. 122—133] і спецыфічна ўкраінскія [4, с. 176—181] рысы) менш выразныя і больш спрэчныя, а таму менш надзейныя, а «вся лексика східнослов'янська або навіть слов'янська взагалі» [8, с. 32; 30, с. 264—265, 281; 11, с. 12; 13, с. 258; 9, с. 138]***. Прычына паказальнасці фаналагічных рыс і, наадварот, непаказальнасці марфалагічных тлумачыцца іх розным генезісам у мове. Фаналагіч-

* Не вырашае праблему ў прыцыпе і выкарыстанне колькасных метадаў (падліку частотнасці і выяўленне статыстычнай імавернасці) [33, с. 84; 34, с. 118], паколькі агульная заканамернасць усяго пісьменства невядомая, а заканамернасць аднаго помніка (ці групы помнікаў) можа быць зусім непаказальная. З таго, што ў такім помніку (ці помніках) адны рысы будуць прызнаны больш «ўкраінскімі», а другія — больш «беларускімі», не вынікае, што такая сітуацыя была ва ўсім пісьменстве. Аднак нейкіх рэпрэзентацыйных выбарак для ўсяго пісьменства ці групы помнікаў яшчэ ніхто не рабіў, так што гэтая прапанова патрабуе апрабавання. Наўрад ці вырашыць праблему і поўная апрацоўка ўсіх помнікаў пісьменства (што пакуль практычна маламагчыма), паколькі размежаванне беларускіх і ўкраінскіх помнікаў — гэта не праблема недахопу інфармацыі, а інтэрпрэтацыйная, метадалагічная праблема.

** Што гэта не так, сведчаць пошукі У. Анічэнкі, які ва ўкраінскіх помніках сяр. XVII ст. і пазнейшых часоў знайшоў нямала беларусізмаў: у перавыданні «Вучыцельнага евангелія», перакладзенага М. Смятрыцкім (Кіеў, 1637) [4, с. 143], у перавыданні «Дыдакаліі» Сільвестра Косава (Кіеў, 1657) [4, с. 146].

*** Праўда, А. Жураўскі выказаў думку, што знаходжанне некалькіх пэўных лексічных дыялектызмаў дазволіла б больш пэўна вызначыць дыялектнае паходжанне помніка [18, с. 144]. Напрыклад, У. Курашкевіч адзначыў, што галіцкім граматам уласцівы тэрміны *волость* і *вотчина*, δ *дина*, а вальнскім і беларускім адпаведна словы *повіть* і *отчина* [44, с. 47; 45, с. 280], аднак пакуль няясна, наколькі гэтае назіранне датычыцца іншых жанраў і помнікаў.

ныя рысы з'явіліся ў выніку дывергентнага развіцця некалі адзінай сістэмы, а таму ў адным дыялекце не могуць суіснаваць альтэрнатыўныя рэфлексы гукаў, у той час як марфалагічныя формы не маюць такога ўзаемавыключальнага характару і ў адным дыялекце могуць канкураваць паміж сабой [14, с. 11].

Да ліку фанетычна-арфаграфічных украінізмаў трэба адносіць:

1. Высокапаказальныя рысы:

а) блытаніна літары *ы* з *и/і*: *м□стычёмь, млинъ* 'млын', *Ивановычь, третій* 'трэці', *ходили, погубыти, ниви, ситий* 'сыты' (сюды не адносяцца паланізмы кшталту *тыдэнь, артыкуль, едыный*), але толькі адна гэтая з'ява ў помніку, без падтрымкі іншых рыс (асабліва блытаніна літары *□* з *и/і*), можа сведчыць хутчэй пра стварэнне помніка літоўцам, у мове якога не адрозніваліся [и] і [і], чым пра ўкраінскі ўплыў; апрача таго, асобныя словы (*тисеча, нине, дира; крити, которий, добрый* і некаторыя інш.) амаль ва ўсім *руськім* пісьменстве пісаліся, як правіла, з літарамі *и/і*, таму такія напісанні таксама не варта лічыць украінізмамі [4, с. 176 і спас. 2]; трэба таксама ўлічваць, што блытаніна *ы* з *и/і* толькі пасля літар *г, к, х* (*книги / книгы, паки / паки, расхитити / расхытити*) абавязана царкоўнаславянскаму ўплыву, як і хістанне ў формах назоўн. скл. множ. ліку назоўнікаў кшталту *народы / народи, ангелы / ангели, ризы / ризи*; марфалагічныя прычыны мае хістанне літары *ы* з *и/і* ў формах назоўн. скл. множ. ліку (дзе)прыметнікаў кшталту *готовы — готовы, видены — видени*;

б) блытаніна літар *□* (рэдка *е*) з *и/і*: *вира, ликарю, сгорило; н□зы* 'нізы', *пр□шедь, фар□с□и*; таксама ў канчатках: *въ потели, ку хвали, на лица, соби, в(ъ)м□сти, с(ъ)зад□*. Аднак не будуць сюды адносіцца марфалагічныя хістанні ў формах, дзе мае месца канкурэнцыя розных каранёў, старых і новых канчаткаў і суфіксаў: у каранях асобных слоў (кшталту *хрестиянский — хрестиянский, дѣтя — дѣтя* і асабліва ў паланізмах: *очевистый — очевистый, Казимѣрь — Казимиръ*), у формах займенніка *весь* у множ. ліку (*вси / уси — все, всихъ / усихъ — всехъ* і г. д.), у формах прыналежных займеннікаў (*свои — свое / сво□, твои — твое / тво□, мои — мое / мо□*), у формах родн. скл.: назоўнікаў множ. ліку (*людий — людей, мощий — мощей*), назоўнікаў адз. ліку асноў на *јѡ-* (*земл□ — земли*), прыметнікаў і ад'ектыўных займеннікаў адз. ліку кшталту *то□ / тое, е□, руское — той, ей, русской*; у фор-

* Непаказальнымі з'яўляюцца некаторыя арфаграфічныя хістанні ў словах, дзе магчыма кантамінацыя розных асноў (напрыклад: *св□докъ / сведокъ / сви-докъ < ведати і видати*) [4, с. 183, спас. 3 і 4], што адзначаецца і ў царкоўнаславянскім пісьменстве (варыянты кшталту *свидетель / сведетель / св□детель*). Наогул жа, паслядоўнае і правільнае выкарыстанне ў гэтым асабліва ў літаратурным творы літары *□* можа быць абавязана царкоўнаславянскаму ўплыву.

мах дзеяслова 2-й ас. множ. ліку загаднага ладу кшталту *при(и)д□те / при(и)дете — при(и)дите, умр□те / умрете — умрите, ищ□те / ищите — ищите* (кантамінацыя тэматычных суфіксаў *-е-* (< *-ѣ-*) і *-и-*);

в) пераход у новазакрытых складах спрадвечнага гука **ѣ > ю/у* (перад складам са слабым **ѣ*): *Василювъ, грошювъ, по всюмъ, своєюй, на сюмъ м□с(т)ци, намяють, въ чумъ* 'у чым', *щюдръ*, ці такога ж спрадвечнага **ѣ > и/і* (перад складам са слабым **ѣ*): *ишть* 'шэсць', *зилье, по-трибно*; праўда, абодва гэтыя пераходы рэдка адлюстроўваліся ў помніках (пераважна галіцкіх і закарпацкіх, [44, с. 45; 45, с. 278]), часцей у гэтай пазіцыі на месцы *е* сустракаўся т. зв. новы *□*, што адлюстроўваў [і]: *по нарож□ньо, учит□ль, р□м□нь, з□мля, в□льми*;

г) пераход у новазакрытых складах спрадвечнага гука **ѡ > и/і*: *гурше* 'горш', *бибъ* 'боб', *Антинъ* 'Антон'; гэты пераход таксама рэдка адлюстраваны ў помніках.

2. Менш бясспрэчныя рысы, паколькі яны ў выніку часткова супадаюць з польскім уплывам:

д) пераход у новазакрытых складах спрадвечнага і новага гука **ѡ > у/ю*: *гурше, покурный* 'пакорны', *Ларивунъ* 'Ларывон', *кунця* 'канца', *потумъ, твую, вуд него, пуд лавицу, на тумъ м□с(т)ци*, а таксама вельмі рэдкія напісанні кшталту *воовця* 'авечка'; асабліва паказальны такі пераход перад глухімі: *вускъ / вюскъ, пушили, съ тил-нустью*, і ў некаторых формах: *сынумъ, своєюмъ*, што заўжды адлюстроўвае ўкраінскі ўплыў*. Аднак (на суперак некаторым даследчыкам [11, с. 19; 4, с. 187, 193]) не заўжды напісанні з *у/ю* ў закрытых складах (асабліва ў канчатках кніжных слоў: *солдувъ, фрасункувъ, рахункувъ, цырографувъ*) маюць украінскае паходжанне — нярэдка, асабліва для XVI—XVII стст., такія напісанні абавязаны польскаму ўплыву. У польскай мове спрадвечны гук **ѡ* ў закрытым складзе перад звонкімі зычнымі і санорнымі [г], [п], [т] падаўжаўся (*róg, wóź, sól*, але не перад глухімі: *nos, noc, chłop*), што ў выглядзе штучнай паланізаваанай арфаэпіі пранікала і да ўсходніх славян і захоплівала не толькі паланізмы, але і спрадвечныя карані і суфіксы: *грумъ, твуй, нуж, рувъ, ругъ, суль, спосубъ, костюль, гандлювникъ, торгувникъ, полкувникъ* і некаторыя канчаткі: *панувъ, мужувъ, князювъ, жє-нихувъ, ворогувъ* [23, с. 137—139]**.

* Часта такі пераход **ѡ > у* адзначаецца ў малдаўскіх і галіцкіх актах, радзей у валынскіх і ніколі — у беларускіх [44, с. 45; 45, с. 278]. Але гэтая заканамернасць можа не спрацоўваць у дачыненні да літаратурных помнікаў, напрыклад, рэлігійных гэксаў, дзе можа адлюстроўвацца царкоўнае вымаўленне.

** Доказам можа служыць наяўнасць паланізмаў з такімі формамі ў сучасных беларускіх дыялектах, якія не мяжуюць з украінскімі: *спокуй, лужко, гура, суль* і пад.

Да ліку фанетычна-арфаграфічных беларусізмаў трэба адносіць:

1. Высокапаказальныя рысы:

а) аканне*, за выключэннем акання ў каранях дзеясловаў незакончанага трывання, дзе праяўляецца польскі ўплыў (*выганяти* — *wuganiać*, *засланяти* — *zasłaniać*, *ламати* — *łamać*, *помагати* — *pomagać*, *призваляти* — *przywalać*, *розмножати* — *rozmnazać*, *розмав(ляти)* — *rozmawiać* і пад.), некаторых займеннікаў, дзе мае месца кантамінацыя розных каранёў (кшталту *каждый / кождый*), і запазычанняў кшталту *монастырь / манастырь*, *саломонь / соломонь*, *ерусолимь / ерусалимь*; аканне ў цэлым нячаста адлюстроўвалася ў помніках;

б) адлюстраванне на канцы слова пераходу 'e > o пасля зацвярджальных шыпячых і асабліва пасля зацвярджалай <ц'>: *вжо / ужо*, *так жо*, *нагадавио*, *нашо*, *вашо*, *ещо*, *ацо* (але не *цо*), *лицо*, *мес(т)цо*;

в) адсутнасць у помніку літары □ наогул ці яе спарадычнае ўжыванне.

2. Менш бясспрэчныя рысы, паколькі яны адзначаюцца ў палескіх (паўночнаўкраінскіх) і асобных паўднёва-заходніх украінскіх гаворках:

г) блытаніна літары □ з e: *место*, *вера*, *хлебь*, н□, н□*редь*, асабліва калі такая блытаніна адзначаецца ва ўсіх складах незалежна ад націску [4, с. 19—22, 216—217; 33, с. 83; 34, с. 118], аднак паслядоўнае ўжыванне □ пад націскам (або з'яўленне там таксама блытаніны літары □ з u/i) пры блытаніне літары □ з e ў ненаціскных складах (напрыклад: *в□чне*, *въ пов□те*, *о в□ре*) можа гаварыць пра палескае паходжанне помніка**, асабліва калі гэта падтрымана іншымі сведчаннямі;

д) аглушэнне звонкіх зычных перад глухімі ў сярэдзіне слова і на канцы слова: *светки*, *светковь*, *счатки / щатки*, *блиский*, (в)уский, дупцы, до витепску, на нись 'на ніз'***, непаказальнымі будуць выпадкі аглушэння ў прыназоўніках (кшталту *сь тымь*, *отъ тыхъ*) і прыстаўках (*бесплодный*, *о(т)тресите*, *откинута*, *роказати*), а таксама ў паланізмах (*люцкое*, *люцкость*, *васнь*, *убоство*, *дедицтво*, але: *потступность*);

е) адлюстраванне цвёрдасці <ц'>: *овца*, *зь криницами*, *купецъ*, *къ Полоцьку*, *месяць*, *моць*; не будуць сюды адносіцца паланізмы кшталту *апеляцыя*, *елекцыя*;

* Аканне прысутнічае ў асобных украінскіх словах (відаць, як беларусізм [8, с. 164]) і адзначаецца з даволі даўніх часоў [16, с. 141; 29, с. 270—271; 30, с. 285].

** Паводле ўказання У. Курашкewіча, паўднёвая мяжа гэтай з'явы праходзіць па лініі Грубешаў—Жытомір—Канеў [44, с. 44, 50; 45, с. 277, 283].

*** Аднак некаторыя з такіх напісанняў (*светки*, *счатки* (< *щатки*), *щатки*) сустракаюцца ў вальнскіх і галіцкіх актах, што У. Курашкewіч тлумачыць беларускім уплывам [44, с. 54; 45, с. 287]. Частата напісанняў *светки* прыводзіла да з'яўлення напісанняў *светокъ* (< *сведокъ*).

ж) зацвярджэнне <р'>: *до мора*, *товарыства*, *трохъ*, *крылы*, *риба*, *рию*, *ридание*.

Такія ж выразныя беларускія рысы, як дэканне і цеканне, вельмі рэдка адлюстроўваліся ў руськім пісьменстве [30, с. 285; 18, с. 144], таму толькі ў нямногіх выпадках яны могуць дапамагчы ў дыферэнцыяцыі помнікаў.

З марфалагічных рыс часам называецца канчатак давальн. скл. адз. ліку *-ови/-еви* (параўнальна з канчаткам *-у/-ю*) у назоўнікаў мужч. р. (былых асноў на *δ-/jδ-*): *митрополитови*, *пастыреви*, *судови*, *декретови*, як уласцівы ўкраінскім помнікам (паколькі ён шырока прадстаўлены ў многіх украінскіх дыялектах). Але ён не можа мець дыягназуючага характару, паколькі яго пашырэнне ў беларускіх помніках XVI—XVII стст. абавязана хутчэй за ўсё польскаму ўплыву, а не ўкраінскаму [1, с. 31—32; 4, с. 180—181, 266]*. Ва ўсялякім выпадку, ва ўкраінскіх помніках нярэдка выпадкі хістанняў кшталту *Ивашкови* — *Ивашку*. Іншыя ж марфалагічныя формы яшчэ менш паказальныя**.

Па сутнасці, адрозненне паміж украінскімі і беларускімі помнікамі (ці варыянтамі) фактычна грунтуецца на адной арфаграфіі, якая адлюстроўвае толькі рознае вымаўленне. Аднак арфаэпія (калі адзін тэкст у розных рэгіёнах мог чытацца па-рознаму) яшчэ не сведчыць

* Хаця канчатак *-ови/-еви* не чужы ўсяму руськаму пісьменству (а таксама некаторым беларускім гаворкам), яго пераважнае выкарыстанне (параўнальна з канчаткам *-у/-ю*) у некаторых выпадках сапраўды можа адносіцца да ўкраінскага ўплыву і лічыцца прыкметай украінскага варыянта [44, с. 45; 45, с. 278]. Гэта заўважана, напрыклад, у загалюках прадмоў і дэдыкацый выданняў, што друкаваліся на Украіне і Беларусі: калі ў беларускіх версіях гэтых выданняў, як правіла, выкарыстоўваецца канчатак *-у/-ю* (*ласкавому пану*, *читателю / чителнику*), то ва ўкраінскіх ён стала замяняецца на канчатак *-ови/-еви* (*ласкавому панови*, *читателеви / чителникови*). Праўда, форма слоў у загалюках ці напачатку тэксту лёгка магла быць пракантралявана, і таму трэба прасачыць, ці вытрымліваецца гэтая асаблівасць ва ўсім тэксце. А, напрыклад, некаторыя замены ў куцеінскім выданні (1653) «Лексікону» П. Бярынды параўнальна з кіеўскім выданнем (1627): *сокира* — *секира*, *которымъ* — *которымъ*, *скора* — *скура*, *кривда* — *кывда*, *вдовиць* — *вдовиць* — не могуць быць вытлумачаны як замены ўкраінізмаў беларусізмамі, хутчэй наадварот [2, с. 42—43].

** Так, У. Анічэнка [4, с. 177—179, 185—186] і некаторыя іншыя аўтары (напрыклад, У. Курашкewіч [44, с. 45—46; 45, с. 278—279], але параўн. у яго [44, с. 50—51, 53; 45, с. 283—284, 286]) кваліфікуюць такія марфалагічныя рысы, як канчатак творнага скл. множ. ліку *-охъ* у асновах на *δ-/jδ-*, канчатак *-мо* у прэтэрытаў 1-й ас. множ. ліку, канчатак *-те* ў імператываў 2-й ас. множ. ліку як украінізмы, на той падставе, што ў сучаснасці яны шырэі (ці пераважна) адлюстраваны ва ўкраінскіх дыялектах. Але з гэтага нельга зрабіць выснову, што так было заўжды, у мінулым гэтыя асаблівасці маглі быць уласцівымі і беларускім гаворкам, дзе яны таксама прадстаўлены і зараз.

пра існаванне менавіта моўных варыянтаў у складзе адзінай мовы — такія асаблівасці маглі насіць толькі індывідуальны (дыялектны) характар, абумоўлены лакальным паходжаннем чытача, але яшчэ не прадвызначаць мову ўсяго тэксту. І гэта самы важны чыннік, які ў пэўнай ступені абмяжоўвае выкарыстанне моўнага крытэрыю.

Б. Арэальны (аўтарска-тэрытарыяльны) крытэрыі кваліфікуе помнікі на падставе месца яго стварэння (калі аўтар невядомы) і/ці паходжання аўтара (калі яно вядома і разыходзіцца з месцам стварэння помніка), г. зн. паводле роднага дыялекту аўтара [30, с. 273—275; 11, с. 19; 33, с. 83; 34, с. 117—118]. Гэты крытэрыі фактычна грунтуецца на лінгвістычных параметрах, паколькі суадносіць мову помніка (аўтара) са звесткамі сучаснай дыялекталогіі, але ён улічвае і гістарычныя абставіны ўзнікнення помніка. Аднак выкарыстанне гэтага крытэрыю, у некаторых выпадках апраўданага, ускладняе шэраг акалічнасцей:

а) «геаграфічная мабільнасць» аўтараў і помнікаў ВКЛ / РП, калі аўтар ці тэкст, апублікаваны ў адным рэгіёне, мог паходзіць з другога [30, с. 277—278; 1, с. 26—28; 4, с. 34—37, 39], што нараджае зацятыя дыскусіі наконт паходжання і прыналежнасці аўтара і тэксту [30, с. 273—275];

б) стылістычная арыентацыя аўтара, які мог арыентавацца на пісьмовыя традыцыі і/ці гутарковыя асаблівасці новага для сябе асяроддзя, а таму на пісьме падаўляць свае дыялектныя звычкі^{*}; такую ж ролю адыгрывае і ўдзел перапісчыкаў (карэктараў) у аднаўленні рукапіснага (друкаванага) тэксту — яны маглі змяняць дыялектныя асаблівасці аўтара (свайго арыгінала);

в) функцыянальны статус асобных тэкстаў, якія былі прызначаны для ўжытку як на Беларусі, так і на Украіне (гэта многія юрыдычна-актавыя тэксты, асабліва кодэкс (Статуты ВКЛ, «Трыбунал абывацелям ВКЛ» і інш.), вучэбныя (падручнікі, слоўнікі, даведнікі і да т. п.) і рэлігійна-літургічныя тэксты), адным з вынікаў чаго было перавыданне такіх тэкстаў у розных рэгіёнах [1, с. 27—28; 19, с. 85—86; 4, с. 34—35, 39], але мова такіх выданняў часта не мае «паміж сабой істотных адрозненняў» [20, с. 303];

г) стварэнне помніка за этнічнымі межамі Беларусі і Украіны (нямала актаў кірыліцай і літаратурных твораў (часам лацінкай) пісалася ў Польшчы: Кракаве, Варшаве, Любліне, Адрэхава, Пётракаве і інш., у Літве (Жамойці), а таксама ў далёкім замежжы: у Крыме, на Балканах), што часта ўвогуле не дае падстаў для вызначэння роднага дыялекту стваральніка тэксту паводле арэальнага крытэрыю;

^{*} Гэта ў пэўнай меры дапускае нават І. Агіенка: «деякі чужоземні впливы, коли автор пише не на рідній землі, можливі» [30, с. 280].

д) спрэчнасць у сучаснай навуцы беларуска-ўкраінскай моўнай мяжы, што не дазваляе адназначна аднесці помнікі Берасцейшчыны і Паўднёвага Падляшша (а таксама Паўночнай Чарнігаўшчыны) толькі да беларускіх ці толькі да ўкраінскіх [30, с. 278—280].

Гэтыя пытанні выклікаюць дыскусіі, таму да арэальнага крытэрыю даводзіцца звяртацца толькі пры невыразнасці моўных паказчыкаў ці іх спрэчнасці. У тым выпадку, калі месца стварэння помніка ці паходжанне аўтара невядома, а яго моўныя асаблівасці няпэўныя, некаторыя даследчыкі прапануюць прызнаваць такія помнікі агульнымі для абодвух народаў [30, с. 281; 33, с. 84; 34, с. 118]. Апрача таго, важнасць арэальнага крытэрыю кантэксту неаднолькавая ў розных аспектах. У літаратурна-знаўчым аспекце большае значэнне мае нацыянальная прыналежнасць аўтара, у той час як для гістарычнай граматыкі — месца паходжання помніка [4, с. 36, 38]. На падставе такога меркавання кола помнікаў, што адносяцца да беларускіх ці ўкраінскіх, будзе рознае [21, с. 12].

Цікавым і магчыма, паказальным чыннікам, што ўказвае на месца стварэння тэксту ці родны дыялект аўтара (перапісчыка), могуць стаць графіка-палеаграфічныя прыкметы, уласцівыя толькі ўкраінскім (галіцкім, валынскім) ці толькі беларускім перапісчыкам [30, с. 284—285; 44, с. 44; 11, с. 19; 1, с. 32—34; 19, с. 86; 4, с. 37, 216; 45, с. 277]^{*}. Аднак пакуль размежаванне падобных пісарскіх школ і тэхнік у *руськім* пісьменстве не праведзена нават прыблізна, гаворка ідзе толькі пра асобныя помнікі ці іх групы.

В. Згодна са зместавым крытэрыем, напрыклад, да беларускіх залічваюцца тыя помнікі, што «прызначаліся для абслугоўвання грамадскага і культурнага жыцця іменна беларусаў» [19, с. 83], адпаведна, да ўкраінскіх — «пам’яткі ..., у якіх ішлося про экономичне та духовне життя українського народу» [9, с. 137]. Паводле гэтага крытэрыю важна, «дзе і ў якім асяроддзі ўзнік помнік, на задавальненне чыіх духоўных інтарэсаў ён

^{*} Але наўрад ці варта катэгарызаваць некаторыя правапісныя асаблівасці і класіфікаваць іх як беларускія ці ўкраінскія, як не зусім удала робіць гэта У. Анічэнка [4, с. 216—230]. Так, няправільнае выкарыстанне літар *ѣ* і *ь* у некаторых украінскіх рукапісах памылкова звязваць з пэўнай пісарскай школай [1, с. 32; 4, с. 190, 224—225] — проста на Украіне, што непасрэдна межавала з румынскімі землямі і падтрымлівала інтэнсіўныя кантакты з праваслаўнымі Балканамі, мацней адчуваўся ўплыў паўднёваславянскіх тэкстаў (гэта прызнае і сам У. Анічэнка [4, с. 230, 236—237, 239—252]). У такіх тэкстах у выніку тыповага для большасці паўднёваславянскіх моў зацвярдзення мяккіх зычных умовы для правільнага напісання літар *ѣ* і *ь* былі страчаны і іх пісалі адвольна ці абіралі т. зв. аднаёравую сістэму пісьма, калі ўсюды пісаўся або толькі *ѣ*, або толькі *ь*. Менавіта гэты балканскі ўплыў і адлюстроўваюць многія кірылічныя помнікі з Украіны.

арыентаваўся, дзе і кім чытаўся» [19, с. 85]. Гэта не ва ўсіх выпадках магчыма вызначыць, у дадатак, многія тэксты мелі поліфункцыянальнае прызначэнне (і ўжытак), а апавяданне пра Украіну ці Беларусь яшчэ аўтаматычна не ператварае помнік у сведчанне ўкраінскай або беларускай мовы. Тым не менш такія крытэрыі стыхійна ўжываецца паўсюдна (напр., [30, с. 275—276; 9, с. 137]), хаця навуковым яго прызнаць цяжка.

Розныя вучоныя па-рознаму ацэньваюць ролю разгледжаных крытэрыяў (А, Б, В). Так, І. Агіенка вядучым лічыў паходжанне аўтара ці перапісчыка, а затым моўную характарыстыку твора, найменш цаніў сведчанні пра тэрыторыю ўзнікнення твора [30, с. 275, 277, 280—281]. Л. Гумецкая аддавала перавагу моўнай характарыстыцы твора і толькі затым — паходжанню аўтара ці перапісчыка (даследчыца працавала пераважна з помнікамі XIV—XV стст., амаль заўжды ананімнага аўтарства), а тэрытарыяльны паказчык таксама прымянялася [11, с. 19; 13, с. 258]. А. Жураўскі, наадварот, аддаваў перавагу менавіта тэрытарыяльнаму чынніку і менш прыкметна — зместаву крытэрыю, а да моўнага аналізу звяртаўся толькі ў выпадку невыразнасці папярэдніх [19, с. 85, 86; 21, с. 13]. Кожны з падыходаў мае свае дадатныя і слабыя бакі. Моўны крытэрыі спрацоўвае, калі дыялектная аснова помніка выразная, што здараецца не часта. Паходжанне аўтара ці перапісчыка і тэрыторыя ўзнікнення помніка таксама могуць быць паказальнымі, але толькі тады, калі яны вядомыя, што здараецца не заўжды. Але гэты крытэрыі можа быць заганным, калі аўтар арыентаваўся на ўзоры, іншыя, чым свой родны дыялект (што часта мае месца ў дачыненні да літаратурных твораў). Зместавы крытэрыі здаецца найменш апраўданым у мовазнаўчых даследаваннях, але ён больш адпаведны для гісторыкаў і літаратуразнаўцаў. Такім чынам, выкарыстоўваць кожны крытэрыі магчыма ў той меры, у якой ён не прыходзіць у парэччэнне з іншымі крытэрыямі ці фактамі.

На практыцы даследчыкі звычайна дэманструюць эклектызм: пры патрэбе яны ўжываюць той ці іншы падыход, мала лічачыся нават з уласнымі метадалагічнымі прынцыпамі. Але, як адзначаюць самі даследчыкі, паслядоўна карыстацца адным крытэрыем немагчыма, заўжды трэба ўводзіць нейкія абмежаванні і выключэнні [1, с. 27; 33, с. 83]. Гэта тлумачыцца, відаць, тым, што ў рэальнасці падзелу помнікаў паводле гэтых крытэрыяў не існавала. Таму аб'ектыўнасць гэтых крытэрыяў уяўная, а іх роля ў даследаванні атрымліваецца дапаможнай [1, с. 34].

Падводзячы вынікі, трэба канстатаваць высокую праблематычнасць і дыскусійнасць размежавання беларускіх і ўкраінскіх помнікаў даўняга пісьменства XIV — 1-й пал. XVIII ст. У цэлым гэтае пісьменства непаслядоўна адлюстроўвала дыялектныя асаблівасці, а ў мове асобных помнікаў не заўжды праяўляўся той дыялект, на тэрыторыі

якога яны былі створаны (або родны дыялект аўтара). Асобныя беларускія і ўкраінскія рысы прысутнічаюць у многіх помніках, але нямаюць вядома і помнікаў, што не выяўляюць яркавых беларусізмаў і ўкраінізмаў. Не існуе нейкіх абсалютных крытэрыяў (моўных, арэальных, зместавых), якія забяспечылі б аўтаматычнае аднясенне помнікаў старажытнага пісьменства да беларускіх ці ўкраінскіх. Такое размежаванне магчыма толькі для часткі помнікаў і пры ўмове складанага аналізу, у ходзе якога трэба ўлічваць усе адхіленні і выключэнні. Для другой часткі (магчыма, большай) нават такое размежаванне, відаць, пакуль немагчымае. Беларускія і ўкраінскія рысы ў *рускай* мове былі глыбока інтэграваныя паміж сабой і амаль паўсюдна, незалежна ад рэгіёну стварэння помніка, прысутнічалі ў тэкстах на гэтай мове. *Мова руская* мела гетэрагенны і наддыялектны характар, з гэтай прычыны пераважна большасць яе помнікаў па аб'ектыўных падставах цяжка падзяліць на беларускія і ўкраінскія, хаця дзеля практычных мэт можна і трэба вылучаць беларускія і ўкраінскія тэксты. Аднак варта ўсведамляць, што гэтыя пералікі будуць рознымі ў залежнасці ад мэт такога падзелу (лінгвістычных, літаратурных, гістарычных і г. д.). Таксама праблематычна вызначыць у складзе *мовы рускай* пэўныя беларускія і ўкраінскія варыянты, хаця ў практычных мэтах магчыма даследаваць і вылучаць у помніках тыя ці іншыя рэгіянальныя рысы.

Увогуле, праблема размежавання беларускіх і ўкраінскіх помнікаў даўняга пісьменства патрабуе далейшай тэарэтычнай і практычнай распрацоўкі. Пры гэтым можа атрымацца так, што пытанне ў тым выглядзе, як яно пастаўлена, зусім не мае навукова карэктнага і аб'ектыўнага адказу. *Езикъ руский*, зніклы ў XVIII ст., у XX—XXI стст. стаў ахвярай беларускага і ўкраінскага нацыяналізму, што памкнуўся стварыць межы там, дзе іх, магчыма, не існавала, і прымусяць навуку шукаць падзелы і складнікі, якіх, магчыма, ніколі не было.

Літаратура

1. Аниченко В. В. Вопросы разграничения белорусских и украинских памятников // Советское славяноведение. М., 1965. № 6. С. 25—34.
2. Анічэнка У. В. Да пытання аб беларуска-ўкраінскіх моўных узаемадзеяннях старажытнай пары // Slavia. 1963. Роў. 32. Сеў. 1. S. 36—46.
3. Анічэнка У. В. Беларусізмы ва ўкраінскай пісьменнасці XV—XVII стст. // Весці АН БССР: Серыя грамад. навук. 1968. № 4. С. 115—123.
4. Анічэнка У. В. Беларуская-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі. Мінск, 1969.
5. Антошин Н. С. Напластования в славянском языке молдавской деловой письменности XIV—XV веков // Труды Таганрогского педагогического института. 1962. Т. 8. С. 3—37.
6. Будзько І. Гістарычная лінгвістычная тэрміналогія: Генезіс, дублетнасць і перспектывы развіцця // Гістарычны альманах. 2004. Т. 9. С. 164—168.

7. Бузук П. Взаємовідносини між українською та білоруською мовами // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. 1926. Кн. 7/8. С. 421—426.
8. Булаховський Л. А. Питання походження української мови. Київ, 1956.
9. Гринчишин Д. Пам'ятки української мови XVI — першої половини XVII століть, писані поза межами України // Діалектологічні студії. Вып. 3: Збірник пам'ятки Я. Закревської. Львів, 2003. С. 132—142.
10. Гумецька Л. Л. Вопросы украинско-белорусских связей древнего периода // Вопросы языкознания. 1965. № 2. С. 39—44.
11. Гумецька Л. Л. Принципи створення історичного словника української мови. Київ, 1958.
12. Гумецька Л. Л. Якій з трьох назв західноруської літературної мови XV—XVII стст. — «західноруська», «староукраїнська» і «старобілоруська» — слід віддати перевагу або як ці назви диференціювати у вживанні? // Філологічний збірник. Київ, 1958. С. 333—334.
13. Гумецька Л. Л. Уваги до українсько-білоруських мовних зв'язків періоду XIV—XVII стст. // Дослідження з української та російської мов. Київ, 1964. С. 252—258.
14. Гумецька Л. Л. Питання стандартизації слов'янських писемно-літературних мов стародавньої доби. Київ, 1968.
15. Жилко Ф. Т. Некоторые особенности развития украинского национального языка // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. С. 102—109.
16. Житецкий П. И. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876.
17. Житецкий П. И. О переводах евангелия на малорусский язык // Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1905. Т. 10. Кн. 4. С. 1—65.
18. Журавский А. И. О подготовке словаря старого белорусского языка // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 142—145.
19. Жураўскі А. І. Некаторыя пытанні беларуска-ўкраінскіх моўных сувязей старажытнага перыяду // Весці АН БССР: Серыя грамад. навук. 1966. № 2. С. 79—87.
20. Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967. Т. 1.
21. Жураўскі А. І. Прынцыпы падрыхтоўкі гістарычнага слоўніка беларускай мовы // Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982. Т. 1. С. 3—44.
22. Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. Ч. 2: Старая западнорусская письменность. Петроград, 1921.
23. Клімаў І. П. Адаптація спецыфічных польських галосных у паланізмах старобілоруських помнікаў // Актуальні проблеми паланістики: 2008 / Рэд. С. Важнік, А. Кожынава. Мінск, 2009. С. 129—142.
24. Курс історії української літературної мови. Київ, 1958. Т. 1.
25. Мозер М. Что такое «простая мова»? // Studia Slavica Hungarica. 2002. Vol. 47. С. 221—260.
26. Мойсієнко В. М. Про національний статус «руської мови» в часи Великого князівства Литовського та Речі Посполитої // Мовознавство. 2005. № 1. С. 67—82.
27. Москаленко А. А. До походження української писемної і писемно-літературної мови // Праці Одеського державного університету (Т. 152).

- Серія філологічних наук. Вип. 15: Питання слов'янської філології: Мовознавство. Одеса, 1962. С. 97—111.
28. Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 года. Краков, 2008.
29. Огієнко І. Українська літературна мова XVI ст. і український Крехівський апостол 1560-х рр. Варшава, 1930. Т. 1 (Студії до української граматики. Кн. 7). Огієнко І. Білоруські правописні ознаки в українських пам'ятках XV—XVII віків. С. 224—236.
30. Огієнко І. Розмежування пам'яток українських від білоруських // Записки Чину Св. Васілія Великого. 1934. Т. 6. Вып. 1/2. С. 258—287 (т. с. і асобним адбіткам, с. 1—32).
31. Огієнко І. Історія української літературної мови. [2-ге вид.] Київ, 1995.
32. Омельченко Г. Котрі пам'ятки належать українцям і котрі білорусам // Записки історично-філологічного відділу УАН. 1926. Кн. 9. С. 356—360.
33. Півторак Г. П. Державна мова у Великому князівстві Литовському і проблема розмежування українських та білоруських писемних пам'яток // Мовознавство. 2005. № 3/4. С. 80—84.
34. Піўторак Р. Дзяржаўная мова ў Вялікім княстве Літоўскім і праблема размежавання ўкраінскіх і беларускіх пісьмовых помнікаў // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе: Зборнік да 75-годдзя праф. А. Мальдзіса / Пад рэд. С. Запрудскага, А. Фядуты, З. Шыбеці. Мінск, 2007. С. 115—119.
35. Плющ П. П. Нариси з історії української літературної мови. Київ, 1958.
36. Плющ П. П. Русская «простая мова» на Украине в XVI—XVII вв. // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 219—236.
37. Плющ П. П. До питання про так звану «просту мову» XVI—XVIII стст. на Україні // Питання історичного розвитку української мови. Харків, 1962. С. 92—96.
38. Плющ П. П. Історія української літературної мови. Київ, 1971.
39. Русинський язык / Red. nauk. P. R. Magosci. Opole, 2004.
40. Свяжынскі У. Аб статусе беларускай і украінскай моў у часы Вялікага княства Літоўскага // Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2003. Т. 2. С. 132—163.
41. Толстой Н. И. Взаимодействие локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI — XVII в.) // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 230—272.
42. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
43. Шахун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1963.
44. Kuraszkiewicz W. [rec.] Stang Chr. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935. // Rocznik slawistyczny. 1937. T. 13. S. 39—58.
45. Kuraszkiewicz W. Ruthenica: Studia z historycznej i współczesnej dialektologii wschodniosłowiańskiej. Warszawa, 1985.
46. Rudzińska M. Charakterystyka języka urzędowego Wielkiego Księstwa Litewskiego // II Międzynarodni zjazd slawistów (filologów słowiańskich): Księga referatów; Sekcja I: Językoznawstwo. Warszawa, 1934. S. 100—104.
47. Shevelov G. Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.
48. Stang Chr. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.
49. Stang Chr. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.

О. Е. Голубев

**КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА
ФИЛОФЕЯ КОККИНА С ПРАВИТЕЛЯМИ И ЕПИСКОПАТОМ
РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XIV в.**

XIV век — это один из ключевых периодов исторического развития Восточной Европы, проливающий свет на смысл и причины многих позднейших явлений. Именно к этому периоду относится возвышение Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского, противоборство которых несколько столетий определяло исторические судьбы восточнославянского мира. К сожалению, в распоряжении исследователей находится крайне ограниченное число источников по данному периоду, что значительно затрудняет его изучение. Невосполнимая потеря большинства из них оставляет ученым обширное поле для деятельности в сфере гипотетических предположений и построений. Но даже среди введенных в научный оборот источников можно встретить такие, которые не привлекли должного внимания исследователей. Одним из таких примеров является комплекс документов дипломатической переписки константинопольского патриарха Филофея Коккина с правителями и архиереями русских земель, относящийся к третьей четверти XIV в. Данные памятники неоднократно попадали в сферу внимания исследователей политической и церковной истории Руси (см., напр., работы протоиерея И. Мейендорфа [1], Г. М. Прохорова [2, 3] и др.), однако, насколько нам известно, еще ни разу не становились предметом комплексного изучения, с учетом их внутренней логики и мотивировки написания. Анализ данной переписки как целостного комплекса исторических источников по истории Восточной Европы XIV в. и является целью данной статьи.

Несколько слов следует сказать об истории изучения архива Константинопольского патриархата. Начало его изучению положил австрийский дипломат и писатель, фламандец по происхождению, Огье де Бусбек (Augler de Busbecq), который был послан в Стамбул (с 1556 по 1563 гг.) с посольской миссией ко двору султана Сулеймана II. Де Бусбек был весьма разносторонней личностью, которыми так богата была эпоха Возрождения. Во время своего пребывания в Османской империи он создал произведение, вошедшее в историю мировой литературы под названием «Турецкие письма», адресованное коллеге и другу венгерскому дипломату Николасу Михольту. В письмах, которые являются важным источником по истории османского государства XVI в., описывается деятельность де Бусбека на дипломатическом поприще и его достижения в сфере естественных наук (напр., ему принадлежит подробное описание животного и растительного мира Турции). В качестве подарка он выслал луковницы турецкого тюльпана своему другу Чарльзу де Леклюзу, с

легкой руки которого они были акклиматизированы в Нидерландах, положив основу голландскому цветоводству. Но это далеко не единственный факт, благодаря которому имя Огье де Бусбека навсегда было вписано в анналы истории: страстный коллекционер древностей, он собрал и вывез два тома актов архива Константинопольского патриархата из Стамбула в Вену (сегодня в составе Австрийской Национальной библиотеки: Cod. Vind. Hist. 47 и 48). Данные акты содержали копии отправленной и оригиналы полученной корреспонденции. К сожалению, им была вывезена лишь небольшая часть документов, многие другие оказались утраченными.

В 1847 г. русский исследователь В. И. Григорович, обнаруживший в Греции два кодекса копий документов патриаршего архива, аналогичных вывезенным де Бусбеком, писал следующее: «Не подлежит никакому сомнению существование большего количества актов в Афонских монастырях... Всякий может обладать ими в числе от 50 до 100. Протат Афона, т. е. главное место управления монастырей, имеет целый архив документов с X по XV века» [4, с. 132]. Найденные кодексы были «писаны на бумаге разными почерками», «число всех документов простирается до 680 (365 в первом и 322 во втором)» [там же, с. 134].

Спустя три с лишним столетия после смерти де Бусбека (в 1860 и 1862 гг.) вывезенные им материалы стали основой издания, подготовленного австрийскими учеными Францем Миклошичем и Йозефом Мюллером «Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCIII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis» (переиздано без изменений в 1975 г.) [5, 6]. В данное издание вошли постановления и акты патриарха и синода, а также некоторые императорские хрисовулы, относящиеся к эпохе с 1315 по 1521 гг. Акты были изданы на языке оригинала; оглавление к тексту томов, а также надписания документов, кратко характеризующие их содержание, были сделаны на латыни. Тематика памятников различна: они касаются церковных и государственных дел как в самой Византии, так и за ее пределами, в текстах упоминаются Болгария, Сербия, Алания, Русь и другие страны. Акты, датируемые XIV в., относятся к деятельности патриархов Иоанна XIII Гликиса (1315—1319), Герасима (1320—1321), Исаяи (1323—1332), Иоанна XIV Калеки (1334—1347), Исидора I (1347—1350), Каллиста I (1350—1353, 1355—1363), Филофея Коккина (1353—1355, 1364—1376), Макария (1376—1379, 1390—1391), Нила (1379—1388), Антония IV (1389—1390, 1391—1397), Каллиста II Ксанфопула (1397), Матфея I (1397—1410) и императоров Андроника II (1282—1328), Андроника III (1328—1341), Иоанна V Палеолога (1341—1391 с перерывами), Иоанна VI Кантакузина (1341—1354), Матфея Кантакузина (1353—1357), Андроника IV (1376—1379), Иоанна VII (1390) и Мануила II Палеолога (1391—1425). Корпус документов, касающихся русских дел рассматриваемого нами периода, относится ко времени правления великих князей московских: Симеона Гордого (1340—1353), Ивана II Красно-

го (1353—1359), Дмитрия Донского (1359—1389) и Василия I (1389—1425), при митрополитах Феогносте (1328—1353), Алексии (1354—1378), Киприане (1376—1406) и Пимене (1382—1384).

Издание Ф. Миклошича и Й. Мюллера было подготовлено на высоком научном уровне, однако оно не свободно от некоторых неточностей и неверных атрибуций. Новый этап работы с данным корпусом текстов начался в 1970 г., когда под руководством австрийского исследователя Герберта Хунгера (Herbert Hunger) группа ученых-византистов и историков канонического права начала подготовку нового издания. Исследователи поставили перед собой задачу подготовить восьмитомное издание «Corpus Fontium Historiae Byzantine» (Series Vindobonensis), в состав которого должны войти акты Константинопольского патриархата. В 1981 г. вышел первый том патриарших регистров (PRK), в 1995 г. — второй и в 2001 г. — третий; 4 и 5 тома в настоящее время находятся в работе. К выверенным и переработанным текстам издания Ф. Миклошича и Й. Мюллера, положенным в основу СФНВ, добавлены неопубликованные послания и грамоты.

На русском языке часть памятников патриаршего архива, имеющих отношение к русской истории, впервые была издана В. И. Григоровичем в 1847 г. в «Журнале министерства народного просвещения» [4]. Данный текст содержал в себе незначительные отличия от текста позднейших изданий, поскольку был подготовлен на основе другой копии патриаршего архива, обнаруженной В. И. Григоровичем на Афоне. Несколько позднее, в 1880 г., в Санкт-Петербурге вышел в свет VI том серии «Русская историческая библиотека» (под ред. А. С. Павлова). Он содержал памятники русского канонического права XI—XV вв.: поучения и послания церковных иерархов (митрополитов, епархиальных архиереев и других лиц священного сана), акты и постановления церковных соборов, грамоты и соборные послания Константинопольского патриархата, касающиеся дел Русской церкви, а также грамоты светских правителей, касающиеся церковных дел на Руси. В качестве приложения в издание были включены 46 актов из издания Ф. Миклошича и Й. Мюллера на греческом языке с параллельным переводом на русский, в их число входят и изучаемые нами документы. Данный том был переиздан в 1908 г. (под ред. В. Г. Дружинина) [7].

В данной статье будет рассмотрен комплекс документов, относящихся к периоду острой церковно-политической борьбы в Восточной Европе в третьей четверти XIV в. (с 1354 по 1371 гг.), в которую были вовлечены Москва, Вильно и Константинополь. Документы ранее 1354 г. не сохранились, хотя, несомненно, существовали (так, напр., следует полагать, что при отправлении Феодорита в Константинополь в 1352 г. для посвящения, Ольгерд должен был снабдить его просительной грамотой, в которой приводилась бы мотивировка необходимости посвящения отдельного митрополита для литовских земель, но этот памятник не сохранился). Документы после 1371 г. относятся

уже к другому историческому сюжету, они подробно рассмотрены в исследовательской литературе [см.: 2, 3]), поэтому к их анализу мы обращаться не будем. Объединяющим началом для изучаемого комплекса является то, что он посвящен одной проблеме — вопросу о Литовской митрополии и церковно-политическому противостоянию Литвы и Москвы. Целостность ему также придает тот факт, что все они, за редким исключением, относятся к деятельности трех знаковых фигур своего времени — патриарха Филофея, митрополита Алексия и великого князя Ольгерда.

Послания представляют не только исторический и источниковедческий интерес, но полезны при культурологических и теологических исследованиях, поэтому проблема их комплексного изучения стоит довольно остро.

Необходимо сказать несколько слов о той политической ситуации, которая сложилась в Восточной Европе к середине XIV в. К этому времени ВКЛ включало в себя, кроме собственно литовских земель, значительные территории Руси с традиционным православным населением. Противостояние Литвы и Москвы в политической, военной и церковной сферах начинало набирать обороты. В этом противостоянии союзником ВКЛ выступало Тверское княжество, Новгород также искал помощи у Литвы. Эта ситуация благоприятствовала осуществлению планов великого князя Ольгерда, который желал установить свой контроль над всеми землями Руси. Для достижения своих целей Ольгерд не только использовал политические и военные средства, но активно вторгался и в церковную сферу. Для увеличения авторитета своей власти он решил добиваться от константинопольского патриарха восстановления Литовской митрополии, не имевшей предстоятеля с 1330 г., когда скончался ее последний митрополит Феофил.

В 1352 г. Ольгерд, предвидя скорую смерть уже немощного митрополита Киевского и всея Руси Феогноста, отправил в Константинополь своего кандидата Феодорита для поставления его в «митрополиты русские» («митрополиты Русіа») или хотя бы «литовские» («митрополиты Литвіа»). Политическая ситуация, сложившаяся в Византийской империи, не позволила осуществиться планам Ольгерда, и поставление Феодорита было отвергнуто. Однако болгарский патриарх из-за затяжного конфликта с Константинополем лично дерзнул посвятить литовского ставленника в «митрополиты русские». После возвращения на Русь Феодорит по меньшей мере два года действовал на землях, подвластных Ольгерду. Параллельно описанным событиям новгородский епископ Моисей выступил против престарелого митрополита Феогноста. Все это привело к карательным мерам со стороны патриарха: Феодорит был низложен и отлучен. В 1354 г. митрополитом Киевским и всея Руси стал Алексий, за которого ходатайствовали перед патриархом Филофеем сам Феогност (перед своей смертью) и московский князь Иоанн. Но на делах Русской церкви остро сказывалась борьба партий в Константинополе. В 1355 г. на патриаршем престоле Филофея Коккина сменил Каллист. Эта смена оказалась

благоприятной для Ольгерда, и в том же году в Константинополе утверждают его нового кандидата Романа в «митрополиты литовские» («μῆτροπολίτης Λιτβόν»). Все это привело в 1355—1356 гг. к острому конфликту между Романом и Алексием, разрешить который они пытались в Константинополе. В 1362 г. последовала внезапная смерть Романа, и патриарх восстановил единство русской митрополии путем присоединения литовских епархий к Киевской митрополии. Однако это не заставило Ольгерда отказаться от идеи иметь отдельного митрополита на своих землях. Он в своих планах был достаточно настойчив и достиг определенных успехов, хотя его масштабным притязаниям не суждено было воплотиться в жизнь.

Сложные церковно-политические отношения, изложенные выше, нашли свое отражение в корпусе источников, к анализу которого мы и обратимся. Ниже приведен краткий анализ структуры и содержания его составляющих и предпринята попытка реконструкции утерянных грамот; всего до нас дошел 21 документ, 9 были утрачены.

1. 30 июня 1354 г. патриарх Филофей дает «настольную» грамоту владимирскому епископу Алексию на митрополию Киевскую и всея Руси [5, р. 336—340; русское издание: 7, с. 41—52]. Святая соборная константинопольская церковь заботится о процветании и развитии своих епископий, в особенности удаленных, «отличающихся множеством народа и могуществом княжеской власти». Основная цель такого попечения — общая польза и освящение душ, поэтому многочисленная Киевская митрополия, соседствующая со «многими нечестивыми и огнепоклонниками» («πολλοὺς τοὺς ἄσεβεις τε καὶ πρσολύτρας»), достойна особой чести. Владимирский епископ Алексий, по рекомендации Феогноста и положительным отзывам, приходившим из русских земель, поставляется в митрополиты. Собор русских епископов, князья и народ должны «оказывать ему всякое благопокорение и честь во всем, что он будет говорить и внушать им» («ἀπονεύσει τοῦτ' ἅπαντοίαν εὐπειθειαν καὶ τιμῆν, εἰς ὅσα μέλλει λέγειν καὶ εἰσηγεῖσθαι αὐτοῖς»), подчиняясь ему как «своему пастырю, отцу, учителю, посреднику и ходатаю пред Богом». Алексию необходимо раз в два года приходить в Константинополь самому или присылать двух своих клириков с отчетом о делах русской митрополии.

2. В июле 1354 г. патриарх Филофей отправляет грамоту новгородскому епископу Моисею о том, чтобы он оказывал каноническое повиновение новопоставленному митрополиту киевскому и всея Руси Алексию [5, р. 347—349; русское издание: 7, с. 52—60]. После приветствия патриарх излагает вкратце события посвящения Алексия, описанные выше: Феогност ходатайствовал за владимирского епископа, посылая в Константинополь «послов и грамоты», было произведено надлежащее нравственное испытание кандидата, учтены отзывы греков и русских, имевших дело с ним и, наконец, совместным решением собора, патриарха и императора Алексий был перемещен на киевскую кафедру. Во время его возвращения на родину сарайский епископ передал ре-

комендательные грамоты о нем другим епископам. Новгородскому епископу Моисею следует «возрадоваться о нем и оказывать ему подобающую честь и благопокорность во всем, что он будет говорить как пастырь и учитель». Таков канонический порядок послушания, установленный Богом, далее патриарх приводит ссылку на 34-е Апостольское правило, говорящее о том, что епископ каждого народа должен знать своего первенствующего епископа и оказывать ему послушание. Моисей, как и его предшественник Василий, получил особую милость священноначалия, заключавшуюся в праве ношения четырех крестов на фелони, но это не дает ему какого-либо преимущества перед Алексием, и не должно служить ему поводом для надменности. Моисею подобает проявлять всякое послушание Алексию и в случае необходимости он подчиняется его суду. В конце грамоты приписано сообщение о том, что на Русь отправлен «канстриий» («κανστρίσιος») царского клира в качестве уполномоченного экзарха Георгий Пердика, чтобы он совершил «посаждение на кафедру» преосвященного Алексия.

3. Тогда же, в июле 1354 г., патриарх повторно отправил грамоту к новгородскому епископу Моисею, чтобы тот признавал законным митрополитом Алексия, а не Феодорита [5, р. 350—351; русское издание: 7, с. 60—64]. Патриарх снова напомнил епископу о необходимом подчинении митрополиту. За два года до посвящения Алексия, еще при живом Феогносте, в Константинополь приходил Феодорит, домогавшийся епископства, который, узнав о намерении патриарха проверить его кандидатуру, «бежал в Тырново и совершил там безобразнейшее и незаконнейшее дело, вопреки канонам, чего не бывало никогда от Крещения Руси», т. е. получил посвящение на кафедру киевского митрополита от болгарского патриарха. В связи с этим патриарх разослал окружные послания «во все тамошние места» с распоряжением не принимать Феодорита, который был подвергнут запрещению и лишению сана. А в случае упорства во грехе и нежелании прекратить неканонические действия, его и вовсе следует считать отлученным от Церкви. Моисею не следовало сообщаться с ним, а воздавать честь законному митрополиту и патриарху, которые действуют от Бога.

4. В том же 1354 г. выходит определение патриаршего собора о перенесении кафедры русской митрополии из Киева во Владимир [5, р. 351—353; русское издание: 7, с. 64—70]. Русская митрополия в «Малой России» имела город Киев, в котором пребывали русские архиереи и издревле была соборная церковь. Но Киев за годы своей истории сильно пострадал от «смут и беспорядков и страшного напора соседних аламанов и пришел в крайне бедственное состояние» («ἐλεῖ δέ ὑπό τῆς τοῦ καροῦ συγχύσεως καὶ ἀνωμολίας καὶ τῆς τῶν γειτονούντων Ἀλαμάνων καὶ δεινῆς ἐπιθέσεως ἐφθάρη»), поэтому митрополит был вынужден переселиться из Киева во Владимир, где была большая паства, способная его обеспечивать. В этом городе пребывали Феогност и два предшественников ему митрополита; доказательством этому служит тот факт,

что там не было местного епископа. Владимирский архимандрит Алексей, приближенный к Феогносту, наследовал его кафедру. Патриарх принимает постановление о том, чтобы во Владимире находился митрополит русский и все его преемники по кафедре. За Киевом сохраняется номинальное первенство чести, но основным местом пребывания и упокоения митрополитов назначается Владимир. Здесь митрополиту подобает посвящать чтецов, поставлять иподиаконов, диаконов и рукополагать иереев. Если Киев вернется к прежнему благополучию и низложенный Феодорит будет изгнан оттуда, то Владимир останется вторым престолом митрополитов, но полноправное первенство вернется в древний город.

5. В конце 1355 г. или в начале 1356 г. (здесь мы следуем уточненной хронологии, предложенной И. Мейендорфом [1, с. 125]; в издании Павлова указан 1361 г.) константинопольский патриарх Каллист принимает соборное деяние о пределах киевской и литовской митрополии («*τῆς Ῥοσίας καὶ τοῦ μὴτροπολίτου Λιθβένου*») [5, р. 425—430; русское издание: 7, с. 69—85]. Этот документ отражает изменение политики Константинопольского патриархата и переход от поддержки принципа единства Русской митрополии к поиску возможного компромисса между Москвой и Литвой в церковно-политических делах. В начале документа кратко излагается предыстория событий: поставление Алексея, епископа владимирского, на Киевскую митрополию на место преставившегося Феогноста и посвящение Романа на литовскую кафедру. Алексей как добродетельный и благочестивый муж поставляется пасти «святейшую церковь, которая отличается многолюдством и имеет в соседстве многих, не повинующихся кафедральной и апостольской церкви» («*ἕτε δὴ πολιάνθρωπον οἶσαν καὶ πολλοὺς τοὺς μὴ πειθομένους τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ*»), скорее всего, здесь мы видим намек на Ольгерда). Далее говорится, что по поставлении в митрополиты Алексея пришел Роман, «возлюбленный о Господе брат и сослужитель нашей мерности», который был поставлен митрополитом литовских земель.

После возникновения распри между двумя митрополитами в Константинополе созывается собор, на котором подтверждается решение, принятое ранее о том, что Алексей рукополагался «в совершенного митрополита киевского и всея Руси» («*εἰς τέλειον μὴτροπολίτην Κιβέου καὶ πάσις Ῥοσίας*»), а Роман — в сан митрополита литовского («*μὴτροπολίτης Λιθβόνου*») [5, р. 426]. К его владениям (епархиям Полоцкой и Туровской с городом Новогрудком, где находилась резиденция митрополита) были присоединены «по снисхождению и ради спокойствия и мира тамошней земли» епископии Малой Руси (Владимир-Волынский, Луцк, Холм, Галич и Перемышль). Согласно этому документу, основной мотивацией создания самостоятельной Литовской митрополии было нежелание Ольгерда находиться под церковной властью митрополита Алексея, который занимал промосковскую позицию. А автор жития митрополита Алексея, сохранившегося в Степенной книге, Па-

хомий, говорит о том, что в деле поставления литовского кандидата немалую роль сыграло сребролюбие греков [8, с. 423]; император, вероятно, также был задействован в процессе принятия подобных решений [9, с. 35]. Следует полагать, что именно эти факторы сыграли свою роль в деле восстановления Литовской митрополии.

Далее в соборном определении отмечается, что Роман не пожелал признать решение патриарха и синода и ушел в свою область, совершая там неканонические деяния: в Киеве он совершал хиротонии и именовал себя «единственным митрополитом Киевским и всея Руси», претендовал на брянскую епископскую кафедру [5, р. 428], что вызвало смуту в народе. А это побудило литовского «властителя» великого князя Ольгерда «восстать против христиан и причинить им немало бед и кровопролития» [5, р. 428]. Для предотвращения церковной смуты на Русь отправляются послы.

6. Одновременно в 1355 г. (согласно хронологии И. Мейендорфа) патриарх отправляет грамоту к литовскому митрополиту Роману, извещавшую его об отправлении на Русь послов для расследования спора между ним и митрополитом Алексием [5, р. 434—436; русское издание: 7, с. 86—91]. В ней патриарх подчеркивает порядок распределения канонических территорий между двумя митрополитами: Роману принадлежат епархии Полоцкая и Туровская с присоединением г. Новогрудка, а Алексей «удерживает все русские епископии». В послании звучит дипломатичный упрек Роману за его неканонические действия в Киеве и Брянске; литовский митрополит настроил великого князя Ольгерда против города Алексина, в результате чего пострадали многие тамошние христиане.

7. В 1364 г. в Константинополе предпринимается попытка упразднить Литовскую митрополию после неожиданной кончины митрополита Романа в 1362 г. Об этом мы можем судить по грамоте о присоединении Литовской митрополии к Киевской (озаглавлена: «*Φιλάρεως, ἐλέτ θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινοπόλεως, Νέας Ῥωμῆς καὶ οἰκουμένης πατριάρχης*» — «Филофей, милостью Божией архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский патриарх») [5, р. 535—527; русское издание: 7, с. 91—97]. Таким образом, вновь занявший патриарший престол Филофей возвращается к своей политике поддержки единой Русской митрополии. Однако какие-то причины заставили патриарха Филофея отменить принятое решение: данная грамота не была отослана, ее включили в корпус актов и постановлений патриаршего архива в перечеркнутом виде. В этом документе мы встречаем следующую аргументацию, мотивирующую попытку упразднения кафедры: литовская епископия изначально подчинялась киевскому митрополиту, неканонические действия Романа привели к плачевным последствиям и раздорам. Изначально литовский правитель Ольгерд, «дурно расположенный к преосвященному митрополиту киевскому и всея Руси, кир Алексию, готов был потерпеть и сделать все, только бы не иметь его митрополитом и не видеть свою власть

страну в духовном его подчинении», поэтому, исходя из нужд народа и «видов князя», был посвящен особый митрополит. Но это только усугубило ситуацию: разгорелась еще большая распря, патриарх был вынужден вмешаться в «митрополитский» конфликт и отправил на Русь послов с миротворческой миссией, однако внезапная смерть Романа расставила все на свои места, посему и принимается решение об упразднении митрополии.

8. В июне 1370 г. в свет выходит похвальная грамота патриарха Филофея к московскому великому князю Дмитрию Ивановичу за доброе отношение к Церкви [5, р. 516—518; русское издание: 7, с. 97—103]. За преданность и послушание Церкви, которые проявляет князь, Господь воздаст ему вечные наслаждения и блага, а патриарх ниспосылает ему свои благословения и молитвы. Послушание, оказываемое митрополиту, носящему в себе образ Божий, является послушанием Самому Богу. Святитель извещает князя, что отправляет напутственные грамоты и другим русским князьям.

9. В это же время выходит грамота Филофея, восхваляющая митрополита Алексия за «доброе отношение к патриаршему престолу» [5, р. 518—520; русское издание: 7, с. 103—109]. В Константинополь пришла грамота «с человеком Аввакумом», содержащая отчет митрополита о положении дел на Руси. Патриарх пишет Алексию о том, что подобные «отчеты», согласно практике канонической дисциплины, должны отсылать ему все архиереи. Впредь Алексию следует продолжать начатую традицию, поскольку «великий многочисленный» русский народ требует «великого попечения». Также Филофей сообщает об отправлении грамот-увещаний русским князьям, не желавшим повиноваться митрополиту.

10. До нас дошел текст окружного послания, датированного 1370 г., которое адресовано русским князьям, не подчинившимся Алексию [5, р. 520—522; русское издание: 7, с. 109—114]. В ней говорится, что патриарх молится об укреплении власти и умножении чести, возрастании в вере и благочестии русских князей, а залогом всего вышеперечисленного определяется послушание митрополиту киевскому, поскольку он поставлен самим Филофеем и претворяет в жизнь деяния воли Божией.

11. В июне того же 1370 г. патриарх отправляет грамоту к Новгородскому епископу Алексию о том, чтобы он перестал носить «кресчатую» фелонь и оказывал повиновение митрополиту и великому князю Дмитрию Ивановичу [5, р. 522—523; русское издание: 7, с. 115—117]. Это небольшой документ, описывающий один из этапов московско-новгородских отношений: новгородский епископ Алексей самочинно присвоил себе право ношения фелони с четырьмя крестами, принадлежавшее лично его предшественнику на кафедре, кроме того, он не оказывал повиновения московскому митрополиту и великому князю, «но противился и противоречил им». Ему следует изменить линию своего поведения, в противном случае может последовать его низложение с кафедры.

12. В июне 1370 г. патриарх рассылает по русским княжествам окружную отлучительную грамоту правителям, не желавшим принять участие в войне против литовского князя [5, р. 523—524; русское издание: 7, с. 118—120]. Русские князья заключили договор с великим князем Дмитрием Ивановичем, подкрепив его клятвами и целованием креста, «чтобы всем вместе идти войной против чуждых вере, врагов креста Христова, не верующих в Господа нашего Иисуса Христа, но скверно и безбожно поклоняющихся огню...». Это явное указание на великого князя Ольгерда, оно ярко свидетельствует о его вероисповедальной принадлежности. Но, вопреки достигнутой договоренности, в кульминационный момент князья изменили своим клятвам и вступили в противодействие на стороне Ольгерда. За это они отлучены от Церкви, до принесения покаяния перед митрополитом.

13. Тогда же, в июне 1370 г., отправляется отлучительная грамота смоленскому князю Святославу [5, р. 524—525; русское издание: 7, с. 121—124] — одна из дошедших до нас грамот, отосланных конкретным адресатам. Она почти полностью повторяет содержание предыдущей грамоты. Святослав «целовал крест с великим князем кир Димитрием», чтобы совместно с ним выступить против «врагов нашей веры и креста Христова» (еще одно указание на Ольгерда). Но, нарушив договор, клятвы и крестное целование, Святослав выступил совместно с Ольгердом против христиан, многие из которых были «разорены и убиты». За этот тяжкий грех против веры князь отлучен митрополитом Алексием от Церкви, и патриарх принимает это отлучение, ожидая покаяния князя. Отлученный человек, навлекший на себя проклятие Божие, ставит себя вне оград Церкви, даже тело его после смерти не разлагается. Князю следует осознать свое согрешение и искренне покаяться, прося через митрополита киевского отпущения от Филофея. Тогда он сможет примириться с Церковью, удостоившись прощения и помощи Божьей, молитв и похвал патриарха.

Таким образом, к 1370 г. относится целый цикл патриарших посланий правителям и епископату русских земель, появление которых было вызвано активной политической деятельностью Ольгерда, желавшего иметь отдельного митрополита для своих земель. В этих посланиях хорошо заметны основные векторы развития отношений: Константинопольский патриархат, опираясь на московского князя и киевского митрополита, пытается разрешить княжеские усобицы и добиться установления как церковного, так и политического мира.

14. В 1370 г. в Константинополь приходит грамота от польского короля Казимира с просьбой поставить епископа Антония митрополитом на Галлич («Πιττάκιον τοῦ κράλη τῆς Λαχίας, τοῦ Καζιμήρου, πρὸς τὸν παναώγιτατον ἡμῶν δεσπότην, τὸν οἰκουμηνικὸν πατριάρχην, δι' ὅπερ καὶ ὁ ἐκεῖθεν ἐπίσκοπος ἐλθὲν κῦρ Ἀντώνιος εἰς μητροπολίτην Γαλιτζης ψήφῳ τῆς ἱεράς καὶ θείας συνόδου προεβίβασθη» — «Питтакий ляхского короля Казимира»).

мира к всесвятейшему владыке нашему Вселенскому патриарху, по которому пришедший оттуда епископ кир Антоний избранием священного и божественного синода поставлен на Галицкого митрополита») [5, р. 577—578; русское издание: 7, с. 125—128]. Это первый «входящий» документ в рассматриваемом комплексе документов патриаршей канцелярии. Казимир шлет патриарху «поклон и великое челобитие», он просит о поставлении архиерея, ибо «земля гибнет без закона», т. е. без веры. Издревле Галич был митрополией, и имена архиереев, занимавших кафедру, известны: Нифонт, Петр, Гавриил, Феодор. После того, как русские князья оставили эту землю, Казимир приобрел ее и просит о поставлении православного епископа, грозя тем, что ему придется крестить русских в латинскую веру: «князья эти вышли из этой части России, и земля осиротела. И после этого я, король ялшский, приобрел эту русскую землю. И ныне, святой патриарх вселенских соборов, ищем у тебя архиерея... А не будет милости Божией и вашего благословения, то после не жалуйтесь на нас: нам нужно будет крестить русских в латинскую веру, если у них не будет митрополита, так как земля не может быть без закона».

15. В мае 1371 г. выходит соборное определение о перемещении епископа Антония на кафедру галицкого митрополита («Πρωξίς συνδική επί τῷ ἀπό τῆς Μικρῆς Ῥωσίας ἐθρόντι ἐπισκόπῳ κῦρ Ἀντωνίῳ, μετατεθέντι εἰς μητροπολίτην Γαλιτζίης» — «Соборное деяние о пришедшем из Малой России епископе кир Антонии, перемещенном на Галицкую митрополию») [5, р. 578—580; русское издание: 7, с. 129—134]. Антоний признан достойным для поставления на кафедру и ведения церковных дел. Временно в его ведение передаются следующие кафедры: Холмская, Туровская, Перемышльская и Владимирская. Бояре и весь народ должны оказывать ему послушание и повиновение, поскольку он носит в себе образ Христа.

16. В 1371 г. литовский князь Ольгерд составил свою грамоту с жалобами на митрополита Алексия, в которой содержалось требование о поставлении особого митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосила и Нижнего Новгорода («Πιττάκιον τοῦ ῥηγός τῆν Λιτβέν, τοῦ Ἀλγέρδου, πρὸς τὸν παναγιώτατον ἡμῶν δεσπότην, τὸν οἰκουμένικόν πατριάρχην» — «Питтакий князя литовского Ольгерда к всесвятейшему владыке нашему Вселенскому патриарху») [5, р. 580—581; русское издание: 7, с. 135—140]. Упоминание об этой грамоте также содержится в грамоте Филофея митрополиту Алексию о примирении с тверским князем Михаилом (см. № 19): «великий князь литовский прислал ко мне свою грамоту, в которой пишет много» [5, р. 320; русское издание: 7, с. 155]. Грамота Ольгерда будет более подробно рассмотрена ниже.

Князь действовал по примеру короля Казимира, которому удалось добиться того, чтобы его кандидата, епископа Антония, перевели на Галицкую кафедру. Но после нескольких неудачных попыток (Феодорит, Роман)

добиться утверждения своего ставленника Ольгерд уже согласен на то, чтобы патриарх сам прислал человека, которого он посчитает достойным для исполнения епископского служения на литовской кафедре. Но патриарх Филофей практически полностью игнорирует его требования.

17. В августе 1371 г. патриарх отправляет грамоту к Алексию по поводу совершенного поставления Антония на Галич («Πιττάκιον πατριάρχικόν πρὸς τὸν ἱερώτατον μητροπολίτην Κιέβου καὶ πάσις Ῥωσίας» — «Питтакий патриарха к преосвященному митрополиту Киевскому и всея Руси») [5, р. 582—585; русское издание: 7, с. 141—149]. В памятнике приводится история происшедших событий. Патриарх пытается оправдать свои действия, поскольку в результате совершенного поставления Алексий потерял часть епархий. Основным мотивом этого было желание предотвратить переход православного населения в латинскую веру. Кроме того, патриарх высказывает легкий упрек митрополиту за то, что он не посещает некоторые земли из своих владений, и приводит обширную цитату из письма литовского князя Ольгерда со всеми обвинениями, содержащимися в нем. Из Константинополя отправляется «человек Иоанн» для проведения разбирательства по обвинениям Ольгерда.

18. Вскоре после этого, в сентябре 1371 г., патриарх составляет и отправляет еще одну грамоту Алексию, содержащую просьбу явиться на суд в Константинополь по жалобам тверского князя Михаила («> τερὸν πιττάκιον πατριάρχικόν εἰς τὸν αὐτόν» — «Другая патриаршая грамота к тому же») [5, р. 585—586; русское издание: 7, с. 149—152]. После отправления посла Иоанна Докиана к Алексию в Константинополь пришел архимандрит Феодосий из Твери. Он принес обвинительную грамоту от своего князя на Алексия. К сожалению, текст обвинений не приводится, о нем патриарх говорит вскользь. Вероятно, обвинения были схожи с возводимыми Ольгердом. Однако за скудностью сведений судить об этом определенно довольно трудно. Тверской князь жалуется на митрополита и требует суда с ним и снятия наложенной епитимии. Митрополиту следует явиться самому или прислать своих бояр для суда в сентябре грядущего года. Патриарх, обращаясь к Алексию, делает ему уступку и просит, чтобы он простил Михаила как своего сына.

19. Мысль о примирении продолжается в другом послании, которое датируется тем же 1371 г. Это грамота патриарха к Алексию, содержащая увещание примириться с тверским князем Михаилом [5, р. 320—322; русское издание: 7, с. 155—160]. В издании Миклошича этот документ отнесен к эпохе патриарха Калиста (1361—1362 гг.), но, очевидно, что он напрямую относится к излагаемым событиям. В нем звучит призыв по-отечески примириться с князем, потому что патриарший суд может быть для них слишком тягостным. И снова говорится о том, что митрополит не посещает ни киевских, ни литовских земель, что дает его соперникам лишний повод для обвинений в неисполнении своих канонических обязанностей. К литовскому правителю было отослано увещание примириться с митрополитом и принимать его с

любовью и заботой, и сам митрополит, в свою очередь, должен проявлять к нему любовь и расположение, потому что под его властью «находится христоименитый народ Господень, нуждающийся в ... надзоре и наставлении».

20. В адрес тверского князя Михаила отправляется грамота (1371 г.), содержащая приглашение послать своих людей для суда с митрополитом [5, р. 586; русское издание: 7, с. 153—154]. В столицу прибыл архимандрит Феодосий с человеком князя Михаила, которые принесли послание. Патриарх отправляет на Русь Иоанна Докиана для того, чтобы призвать на суд бояр Алексия. Михаилу необходимо также отправить своих бояр во избежание недоразумений на патриарший суд, который должен состояться в сентябре одиннадцатого индикта.

21. Тема примирения получает свое развитие и в следующем послании тверскому князю («Πιττάκιον πατριάρχικόν πρὸς τὸν ῥῥῆγα Τυφερίου» — «Питтакий патриарха к тверскому князю») [5, р. 590—592; русское издание: 7, с. 161—166]. В нем звучит увещание примириться со святителем Алексием. Князю не на пользу душе и не к чести рода иметь тяжбы, ссоры и распри с митрополитом, потому что любой раздор — это дело дьявола. Никто из князей не дерзает судиться с митрополитом, поэтому и Михаил должен примириться с ним, принеся раскаяние. Митрополит является отцом князю и относиться к нему следует как к отцу — испросить благословения и прощения. Адресатам следует примириться без суда, который может показаться им слишком тяжким, тогда и патриарх сможет принять Михаила как истинного сына. Преступление крестного целования — это отречение от Бога, посему его следует соблюдать. Человеку лучше умереть телесно, чем, преступая его, умереть душой, но жить в теле.

Таковы сохранившиеся документы исследуемого комплекса источников. Безусловно, этих памятников должно было быть еще больше, однако сейчас крайне сложно говорить об их возможном числе. На основе материала, имеющегося в нашем распоряжении, можно обоснованно утверждать, что список следовало бы пополнить, как минимум, на 9 единиц — это недошедшие до нас грамоты: ходатайственная грамота митрополита Феогноста о поставлении Алексия на его место (упоминается в грамоте Филофея епископу Моисею, № 2 по списку документов); грамота великого князя московского Иоанна с просьбой поставить Алексия на престол митрополита (упоминается в настольной грамоте Алексию, № 1); две грамоты великого князя Ольгерда о поставлении Феодорита, а затем Романа на литовскую кафедру; грамота «с человеком Даниилом» великого князя Дмитрия Ивановича, предшествовавшая ответной грамоте Филофея (1369—1370 гг.) (упоминается в похвальной грамоте Филофея к московскому великому князю Дмитрию Ивановичу, № 8); грамота «с человеком Аввакумом» (1369—1370 гг.), отосланная митрополитом Алексием в Константинополь (упоминается в похвальной грамоте Филофея митрополиту Алексию, № 9); грамота твер-

ского князя Михаила, отправленная в Константинополь с архимандритом Феодосием (1371 г.) (упоминается в грамоте предписывающей Алексию явиться на суд в Константинополь, № 18); патриаршее послание к Ольгерду с «человеком Феодором» (упоминается в ответной грамоте Ольгерда, № 16); патриаршая грамота с «человеком Иоанном» к митрополиту Алексию (1371 г.) (упоминается в грамоте-увещании, отосланной к Алексию, № 19). Отсутствие в патриарших архивах копии последней отправленной грамоты наталкивает на мысль, что церковные иерархи — Филофей и Алексий — могли состоять в тайной переписке, которая не вносилась в официальный реестр патриархии, и содержание которой особо не афишировалось.

Предпримем попытку реконструировать содержания утерянных памятников. Сразу сделаем оговорку о том, что эта попытка за скудностью сведений представляет собой лишь их гипотетическую реконструкцию.

22. Ходатайственная грамота киевского митрополита Феогноста о епископе Алексии: «сам кир Феогност еще при своей жизни посылал послов и грамоты к святой Божией кафолической церкви о произведенном им во епископа Владимирского кир Алексии» [5, р. 347; русское издание: 7, с. 52—54]. В ней наряду с просьбой о поставлении приводилась характеристика Алексия: он описывался как «муж благоговейный и добродетельный, достойный и способный иерархически управлять самой святейшей митрополией».

23. Ходатайственная грамота московского князя Иоанна (приблизительно в 1352 г.), в которой князь просил патриарха посвятить владимирского епископа Алексия на место престарелого Феогноста. Она упоминается в настольной грамоте, выданной Алексию при поставлении 30 июня 1354 г.: «Благодарнейший великий князь кир Иоанн, возлюбленный и нарочитый сын нашей мерности, писал о нем к высочайшему и святому моему самодержцу и к Святой Великой Божией Церкви» [5, р. 337; русское издание: 7, с. 44—45]. Князь, вероятно, излагал свою просьбу о поставлении Алексия, характеризую его с самых лучших сторон и приводя описание его добродетелей.

24. Грамота великого князя литовского Ольгерда с требованием посвятить Феодорита в митрополиты литовские (до 1352 г.). Вероятнее всего, Ольгерд излагал свои требования в письменной форме, приводя мотивировки поставления митрополита, но говорить конкретно о содержании этого памятника не представляется возможным, поскольку напрямую он нигде не упоминается. О его существовании мы можем лишь строить предположения, поскольку известно, что Ольгерд всерьез рассматривал Феодорита как своего кандидата на литовскую кафедру и отправлял его в Константинополь для посвящения. При этом следует полагать, что он должен был снабдить его особым посланием.

25. Грамота великого князя литовского Ольгерда с требованием посвятить Романа в митрополиты литовские (до 1355 г.). Это аналогичное послание, о существовании которого мы можем только догадываться. Нельзя

строго утверждать, что оба вышеупомянутых послания действительно существовали, поскольку источники о них полностью умалчивают. Но логично предположить, что князь составлял и отправлял послания такого рода к патриарху, как делал это, например, московский великий князь, просивший о посвящении Алексия в сан киевского митрополита.

26. Грамота «с человеком Даниилом» великого князя Дмитрия Ивановича, предшествовавшая ответной грамоте Филофея (1369—1370 гг.). На основе ответа патриарха мы знаем, что писал князь: дела его шли хорошо и здоровье было в добром состоянии, возможно, князь просил молитв Филофея и просил также отправить увещательные грамоты к другим русским князьям, призывающие их повиноваться митрополиту и великому князю. Патриарху в них необходимо похвалить князя и митрополита, показав к ним любовь и благорасположение, и предать порицанию князей, им противящихся: «Грамота твоего благородия дошла сюда благополучно вместе с человеком твоим Даниилом. Я узнал и известился о всем, что ты сообщаешь и пишешь, и возблагодарил Бога о твоем добром здравии и о том, что твои дела и правление идут хорошо... По твоему прошению и желанию состоялись грамоты нашей мерности и уже, с Божией помощью, отправлены туда... Сделано так, как ты желал: я тебя весьма похвалил и показал к тебе любовь и благорасположение; напротив сильно опечалился и разгневался на других князей, как ты узнаешь из моих грамот. Весьма хорошо ты сделал, что написал мне об этом и впредь пиши с полной уверенностью, о чем хочешь или в чем нуждаешься» [5, р. 517—518; русское издание: 7, с. 99—102].

27. Грамота «с человеком Аввакумом» (1369—1370 гг.), отосланная митрополитом Алексием в Константинополь, предшествовавшая похвальной грамоте патриарха к нему. В ней содержался отчет о положении дел в русской митрополии: «грамота твоего святительства принесена сюда, к нашей мерности; из нее и от твоего человека Аввакума, который принес ее, я узнал обо всем, что ты пишешь и доносишь» [5, р. 518; русское издание: 7, с. 103—104].

28. Грамота тверского князя Михаила, отправленная в Константинополь с архимандритом Феодосием (1371 г.). Она пришла в Константинополь после отправления на Русь посла Иоанна Докиана. В грамоте князь возводил «обвинения на митрополита», требуя патриаршего суда. Возможно, появление этого послания — один из пунктов плана Ольгерда по снижению авторитета митрополита Алексия в глазах патриарха. Князь Михаил и «его братья» также просили разрешения от епитимии, наложенной митрополитом, однако патриарх отказал им в этом: «пришел от тверского князя Михаила и от его братьев архимандрит Феодосий и принес к нашей мерности грамоту их и донесение: они жалуются на твое святительство и ищут суда с тобою... Они просили у меня разрешения от епитимии, которую ты наложил на них; но я нашел неприличным, чтобы запрещенные тобою получили разрешение от меня» [5, р. 585—586; русское издание: 7, с. 149—152].

29. Послание патриарха к Ольгерду с «человеком Феодором». В нем привелись обвинения, высказанные митрополитом Алексием в адрес литовского великого князя, приведенные Ольгердом в ответном письме: «пришлал ты ко мне грамоты с человеком моим Феодором, что митрополит жалуется тебе на меня, говорит так: «царь Ольгерд напал на нас» [5, р. 580; русское издание: 7, с. 135]. Вероятно, в нем проводилась та же позиция, что и в других посланиях рассматриваемого цикла, и содержалась поддержка деятельности митрополита Алексия.

30. Грамота патриарха к митрополиту Алексию [5, р. 320—322; русское издание: 7, с. 155—160]. Как уже говорилось выше, отсутствие этого памятника в реестре официальных документов позволяет сделать предположение о существовании личной переписки иерархов, которая не предавалась широкой огласке. Упоминания о ней можно найти также в некоторых других описываемых памятниках; так, например, сам Филофей в своей похвальной грамоте князю Иоанну, говоря об Алексии, упоминал, что «он [Алексий] сам писал к нему», однако это письмо нигде не сохранилось [5, р. 337; русское издание: 7, с. 44—45].

Таким образом, перед нами предстал целостный комплекс памятников, объединенный вокруг треугольника взаимоотношений Византия — Москва — Литва. Содержание грамот довольно типично: патриарх занимает митротворчески-созидательную позицию, пытаясь проводить политику, направленную на поддержание единства Русской церкви путем объединения земель вокруг духовно-культурного и политического центра — митрополии Киевской и всея Руси. Такая модель конфедерации соответствует принципам устройства империи в рамках «Византийского содружества наций», когда вокруг одного центра собраны относительно автономные образования.

Интересно отметить динамику развития позиции Константинополя по «русскому вопросу»: в грамотах, стоящих под пунктами 1—6, прослеживается некая нерешительность и неопределенность патриархата. В столице империи первоначально присматривались к ситуации, пытаясь установить, какую сторону им следует принять. Московские и литовские земли находились на значительном удалении, и это затрудняло сбор объективной информации для принятия решений по церковным и политическим вопросам. Поэтому патриарх и император не торопились с принятием важных решений. В грамотах, обозначенных номерами 7—13, 15, 17—21, можно проследить четкую логику и последовательность: определенно видно, что в них проводится мысль о консолидации русских церковных и властных институтов под началом общерусского митрополита, резиденция которого находилась в Москве, и великого князя московского с подчинением их византийскому патриарху и императору. Авторами грамот 14, 16, 23, 24, 25 (три последние утеряны) выступают князья — светские правители, преследующие свои политические цели. О грамотах 14, 16, 24 речь пойдет чуть ниже. Грамота 22 представляет собой пись-

мо князя Дмитрия Московского патриарху Филофею, не содержит ультимативных требований и жестких формулировок, которое в целом можно охарактеризовать как лояльное и позитивное. Грамоты 27, 30 (утрачены) можно отнести к памятникам тайной переписки двух святителей Филофея и Алексия. Таким образом, наметились четыре группы, на которые можно разделить комплекс исследуемых источников: первая — соборные постановления 1, 4, 5, 7, 15; вторая — окружные послания патриарха 10, 12; третья — переписка со светскими правителями 8, 13, 14, 16, 20, 21, 23—26, 28, 29; четвертая — переписка церковных иерархов 2, 3, 6, 9, 11, 17—19, 22, 27, 30.

Необходимо обратить более подробное внимание на две грамоты: грамоту польского короля Казимира с просьбой поставить епископа Антония митрополитом на Галич (1370 г.) и грамоту литовского князя Ольгерда с жалобами на митрополита Алексия и просьбой поставить особого митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосила и Нижнего Новгорода, которая датируется 1371 г.

Цели их написания были практически одинаковыми: оба правителя требовали от патриарха православных митрополитов для окормления паствы на землях, находившихся в их владении. Однако делали они это в совершенно разных формах. Если Казимир обращался к Филофею как сын, выражая ему «великое челобитие» от князей и бояр русских «верующих в христианскую веру», то Ольгерд демонстративно называл себя «царем»*, коим он, по сути, не являлся и перечислял свои обвинения на митрополита и великого князя московского. Казимир мотивировал необходимость поставления митрополита тем, «что земля гибнет без закона, ибо закон исчезает», а Галич издревле был митрополией, первым епископом которой был Нифонт. Казимир, направив в Константинополь своего кандидата для посвящения, чтобы «не исчез и не разорился закон русский», заботился о сохранении веры в народе. Ольгерд же, наоборот, в качестве основной мотивации поставления митрополита выдвигал неканонические действия Алексия, показывая тем самым свою личную неприязнь, вызванную соперничеством с московским княжеством, в качестве основного аргумента своих притязаний. В этом случае говорить о попытке сохранения или распространения веры не приходится, поскольку главной подоплекой его действий были вполне земные интересы, а не забота о духовности. В целом послание Казимира можно охарактеризовать как дипломатичную и вежливую просьбу, в то время как грамота Ольгерда больше походит на жесткий ультиматум. В связи с этим встает вопрос о вероисповедальной принадлежности литовского великого князя. Хотя ряд поздних источников и называет его православным (Быховская и Густынская летописи), и он даже упоминается в древнем помяннике Киево-Печерской лавры с христианским именем Дмитрий [11, с. 121], но все же его деятельность скорее доказывает обратное.

* Данный вопрос был рассмотрен нами в отдельной статье [10, с. 27—34].

Наибольший интерес для нас представляет грамота великого князя Ольгерда, которая передает весь колорит сложных взаимоотношений между правителем ВКЛ и вселенским патриархатом. Ее появлению предшествовала «грамота с человеком ... Феодором», адресованная Ольгерду, отправленная Филофеем в Литву. Грамота Ольгерда датируется 1371 г., ее условно можно разделить на 3 части: в первой великий князь говорит о военных акциях москвичей в отношении Литвы, во второй возводит обвинения на неканонические действия митрополита Алексия, в третьей, заключительной, совсем краткой, изложено главное требование Ольгерда, которое явилось основной мотивацией для ее написания — «дай нам другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль и Нижний Новгород!».

По словам великого князя, москвичи первыми начали нападать на него, не отменяя при этом клятвенных обещаний и крестного целования. Всего было совершено 9 нападений на литовцев, москвичи заманили к себе шурина Ольгерда тверского князя Михаила, его зятя нижегородского князя Бориса, захватили в плен и отняли у него княжество, после напали на еще одного зятя Ивана Новосильского, захватили 18 городов, принадлежавших Ольгерду, за что великий князь и выступил против них.

Вторая часть грамоты обличает действия митрополита Алексия: «По твоему [Филофея] благословиению, митрополит и доньне благословляет на пролитие крови». Из этой цитаты следует, что линия благословений восходит к самому Филофею, который «благословляет русского митрополита благословлять». При этом ответственность за сделанные ошибки ложится не столько на Алексия, сколько на Филофея. Здесь хорошо заметна ирония, к которой прибегает Ольгерд: церковное благословение он фактически называет причиной греховных (кровопролитных) действий, чего по сути быть не должно. Киевский митрополит не совершает архипастырских визитов ни в Киев, ни в литовские земли, снимает с беглецов, бывших союзников Ольгерда, клятвенные обещания, что также является нарушением канонов. Ольгерд говорит о том, что митрополит должен был стать инициатором организации военной коалиции Литвы и Москвы против немцев, а не выступать в качестве инициатора их раздора.

Сложно судить о правдивости возводимых обвинений на митрополита Алексия, однако сразу бросается в глаза предвзятость излагаемой информации. Широко известно, что Ольгерд сам совершил три военных похода против Москвы (в 1368, 1370 и 1372 гг.) и был не очень благочестив и в других своих действиях. В 1347 г. он велел казнить троих своих подданных — Кумца, Нежило и Круглеца (в крещении Иоанна, Антония и Евстафия) — за их христианские убеждения. Кроме того, можно предположить, что митрополит Алексий все же предпринимал попытки посещения литовских епархий, однако сам великий князь препятствовал ему в этом. В 1358—1360 гг. митрополит Алексий смог посетить с архипастырским визитом ли-

товские земли [1, с. 376—377], но, по сообщениям некоторых источников, был подвергнут аресту в Киеве по приказанию Ольгерда [12, с. 225]. Таким образом, послание Ольгерда патриарху Филофею представляет из себя достаточно сложный текст, который соединяет в себе черты и дипломатического документа, и программы конкретных действий в сфере церковной политики, и своеобразного политического памфлета.

К сожалению, не сохранилась грамота тверского князя Михаила, в которой, по-видимому, также содержались жалобы на митрополита Алексия и были изложены ультиматумы, подобные выдвинутому Ольгердом. Можно предположить, что грамота Ольгерда и утерянная грамота князя Михаила появились на свет в результате спланированных действий по соперничеству с московским княжеством и снижению авторитета Алексия в глазах Константинополя, т. е. Ольгерд и Михаил действовали согласованно. Наиболее вероятно, что именно Ольгерд выступил инициатором проведения этой совместной акции.

Завершая рассмотрение переписки 1354—1371 гг. как целостного комплекса исторических документов по истории Восточной Европы, можно сделать следующие выводы:

Корпус рассматриваемых источников насчитывает, по меньшей мере, 30 документов, из которых до нас дошло 21 послание (19 были составлены в патриаршей канцелярии, 2 относятся ко входящей корреспонденции константинопольского патриархата) и 9 можно попытаться реконструировать. Среди названных документов — 4 соборных деяния (одно из которых не было превращено в жизнь), 5 грамот к митрополиту киевскому Алексию, 4 послания к епископам (литовскому митрополиту Роману и новгородским епископам Моисею (2 послания) и Алексию), 6 грамот к князьям (2 окружных — «увещательная» и «отлучительная», 1 — к великому князю Дмитрию, 2 — к тверскому князю Михаилу, 1 — к смоленскому князю Святославу), грамоты литовского князя Ольгерда и польского короля Казимира. Таким образом, 19 памятников относятся к документам канцелярии патриарха, а 2 грамоты можно отнести к оригинальным русским. Анализ количественного соотношения посланий показывает, что наибольшее число их (5) было отправлено из Константинополя митрополиту Алексию; это свидетельствует о том, что его взаимоотношения с патриархом были наиболее активными. Митрополит выступает своего рода «проводником» деятельности Константинополя на землях Руси. Можно сделать предположение, что большинство других грамот появилось при участии митрополита Алексия, сообщавшего в канцелярию патриархии информацию о положении дел. Условно грамоты можно разделить на четыре группы: соборные постановления, окружные послания патриарха, переписка со светскими правителями, переписка церковных иерархов.

Исследуемые послания составлялись патриаршей канцелярией, что придавало им общие типичные черты. Византийские чиновники вели дела в

разных уголках империи, руководствуясь основными принципами имперской политики, и вопрос о Киевской митрополии был одним из множества других в списке проблем огромной империи. Патриарх иногда ограничивался тем, что знакомился с написанными бумагами и ставил на них подпись «*διὰ τῆς αἰτίας πατριάρχικης χεῖρός*» («честною патриаршею рукою»). Однако несколько раз мы встречаемся с указаниями на то, что между патриархом и киевским митрополитом существовала некая личная (возможно, тайная) переписка, которая не включалась в реестр официальных документов. В этой переписке содержался, вероятно, самый интересный материал, сейчас, по всей видимости, уже утраченный безвозвратно. Патриарх, вероятно, делал особые указания и рекомендации по церковным и государственным вопросам, писал о том, что не могло быть открыто другим.

В грамотах и посланиях активно проводилась идея, способствующая укреплению схемы византийской власти соподчинения провинций одному центру. Ведущей фигурой в церковных делах является патриарх (для светских дел — это император), поставленный от Бога и являющий его образ в себе; патриарх благословляет митрополита Киевского и всея Руси, которому подчинены все епископы русских земель и, соответственно, подвластные им лица священного сана и князя. Таким образом, иерархия духовной власти восходит через киевского митрополита к патриарху и самому Богу. В рамках этой иерархической системы существует ряд отношений, которые должны скреплять и способствовать ее успешному функционированию: отеческая любовь и забота со стороны вышестоящих и сыновнее послушание со стороны людей, стоящих на низших ступенях иерархической лестницы. Все они должны научиться прощать, понимать и по-христиански любить друг друга, заботясь о процветании мира и благоденствии. Таким образом, в целом позицию константинопольского патриарха можно охарактеризовать как созидательно-миротворческую.

Путем анализа документов можно предпринять попытку восстановить церковную политику Константинополя на русских землях. Создается впечатление, что в странах «Византийского содружества наций» патриарх и император, действуя совместно, пытались создать византийскую модель церковного и государственного устройства, в центре которой находился Константинополь. В 70-х гг. XIV в. появилась угроза разрушения этой модели: притязания правителей Литвы, Польши и, вероятно, Твери явно препятствовали сохранению status quo, к которому стремились патриарх и император. Великий князь литовский Ольгерд был наиболее амбициозным в этом деле: он готов был пускать в ход самые изощренные средства церковной и политической дипломатии.

Уникальность изучаемого комплекса состоит в том, что он объединяет три выдающиеся личности своего времени: константинопольского патриарха Филофея, киевского митрополита Алексия и великого князя литовского

Ольгерда. Их взаимоотношения во многом определяли развитие взаимоотношений в треугольнике Константинополь — Москва — Вильно. При этом различные стороны этого треугольника изучены весьма неравномерно. Если в классической историографии истории взаимоотношений между Константинополем и Москвой было уделено достаточное внимание (а в последнее время наблюдается повышение интереса к изучению истории взаимоотношений Москвы и Литвы), то история взаимоотношений Византийской империи и Великого княжества Литовского — в политической, церковной, культурной сфере — до сих пор остается за пределами внимания исследователей. Представляется, что эта тема заслуживает отдельного изучения.

Литература и источники

1. Мейендорф, И., прот. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке / прот. И. Мейендорф. — Париж: YMCA-Press, 1990. — 371 с.
2. Прохоров, Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе / Г. М. Прохоров. — СПб.: Алетей, 2000. — 480 с.
3. Прохоров, Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи / Г. М. Прохоров. — СПб.: Алетей, 2000. — 288 с.
4. Григорович, В. И. Протоколы константинопольского патриархата XIV-го столетия / В. И. Григорович // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1847. — Ч. LIV. — С. 131—164.
5. Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis: 2 vol. / F. Miklosich, I. Müller. — Wien, 1975. — Vol. 1 / F. Miklosich, I. Müller. — 1975. — 607 p.
6. Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCCII e codicibus manu scriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis: 2 vol. / F. Miklosich, I. Müller. — Wien, 1975. — Vol. 2 / F. Miklosich, I. Müller. — 1975. — 608 p.
7. Русская историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права. Памятники XI—XV вв. — СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. — Т. 6. — 670 с.
8. Макарий (Булгаков), митр. История русской Церкви: в 9 т. / митр. Макарий (Булгаков). — М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. — Т. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240—1589) / А. А. Турилов (гл. ред.). — 1995. — 704 с.
9. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. — СПб., 1846—1853. — Т. 5. — 632 с.
10. Голубев, О. Е. Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? / О. Е. Голубев // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 1 / редкол.: А. В. Мартынюк, Г. Я. Голенченко (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2008. С. 27—34.
11. Голубев, С. Т. Древний помяник Киево-Печерской лавры / С. Т. Голубев. — К., 1892. — 345 с.
12. Грушевський, М. С. Історія України-Руси: в 11 т. / М. С. Грушевський. — Київ: Наук. думка, 1994. — Т. 3. — 736 с.

В. В. Федосаў

ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ, ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ АРХИВОВЕДЕНИЯ

В настоящей статье предполагается очертить собственные подходы автора к методологическим характеристикам архивоведения, которые выступают в качестве важнейших признаков развития архивоведения как самостоятельной системы научных знаний.

В целом в методологии архивоведения есть еще ряд неизученных проблем. Отсутствуют исследования монографического типа, охватывающие всю основную теоретическую проблематику методологии архивоведения, многие научные разработки не учитывают изменившихся подходов к познанию истории человечества в рамках протекающих цивилизационных изменений. В связи с этим представляется важным обратить внимание ученых на необходимость разработки методологических проблем общей теории архивоведения, что позволит более полно рассмотреть архивоведение как систему знания и познания.

Методология архивоведения выступает как одна из форм теоретического осмысления предпосылок, средств и методов рационализации и оптимизации познавательной, преобразующей и коммуникативной деятельности архивистов. В. Н. Автократов отмечал, что она является процедурной стороной познания и включает в себя методологические принципы, методы исследовательской работы, а также наиболее важные теоретические установки — категории архивоведения [1, с. 28]. Поддерживая эту точку зрения, считаем, что анализ методологических основ архивоведения следует начинать с анализа его методологических принципов, выступающих в виде основы, начала, исходного пункта, основополагающего теоретического знания [2, с. 363], на которые опираются методы исследования, вырабатываются категории архивоведения.

В то же время отдельные исследователи считают, что методологические принципы архивоведения дополняют общенаучные методы исследования, что, на наш взгляд, не вполне точно [3, с. 9]. Они, скорее, требуют реализации общенаучных методов в определенных рамках, выступают в качестве основополагающей этической нормы, закона и должны признаваться реально значимыми для всех других методологических понятий.

Белорусские исследователи вполне справедливо считают, что бытовавшие до конца 80-х — начала 90-х годов XX в. подходы к определению принципов архивоведения должны быть пересмотрены. В первую очередь это необходимость исключения принципа классового, партийного подхода при решении основополагающих вопросов теории архивоведения и практики архивной работы [3, с. 8]. Усиленная опора на этот принцип вела к отрицанию научности, тенденционному отбору и использованию документов, в которых отражалось классовое и партийное влияние на события. Этот прин-

цип оказывал негативное влияние и на проведение экспертизы ценности документов, их описание, публикацию документов и т. д.

Нам представляется, что в качестве методологических принципов архивоведения должны выступать принципы научной объективности, историзма, всестороннего и комплексного подхода к изучаемым явлениям, неделимости архивного фонда, доступности и гласности архивной информации.

Принцип научной объективности предполагает использование научных подходов при разработке проблем архивоведения на основе установления устойчивой зависимости, по словам В. Н. Автократова «закономерности», закономерного отношения [4, с. 77]. Эти закономерности проявляются как непосредственно в общей теории архивоведения, так и в частных архивоведческих теориях, хотя в последних они приобретают свою особую специфику в виде частных научных методологий, определяемых структурой архивоведения как комплексной научной дисциплины, предполагающей реализацию пяти важнейших функций архивного дела (накопление документной ретроспективной информации, ее упорядочение (организация) в пределах государственного архивного фонда (ГАФ), хранение, поиск, организация использования).

Следует отметить, что вопрос о закономерностях в развитии архивоведения также не нашел достаточного отражения в исследованиях ученых. Исключением здесь являются лишь монография и статьи В. Н. Автократова, где в той или иной мере сделана попытка выявить и представить наиболее общие закономерности архивного дела. В частности, к ним он относил закономерность фондообразования, которая вызывает образование генетически единого фонда документной информации, отражающего содержание и структуру архивной деятельности, закономерность постоянного повышения в составе ГАФ удельного веса документов советского периода с соответствующим уменьшением дореволюционных документов, закономерность абсолютного возрастания объемных показателей ГАФ, закономерность — тенденция распределения информации, выявляющая определенное соответствие, восходящее к сфере фондообразования, принципу централизации архивного дела и согласующееся с принятой структурой государственного хранения [4, с. 77—78]. В наиболее общем виде, по нашему мнению, последняя может быть представлена как устойчивая взаимосвязь архивоведения с характерными национальными чертами, традициями, культурой, что позволяет говорить об определенных различиях конкретных национальных механизмов распределения информации, включающих в себя политические, национальные, культурные и научно-организационные аспекты. По нашему мнению, нельзя не видеть и такую закономерность в развитии архивоведения, как усиливающееся значение архивных документов для исторической науки в целом, исследований по истории литературы, для географических исследований, развития экономики государств. Одновременно в качестве тенденции следует отметить и усиливающуюся зависимость и необходимость в осуществлении обмена и общения в

области профессионального опыта архивистов всего мира в их стремлении разработать теоретические аспекты архивоведения, найти совместные пути наиболее оптимального хранения документов, обмена информацией, универсализации законодательства.

Названных закономерностей явно недостаточно для характеристики общей теории архивоведения. При выявлении и исследовании новых закономерностей следует также учитывать, что и в частных архивоведческих теориях, связанных с отбором, описанием, использованием документов, существуют свои собственные устойчивые зависимости, являющиеся составной частью общей методологии архивоведения.

Принцип научной объективности предполагает тесную связь с принципом историзма в архивоведении, который требует оценки документа с учетом того времени, когда документ был создан. В основе его лежит также признание наличия в теории и практике архивоведения причинно-следственных отношений. Отношения эти исследуются в таком виде, в каком они существовали в реальной исторической действительности на основе учета вопросов происхождения документов, развития социальных условий архивного дела и архивоведческой мысли.

На базе историзма возникает еще один принцип методологии архивоведения — всесторонний комплексный подход к изучаемым явлениям и тенденциям их развития. Он предполагает учет всей совокупности признаков, характеризующих архивоведение как комплексную научную дисциплину, тесно связанную с наличием ряда сложнейших функций архивного дела и обязывающую учитывать эти функции не только в общей теории архивоведения, но и в частных архивоведческих теориях.

Одним из методологических принципов является принцип неделимости архивного фонда, который предполагает целостность комплекса документов учреждений вне зависимости от специфических условий их возникновения. Фондообразование здесь выступает в виде причинно-следственных отношений и является информационным срезом деятельности фондообразователя.

Важнейшим принципом методологии архивоведения выступает также принцип доступности и гласности архивной информации. Он основывается на усиливающейся зависимости использования ретроспективной документной информации в практической деятельности, в развитии международных отношений в архивоведении и предполагает создание действенного механизма допуска к соответствующей информации на основе определенных критериев.

Следует подчеркнуть, что это наиболее общие принципы общей теории архивоведения. Они проявляются в той или иной мере и при исследованиях в частных архивоведческих теориях, выступая в качестве самостоятельных или производных при исследовании экспертизы ценности документов, их систематизации и использовании.

Предметом методологии общей теории архивоведения являются и методы самой науки, сфера их применения, обоснованность научных результатов, осмысление достижений архивоведения с точки зрения значения архивного дела для общечеловеческой культуры.

Под методом (от гр. *methodos* — путь, исследование) понимается способ исследования явлений, определяющий подход к изучаемым явлениям, путь научного познания и установления истины, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности [2, с. 263].

По нашему мнению, общей основой разработки и применения архивоведческой методологии является диалектический подход к исследованию явлений и процессов, происходящих в архивоведческом знании.

Важнейшим положением диалектического метода познания является рассмотрение изучаемых явлений в развитии, движении, противоречиях. В соответствии с этим общим гносеологическим требованием архивоведение изучает динамику архивоведческих знаний в их исторической обусловленности.

Исходя из методологии диалектического подхода, в научной литературе выделяются общенаучные и конкретно-научные (частные) методы познания [5, с. 41—47].

По нашему мнению, для архивоведения как науки вполне приемлемо использование таких общенаучных методов, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и моделирование, абстрагирование и конкретизация, системный анализ, формализация, гипотетический и аксиоматический методы. Сущность и содержание каждого из них нашли свое отражение в научной литературе, однако классификация и применение их представителями разных наук иногда может охватывать лишь определенные аспекты научно-познавательной деятельности той или иной науки (исторической, архивной, экономической и др.) [6]. Кроме того, варианты классификации научных методов часто проводятся по разрозненным критериям и допускают одновременное включение одних и тех же методов в различные группы. Например, традиционная классификация, объединяющая преимущественно по формальным признакам, выделяет общелогические методы, а по содержательным — методы эмпирического и теоретического исследования [7, с. 44—49]. В связи с этим и в архивоведении применение общенаучных методов может иметь свою специфику, обусловленную своеобразием архивоведения как комплексной научной дисциплины, выполняющей на первый взгляд ряд внешне независимых, но тесно связанных между собой функций. Результатом применения общенаучных методов в архивоведении выступают обобщение результатов исследования, нахождение общих закономерностей в поведении изучаемых объектов и явлений, а также распространение результатов исследования на всю совокупность рассматриваемой проблематики.

На базе общенаучных методов развиваются архивоведческие методы, используемые в частных теориях архивоведения. К ним относятся анализ функциональных качеств документов, метод экспертных оценок в теории экспертизы ценности, структурный метод в теории фондирования, системный подход в теории описания, функционально-стоимостный анализ в теории использования. Архивоведению свойственны и количественные методы, такие, как метод единого оперативного учета документов, описательный, статистического анализа, выборочных оценок и др. Используя различные методы познания, архивоведение приспособливает и видоизменяет их в соответствии с решаемыми задачами. В то же время нельзя, на наш взгляд, пытаться применить в архивоведении методы тех наук, которые не связаны с выполняемыми архивистами функциями. И, конечно, нельзя утверждать, что всю познавательную систему архивоведения открывает и последовательно интегрирует исторический метод [8, с. 22—35]. Такие утверждения могут привести к потере самостоятельности архивоведения как науки, в очередной раз к определению его статуса как прикладной исторической дисциплины.

Исследование архивоведческих понятий и категорий представляет важнейшую задачу методологии архивоведения как науки. По-прежнему проблема архивоведческой терминологии остается актуальной. Она требует дальнейшей разработки. «К сожалению, — отмечает Т. И. Хорхордина, — соответствующие направления исследований, если и не прекратили своего существования, то, во всяком случае, не охватывают широкой массы всех заинтересованных лиц: от науковедов и исследователей научного творчества в его разных проявлениях до историков-исследователей и архивистов» [9, с. 16].

В то же время темпы и уровень развития любой научной дисциплины «... в значительной степени зависят от того, созданы ли в литературе данной отрасли такие ее «спутники», как справочники, энциклопедии, терминологические и языковые словари, отраслевая библиография и хронология. Можно сказать, что названные типы литературы играют роль «катализаторов», ускорителей процесса становления науки» [10, с. 70].

Нельзя сказать, что в области разработки понятийного аппарата архивоведения не существовало исследований и создания справочников и словарей различных типов по архивоведению. Однако это были в основном разработки зарубежных ученых. Наиболее полный анализ источников архивоведческой терминологии представлен в статье П. К. Колмакова [10, с. 71—78]. Всесоюзным научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела также был подготовлен ряд словарей архивной терминологии [11]. В ряду изданных работ следует отметить Словарь архивной терминологии, изданный Министерством культуры Испании и переведенный на русский язык А. В. Елпатьевским, а также немецко-русский терминологический словарь «Информация и документация», подготовленный Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и ар-

хивного дела и Государственной академией сферы быта и услуг совместно с Университетом ПОТСДАМ в Германии [12].

В последнее время на основе герменевтического подхода осуществлен анализ ряда исходных базовых терминов, таких, как «архивы», «архивоведение», «наука об архивах» [9, с. 11—82]. Осуществляется работа учеными Украины по созданию архивной энциклопедии. В Беларуси отсутствуют подобные разработки по архивоведению. Отдельные архивоведческие понятия включены в словари по делопроизводству и документоведению [13].

В то же время меняющиеся подходы к архивоведению, научно-терминологической стороне архивной теории и практики требуют создания новых архивоведческих справочников различных типов: словарей-справочников по архивоведению, энциклопедий, языковых архивоведческих словарей в рамках современной методологии архивоведения.

Подводя итог, следует отметить, что методология архивоведения как теоретическая основа архивоведческого исследования является результатом длительного развития архивоведческой и историко-философской мысли. Накопление фактического материала привело к пониманию необходимости постановки и анализа различных методологических проблем архивоведения. Импульс к изучению методологических проблем архивоведения исходит не только от конкретно-исторического анализа. Такая постановка связана со стремлением осмыслить характер и назначение архивоведения как науки.

Л и т е р а т у р а

1. Автократов В. Н. Теоретические проблемы советского архивоведения (1960—1970 гг.). Автореф. докт. дис. М., 1982.
2. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 2004. 576 с.
3. Шумейко М. Ф., Козак К. И., Селеменов В. Д. Архивоведение Беларуси: Учеб. пособ. для студ. ист. фак. вузов. В двух частях. Часть I. История и организация архивного дела. Минск, 1998. 216 с.
4. Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М.: РГГУ, 2001. 396 с.
5. Кожарская Н. В., Кожарский В. В. Методология научных исследований в экономике. Минск: Современ. шк., 2007.
6. Сидорцов В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Минск: БГУ, 2000; Проблемы методологии исследований истории Беларуси: Матер. Междунар. науч. конф. (Минск, 26—27 окт. 2006 г.). Минск: Белорус. наука, 2008. 319 с.; Смоленский Н. И. Теория и методология истории: Учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 272 с.; Коломийцев В. Р. Методология истории (от источника к исследованию). М.: Российская политическая энциклопедия. 2001. 191 с.
7. Лукашевич В. К. Основы методологии научных исследований: Учеб. пособ. для студ. вузов. Минск, 2001.
8. Автократов В. Н. К вопросу о методологии архивоведения // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971; Сидорцов В. Н. Методология исторического ис-

- следования (механизм творчества истории). Минск: БГУ, 2000; Розов Н. С., Вергейм Ю. Б., Сизенцев Г. С. и др. Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск: Наука, 2001.
9. Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.
  10. Колмаков П. К. Источники архивоведческой терминологии // Вопросы архивоведения. М. Октябрь—Декабрь. 1961. № 4.
  11. Краткий словарь архивной терминологии. М.—Л., 1968; Словарь видов и разновидностей документов. М., 1974; Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. Вып. I.; М., 1988. Вып. II.
  12. Словарь архивной терминологии / Дирекция государственных архивов. Мадрид, 1993. 53 с.; Немецко-русский терминологический словарь «Информация и документация» / Университет ПОТСДАМ. Отделение информации. Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, Государственная академия сферы быта и услуг. Потсдам, 1993, Москва, 1994. 37 с.
  13. Делопроизводство и документоведение: Краткий словарь современной терминологии / Авт.-разраб.: С. В. Жумарь и др. Минск: БелНИИДАД, 2001. 76 с.

Ю. В. Нестерович

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ АРХЕОГРАФИИ, СВЯЗАННЫЕ С ИНТЕРФЕРЕНЦИЕЙ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ

Рассматриваемые в статье теоретические и терминоведческие вопросы касаются не только археологии, но и смежных с ней научных дисциплин (архивоведения, документоведения, текстологии). В литературе по археологии (и смежным научным дисциплинам) одни и те же объекты изучения, хранения, использования, обработки обозначаются различными терминами — «документ», «текст», «информация», «текст документа», «произведение». Сопутствующее такому обозначению смешение содержания соответствующих понятий является правилом, а не исключением. Противоречия, имеющие место в построениях археологии и документоведения, показаны нами в: [1, с. 4—5; 2, с. 78—79; 3, с. 37—40; 4, с. 137—138; 9] и др. Кстати, если исходить из [5, с. 33], англоязычный термин «document» еще более многозначен, нежели его русскоязычный эквивалент, он употребляется в значениях «документа, текста, документального источника, свидетельства, материального носителя информации». В. Н. Автократов для преодоления смешения содержания терминов «информация», «сообщение», «сведения», «знания», «документ», «текст документа», «часть документа», «содержание документа» предлагал исходить из выделения типами информации «связанной» и «свободной» информации [6; 7]. Однако заимствование из построений физики понятия связанной информации, наличествующей в структуре неживых объектов (см.: [8, с. 45]) в областях знаний, в которых изучаются различные аспекты создания, хранения, использования, обработки и т. д. закреплённой социальной информации, не учитывает специфику этих процессов. Избеганию противоречий и элиминации интерференции понятий способствует обосновываемая нами концепция продуктов деятельности с закреплённой информацией (ПДЗИ).

В зависимости от принимаемых к использованию (рассмотрению) компонентов ПДЗИ целесообразно выделять пять уровней таких продуктов. Первый уровень их — это континуум знаков (письменных, графических, пластических), постсигналов (в том числе оцифрованных, кодированных-декодированных). ПДЗИ 1-го уровня, закреплённые на материальном носителе информации (МНИ), содержат социальную информацию, т. е. сведения и знания, либо данные, но рассматриваются не в комплексе с ними. Второй уровень — знако-континуумы, постсигналоконтинуумы, закреплённые на МНИ, передаваемые по техническому каналу связи. Такие предметы деятельности, как технические устройства (напр., лазерный диск, магнитная кассета), в случае, если на них закреплены постсигналы, становятся ПДЗИ 2-го уровня. Третий уровень — социальная информация, зафиксированная на традиционном МНИ, репре-

зентированная на экране дисплея посредством технического устройства. При использовании конструкта зафиксированной на МНИ информации следует учитывать, что посредством его указывается на ПДЗИ, при использовании которых востребованы именно информация и МНИ. Текст при такой форме использования ПДЗИ, намеренно не подвергаемый трансформации, не берется объектом обработки, изучения. Такой ракурс использования для участников документационных процессов имеет место. Так, для архивистов не безразлично, какой МНИ имеет архивный документ. Отображение события может быть зафиксировано посредством применения различных знаковых систем, а также посредством вещественных знаков (предметных символов). Филиграноведов интересуют как МНИ ПДЗИ, так и филигранные — нанесенные на бумагу и видимые на свет отпечатки всех компонентов бумажной формы (маркировочные знаки, вержеры, понтозо). Тем самым, они рассматривают ПДЗИ на 2-м уровне. Палеографов нередко интересуют только знаки письма как начертания (графические значки), и шире — графика письма. Тем самым, они рассматривают ПДЗИ на 1-м уровне. Архивистов при проведении экспертизы ценности документов нередко интересует, прежде всего, зафиксированная на МНИ социальная информация, но не ее субстрат — текст. Тем самым, они рассматривают ПДЗИ на 3-м уровне. В условиях электронного документооборота в случае использования документированной информации делопроизводителей нередко не интересует МНИ (либо материальная среда информации). Тем самым, они используют ПДЗИ на 4-м уровне, рассматривают документ как ПДЗИ 4-го уровня. Текстологов обычно интересует именно ПДЗИ на 4-м уровне — произведение, т. е. текст в комплексе с содержащейся в нем информацией. Технотронный ПДЗИ 3—5-го уровней содержит социальную информацию, которая доступна непосредственно для усвоения индивидом вследствие репрезентирования, визуализации ее субстрата посредством применения технического устройства, программных и аппаратных средств. К 4-му уровню относятся знакоконтинуумы, (пост) сигналоконтинуумы в комплексе с содержащейся в них социальной информацией (но без МНИ). К 5-му уровню — используемое единство МНИ, знакоконтинуума (постсигналоконтинуума) и социальная информация. МНИ не выделяются в качестве самостоятельного уровня ПДЗИ, поскольку используемые в процессах записи и передачи информации МНИ не обязательно являются продуктом деятельности, но и природным образованием (напр., скалой). Закрепленная социальная информация, содержащаяся в документе, нарративном материале, правовом акте, будучи продуктом записи информации, не конституируема как ПДЗИ вследствие наличия логической противоречивости (отнесения ее к ПДЗИ). В построениях документоведения и смежных областей исследования употребляются термины «сознательно закреплённая информация» (М. В. Лариным [10, с. 76]), «документальная информация» (Б. В. Бирюковым и Г. Г. Воробьевым [11, с. 48]), «документированная информация» (Н. С. Ларьковым [12, с. 17]), «документная информа-

ция» (Н. Н. Кушнарченко [13, с. 23]), «записанная информация» (в стандарте ИСО 15489 [14, с. 104]). Предметное значение данных терминов неоднозначно, а смысловое значение их нередко существенно перекрещивается. Они не имеют однозначной интерпретации, посредством их (вследствие интерференции конструктов текста и (социо) информации) приемлемо указывать на ПДЗИ 2—5-го уровней.

Объектом археографической работы выступают: при установлении подлинности публикуемого материала, составлении эditorской легенды — ПДЗИ 2-го уровня; при передаче текста, составлении текстуальных примечаний — ПДЗИ 1-го уровня; при сокращенной передаче текста, эditorского заголовка, составлении примечаний по содержанию — содержание публикуемого текста материала. В связи с этим принята для выражения сути, процесса и результата эditorской работы, сама по себе расплывчатая формула (вследствие неоднозначности термина «документ»), уточняемая в рамках концепции ПДЗИ, предстает неточной. Документ (как ПДЗИ 3—5-го уровней) выступает объектом эditorской работы редко.

В рамках документологии термин «текст» мы определяем как структурно организованный логически/синтаксически связанный континуум языковых знаков речи либо письма (а также параграфемных (параречевых) элементов), выступающий относительно автономной единицей социальной коммуникации и субстратом социоинформации, а также фантазии. Предложение — это элемент структурной организации текста. Термин «социоинформация» характеризуется как продукт деятельности, раскрывается как определенное содержание продуктов духовной культуры, речевой, но не психических процессов. Отметим распространение «расширенной» (деформированной) трактовки текста и изображения. Она имеет место и в ГОСТ Р 51141-98 и ГОСТ Р 36.30-2003 при выделении текстовых и изобразительных документов надвидами документов. Классификационными группами в них выделяются текстовые, изобразительные документы (надвиды документов), графические, аудиовизуальные, письменные документы, кинодокументы, фотодокументы, фонодокументы (виды документов), рукописные, машиночитаемые документы (подвиды документов), беловые, черновые документы (классы документов) и другие группы документов. По сути, в них используется комплексный критерий классификации, охватывающий признаки характера содержащейся в документе информации и средств фиксации (закрепления записываемой) информации. Так, письменный документ определяется в данных стандартах как «текстовый документ, информация которого зафиксирована любым типом письма», а текстовый документ — как «документ, содержащий речевую информацию, зафиксированную любым типом письма или любой системой звукозаписи» [15, с. 1; 16, с. 43—44]. Тем самым, классификационный разряд письменного доку-

мента выделяется на основе и признака содержания определенной информации («речевой»), и определенного средства фиксации его (письма).

В литературе по документоведению, наряду с конституированием текста документа в качестве документного произведения либо только его содержания, наличествует конституирование его и ПДЗИ 1—2-го уровней. Это имеет место, напр., в дефинициях белового и чернового документа, данных в ГОСТ Р 51141-98: «беловой документ — рукописный или машинописный документ, текст которого переписан с чернового документа или написан без помарок и исправлений»; «черновой документ — рукописный или машинописный документ, отражающий работу автора или редактора над его текстом» [15; 2]. Термины «беловой, черновой документ» в них имеют референтом ПДЗИ 5-го (либо даже 4-го) уровня (референтом же терминологического «документ» в термине «автор документа» выступают ПДЗИ 4-го уровня, ПДЗИ, компонентом которого не является МНИ (именно создание такого уровня ПДЗИ следует «приписывать» физическому, юридическому лицу в случае, если интерпретировать функтор «создавать» целиком неметафорически). Заметим, что конструкт текста, переписанного, напечатанного, набранного с чернового оригинала и конструкт текста, написанного, напечатанного, набранного без помарок и исправлений, противоречат друг другу при взятии их признаками понятия белового документа: переписанный с чернового документа текст не гарантирован от ошибок. Здесь наличествует интерференция понятия беловика как текста, лишённого помарок и исправлений, и подлинника — как текста документа с окончательно установленной редакцией его текста, иначе — с окончательно установленной редакцией его документного произведения и состава реквизитов (не рассматривая при этом, разумеется, документное произведение в качестве реквизита документа).

В рамках археографии следует различать текстуальную (знаковую) часть публикуемого материала (ПДЗИ 1—2-го уровней), текстуально-содержательную часть его (ПДЗИ 4-го уровня), переданный в археографической публикации текст основного либо единственного произведения, наличествующего в публикуемом материале (ПДЗИ 1—2-го уровней), его содержание. В археографической публикации, кроме переданного текста основного произведения публикуемого документального, нарративного материала, наличествуют иные синтаксически/семантически связанные континуумы знаков письма (а также параграфемных элементов). Это текст предисловия, примечаний и других компонентов НСА, текст указателей, составляющих текстуальный компонент археографической публикации (который целесообразно обозначать термином «текст археографической публикации»). В рамках дипломатики термин «текст (акта)» употребляется в значении текстуальной части правового акта [17, с. 48]. Вместе с тем, термин «текст» по отношению к акту употребляется для обозначения части формуляра акта, выделяемой при условном трехчастном делении его. С. М. Каштанов отмечает в связи с этим: «В указан-

ной схеме малоудачным с терминологической точки зрения представляется понятие [т. е. термин — Ю. Н.] «текст», ибо в современной науке обозначают чаще весь текст источника в целом» [18, с. 170]. Заметим, что термин «текст» как обозначение текстуральной части правового акта, документа, переставшего выполнять служебные и общественно значимые функции, рассматриваемого как исторический источник, является усеченным. Полным здесь будет термин «текст акта, документа, документального материала» и т. д. Термин «текст исторического источника» противоречив, учитывая, что в рамках источниковедения текст (т. е. произведение) рассматривается в качестве такого источника. В рамках источниковедения понятия текста и источника интерферируются (напр., утверждается: «Начальным пунктом установления подлинности рукописного текста является прочтение текста и понимание буквального смысла источника. Чтобы прочесть и уяснить содержание источника...» [19, с. 124]). Хотя понятия исторического источника и текста не имеют общих признаков.

В рамках концепции ПДЗИ мы конституируем формуляр акта, документа как ПДЗИ 4-го уровня. С. М. Каштанов концептуализирует: «Под внутренней формой мы понимаем структуру источника, особенности текста документа. Структура документа называется формуляром» [18, с. 169—170]. При ином варианте: «Под внутренней формой мы понимаем структуру и стилистические особенности текста источника. Внутренняя форма не исчерпывается формуляром. В понятие «формуляр» включаются по существу схемы четырех типов» [17, с. 26]. При такой концептуализации обращает на себя внимание употребление синонимичными терминами «акт», «документ», «текст». Термин «структура» в философском дискурсе стандартно трактуется как «строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство взаимосвязей между ее элементами» [20, с. 354—355]. Понятие структуры документа (акта) предполагает выделение его структурных элементов. Если исходить из интерферированного понятия структуры (как комплекса структурных элементов системы и их соединения), тезис «структура документа называется формуляром», приемлем. Хотя из него не вытекает, что имеется в виду формальный либо содержательный аспект этих элементов. Если принимать во внимание, что компоненты условного формуляра, статьи индивидуального формуляра (средневекового латинскоязычного) акта выделяются при условном делении акта (как ПДЗИ 4-го уровня) как устойчивые, элементы схематического построения его («повторяющихся, постоянных внутренних черт, определенных формул написания документа, присущих соответствующей эпохе и территории» [21, с. 47]), то данный тезис неприемлем. Неадекватно рассматривать в качестве структуры акта, документа (т. е. структурных элементов ПДЗИ и их расположение) схему построения акта, как равно и модель построения формы документа. В любом случае, структурные элементы акта, составляющие его формуляр, оптимально конституировать как

ПДЗИ 4-го уровня, а не как текст (ПДЗИ 1-го уровня). Правовой акт, документ как ПДЗИ 4-го уровня — это наличествующие в нем континуумы знаков в комплексе с содержащейся в них социоинформацией.

В археографических публикациях термины «подлинник, черновик, бевлик» употребляются в составе эditorской легенды к публикуемому материалу. В научном дискурсе термин «подлинник (документа)» употребляется для обозначения ПДЗИ различных уровней. В соответствии с концепцией ПДЗИ проект и подлинник документа мы конституируем как ПДЗИ 4-го уровня, а подлинный документ, документальный, нарративный материал — как ПДЗИ 5-го уровня. В советском справочном издании 1968 г. приведены два значения термина «подлинник документа»: «документ официального происхождения в окончательной редакции, удостоверенный соответствующим образом», «рукопись». Термин «рукопись» употребляется в нем как синоним термина «авторская рукопись», интерпретируемого как «рукописный или машинописный текст документа, подготовленный автором для опубликования» [22, с. 39, 44, 9]. Ясно, что при такой интерпретации референтом термина «авторская рукопись» выступают нарративные материалы — ПДЗИ, воплощающие авторский замысел. Тем самым, получается, что в нем референтом термина «подлинник документа» в первом значении выступают официальные документы, а во втором значении — нарративные материалы. В рамках документоведения распространена трактовка термина «подлинник документа» как «первого или единичного экземпляра официального документа» [16, с. 46]. Она принимается и в рамках археографии (когда в легенде археографической публикации употребляется утрированный термин «подлинник»), а также в рамках архивоведения. Так, в советском справочном издании 1982 г. он употребляется в значении официального документа [23, с. 180]. В ГОСТ 16487-70 отсутствует характеристика термина «подлинник документа» как «официального документа». Вместе с тем, определение его как документа, «соответствующим образом оформленного и подписанного», предполагает в соответствии с дефиницией официального документа, данной в ГОСТ 16487-83 (за вычетом признака — быть созданным должностным лицом), конституицию подлинника именно официальным документом. В нем выделен базисный признак соответствующего термину «подлинник (документа)» понятия, когда он определяется как «документ в окончательной редакции, соответствующим образом оформленный» [24, с. 2]. Невзирая на «шероховатости» приведенного определения (подписание является элементом оформления документа; точнее излагать об окончательной редакции текста документа, а не документа), трактовка подлинника документа как документа, включающего произведение (управленческое, деловое, научно-техническое и иное) с реквизитами, установленными в окончательной редакции, соответствует практике делопроизводства, в которой различают документ и проект документа. Термин «про-

ект документа» определяется как «предварительный вариант документа, предназначенный для рассмотрения» [25, с. 276]. В ГОСТ 16487-70 референтом термина «подлинник документа» конституированы лишь текстовые управленческие документы. Сегодня документоведы, как правило, придерживаются «широкого» предметного значения этого термина. Так, Э. Н. Давыдова и А. Е. Рыбаков отмечают, что в рамках документоведения в соответствии с критерием воспроизведения документы делятся на подлинники (оригиналы) и копии. Вместе с тем, поясняя значения терминов, они различают содержание терминов «подлинник официального документа» и «оригинал»: «Подлинник официального документа — первый или единственный экземпляр официального документа [т. е. документа, созданного организацией или должностным лицом и оформленного в установленном порядке]. В качестве синонима слова «подлинник» иногда употребляется термин «оригинал», хотя по своему смыслу определение «подлинник» (достоверный, действительный) имеет иное значение, чем то, которое вкладывается в понятие «оригинал» (самобытный, первоначальный). Оригиналы — документы, впервые созданные каким-либо индивидуальным или коллективным автором. Чтобы оригинал стал подлинником, он должен быть составлен на бланке согласно установленной форме, иметь удостоверяющие реквизиты (подпись и иногда печать), дату и индекс» [26, с. 8, 10]. Исходя из такого различия, термин «подлинник документа» следует наделять, как минимум, следующим специфическим признаком — иметь удостоверяющие и регистрационные реквизиты.

Т. В. Кузнецова, употребляя как синонимы термины «беловик» и «беловой документ», «черновик» и «черновой документ», обосновывает следующий тезис: «Подлинники документов могут быть в виде черновики и беловики». Она излагает: «В составе черновики можно выделить многочисленные варианты и редакции. Каждый из них будет являться оригиналом (подлинником)» [27, с. 6]. В соответствии с изложенным, черновой документ (т. е. документ, текст произведения и реквизиты которого представляют собой черновик) может включать как предварительные, так и окончательные редакции, варианты произведения («текста документа») и реквизитов. Такое изложение противоречит дефиниции ГОСТ Р 51141-98 (на которую Т. В. Кузнецова ссылается): «Подлинник (официального) документа — первый или единственный экземпляр официального документа». Вероятно, в практике делопроизводства черновые документы (т. е. документы с замазываниями, исправлениями текста и т. п.) иной раз выступают первыми экземплярами даже официального документа. Однако неясно, как единственным экземпляром официального документа может выступать документ с неокончательной редакцией (вариантом) произведения («текста документа») и реквизитов. Документы неадекватно отождествлять с произведениями — ПДЗИ 4-го уровня, в процессе бытования которых возможны случаи, когда основным текстом произведения берется текст, не соответствующий окончательной редакции произведения.

Если характеризовать подлинник документа как «официальный документ», то, безусловно, он не должен быть черновым документом и даже документом с неокончательной редакцией делового, управленческого, правового и иного произведения. Не случайно по отношению к законодательным документам вносятся поправки в их текст (правовое произведение) либо принимаются новые документы идентичной направленности.

В литературе по документоведению и археографии нередко в качестве синонима термина «подлинный документ» необоснованно употребляется термин «подлинник». Определение термина «подлинный документ», данное в справочном издании БелНИИДАД 2001 г., — «официальный документ, все сведения которого соответствуют действительности» [28, с. 26], — представляется незавершенным определением понятия *подлинника официального документа*. Более того, в том контексте, в котором оно дается, следует рассуждать не о подлинности документа, а о достоверности содержащихся в нем сведений. Определение термина «подлинный документ», данное М. В. Лариным и А. Н. Соковой, — «документ, сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения» [16, с. 44], — скорее соответствует термину «аутентичный документ». Н. С. Ларьков рассматривает понятие подлинного документа как противоположное по содержанию (смысловому значению) понятию фальсифицированного документа: «В противоположность подлинным документам, существуют подложные, фальсифицированные документы». При этом он выделяет полностью фальсифицированные документы («когда не соответствуют подлиннику ни их содержание, ни материальный носитель, ни внешние признаки (почерк, рисунки и т. п.))» и частично фальсифицированные документы (фальсификация содержания, фальсификация состава удостоверения, бланка) [29, с. 282—283]. Тем самым, он употребляет термины «подлинный документ» и «подлинник» в качестве синонимов.

В научном дискурсе при употреблении терминов «беловик, черновик» интерферируются понятия текста и документа (акта, документального материала и т. д.). В соответствии с концепцией ПДЗИ черновик и беловик мы конституируем как ПДЗИ 2-го уровня, термины «беловой, черновой документ» рассматриваем как обозначения ПДЗИ 5-го уровня. В рамках текстологии наряду с терминами «черновик» и «беловик» в качестве их синонимов употребляются соответственно термины «черновая запись», «черновая рукопись» и «беловая запись», «беловая рукопись». Черновик (источник текста, который «содержит обычно связный текст, записанный с учетом всего произведения или значительной его части») отличают от набросков — источника текста, который, как правило, «содержит лишь отдельные, не связанные друг с другом наброски частей, деталей произведения». Набросок, в отличие от черновика, отражает различные этапы создания произведения. Хотя нередко от-

личие набросков от черновика определяется лишь их физическим объемом («размером») [30, с. 228, 259]. С. М. Бонди считал оптимальным проводить различие черновика и беловика не по наличию в тексте помарок, а в соответствии с критериями происхождения и назначения текста: «Черновик — это творческая рукопись, она пишется обычно для себя, в процессе создания произведения», беловик же «чаще всего результат не создания, а переписывания текста для других и отражает определенный результат творческой работы автора над текстом на каждом этапе» [31]. Однако, поскольку имеются случаи, когда одна рукопись представляла собой результат разных этапов работы (набросков, черновых и беловых записей), то «нельзя утверждать, безусловно, что только черновик отражает процесс создания произведения». «Вместе с тем, не всякая чистая рукопись является беловиком и отражает окончательный результат работы автора над текстом: часто переписка начисто есть просто технический прием, облегчающий дальнейшую работу над текстом» [30, с. 228—229]. С. М. Бонди полагал, что беловик — это результат механической работы над текстом [32, с. 574]. Хотя нередко он является результатом авторского редактирования — коррекции текста в процессе переписывания (перепечатывания) произведения. Л. Д. Опульская подытоживает: «... в самой общей форме черновик понимается как творческая рукопись, создаваемая в процессе написания текста произведения, а беловик — как результат переписывания ее на данном этапе работы автора над текстом», в каждом же конкретном случае «отнесение рукописи к черновой или белой производится на основе изучения ее происхождения и назначения» [30, с. 229—230].

В ГОСТ 16487-70 представлены термины «подлинник документа» и «черновик документа», обозначающие понятия, соответственно, текстового управленческого документа «в окончательной редакции, соответствующим образом оформленного и подписанного» и текстового управленческого документа в предварительной редакции. В ГОСТ Р 51141-98 эти термины заменены терминами «беловик документа» и «черновик документа». Первый термин определяется как «рукописный или машинописный документ, текст которого переписан с чернового документа или переписан без помарок и исправлений», второй — как «рукописный или машинописный материал, отражающий работу автора или редактора над текстом». Термин «автор документа» употребляется в значении «физического или юридического лица, создавшего документ» [15, с. 2]. В ГОСТ Р 51141-98 употребление этих терминов не ограничивается обозначением текстовых управленческих документов. Вместе с тем, в нем сохранилась интенция исходить из трактовки беловика и черновика документа как видов документа, выделяемых в соответствии с критерием стадии создания документа. Хотя в определениях терминов соединены трудновосприимчивые признаки. С одной стороны, наличествует стремление отождествить беловик как стадию создания документа с окончательной редакцией текстового компонента документа, а черновик — с предварительной

его редакцией (вариантом). С другой, в них беловик отождествляется с «чистой» машинописью (и рукописью). Однако ПДЗИ, включающий машинопись (рукопись), лишенную помарок, исправлений и т. п., не обязательно является оригиналом документа (т. е. документом, содержащим текст и реквизиты в окончательной редакции). Он может быть и проектом документа. Тем самым, типологизация документов в зависимости от стадии их создания на черновики и беловики не является точной.

Таким образом, вследствие полисемичности термина «текст» и интерференции содержания понятий, референт (предметное значение) терминов «текст документа, документального материала» в рамках археографии, «текст (документа)» в рамках документоведения, «текст (акта)» в рамках дипломатики, расплывчат. Концепция ПДЗИ способствует устранению логических противоречий, возникающих при трактовке понятий документа, текста, текста документа, текста произведения, произведения. С учетом ее оптимальным представляется определение термина «черновик» как рукописи, созданной с помарками, зачеркиваниями и т. п., либо машинописи, напечатанной с разного рода исправлениями; терминов «черновой, белой материал (документ)» — как документального, нарративного материала (документа), включающего, соответственно, беловик, черновик; термина «подлинник (документа)» — как официального документа с окончательно установленной редакцией его текста и оформлением реквизитов; термина «подлинный документ, материал» — как документа (материала), происхождение (МНИ и состав удостоверения) и содержание текста произведения которого достоверны.

Л и т е р а т у р а

1. Несцярковіч Ю. В. *Объект и основные аспекты эдиционной археографической работы (терминологический аспект)* // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 7. Мінск, 2006.
2. Несцярковіч Ю. В. *Проблемы унификации, оптимизации терминологии и построения терминосистемы археографии* // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 9. Мінск, 2008.
3. Несцярковіч Ю. В. *О целесообразности модификации терминологии археографии* // Праблемы гістарыяграфіі, крыніцазнаўства, архівазнаўства і археаграфіі ў Беларусі. Матэрыялы «круглага стала», прысвечанага 60-годдзю з дня нараджэння праф. У. М. Міхнюка (Мінск. 28 верас. 2007 г.). Мінск, 2008.
4. Несцярковіч Ю. В. *К построению теории документа: корреляция понятий записи, документа и документального материала* // Документация в информационном обществе: управление документацией как сфера профессиональной деятельности. Доклады и сообщения на XIV Межд. науч.-практ. конф. 20—21 ноября 2007 г. М., 2008.
5. *Англо-русский словарь документоведческой терминологии*. Сост. Пономарева Н. Б. Под ред. Кузнецовой Т. В. 2006 // Секретарское дело. 2005. № 12.
6. Автократов В. Н. *К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение* // Труды ВНИИДАД. М., 1973. Т. 3.

7. Автократов В. Н. Некоторые аспекты объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД. Т. IV. Ч. 1. М., 1976.
8. Урсул А. Д. Отражение и информация. М., 1971.
9. Нестерович Ю. В. Труды по экспликации базисных понятий научных теорий: Т. 1: Экспликация базисных понятий документоведения и инфософии. Минск, 2010.
10. Ларин М. В. Управление документацией в организациях. М., 2002.
11. Бирюков Б. В., Воробьев Г. Г. Тезаурусный подход к коммуникативным процессам и документальная информация // Информация и управление. Философско-методологические аспекты. М., 1985.
12. Ларьков Н. С. Актуальные проблемы документоведения на современном этапе // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2004.
13. Кушнаренко Н. Н. Документоведение. Учебник. К., 2006.
14. Ларин М. В., Рысков О. И. Управление документами на основе международного стандарта ИСО 15489-2001. Методическое пособие. М., 2005.
15. ГОСТ Р 51141-98: Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Издание официальное. М., 1998.
16. Ларин М. В., Сокова А. Н. Оформление служебных документов. Рекомендации на основе ГОСТ Р 36.30-2003. М., 2003.
17. Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
18. Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988.
19. Грицкевич В. П., Каун С. В., Ходин С. Н. Теория и история источниковедения. Пос. для студ. Минск, 2000.
20. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1980.
21. Метадычныя рэкамендацыі да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII—XIV стст. / Аўт.-склад. А. А. Жлутка. Мінск, 2005.
22. Краткий словарь архивной терминологии. М., 1968.
23. Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. М., 1982.
24. ГОСТ 16487-70. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М., 1970.
25. Кирсанова М. В. Современное делопроизводство. М.—Новосибирск, 2000.
26. Давыдова Э. Н., Рыбаков А. Е. Делопроизводство. Учебно-практическое руководство. Минск, 2002.
27. Кузнецова Т. В. Подлинники и копии документов // Секретарское дело. 2003. № 10.
28. Делопроизводство и документоведение. Краткий словарь современной терминологии. / Авт.-разраб. С. В. Жумарь и др. Минск, 2001.
29. Ларьков Н. С. Документоведение. Учеб. пособ. М., 2006.
30. Основы текстологии / Под ред. В. Г. Нечаевой. М., 1962.
31. Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. М., 1931.
32. Бонди С. М. О чтении рукописей Пушкина // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 2—3.

А. Н. Сукач

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕНОСА СООБЩЕНИЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ НА ТРАДИЦИОННЫЕ НОСИТЕЛИ

В настоящее время в деятельности организаций значительный массив документированной информации создается и хранится в электронном виде, в т. ч. в форме сообщений электронной почты (далее — э-почта). Данная информация может иметь важное значение не только для текущей деятельности организаций в краткосрочной перспективе, но также для будущих поколений, представляя значительную ценность с точки зрения ее использования в качестве исторического источника. Определение способов сохранения такой информации имеет первостепенное значение для сохранения ее полноты, подлинности и других свойств, необходимых для эффективного использования в текущей деятельности организаций, а также при ретроспективном использовании в будущем.

Перенос сообщений э-почты на традиционные (бумажные) носители посредством их распечатки представляет сегодня один из наиболее распространенных способов включения таких сообщений в документооборот организаций и обеспечения их архивного хранения. Проведенное БелНИИДАД в 2008—2009 гг. исследование по вопросам применения э-почты показало, что перенос сообщений э-почты на бумажные носители и дальнейшее их хранение и использование в бумажной форме осуществляется достаточно часто: более половины участвовавших в проведенном опросе организаций используют такой способ*. Вместе с тем подобный подход к хранению полученных и отправленных электронных сообщений недостаточно изучен, и среди специалистов нет единого мнения о его приемлемости для целей оперативного использования в деятельности организаций и архивного хранения.

На международном уровне, как правило, не отдается предпочтение тому или иному подходу к выбору формы хранения сообщений э-почты (на бумаге или в электронном виде). Вместе с тем в международных документах определяются общие, рамочные требования, предъявляемые к любой форме сохранения электронных сообщений. Так, в международном стандарте ИСО 15489 «Информация и документация. Управление документацией. Общие принципы» определено, что управление хранением любых доку-

* Методика работы с документами, пересылаемыми по каналам электронной почты, в документационном обеспечении управления организаций Республики Беларусь: отчет о НИР по этапу «Разработка методов работы с документами, поступающими по каналам электронной почты, в документационном обеспечении управления организаций Республики Беларусь» за январь—март 2009 г. / БелНИИДАД; рук. темы Л.С. Янушко. — Минск, 2009. — 8 с.

ментов (бумажных либо электронных) должно осуществляться для реализации следующих целей [1, point 9.2]:

а) соответствия текущим и будущим управленческим потребностям;

б) соответствия правовым требованиям путем обеспечения документирования, осмысливания и внедрения регулирующей среды, применимой к управлению документами в специфическом направлении управленческой деятельности;

в) соответствия текущим и будущим потребностям внутренних и внешних заинтересованных лиц посредством:

идентификации законных интересов, которые заинтересованные лица могут иметь в отношении сохранности документов в течение более длительного срока, чем это необходимо самой организации;

идентификации и оценки правовых, финансовых, политических, социальных или других позитивных результатов от сохранения документов для служения интересам исследователей и общества в целом;

соблюдения требований соответствующего архивного органа, если они применимы.

Требования ИСО 15489 дополняет Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах [2]. В частности, в ней оговаривается, что в случаях, когда необходимо сохранять сообщение в подлинной форме, это требование считается выполненным в отношении электронного сообщения, если имеются надежные доказательства целостности содержащейся в нем информации с момента, когда оно было впервые подготовлено в его окончательной форме в виде электронного сообщения или в каком-либо ином виде, а также при необходимости предоставления содержащейся в нем информации эта информация может быть продемонстрирована лицу, которому она должна быть предоставлена. При этом критерием оценки целостности является сохранение информации в полном и неизменном виде, без учета добавления любых изменений, происходящих в обычном процессе передачи, хранения и демонстрации, а требуемая степень надежности оценивается с учетом цели, для которой информация была подготовлена.

Международный совет архивов рассматривает распечатку электронных документов (далее — ЭД) как один из возможных способов сохранения в долгосрочной перспективе доступности содержания ЭД и необходимой формы их внешнего представления [3, р. 52—53]. При этом также предъявляются общие требования к обеспечению подлинности, целостности и доступности документов вне зависимости от способа их сохранения [4]. Как правило, подобные требования на международном уровне формулируются в рамках и в соответствии с нормами, установленными международным стандартом ИСО 15489.

В законодательстве стран СНГ в отношении хранения сообщений э-почты, как правило, распространяются общие правила хранения ЭД*. Так, украинское законодательство предусматривает единые требования к хранению всех ЭД независимо от их вида [5, ст. 13]. Отдавая приоритет хранению ЭД в исходной форме, украинский законодатель допускает перенос содержания ЭД на бумажный носитель, если невозможно выполнить требования по хранению ЭД в электронной форме, в т. ч. в долгосрочной перспективе [5, ст. 13].

Согласно нормам законодательства по делопроизводству Российской Федерации хранение ЭД, в т. ч. переданных посредством э-почты, предполагается осуществлять в первую очередь в исходной электронной форме. Перенос документов на бумажный носитель рассматривается чаще всего как средство распространения содержания документов в информационно-справочных целях [6]. Вместе с тем на уровне отдельных субъектов Российской Федерации иногда применяется порядок, при котором распечатки сообщений э-почты рассматриваются в качестве официальных документов и включаются в документооборот организаций [7, с. 186—187]. Перенос электронных сообщений, полученных в процессе ведения делопроизводства по обращениям граждан, на бумажный носитель и включение их в такой форме в официальный документооборот осуществляется в федеральных ведомствах [8, п. 12.9].

В практике делопроизводства государственных организаций Казахстана используется порядок, при котором по общему правилу сообщения э-почты подтверждаются бумажными документами [9, п. 14]. Однако в случае пересылки ЭД, заверенных легитимной электронной цифровой подписью (далее — ЭЦП), такой порядок может не применяться.

При этом в законодательстве Казахстана в сфере использования ЭД и систем электронного документооборота закреплён подход, согласно которому ЭД со сроками хранения свыше 10 лет в обязательном порядке должны иметь бумажные копии, содержащие установленный набор реквизитов и заверенные в установленном порядке. Однако это не отменяет необходимости хранения электронных оригиналов [10, п. 26].

В странах дальнего зарубежья также не существует единого мнения о приоритете хранения сообщений э-почты в распечатанном либо в электронном виде.

Архивная служба Австралии рассматривает перенос содержимого электронных сообщений на бумагу как один из приемлемых способов их хранения в текущей деятельности организаций, а также в долгосрочной перспективе [11]. При этом распечатка нередко оценивается как наименее технологичный подход к управлению документами э-почты. Вместе с тем архивисты Австралии отмечают, что в таком случае документы э-почты

* Под ЭД в законодательстве стран СНГ, как правило, подразумеваются ЭД, заверенные при помощи электронной цифровой подписи.

доступны для прочтения разными сотрудниками, могут быть размещены вместе (в одном деле) с другими бумажными документами по определенному вопросу, а также менее подвержены риску изменения, защищены от устаревания технологий. Перенос сообщений э-почты на бумажный носитель рассматривается ими как приемлемый способ сохранения сообщений при невозможности их хранения в электронном виде [12, р. 8].

В Великобритании государственная архивная служба рассматривает перенос сообщений э-почты на бумажный носитель как один из способов обеспечения доступа нескольких сотрудников к ним при коллективной работе, а также как способ организации хранения документированной информации, полученной или отправленной посредством э-почты, в случае отсутствия автоматизированной системы управления документами [13, point 8.4]. Вместе с тем с точки зрения организации хранения документированной информации, созданной в электронной форме (в т. ч. в форме сообщений э-почты), ее распечатка рассматривается только как промежуточный способ организации работы с такой информацией в краткосрочной перспективе [14, point 2.36]. По мнению британских архивистов любые ЭД, в т. ч. сообщения э-почты, должны в первую очередь сохраняться в электронной форме, что позволит в большей степени сохранить содержание, структуру, а также полноту контекста создания и использования таких документов.

В США распечатка электронных сообщений рассматривается архивной службой как один из способов работы с э-почтой в текущей деятельности организации. Однако в качестве обязательного требования выдвигается необходимость распечатки не только содержания и «стандартных» (характерных для бумажных документов) реквизитов, но также и метаданных о прохождении сообщений по телекоммуникационным каналам связи, полных сведений об отправителе и получателе, факте отправки/получения сообщения, ознакомления с ним и т. д. [15].

В соответствии с рекомендациями Национальной администрации архивов и документации США отдельные государственные ведомства и учреждения определяют порядок, при котором сообщения, срок хранения которых составляет более 1 года, следует, как правило, распечатывать и хранить на бумаге (с учетом обеспечения необходимой полноты метаданных) [16, р. 16].

Вместе с тем это не отменяет хранения электронных оригиналов сообщений. Об этом, например, свидетельствует решение суда, принятое в 1999 г., согласно которому выпущенный Национальной администрацией архивов и документации США 20-й Генеральный перечень документов, устанавливающий, что федеральные учреждения должны перемещать сообщения электронной почты на архивный носитель — бумагу, а оригиналы сообщений электронной почты не должны хранить, противоречит Закону США о передаче документов на государственное хранение [17, с. 135].

Анализируя международный и зарубежный опыт нормативно-методического регулирования можно отметить, что несмотря на требования к той или иной форме сохранения сообщений э-почты чаще всего предъявляются общие требования к свойствам сообщений, которые должны сохраняться на протяжении всего их жизненного цикла. В частности, любое сообщение должно сохраняться:

- аутентичным (подлинным);
  - целостным (неизменным с момента создания, подписания и/или последующего авторизованного изменения);
  - надежным (т. е. содержащим полное и точное представление подтверждаемых фактов, событий, деятельности и которому можно доверять в последующих операциях или в последующей деятельности);
  - пригодным для использования, в т. ч. доступным и воспроизводимым в соответствующей форме в течение необходимого времени.
- Последнее из указанных свойств реализуется обычно через установление требований к срокам хранения, форме представления документа, доступной для понимания человека, условиям хранения, стандартизации алгоритмов преобразования информации и т. д.

Помимо этого, в отношении ЭД, в т. ч. сообщений э-почты, нередко выдвигаются требования по сохранению полноты контекста их создания и использования, в т. ч. отраженного в реквизитах (метаданных) сообщений.

Среди различных исследователей также нет единого мнения о наиболее оптимальном способе хранения сообщений э-почты.

Как отмечает М. В. Ларин, распечатки неадекватны документам э-почты, поскольку электронные сообщения содержат информацию, которая может быть невидима на экране монитора и/или утрачена при копировании документа э-почты на бумагу (например, скрытые адресаты) [17, с. 138—139]. Однако, по справедливому замечанию О. И. Рыскова, распечатка сообщений э-почты неизбежна, например, в случае, когда сообщение послужило основанием для издания другого — бумажного — документа, совместно с которым формируется в одно дело [18, с. 96].

По мнению Е. Филенко, распечатка сообщений э-почты является одним из наиболее эффективных способов их защиты от внесения изменений, а также устаревания технологий хранения и воспроизведения [19, с. 227].

В. Ф. Янковая отмечает, что хранение документов, пересылаемых посредством э-почты, следует осуществлять либо в форме распечатанных копий, либо при помощи специализированной системы хранения ЭД, но не в системе э-почты, т. к. подобная система является в первую очередь средством создания и передачи документов, но не их хранения [20, с. 23].

По мнению американских специалистов в сфере управления э-почтой Нэнси Флинн (Nancy Flynn) и Рэндольфа Кана (Randolph Kahn) перенос сообщений э-почты на бумажный носитель имеет свои преимущества, в т. ч. свя-

занных с более простым и привычным для сотрудников порядком работы с документами, отсутствием необходимости постоянной миграции сообщений в новые форматы и на новые технологические платформы и др. [21, р. 86].

Вместе с тем, по их мнению, распечатка сообщений э-почты имеет явные недостатки, связанные с возможностью утраты ряда сведений о процессах создания и передачи сообщений, невозможностью быстрого автоматизированного поиска по содержанию документов и т. д. Исследователи делают вывод, что без всей необходимой контекстной информации, содержащиеся, например, в заголовке сообщения, бумажная копия не является полноценным эквивалентом электронного оригинала. Также распечатка не всегда может в полной мере отразить связи сообщения с другими связанными с ним объектами, а также не позволяет в понятной для человека форме отразить ЭЦП, перенести на бумагу некоторые типы прикрепленных файлов, в т. ч. различные мультимедиа файлы, программные приложения и т. д. [21, р. 73].

Изучая белорусское законодательство в контексте рассматриваемой проблемы, следует отметить определенную двоякость закрепленных в нем норм.

Специальное законодательство об ЭД рассматривает в качестве объекта нормативного регулирования только те ЭД, которые удостоверены с помощью ЭЦП. Подобный подход закреплен как в действующем Законе Республики Беларусь «Об электронном документе» [22], так и в проекте его новой редакции [23]. Однако гражданское законодательство Республики Беларусь в ряде случаев допускает использование документов в электронном виде, заверенных иными аналогами собственноручной подписи [24, ст. 161]. Отечественное законодательство по делопроизводству также придерживается «расширительной» трактовки ЭД, отраженной в гражданском законодательстве. Так, Инструкция по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь (далее — Инструкция по делопроизводству) [25] оперирует термином «документ в электронном виде», который является более широким по своему значению, чем законодательно закрепленный термин «электронный документ», и подразумевает возможность его удостоверения не только с помощью ЭЦП, но и иных аналогов собственноручной подписи.

Указанные особенности белорусского законодательства влияют на применение тех или иных норм в отношении сообщений э-почты. В том числе правовой статус сообщений э-почты при их переносе на бумажный носитель будет напрямую зависеть от способа их удостоверения и легитимности данного способа.

Инструкция по делопроизводству по общему правилу предполагает хранение сообщений э-почты в электронном виде, допуская при этом возможность их распечатки [25, п. 232]. При этом Инструкция не определяет статус сообщения, перенесенного на бумажный носитель, и не детализирует

требования по его удостоверению. Исходя из положений Инструкции можно предположить, что распечатка сообщения э-почты рассматривается либо как копия такого сообщения, либо как его умноженный экземпляр. С учетом этого распечатанная версия сообщения должна быть заверена в соответствующем порядке, после чего приобретет статус копии или умноженного экземпляра [25, п. 64].

Однако здесь следует отметить, что создание и заверение умноженных экземпляров и копий согласно Инструкции по делопроизводству может осуществляться только в отношении создаваемых в организации документов. Подобный порядок за небольшими исключениями не может использоваться в отношении документов, поступающих в организацию извне [25, п. 64].

В случае с ЭД, в т. ч. созданными в системе э-почты и заверенными с помощью легитимной ЭЦП, белорусское законодательство по общему правилу рассматривает такие документы как оригиналы, а их распечатку на бумажном носителе — как копии. При этом распечатанная копия, заверенная в установленном порядке, имеет одинаковую юридическую силу с электронным оригиналом [22, ст. 10]. Подобный порядок подразумевает заверение копии нотариусом либо иной организацией, имеющей соответствующую лицензию.

Рассматривая нормы Закона «Об электронном документе» с точки зрения юридической силы переноса сообщений э-почты на бумажный носитель, становится очевидно, что однозначный ответ невозможен и будет зависеть от ряда факторов. При этом возможны следующие основные ситуации:

если сообщение э-почты целиком подписано ЭЦП и не имеет бумажных аналогов, его распечатка будет являться копией и должна быть удостоверена нотариусом либо организацией, имеющей соответствующую лицензию;

если с помощью ЭЦП или иного легитимного аналога собственноручной подписи и/или печати удостоверено не все сообщение э-почты, а лишь прикрепленные к нему документы (файлы), распечатка самого сообщения, равно как и его электронный оригинал не будут иметь юридической силы, тогда как распечатанные версии прикрепленных файлов будут иметь статус копий и должны быть удостоверены нотариусом либо организацией, имеющей соответствующую лицензию;

если ни сообщение, ни прикрепленные к нему документы (файлы) не удостоверены с помощью ЭЦП или иного легитимного аналога собственноручной подписи и/или печати, их распечатка, равно как и электронные оригиналы не будут иметь юридической силы.

Во всех указанных случаях в качестве исключения может рассматриваться ситуация, при которой организация — автор документа создает два идентичных по содержанию документа: электронное сообщение и его бумажную версию. В таком случае оба документа могут иметь юридическую силу и использоваться в делопроизводстве.

Подобная ситуация обусловлена нормами Закона «Об электронном документе», который гласит, что «в случае, когда одним лицом создаются документ на бумажном носителе и ЭД, идентичные по содержанию, оба документа признаются самостоятельными документами. В этом случае документ на бумажном носителе не является копией электронного документа» [22, ст. 9]. Таким образом, распечатанные и удостоверенные в порядке, установленном для бумажных документов, версии сообщений э-почты, созданных в соответствии с требованиями указанного Закона, следует рассматривать как самостоятельные документы, имеющие юридическую силу и подлежащие отдельному учету, формированию в дела в делопроизводстве и передаче на архивное хранение (в случаях, определенных в законодательстве).

Говоря об идентичности содержания документов в бумажном и электронном виде, белорусский законодатель относит к содержанию ЭД всю информацию документа, в т. ч. его реквизиты, за исключением ЭЦП [23, ст. 15]. При анализе подобного подхода возникает вопрос о составе сведений, говорящих об идентичности двух документов (электронного и бумажного) с точки зрения полноты их реквизитов. В зависимости от трактовки понятия «реквизит» к содержанию электронного сообщения может быть отнесен совершенно разный объем сведений, содержащихся в нем.

Здесь также необходимо отметить, что и в случае, если распечатанная версия электронного сообщения будет идентифицирована как копия, к ней будут предъявляться нормы Инструкции по делопроизводству, согласно которым копия документа должна воспроизводить все реквизиты этого документа [25, п. 64].

Традиционным определением понятия «реквизит» в делопроизводстве является следующее: «элемент официального документа» [26]. В отношении писем и иных организационно-распорядительных документов состав подобных реквизитов закреплён в ряде нормативных правовых актов Республики Беларусь [25; 27]. Вместе с тем в условиях использования ЭД состав реквизитов может быть значительно шире. Как показывает международный опыт и практика нормативно-методического регулирования подобных вопросов в зарубежных странах, к реквизитам ЭД может относиться широкий спектр сведений, создающихся в процессе его жизненного цикла и отражающих контекст создания и движения документа, его использования, передачи в архив или уничтожения. Н. С. Дятлова справедливо отмечает, что реквизиты документа следует понимать как аналог англоязычного термина «метаданные» и рассматривать их в широком контексте, подразумевая под ними не только обозначение элементов формуляра документа, но и иных информационных элементов, характеризующих документ, вне зависимости от места и способа их закрепления [28].

При работе с э-почтой следует учитывать, что контекст их создания, движения и использования отражается в реквизитах (метаданных), содержа-

щихся в заголовках (headers) пересылаемых посредством э-почты сообщений. Данные заголовки формируются в соответствии со стандартами RFC [29], которые определяют структуру сообщений э-почты, пересылаемых посредством сети Интернет, де-факто являющейся наиболее массовой средой использования э-почты (подробнее см. [30]).

По своему содержанию сведения из заголовков сообщений э-почты важны не только для корректной пересылки в информационно-телекоммуникационных сетях, но также могут иметь ценность и для делопроизводства, в т. ч. при необходимости могут напрямую использоваться для учета, поиска и организации документов, создаваемых и отправляемых/получаемых посредством э-почты [30].

Учитывая указанное выше, полагаем, что полнота содержания и контекста создания и использования сообщений э-почты касается не только «основного» содержания, отражаемого в теле (body) сообщения, но и в его заголовке (header) — в соответствии со стандартами RFC.

Белорусское законодательство по делопроизводству в случае распечатки сообщений э-почты в качестве обязательных требований выдвигает необходимость сохранения вместе с сообщением всех «традиционных» делопроизводственных реквизитов. Что же касается сведений из заголовков сообщений, то требования по их распечатке или сохранению в исходной форме являются факультативными. Так, Инструкция по делопроизводству определяет, что помимо основного содержания, в т. ч. отраженного в прикрепленных к сообщению э-почты файлах (документах), могут распечатываться сведения об электронном адресе отправителя (получателя), дате отправки, дате получения, теме письма, о путях прохождения электронного письма по информационно-коммуникационным каналам связи, идентификаторе письма в информационной системе и др. Однако данные сведения предполагается распечатывать только в случае, если пересылаемый документ, который должен быть оформлен по установленным правилам и прикреплен в виде файла-приложения (нескольких файлов), не содержит реквизит «Дата», а также в иных случаях, когда указанная информация необходима для подтверждения факта и условий отправки (получения) документа и/или может быть использована в справочных и доказательных целях [25, п. 233].

Оценивая данный подход, можно констатировать, что белорусское законодательство по делопроизводству рассматривает сообщение э-почты в качестве конверта для документов-приложений, которые должны нести всю содержательную и реквизитную нагрузку в процессе обмена документированной информацией.

На наш взгляд, подобный подход не всегда приемлем, т. к. в случае уничтожения сообщения по аналогичным принципам, которые используются при работе с конвертами бумажной корреспонденции, может быть нарушено важное условие работы с документами в электронном виде: потеряна

полнота контекста их создания и использования. Например, при уничтожении данного «конверта» теряются сведения о связях с конкретными сообщениями предшествующей переписки. В случае с отправляемыми сообщениями может быть утрачена часть сведений об адресатах, которым данное сообщение было направлено (т. н. «скрытые копии»).

Перенос сообщений э-почты на бумажный носитель имеет также ряд технических аспектов, демонстрирующих отдельные недостатки подобного способа их хранения и использования.

В случае распечатки сообщений, содержащих ЭЦП, подобная подпись будет представлять собой совокупность символов, недоступных для непосредственной интерпретации и понимания человеком, в т. ч. она не будет в явной форме подтверждать подлинность и целостность сообщения. Подобная информация может использоваться лишь компьютером в электронном виде и лишь при наличии сообщения-оригинала, т. к. повторная оцифровка сообщения, например, путем сканирования, не позволит использовать сведения из распечатанной ЭЦП для подтверждения подлинности и целостности содержания сообщения.

В настоящее время сообщения, пересылаемые посредством э-почты, могут представлять собой сложные мультимедиа объекты, содержащие звуковые и видеокomпоненты, HTML-документы, включающие «скрытые» гиперссылки и связи с иными объектами, содержать в виде прикрепленных файлов программные приложения (т. е. бинарные файлы) и др. При распечатке сообщений подобное содержимое по своей природе не может быть перенесено на бумажный носитель либо будет частично утеряно.

Как показало исследование, проведенное БелНИИДАД в 2008—2009 гг., при распечатке сообщений э-почты практически все организации распечатывают лишь минимальный состав сведений, содержащихся в его заголовке (дата отправки/получения, адрес отправителя/получателя, тема сообщения, сведения о прикрепленных файлах). При этом чаще всего организации пользуются широко распространенным «стандартным» программным обеспечением (MS Outlook, MS Outlook Express, The Bat!, Mozilla Thunderbird) либо работают с сообщениями посредством Интернет-браузера, что, в последнем случае, нередко вообще не позволяет использовать полный состав метаданных заголовка сообщений э-почты. Подобная ситуация, на наш взгляд, говорит о двух фактах: недооценке работниками организаций сведений, которые содержатся в заголовках сообщений, либо вообще незнании об их наличии, а также об использовании массового программного обеспечения, не учитывающего особенности ведения делопроизводства и работы с документами в организациях.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы в отношении переноса сообщений э-почты на бумажный носитель как способа их использова-

ния в текущей деятельности организаций и обеспечения сохранности в перспективе.

Объективными положительными сторонами подобного способа являются:

независимость от устаревания компьютерных технологий, в т. ч. отсутствие необходимости регулярной конвертации сообщений в новые форматы, миграции на новые технологические платформы и/или носители;

проверенная временем относительная долговечность носителя информации — бумаги;

использование устоявшихся технологий работы с бумажными документами при хранении в текущем делопроизводстве, в т. ч. возможность группировки в дела с другими бумажными документами, осуществление в обычном порядке процедур согласования и ознакомления и т. д.;

снижение риска утечки конфиденциальной информации, в т. ч. возможность обеспечения защиты информации, содержащейся в сообщениях, административно-организационными методами, а также больший контроль распространения информации.

Наряду с положительными моментами существует ряд недостатков, ставящих под вопрос использование данного способа:

может быть утрачена юридическая и доказательная сила сообщения как такового. В частности, это связано с тем, что информация, составляющая ЭЦП, при выводе на печать представляет собой набор символов, не предназначенный для непосредственного восприятия человеком и не подтверждающий в явной форме факт подлинности и целостности сообщения. Вместе с тем при создании организацией бумажной копии сообщения в соответствии с законодательством данная проблема может быть частично решена;

содержание бумажной копии сообщения не всегда будет эквивалентно содержанию электронного оригинала. Например, при выводе на бумажный носитель могут быть утрачены гиперссылки, не указанные явно в тексте сообщения. Также не могут быть перенесены на бумажный носитель различные мультимедиа файлы, программные приложения и иные бинарные файлы, прикрепляемые к сообщению;

де-факто широко используемое программное обеспечение для работы с э-почтой не учитывает особенности ведения делопроизводства и зачастую не обеспечивает перенос на бумагу всех необходимых реквизитов (метаданных), создаваемых в процессе пересылки и работы с документами посредством э-почты;

снижается оперативность поиска информации, содержащейся в сообщениях (невозможность автоматизированного поиска по содержанию).

Таким образом, перенос сообщений э-почты на традиционные носители в деятельности организаций может использоваться лишь при соблюдении ряда условий:

распечатанные версии (копии) сообщений э-почты должны характеризоваться подлинностью, целостностью и полнотой, в т. ч. в процессе их переноса на традиционные носители не должно утрачиваться и искажаться содержание сообщений, нарушаться их логическая структура;

распечатанные версии (копии) сообщений э-почты должны обладать необходимой юридической силой в соответствии с действующим законодательством;

должна сохраняться полнота контекста создания и использования сообщений э-почты, отраженная в реквизитах (метаданных) сообщений, необходимых для понимания и использования сообщений, в т. ч. сохранения существующих связей с другими документами.

При соблюдении всех указанных условий перенос сообщений э-почты на традиционные носители можно рассматривать как вполне приемлемый способ их хранения, а также оперативного и ретроспективного использования. Подобный способ не отменяет необходимости сохранения электронных оригиналов для удобства и ускорения оперативного использования содержащейся в них информации. Однако их утрата (уничтожение) не повлечет утраты данной информации, необходимой для текущей деятельности организации, а также представляющей научную и социально-культурную ценность для будущих поколений.

Вместе с тем, если содержимое электронных сообщений полностью или даже частично не может быть в адекватной форме перенесено на традиционные носители, подобный способ не может рассматриваться в качестве полноценного способа хранения и использования сообщений э-почты. В связи с этим хранение электронных оригиналов приобретает первостепенное значение как для текущей деятельности организации, так и для нужд будущих поколений. Только в такой форме можно будет сохранить полноту содержания и контекста использования документных массивов организации.

Как видно, перенос сообщений э-почты на бумажный носитель частично ограничен правовыми рамками и природой самих сообщений и не всегда может являться полноценной заменой хранения таких сообщений в электронной форме.

Список использованных источников

1. Information and Documentation — Records Management, Part 1: General: ISO 15489-1:2001 — First edition 15.09.2001. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2001. — 19 p.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (United Nations Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts): принята в Нью-Йорке 23 ноября 2005 г. // United Nations [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/convents/elcom.pdf>. — Дата доступа: 14.06.2009.

3. Guide for managing electronic records from an archival perspective / ICA. — Paris, 1997. — [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.ica.org/sites/default/files/ICA%20Study%208%20guide_eng_0.pdf. — Date of access: 11.06.2009.
4. CA Study 13 — Authenticity of Electronic Records: A Report by ICA to UNESCO [Electronic resource]. — Mode of access: Part 1: <http://www.ica.org/biblio.php?pdocid=92>; Part 2: <http://www.ica.org/biblio.php?pdocid=127>. — Date of access: 11.06.2009.
5. Об электронных документах и электронном документообороте: Закон Украины, 22 июня 2003 г., № 851-IV (с изменениями, внесенными Законом от 31 мая 2005 г. № 2599-IV) // Ведомости Верховной Рады. — 2003. — № 36. — Ст. 275; 2005. — № 26. — Ст. 349.
6. Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти: утв. постановлением Правительства РФ от 15 июня 2009 г. № 477 // ГАРАНТ: законодательство с комментариями [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/doc/138570.htm>. — Дата доступа: 23.06.2009.
7. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях / М. В. Ларин. — М.: Научная книга, 2002. — 288 с.
8. Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2005 г. № 452: текст по состоянию на 01.05.2009 // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Москва, 2009.
9. Типовые правила документирования и управления документацией в государственных организациях Республики Казахстан: утв. приказом Председателя Комитета по управлению архивами и документацией Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан от 29 апреля 2003 г. № 33 // Национальные информационные технологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nitec.kz/documents/3prikaz.doc>. — Дата доступа: 17.06.2009.
10. Правила электронного документооборота государственных органов Республики Казахстан: утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 апреля 2004 г. № 430; в ред. постановления Правительства Республики Казахстан от 22 октября 2008 г. № 978: текст по состоянию на 17.06.2009 // Национальные информационные технологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nitec.kz/documents/postanovlenie978.doc>. — Дата доступа: 17.06.2009.
11. Email as Records: Advice to Victorian Government Agencies // Public Record Office Victoria [Electronic resource]. — 2007. — Mode of access: <http://www.prov.vic.gov.au/publications/publns/PROVRMadvice3.pdf>. — Date of access: 11.06.2009.
12. Managing the Message. Guidelines on managing formal and informal communications as records // State Records. New South Wales [Electronic resource]. — 2004. — Mode of access: <http://www.records.nsw.gov.au/recordkeeping/docs/managing%20the%20message.pdf>. — Date of access: 11.06.2009.
13. Guidelines on developing a policy for managing email // The National Archives of the United Kingdom [Electronic resource]. — 2004. — Mode of access: http://www.nationalarchives.gov.uk/documents/managing_emails.pdf. — Date of access: 11.06.2009.

14. Management, appraisal and preservation of electronic records. Vol. 1: Principles / Public Record Office, The National Archives [Electronic resource]. — 1999. — Mode of access: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documents/principles.pdf>. — Date of access: 11.06.2009.
15. NARA Code of Federal Regulations — 36 CFR 1234 — Electronic Records Management / National Archives and Records Administration [Electronic resource]. — 2006. — Mode of access: <http://www.archives.gov/about/regulations/part-1234.html>. — Date of access: 04.06.2009.
16. Records Management Guidance for Email Management / Department of Homeland Security (DHS) [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.archives.gov/records-mgmt/toolkit/pdf/ID317.pdf>. — Date of access: 04.06.2009.
17. Ларин, М. В. Электронные документы в управлении: науч.-метод. пособие. 2-е изд., доп. / М. В. Ларин, О. И. Рысков. — М.: ВНИИДАД, 2008. — 146 с.
18. Рысков, О. И. Управление документами электронной почты / О. И. Рысков // Служба кадров и персонал. — 2005. — № 10. — С. 93—97.
19. Филленко, Е. Основные проблемы использования электронной почты (спам, обеспечение достоверности, проблемы хранения) / Е. Филленко // Документация в информационном обществе: современные технологии документооборота: Доклады на XIII Международной научно-практической конференции 22—23 ноября 2006 г. / Росархив, ВНИИДАД. — М., 2007. — С. 221—228.
20. Янковая, В. Ф. Деловая переписка: Уч.-практ. пособие. / В. Ф. Янковая. — М.: ВНИИДАД, 2007. — 136 с.
21. Flynn, N. E-mail Rules: a Business Guide to Managing Policies, Security, and Legal Issues, for E-mail and Digital Communications / Nancy Flynn, Randolph Kahn. — New York: АМАСОМ, 2003. — 273 p.
22. Об электронном документе: Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 357-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2000. — № 7. — 2/132.
23. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: проект Закона Республики Беларусь: внесен Советом Министров Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/kbdpz/text.asp?RN=2009028001>. — Дата доступа: 17.06.2009.
24. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 01.05.2009 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2009.
25. Инструкция по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь: утв. постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19.01.2009 № 4 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2009.
26. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: ГОСТ 16487-83. — Введ. 01.01.1985. — Москва: Госстандарт, 1984. — 14 с.

27. Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов: Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 6.38-2004. — Минск: НП РУП «БелГИСС», 2005. — 39 с.
28. Дятлова, Н. С. Метаданне в области управления документацией: международный опыт стандартизации / Н. С. Дятлова // Беларускі археаграфічны штогоднік / Дел. по архивам и делопр. Мин-ва юстиции Респ. Бел., БелНИИДАД. — Минск, 2008. — Вып. 9. — С. 215—232.
29. Request for Comments / The Internet Engineering Task Force [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.ietf.org/rfc.html>. — Date of access: 12.06.2009.
30. Сукач, А. Н. Структура электронного письма / А. Н. Сукач // Архівы і справаводства. — 2009. — № 1. — С. 70—76.

Н. С. Дятлова

ПРИНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ISO В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТАМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПУТИ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Влияние международной стандартизации на национальные принципы и методы организации работы с документами трудно переоценить. На современном этапе в условиях глобализации экономических и общественных процессов перед Государственной архивной службой Республики Беларусь (далее — ГАС) особо остро стоит вопрос об определении единой стратегии и выработке конкретных предложений по гармонизации международных документов и национального законодательства Республики Беларусь в области делопроизводства и архивного дела. В статье рассмотрены пути принятия документов Международной организации по стандартизации (International Organization for Standardization, далее — ISO)* в области управления документами, содержится обзор методов, предусмотренных для этого законодательством. Особое внимание уделяется выявлению и анализу возможных результатов организации работы с документами при различных вариантах и методах внедрения международных стандартов (далее — МС) ISO.

Рассматривая международные документы ISO, особый интерес представляют активно принимаемые во всем мире стандарты на управление документами, разработанные подкомитетом (далее — ПК) 11 технического комитета (далее — ТК) 46 ISO — ТК 46 / ПК 11 «Архивы/управление документами», так как именно они устанавливают общие требования и методологию управления документами на всех видах носителей и во всех форматах.

К указанным документам относятся:

МС ISO 15489-1:2001 «Информация и документация — Управление документами — Часть 1: Общие требования» (далее — МС ISO 15489:2001-1) [1];

технический отчет (далее — ТО) ISO/ТО 15489-2:2001 «Информация и документация — Управление документами — Часть 2: Руководство» (далее — ISO/ТО 15489-2:2001) [2];

МС ISO 22310:2006 «Информация и документация — Руководство для разработчиков стандартов, устанавливающих требования к управлению документами» (далее — МС ISO 22310:2006) [3];

МС ISO 23081-1:2006 «Информация и документация — Процессы управления документами — Метаданные для документов — Часть 1: Принципы» (далее — МС ISO 23081-1:2006) [4];

* Международные документы ISO — международные стандарты, технические требования (условия), общедоступные технические требования (условия), технические отчеты, руководства, оценки тенденций развития технологий, промышленные технические соглашения, международные практические соглашения.

технические условия (далее — ТУ) ISO/ТУ 23081-2:2007 «Информация и документация — Процессы управления документами — Метаданные для документов — Часть 2: Концептуальные вопросы и вопросы внедрения» (далее — ISO/ТУ 23081-2:2007) [5];

ISO/ТО 26122:2008 «Информация и документация — Анализ рабочих процессов в отношении документов» (далее — ISO/ТО 26122:2008) [6].

ГАС Республики Беларусь не может оставаться в стороне от вопросов международной стандартизации в области управления документами по следующим причинам:

1. Приоритетное применение МС в национальной системе технического нормирования и стандартизации при разработке государственных стандартов в различных отраслях.

В Республике Беларусь вопросам международного сотрудничества в области технического нормирования и стандартизации придается большое значение. На законодательном уровне закреплён принцип приоритетного использования международных и межгосударственных (региональных) стандартов [7, ст. 4]. В условиях интенсивного развития международной торговли, стремления к присоединению Беларуси ко Всемирной торговой организации (далее — ВТО) Государственным комитетом по стандартизации Республики Беларусь (далее — Госстандарт), который в нашей республике является национальным органом по стандартизации, представляющим интересы государства на международном уровне, совместно с отраслевыми министерствами и органами государственного управления в течение последних лет последовательно реализуется принятый правительством курс по гармонизации действующих в республике нормативных правовых актов с международными требованиями и европейскими нормами [8—14]. Госстандартом проводятся работы по разработке проектов МС, анализу их научно-технического уровня, определению позиции Республики Беларусь при голосовании по принимаемым стандартам.

В настоящее время в республике действует более 22 тысяч государственных стандартов [15]. В 2008 году утверждены и введены в действие более 370 государственных стандартов и изменений к ним, причем уровень гармонизации вновь принимаемых стандартов по итогам года составил около 55%, а в целом по действующим стандартам он достиг 63%, что по оценкам зарубежных специалистов является оптимальным для создания безбарьерной среды в международной торговле [13, с. 4].

Указанные показатели свидетельствуют о приоритете применения МС в национальной системе технического нормирования и стандартизации при разработке государственных стандартов в различных отраслях. Практика прямого внедрения МС широко распространена в странах Европейского союза, где разработка оригинальных государственных стандартов осуществляется

только в тех случаях, когда отсутствуют соответствующие международные документы или их требования противоречат законодательству этих стран.

2. *Активное внедрение Международных Стандартов ISO серии 9000 «Системы менеджмента качества» (далее — МС ISO серии 9000) и других МС в области менеджмента.*

МС ISO серии 9000 [16—18] приняты в Беларуси [19—21], они идентичны международным и активно внедряются в организациях и на предприятиях страны. Результаты внедрения указанных документов показывают, что требования к организации работы с документами, закладываемые при внедрении МС в конкретных организациях, в ряде случаев прямо противоречат нормам белорусского законодательства по архивному делу и делопроизводству [22; 23]. Невмешательство ГАС в процесс внедрения принятых на основе МС ISO серии 9000 национальных стандартов в области менеджмента приведет к дальнейшему ведению делопроизводства «по двойным стандартам» — *национальным и международным, которые внедрены без учета норм законодательства Республики Беларусь в области делопроизводства и архивного дела.*

3. *Взаимосвязь МС ISO.*

Международные документы ISO взаимосвязаны путем метода ссылок и при принятии требуют комплексного подхода [24].

Разработанная и сертифицированная система менеджмента качества все чаще становится платформой для разработки других систем менеджмента, направленных на ресурсосбережение, защиту информации, здоровья и безопасности персонала, снижение вредных экологических воздействий на окружающую среду и др. Требования к ним также закреплены в МС ISO, они основаны на процессном подходе и ссылаются на МС ISO серии 9000, закрепляющие этот подход. Для документального отражения системы управления, принципы и требования к которой закреплены в МС ISO серии 9000, разработан МС ISO 15489-1:2001. В свою очередь, в развитие указанного документа ISO разработаны стандарты, регламентирующие отдельные аспекты организации работы с документами — ISO/ТО 15489-2:2001, МС ISO 22310:2006, МС ISO 23081-1:2006, ISO/ТС 23081-2:2007, ISO/ТО 26122:2008, МС ISO/МЭК 17799 «Информационные технологии. Методы безопасности. Руководство по управлению безопасностью информации».

В соответствии с п. 5.9 Технического кодекса установившейся практики ТКП 1.9-2007 (03220) «Система технического нормирования и стандартизации Республики Беларусь. Правила принятия международных, региональных и национальных стандартов других государств в качестве государственных стандартов» (далее — ТКП 1.9-2007) «При наличии в принимаемом международном стандарте (международном документе) ссылок на другие международные стандарты (международные документы) или иные технические документы, которые не приняты в качестве государственных стандартов, необхо-

димо проводить работы по их одновременному принятию. При этом целесообразно принимать все ссылочные международные стандарты (международные документы), приведенные в разделе «Нормативные ссылки» принимаемого международного стандарта (международного документа)» [24].

Проанализировав позицию МС ISO в области управления документами в системе иных стандартов ISO, которые приняты в нашей республике, можно говорить о том, что отсутствие определенной политики ГАС в отношении принятия международных документов ISO при любых обстоятельствах приведет к принятию МС ISO в качестве государственных, так как на них дается ссылка в других МС, регулирующих различные сферы деятельности (стандарты в области окружающей среды, обеспечения безопасности, качества, информационных технологий, социальной сферы). Принятие указанных стандартов в качестве государственных в рамках осуществления политики Республики Беларусь по техническому нормированию и стандартизации рано или поздно потребует гармонизации государственных и международных стандартов как в сфере традиционного, так и электронного делопроизводства. При этом следует учитывать, что МС по управлению документами в настоящее время активно внедряются в соседних государствах (Украине, России). Практика принятия документов стран Содружества Независимых Государств в качестве межгосударственных стандартов может привести к принятию МС ISO в области управления документами в короткие сроки без участия в процессе ГАС.

4. *Необходимость определения принципов и методов документационного обеспечения управления (далее — ДОУ) в условиях создания и внедрения в организациях Республики Беларусь интегрированной системы менеджмента организации на основе МС ISO.*

Рассмотрение всех аспектов деятельности под управлением единой системы — идеология создания интегрированной системы менеджмента организации. Специалисты в области качества на современном этапе считают наиболее приемлемой для белорусских предприятий конфигурацию, которая называется «интегрированная система менеджмента качества, безопасности труда и окружающей среды» [12]. Ее называют типовой, так как на многих предприятиях проблемы обеспечения качества продукции и охраны труда, промышленной безопасности и сохранения окружающей среды тесно связаны друг с другом. Создание интегрированной системы управления происходит путем внедрения принятых на основе МС ISO* национальных стандартов. Вместе с тем систему менеджмента организации следует рассматривать шире, так как она кроме вышеперечисленных составляющих

* ISO 9001 — система менеджмента качества, ISO 14000 — менеджмент окружающей среды, НАССР — системы качества на основе принципов анализа рисков и критических контрольных точек.

охватывает и дополнительные системы менеджмента: системы стратегического менеджмента, финансового менеджмента, менеджмента оборудования, знаний, инноваций, рисков и др. Для их внедрения формируются соответствующие требования и подходы.

Очевидно, что делопроизводство (ДОУ), являясь технологией управления, не может рассматриваться в отрыве от иных систем менеджмента. Управление документами согласно ISO является одним из существенных элементов существующих систем менеджмента. В настоящее время ISO проводятся активные работы по объединению опыта, накопленного как при использовании стандартов по управлению документами, так и стандартов классических систем менеджмента, для того чтобы разработать такую «систему менеджмента документации» [25], которая станет готовым «блоком» для систем менеджмента качества, окружающей среды, информационной безопасности и т. д., но которую можно будет использовать и отдельно. В перспективе возможно появление и самостоятельной системы аудита и сертификации. Проект по созданию системы менеджмента документов стартовал осенью 2007 года. В настоящее время в рамках деятельности ПК 11/ ТК ISO 46 в работе над стандартами принимают активное участие примерно 120 специалистов из 40 стран. По оценкам, на подготовку первых стандартов «семейства» потребуется около двух лет [25]. К настоящему времени сделаны первичные проекты двух приоритетных документов — «Основные положения и словарь» и «Требования» [25; 26]. В терминологию ISO 15489-1:2001 предложен ряд изменений и дополнений. В феврале 2009 года данные проекты были разосланы членам ISO на баллотировку, которая закончилась в начале мая [25].

Целью проекта является «предложить организациям стратегический подход к использованию информационных ресурсов в качестве деловых и коммерческих активов и хранилищ знаний» [25]. Система менеджмента должна обеспечить систематический подход к созданию, управлению и использованию документов в качестве составной части регулярных деловых процессов.

В рамках проекта планируется разработать несколько стандартов:

«Система менеджмента документов. Основные положения и словарь» («Management system for records — Fundamentals and vocabulary») — на основе стандарта ISO 15489-1:2001. В этом стандарте, ключевом для формирования основы всего семейства, будут описаны основы системы менеджмента документов и определены соответствующие термины. В нем будет описана структура нового семейства стандартов и его взаимосвязи со стандартами других систем менеджмента.

«Система менеджмента документов. Требования» («Management system for records — Requirements») — также на основе ISO 15489-1:2001. Этот стандарт будет определять деловые требования к системе менеджмента документов, позволяющей организации реализовать свою миссию, стратегию

и задачи посредством разработки и реализации политики и целей управленческих документами, а также путем создания методики измерения и контроля эффективности.

«Система менеджмента документов. Руководство по внедрению» («Management system for records — Implementation guide») — на основе технического отчета ISO/ТО 15489-2:2001.

«Система менеджмента документов. Руководство по самооценке» («Management system for records — Self assessment guide») [25].

Предполагается, что для стандартов семейства будет выделена собственная группа номеров [25].

Как показал опыт системы менеджмента качества, ситуация может сложиться так, что система менеджмента документов, соответствующая МС ISO, окажется де-факто обязательной в ряде отраслей деловой деятельности [25]. Учитывая масштабы и возможные последствия данного проекта, а также уже имеющийся негативный практический опыт организации работы с документами при внедрении МС ISO серии 9000 в организациях Республики Беларусь ГАС целесообразно принять участие в этой работе и определить оптимальные пути и методы интеграции системы ДОУ и иных систем менеджмента организации.

В Республике Беларусь делопроизводство и архивное дело — самостоятельная сфера деятельности, которая относится к ведению государства в целях формирования и обеспечения сохранности Национального архивного фонда Республики Беларусь (далее — НАФ). Требования к ней закреплены в нормативных правовых актах Республики Беларусь и являются обязательными для выполнения в государственных органах и организациях Республики Беларусь независимо от формы собственности и организационно-правовой формы.

Таким образом, разработка методики интеграции системы управления документами, соответствующей МС ISO, в общую модель управления организацией имеет важное значение для сохранения единых принципов организации архивного дела и делопроизводства, хранения, комплектования, учета и использования документов НАФ Республики Беларусь, закрепленных в законодательстве Республики Беларусь.

Исходя из указанных положений, можно говорить о том, что МС ISO в области управления документами в ближайшее время будут оказывать прямое влияние на национальные принципы и методы организации работы с документами. Для их грамотного применения необходимо определить оптимальные варианты гармонизации МС ISO в области управления документами и национального законодательства Республики Беларусь в рассматриваемой сфере.

Техническими нормативными правовыми актами Республики Беларусь (далее — ТНПА) для определения взаимосвязи государственных стан-

дартов с соответствующими МС (международными документами) установлены три степени соответствия: идентичная, модифицированная, неэквивалентная [24, п. 6].

Степень соответствия государственного стандарта соответствующему МС (международному документу) определяется необходимостью:

внесения технических отклонений;

изменения структуры;

идентификации технических отклонений и изменений в государственном стандарте.

Государственный стандарт является идентичным международному (международному документу) при следующих условиях [24, п. 6.1]:

государственный стандарт идентичен по техническому содержанию, структуре и изложению;

государственный стандарт идентичен по техническому содержанию, однако в него могут быть внесены редакционные изменения.

Для идентичных государственных стандартов соблюдается «принцип от обратного»: соответствие требованиям государственного стандарта также означает соответствие требованиям МС (международного документа) [24, п. 6.2.2].

Государственный стандарт является модифицированным по отношению к МС (международному документу) при следующих условиях [24, п. 6.3]:

содержит технические отклонения, которые идентифицированы и разъяснены;

отражает структуру МС (международного документа), изменения которой допускаются при возможности простого сопоставления структуры обоих стандартов и которые идентифицированы и разъяснены.

Модифицированный государственный стандарт по отношению к МС (международному документу) может [24, п. 6.3.2]:

содержать больше: расширять область применения МС (международного документа), устанавливать более жесткие требования, дополнительные требования, например, дополнительные испытания;

содержать меньше: устанавливать часть требований из МС (международного документа), устанавливать менее жесткие требования, исключать отдельные требования;

изменять часть МС (международного документа): структура государственного стандарта идентична, однако имеются отдельные различия в технических требованиях, изменять отдельные требования;

обеспечивать альтернативный выбор: представлять возможность применения альтернативных требований по отношению к МС (международному документу) путем дополнения требований.

Принятие нескольких взаимосвязанных между собой МС (международных документов) в качестве одного государственного стандарта является

ся модификацией независимо от наличия в государственном стандарте отклонений. Для модифицированных стандартов «принцип от обратного» не соблюдается [24, п. 6.3.4].

Государственный стандарт является неэквивалентным по отношению к МС (международному документу) при следующих условиях [24, п. 6.4]:

содержит технические отклонения, которые не идентифицированы и по которым не разъяснены причины их внесения;

имеет изменения в структуре, которые не обеспечивают простое сопоставление с МС (международным документом), не идентифицированы и не разъяснены;

содержит незначительную часть требований (по количеству и/или значимости) МС (международного документа).

МС (международный документ) считается принятым в качестве государственного стандарта, если государственный стандарт является идентичным или модифицированным по отношению к МС (международному документу). При этом предпочтительным является принятие государственного стандарта, идентичного МС (международному документу) [24, п. 6.1.2].

МС (международные документы) могут приниматься в качестве модифицированных государственных стандартов, если требования, установленные в МС (международном документе), не обеспечивают безопасность продукции, процессов ее разработки, производства, эксплуатации (использования), хранения, перевозки, реализации и утилизации или оказания услуг, охрану окружающей среды, единство измерений или имеются существенные различия климатического, географического характера и/или фундаментальные технологические проблемы. МС (международный документ) может применяться также в качестве основы для разработки неэквивалентного по отношению к нему государственного стандарта. Однако в этом случае он не считается принятым в качестве государственного стандарта [24, п. 6.1.2].

Принятие МС (международного документа) может осуществляться методами подтверждения, переиздания.

При методе подтверждения МС (международному документу) придается статус государственного стандарта путем опубликования организационно-распорядительного документа Госстандарта (постановление, приказ) в информационном указателе ТНПА. Текст МС (международного документа) не прилагается. Данный метод применяется для государственных стандартов с идентичной степенью соответствия при наличии официальной версии МС (международного документа) на русском языке^{*} и отсутствии необхо-

^{*} Официальным переводом МС (международного документа) на русский язык в Республике Беларусь является перевод МС (международного документа), выполненный организациями в установленном Госстандартом порядке и заверенный уполномоченными Госстандартом организациями [24, п. 5.9].

димости внесения в МС (международный документ) редакционных изменений. Подтверждение является простым методом принятия. При нем не требуется перепечатка текста МС (международного документа). Однако подтверждение не может быть использовано без МС (международного документа), поэтому он должен быть доступен для пользователя.

Метод переиздания МС (международного документа) в государственный стандарт может быть выполнен путем перепечатки, перевода или составления новой редакции.

Таким образом, в законодательстве Республики Беларусь предусмотрены различные варианты для гармонизации МС ISO и национального законодательства. В то же время необходимо помнить о том, что в нашей стране деятельность по документированию и организации работы с документами регулируется на государственном уровне. Поэтому МС в рассматриваемой сфере допускается применять только в том случае, если их требования не противоречат законодательству Республики Беларусь. [7, ст. 21].

Для раскрытия и понимания вопроса о соответствии МС ISO в области управления документами и национального законодательства Беларуси в области делопроизводства (ДОУ) имеет значение, прежде всего, сопоставление ключевых категориальных понятий в рассматриваемой сфере на международном и национальном уровнях — «управление документами» и «делопроизводство», «документационное обеспечение управления».

Анализ научных исследований, затрагивающих проблему соотношения указанных терминов, позволяет выделить несколько точек зрения по данному вопросу:

1. «Управление документами» является более высокой стадией развития таких понятий, как «делопроизводство» и «документационное обеспечение управления». Так, фундаментальное исследование этого вопроса проведено М. В. Лариным. В его работе «Управление документацией в организациях» делопроизводство определяется как «техническая функция управления»; «документационное обеспечение управления» — как «обеспечивающая» [27, с. 156], в то время как «управлению документацией в организации отводится роль основной функции менеджмента» [27, с. 24]. Данной точки зрения придерживаются и другие исследователи в рассматриваемой сфере [28—30].

2. Между понятиями «управление документами» и «документационное обеспечение управления» нет существенных различий. К такому выводу пришла В. Ф. Янковая, анализируя определение «делопроизводства» («документационного обеспечения управления»), закрепленное в государственном стандарте Российской Федерации (далее — ГОСТ Р) ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», и определение «управления документами», закрепленное в ГОСТ Р ISO 15489-1-2007 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управле-

ние документами. Общие требования». И в том и в другом случае эти термины обозначают сферу профессиональной деятельности, обеспечивающую организацию работы с документами (управление документами) в течение их жизненного цикла (создание, использование, хранение и уничтожение документов) [31, с. 21]. В публикациях, касающихся рассматриваемой сферы, понятия «документационное обеспечение управления» и «управление документами» зачастую применяются в качестве синонимов [32; 33].

3. Следует отдельно отметить точку зрения А. Н. Соковой, которая показывая в своих работах, как изменялось содержательное наполнение делопроизводства с течением времени, отражая переход от «делопроизводства» к «управлению документами» [34], предлагала еще в 70-е гг. заменить понятия «делопроизводство», «делопроизводственное обслуживание» и т. п. понятиями «управление документацией», «документационное обслуживание» [35, с. 24—35].

Исторически термин «управление документацией» зародился в Соединенных Штатах Америки. Американские авторы Ф. Хортон и К. Леннон указывают, что понимание важности управления документацией возникло в США после Второй мировой войны, когда «страна погрязла в бумажной работе» и «возникла необходимость привести всю документацию в порядок». Значительную роль в решении проблемы управления документацией сыграла Комиссия Гувера, перед которой стояла задача найти способы сокращения трудозатрат на работу с документами в государственных учреждениях. Важной нормативной базой для управления документацией явились Закон о документах 1950 г. и Закон о национальном архиве 1984 г., Закон о сокращении работы с документами 1980 г. и его новая редакция 1989 г. [27].

Хортон и Леннон определяют управление документацией как функцию менеджмента, которая распространяется на жизненный цикл документов, включая их создание, «прохождение по службе», временное хранение, передачу на постоянное хранение и уничтожение. Они считают, что управление документацией является составной частью управления информационными ресурсами организации и заслуживает того, чтобы называться одной из основных функций управления в организациях [27].

Аналогичное понимание «управления документами» закреплено и на международном уровне. В соответствии с МС ISO 15489-1:2001 «управление документами» — область управления, отвечающая за эффективный и систематический контроль за созданием, получением, обеспечением сохранности, использованием и проведением экспертизы ценности документов, включающая процессы получения и сохранения свидетельств и информации о деловой деятельности и операциях в форме документов [1, п. 3.16].

Проанализировав указанное определение, можно говорить о том, что при определении понятия «управление документами» на международном уровне, имеют значение следующие признаки:

роль и место организации работы с документами в сфере управления (управление документами — область управления);

жизненный цикл документов (управление всеми видами работ с документами от их создания до проведения экспертизы ценности с целью их передачи на дальнейшее хранение или уничтожение);

цель управления документами (получение и сохранение свидетельств и информации о деловой деятельности и операциях).

Рассмотрим, насколько важны вышеуказанные признаки понятия «управление документами» в определении понятия «делопроизводство».

В действующем еще с советского периода государственном стандарте на терминологию в области документации термин «делопроизводство» закреплен как деятельность, охватывающая документирование и организацию работы с документами [36].

Термины «делопроизводство» и «документационное обеспечение управления» в нормативных и методических документах Республики Беларусь в области делопроизводства и архивного дела в настоящий момент существуют параллельно. При проведении БелНИИДАД в 2006 г. НИР по теме «Терминологическая разработка базовых понятий по документоведению» [37], в «Перечне терминов и определений по документоведению», который явился результатом ее выполнения, термины «делопроизводство» и «документационное обеспечение управления» закреплены в качестве синонимов. Проанализировав определение понятия «делопроизводство» («документационное обеспечение управления») и сравнив его с понятием «управление документами», можно сделать следующие выводы:

1. Определение понятия «делопроизводство» не концентрирует внимание на роли документирования и организации работы с документами в управлении.

2. Оба понятия — «управление документами» и «делопроизводство» — подразумевают необходимость в документировании (создании) и организации работы с документами (получение, обеспечение сохранности, использование и проведение экспертизы ценности документов).

3. Определение понятия «делопроизводство» не содержит цели осуществления этой деятельности, что, в свою очередь, связано с множеством функций, которые может выполнять документ в процессе управленческой деятельности.

Если рассмотреть, какие работы включает в себя понятие «управление документами», то можно сделать вывод о том, что они по содержанию соответствуют используемому на национальном уровне понятию «делопроизводство» («документационное обеспечение управления»).

В настоящее время принципы и методы управления, направленные на качественное осуществление организацией своей деятельности, закреплены на международном уровне в МС ISO серии 9000. Эти документы определяют

принцип системного подхода к управлению одним из основных принципов при организации деятельности предприятия. «Система» согласно МС ISO серии 9000 — совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов [16, п. 3.2.1]. МС ISO 15489-1:2001, ссылаясь на МС ISO серии 9000, также использует заложенные в стандартах принципы и методы управления. Он закрепляет методологию создания и внедрения системы управления документами. Она понимается в МС ISO 15489-1:2001 как информационная система, которая захватывает (capture), управляет и обеспечивает доступ к документам в течение времени [1, п. 3.17]. При этом информационная система согласно стандарту на терминологию в области информации и документации МС ISO 5127 «Информация и документация — Словарь» — коммуникативная система*, облегчающая коммуникации и обработку информации [38, п. 1.1.3.12]. Следует отметить, что осознание важности системного упорядочения документации в СССР стала ясной уже в 1960-х гг, когда возникает задача разработки Единой государственной системы делопроизводства (далее — ЕГСД) как комплекса требований ко всем документальным системам [29; 30; 34; 35]. В нач. 70-х гг. появились первые работы, в которых предлагалось уйти от термина «делопроизводство» и перейти к «документационному обеспечению управления» как деятельности со всем информационным массивом любой организации [29, 34]. Следует отметить, что в определении понятия «делопроизводство», приведенном в ЕГСД, отражается роль делопроизводства в процессе осуществления управленческих функций. Так, в ЕГСД делопроизводство определено как деятельность аппарата управления, охватывающая вопросы документирования и организации работы с документами в процессе осуществления управленческих функций [29; 30; 34].

Учитывая, что национальное законодательство Республики Беларусь в области делопроизводства сохраняет, с учетом потребностей времени, преемственность традиций и правил, закрепленных в ЕГСД, можно говорить о том, что необходимость системного подхода к упорядочению документации, представленная в МС ISO в области управления документами, закреплена и в нормативных, и методических документах Республики Беларусь в области делопроизводства и архивного дела.

Кроме системного подхода к управлению, МС ISO серии 9000 закрепляют «процессный подход», который применим к любой системе менеджмента независимо от типа или величины организации [39, с. 77]. «Процесс» в стандартах определяется как совокупность взаимосвязанных или взаимодействующих видов деятельности, преобразующих входы в выходы [16, п. 3.4.1]. МС ISO серии 9000 рассматривают организацию как совокупность процес-

* Коммуникативная система — система управления коммуникативными процессами [38, п. 1.1.3.07]; коммуникация — передача значений путем передачи сигналов [38, п. 1.1.3.01].

сов, одним из которых является процесс «управления документами». В свою очередь «процесс», согласно принципам процессного подхода, может состоять из сети взаимодействующих процессов, которыми управляют как системой. Последовательность работы этой сети и рассматривают как «системный подход» к менеджменту. В МС ISO 15489-1:2001 содержится перечень таких процессов, а именно, к «процессам управления документами» стандарт относит следующие:

- экспертиза письменной информации, подлежащей включению в документную систему;
- определение сроков хранения документов;
- включение документов в систему;
- регистрация;
- классификация;
- хранение и обращение с документами;
- доступ;
- контроль;
- отбор и передача документов на последующее хранение или уничтожение;
- документирование процессов управления документами.

Если рассмотреть положения Инструкции по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь (далее — Инструкция по делопроизводству) [40], то можно сделать вывод о том, что в ней, аналогично МС ISO 15489-1:2001, также содержатся требования, говоря языком МС, к «процессам управления документами», касающиеся классификации документов, их индексации и регистрации, обеспечения сохранности, определения доступа, контроля движения и исполнения документов, их отбора на дальнейшее хранение или уничтожение.

Проанализировав понятия «управление документами» и «делопроизводство» («документационное обеспечение управления»), можно сделать следующие выводы:

1. Различие терминов «делопроизводство», «документационное обеспечение управления» и «управление документами» обусловлено исторически, и, как показывают многочисленные исследования данного вопроса, отражают эволюцию делопроизводства как вида деятельности.

2. Изменение характера работ по организации работы с документами ведет к необходимости их управления с учетом применения новых подходов в менеджменте. Главным становится не просто организация деятельности по документированию и работе с документами, но и постоянное управление ею с определенными целями, соответствующими целям иных информационных систем организации и позволяющим в итоге предприятию достигать поставленных задач.

3. Содержательное наполнение понятий «управление документами» и «делопроизводство» («документационное обеспечение управления») совпадают на международном и национальном уровнях.

Исходя из указанных положений, целесообразным представляется закрепить на государственном уровне в качестве синонимов понятия «делопроизводство», «документационное обеспечение управления», «управление документацией». Закрепление указанных терминов в качестве синонимов объяснимо, так как они определяют одно понятие — деятельность по документированию и организации работы с документами. Введение нового термина позволит гармонизировать национальную и международную терминологические системы.

О том, что при внедрении МС ISO в области управления документами должно соблюдаться национальное законодательство в рассматриваемой сфере, говорится и в самих МС ISO в области управления документами. Так, МС ISO 15489-1:2001 указывает на то, что организации при проведении работ по управлению документами должны опираться на так называемую «регулирующую среду» [1, п. 5]:

законы и нормативные акты, регулирующие сферу деловой деятельности в целом и в специфических отраслях, в том числе законы и нормативные акты, относящиеся непосредственно к документам, архивам, доступу, конфиденциальности, доказательству, электронной коммерции, защите данных, информации;

стандарты относящиеся к практической деятельности;

правила рекомендательного характера, отражающие передовой опыт; добровольно применяемые кодексы поведения и этики;

идентифицируемые общественные ожидания, касающиеся приемлемого поведения в специфической отрасли или организации [1, п. 5].

Имплементация указанного положения МС ISO предполагает выполнение норм, закрепленных в национальном законодательстве в области документирования и организации работы с документами.

Проанализировав МС ISO в области управления документами, условно можно выделить три «типа» международных норм при их сравнении с национальным законодательством в области делопроизводства и архивного дела:

1. *Нормы МС ISO, содержащие положения, которые также закреплены и детализированы на национальном уровне.* Главным образом они закреплены в Инструкции по делопроизводству и касаются классификации документов, их индексации и регистрации, обеспечения сохранности, определения доступа, контроля движения и исполнения документов, их отбора на дальнейшее хранение или уничтожение. Если применять международную терминологию, то Инструкция по делопроизводству и МС ISO 15489-1:2001 «пересекаются» при описании изложенных выше «процессов управления документами». Нельзя сказать, что международные требования к указанным процессам

противоречат национальным, так как МС ISO 15489-1:2001 не содержит детализированных норм к тем или иным процессам, давая возможность организациям учитывать требования «регулирующей среды».

Кроме того, иные элементы системы управления документами — вопросы распределения ответственности, обучения, внутренних и внешних проверок, описанные в МС ISO в области управления документами, представлены и в национальном законодательстве в области делопроизводства и архивного дела.

2. Нормы МС ISO, содержащие положения, которые присутствуют только в теоретических разработках в области делопроизводства и архивного дела в Республике Беларусь.

МС ISO 15489-1:2001 для внедрения системы управления документами, соответствующей МС ISO, предлагает организациям использовать методологию, которая известна под названием — проектирование и внедрение документной системы — DIRS (Design and Implementation of a Records System — DIRS). Ее можно применять для создания новой информационной системы либо для улучшения уже существующей. Подробное описание методологии содержится в Техническом отчете ISO/TO 15489-2:2001 «Информация и документация — Управление документами — Часть 2: Руководство» [2]. Методология, представленная в МС ISO, схожа с этапами работ по оргпроектированию, которая активно применялась в целях совершенствования процесса ДООУ во второй половине XX века. Поэтому справедливым является утверждение, что внедрение системы управления документами, основанной на нормах МС, является своего рода оргпроектированием в современных условиях, с четкой ориентацией на процессы, широким набором методов и средств моделирования, проектирования и оптимизации процессов организации, а значит и процессов ДООУ. В свою очередь, вопросы оргпроектирования в Республике Беларусь на данном этапе не имеют нормативного закрепления, что препятствует интегрированию системы документирования и организации работы с документами и иных систем управления деловой деятельностью.

Кроме этого, в МС ISO ясно прослеживается взаимосвязь делопроизводства и процессов управления. Они закрепляют необходимость анализа «рабочих процессов» с позиций управления документами и предлагают для этого соответствующие подходы. В 2008 г. ISO был разработан ISO/TO 26122:2008, который содержит положения по практическому применению теоретических аспектов управления документами, изложенными в МС ISO 15489-1:2001. «Рабочий процесс» согласно ISO/TO 26122:2008 представляет собой одну или более последовательностей деловых операций*, необходимых для получения результата, который соответствует руководящим правилам.

* Деловая операция — наименьшая составляющая рабочего процесса, состоящая из обмена между двумя и более участниками или системами [6].

В соответствии с ISO/TO 26122:2008 анализ рабочих процессов в отношении документов необходимо предпринимать для того, чтобы:

обеспечить четкую формулировку требований, предъявляемых к созданию документов, в том числе и в электронном виде, а также к управлению ими по мере осуществления деятельности;

определить взаимосвязь деловой деятельности с документами, в контексте которой они создаются, тем самым обеспечивая их логическую систематизацию и группировку, что необходимо для прозрачности документирования рабочих процессов, надлежащей сохранности и доступа к документам, являющимся источником знаний о деловой деятельности.

Анализ рабочих процессов согласно ISO/TO 26122:2008 включает:

взаимосвязь между рабочими процессами и деловым контекстом;

взаимосвязь между рабочими процессами и правилами, которые необходимо соблюдать при их осуществлении (закреплены в соответствующей «регулирующей среде»);

иерархическое деление рабочих процессов на составляющие их части; последовательная взаимосвязь между отдельными рабочими процессами и всей деловой операцией.

Для анализа рабочих процессов в целях эффективной организации работы с документами применяется два подхода:

функциональный анализ. При его осуществлении происходит формирование всех процессов вместе, предпринимается для достижения специфической, стратегической цели организации, которая отражает взаимосвязи между функциями, процессами и деловыми операциями, которые имеют влияние на управление документами;

последовательный* анализ. Он отображает деловой процесс в линейной и/или хронологической последовательности, которая открывает взаимосвязи между составляющими его частями деловых операций.

Прежде чем выбрать какой-либо из этих подходов или их сочетание необходимо определить цель проекта по управлению документами, его охват и уровень, а также организационные вопросы его выполнения.

Взаимосвязи делопроизводства и управления посвящено большое количество научных публикаций и в нашей стране. Среди них можно отметить работы А. Е. Рыбакова, Э. Н. Давыдовой [41], Н. В. Кондаковой [42]. Этот вопрос неоднократно являлся предметом обсуждения на международных конференциях и семинарах. Частично, в контексте решения вопросов оптимизации документооборота эти вопросы затронуты в Рекомендациях по совершенствованию и сокращению документооборота в учреждениях,

* Последовательность — серии деловых операций, связанных требованием того, что выполнение последующей деловой операции связано с выполнением предыдущей [6].

организациях и на предприятиях Республики Беларусь [43]. Однако отдельных методических разработок, подлежащих практическому применению и посвященных анализу деловых процессов с позиций управления документами, у нас в республике не разработано.

3. Нормы МС ISO, которые содержат положения, не имеющие аналогов на национальном уровне, как в нормативных и методических документах в области делопроизводства и архивного дела, так и не разработаны теоретически в научных исследованиях.

На национальном уровне не разработаны и нормативно не закреплены вопросы, касающиеся:

- установления преимуществ создания системы управления документами;
- указания характеристик документа;
- разработки политики и программы управления документами;
- разработки методологии оценки эффективности деятельности по управлению документами;
- проведения оценки рисков, связанных с отсутствием документов, отражающих деятельность организации;
- мониторинга и аудита системы управления документами [1].

Учитывая вышеизложенные положения, можно предположить следующие возможные результаты применения МС ISO в области управления документами в Республике Беларусь:

1. Идентичное принятие может иметь следующие последствия при внедрении МС ISO в организациях Республики Беларусь:

на практике выполняться будут лишь нормы, детализированные на национальном уровне в уже имеющихся отечественных нормативных и методических разработках. При применении иных норм МС ISO в области управления документами может возникнуть ситуация, которая существует в настоящее время в организациях при внедрении МС ISO серии 9000: организации могут начать «самостоятельно» детализировать общие положения ISO, не подобрав им соответствие в национальном законодательстве, что может привести к наличию двух переплетающихся систем управления документами;

появится возможность закрепить на национальном уровне в нормативных и методических документах вопросы оргпроектирования, анализа рабочих процессов с позиций управления документами, однако, используя при этом описанную в МС ISO методологию;

повлечет некоторые изменения в системе документирования и организации работы с документами, функционирующей в настоящее время на национальном уровне: представление системы организации работы с документами Республики Беларусь как части системы менеджмента качества, применение принципов процессного подхода к документированию деятельности организаций, переработка нормативных и методических документов Республики Беларусь в области делопроизводства и архивного дела с целью

введения терминов и обозначающих их понятий, соответствующих МС ISO в области управления документами;

даст толчок для проведения исследований в области управления документами на национальном уровне по вопросам, которые закреплены, но не детализированы в МС ISO.

2. Модифицированное принятие МС позволяет вносить изменения в структуру стандарта, а также определять технические отклонения при условии, что они должны быть идентифицированы и разъяснены. Концептуальные положения МС при их модифицированном принятии должны быть сохранены [24]. В виду этого, возможные результаты внедрения МС ISO в области управления документами при модифицированном принятии будут аналогичны результатам при их идентичном принятии. При модифицированном принятии возможно изложить принимаемые документы, используя закрепленную на национальном уровне профессиональную лексику, однако принципиальных расхождений с международными документами быть не должно.

3. Незэквивалентное принятие МС ISO в области управления документами будет иметь следующие возможные результаты:

позволит учесть как международные требования, так и использовать имеющийся научный задел в данной сфере при сохранении преемственности традиций и правил организации работы с документами, закрепленных в ЕГСД;

не потребует переработки нормативных и методических документов в рассматриваемой сфере, а даст возможность обобщить и закрепить в отдельном документе общие принципы и методы организации работы со всеми документами в организации;

внедрение норм стандартов в области управления документами, неэквивалентных по отношению к МС ISO, не будет означать соответствие системы управления документами организации международным требованиям.

Рассмотрев возможные результаты внедрения МС ISO в области управления документами при различных методах применения МС, можно сделать следующие выводы:

1. Идентичное и модифицированное принятие МС ISO в области управления документами позволит организациям заявлять о том, что их организация работы с документами напрямую соответствуют не только национальным, но и международным принципам и методам управления документами.

Однако для грамотного внедрения системы управления документами, соответствующей МС ISO, на национальном уровне должны быть разработаны методические рекомендации, поясняющие международные нормы применительно к уже существующим национальным, и порядок их применения в организациях. ISO создается четкая взаимосвязанная система международных документов, содержащих требования к системе управления документами от «общего к частному», которая предусматривает раскрытие принципов, за-

крепленных в основополагающем стандарте (МС ISO 15489-1:2001) в иных международных документах, что отражает необходимость комплексного принятия МС. Принимая только базовый МС, в национальном законодательстве уже должны присутствовать нормы его детализирующие, иначе на практике такая ситуация приведет к разработке каждой организацией «своих» правил, соответствующих международным принципам.

2. Базовые элементы системы управления документами, закрепленные в МС ISO (вопросы документирования организации работы с документами, распределения ответственности, обучения, документационные процессы, внутренние и внешние проверки), представлены и в отечественной теории документоведения и практике ДООУ. Можно говорить о том, что в настоящее время на национальном уровне действует система делопроизводства, сохраняющая традиции и правила ЕГСД. На нормативном уровне требования к ней закреплены в различных нормативных и методических документах Республики Беларусь в области делопроизводства и архивного дела. Однако отдельного документа, собирающего вместе все элементы такой системы и дающего представление об организации работы с документами как сферы, требующей управления всеми составляющими ее компонентами в качестве единой системы, в Республике Беларусь не разработано. Применение МС ISO в области управления документами, в частности принятие любым методом МС ISO 15489-12001 как основополагающего стандарта в области управления документами у нас в стране, приведет к установлению единых требований к управлению всем документальным массивом организации.

3. Принятие любым методом МС ISO в области управления документами потребует определения взаимосвязи и построения четкой иерархии уже разработанных и действующих нормативных и методических документов Республики Беларусь в области делопроизводства и архивного дела и принятых МС ISO в области управления документами.

Литература и источники

1. Information and documentation — Records management, Part 1: General: ISO 15489-1:2001. — First edition 15.09.2001. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2001. — 19 p.
2. Information and documentation — Records management, Part 2: Guidelines: ISO 15489-2:2001. — First edition 15.09.2001. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2001. — 39 p.
3. Information and documentation — Records management — Guidelines for standards drafters for stating records management requirements in standards: ISO 22310:2006. — First edition 15.09.2001. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2006. — 5 p.
4. Information and documentation — Records management processes — Metadata for records, Part 1: Principles: ISO 23081-1:2006. — First edition 15.01.2006. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2006. — 20 p.

5. Information and documentation — Records management processes — Metadata for records, Part 2: Conceptual and implementation issues: ISO 23081-2:2007. — First edition 01.06.2007 — Geneva: the International Organization for Standardization, 2006. — 34 p.
6. Information and documentation — Work process analysis for records: ISO/TR 26122:2008. — First edition 15.06.2008. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2008. — 15 p.
7. О техническом нормировании и стандартизации: Закон Респ. Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-3 в редакции Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2008 г. № 407-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2008.
8. Корешков, В. Н. Качество — главный фактор конкурентоспособности продукции и услуг // Республиканская конференция «Качество — 2006». Тезисы докладов. — 2006. — С. 5—14.
9. Корешков, В. Н. Качество продукции — основа обеспечения экспорта / В. Н. Корешков, Т. Н. Пашенко, Н. А. Прохорчик // Новости. Стандартизация и сертификация. — 2006. — № 2. С. 4—8.
10. Корешков, В. Н. В целях повышения благосостояния общества / В. Н. Корешков // Новости. Стандартизация и сертификация. — 2006. — № 5. — С. 5.
11. Николаева, И. В. Экономика и стандарты / И. В. Николаева // Новости. Стандартизация и сертификация. — 2006. — № 2. — С. 11.
12. Корешков, В. Н. Качество — основа успешной интеграции в мировую экономику / В. Н. Корешков // Новости. Стандартизация и сертификация. — 2008. — № 2. — С. 60—63.
13. Корешков, В. Н. Перспективы, задачи, решения / В. Н. Корешков // Стандартизация. — 2009. — № 1. — С. 4—7.
14. Корешков, В. Н. Стандартизация сегодня и завтра / В. Н. Корешков // Стандартизация. — 2009. — № 2. — С. 4—5.
15. Перечень технических нормативных правовых актов Республики Беларусь в области технического нормирования и стандартизации // Сайт Госстандарта [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: <http://www.tnpa.by/PerechenTnpaByKat.php> — Дата доступа: 20.04.2009.
16. Quality management systems — Fundamentals and vocabulary: ISO 9000-2005. — Third edition 15.09.2005. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2005. — 30 p.
17. Quality management systems — Requirements: ISO 9001-2008. — Fourth edition 15.11.2008. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2008. — 27 p.
18. Quality management systems — Guidelines for improvements: ISO 9004-2000 — Second edition 15.09.2000. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2000. — 27 p.
19. Система менеджмента качества. Основные положения и словарь: СТБ ISO 9000-2006. — Введ. 27.12.2005. — Минск: Госстандарт: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2005. — 28 с.
20. Система менеджмента качества. Требования: СТБ ISO 9001-2009. — Введ. 20.02.2009. — Минск: Госстандарт: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2009. — 32 с.

21. Система менеджмента качества. Руководство по совершенствованию: СТБ ISO 9004-2001. — Введ. 01.11.2001. — Минск: Госстандарт: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2001. — 34 с.
22. Управление документацией в соответствии с требованиями международных стандартов ISO: отчет о НИР (заключ.) / Науч.-исслед. ин-т документоведения и архивного дела; рук. темы Н. А. Капмоле. — Минск, 2009. — 210 с.
23. Использование графически оформляемых элементов в организационно-распорядительной документации: отчет о НИР (заключ.) / Науч.-исслед. ин-т документоведения и архивного дела; рук. темы Н. А. Капмоле. — Минск, 2009. — 165 с.
24. Система технического нормирования и стандартизации Республики Беларусь. Правила принятия международных, региональных и национальных стандартов других государств в качестве государственных стандартов: ТКП 1.9-2007. — Введ. 14.03.2007. — Минск: Госстандарт: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2007. — 52 с.
25. Новости // Сайт журнала «Стандарты и качество» [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: http://www.stq.ru/news/nbr.php?ELEMENT_ID=30664 — Дата доступа: 20.07.2009.
26. ISO Standards development// International Organization for Standardization [Electronic resource]. — 2009. — Mode of access: http://www.iso.org/iso/standards_development/technical_committees/list_of_iso_technical_committees/iso_technical_committee.htm?commid=48750 — Date of access: 20.07.2008.
27. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях / М. В. Ларин; Научная книга. — М., 2002. — 288 с.
28. Рысков, О. И. Исследование нормативно-методического обеспечения и практики применения электронных документов в деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации (1993 — 2004 гг.): дис. ... канд. ист. наук. 05.25.02 / О. И. Рысков. — М., 2003. — 206 л.
29. Ларин, М. В. Электронные документы в управлении: науч.-метод. пособие / М. В. Ларин, О. И. Рысков; ВНИИДАД. — М., 2008. — 207 с.
30. Государство и эволюция систем документации / Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и архивного дела; рук. темы М. В. Ларин, отв. исп. В. Д. Банасюкевич, А. Н. Сокова. — М., 1996. — 22 с.
31. Янковая, В. Ф. Управление документами: содержание деятельности / В. Ф. Янковая // Справочник секретаря и офис-менеджера. — 2009. — №1. С. 20—24.
32. Назаров, А. Н. О соответствии положений ГОСТ Р ИСО 15489-1 требованиям отечественных нормативно-методических документов в области документационного обеспечения управления / А. Н. Назаров // Справочник секретаря и офис-менеджера. — 2008. — № 11. — С. 8—11; Назаров, А. Н. О соответствии положений ГОСТ Р ИСО 15489-1 требованиям отечественных нормативно-методических документов в области документационного обеспечения управления / А. Н. Назаров // Справочник секретаря и офис-менеджера. — 2008. — № 12. — С. 8—14.
33. Кузнецов, С. Л. Новый стандарт в области ДОУ / С. Л. Кузнецов // Делопроизводство. — 2008. — № 3. — С. 35—39.
34. Сокова, А. Н. Развитие советского документоведения в условиях научно-технической революции (1960—1980 гг.) автореф. Дис. ... докт. ист. наук. 05.25.02 / А. Н. Сокова. — М., 1986. — 48 л.

35. Сокова, А. Н. Организационно-распорядительная документация в системе управленческой документации. Некоторые вопросы документной систематики / А. Н. Сокова // Внедрение унифицированной системы организационно-распорядительной документации (УСОРД) в условиях АСУ и традиционных методов управления. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзного совещания. (Москва, 20—22 октября 1976 г.). — М., 1977. С. 24—35.
36. Делопроизводство и архивное дело, термины и определения: ГОСТ 16487-83 — Введ. 1985.01.01. — Москва: Главархив СССР, 1998. — 12 с.
37. Терминологическая разработка базовых понятий по документоведению: отчет о НИР (заключ.) / Науч.-исслед. ин-т документоведения и архивного дела; рук. темы Н. А. Капмоле. — Минск, 2006. — 15 с.
38. Information and Documentation — Vocabulary: ISO 5127:2001 — First edition 15.10.2001. — Geneva: the International Organization for Standardization, 2001. — 152 p.
39. Руководство по концепции и применению процессного подхода к системам менеджмента: Document ISO/TC 176/SC 2/N 544 R3 // Менеджмент качества. Методические материалы по стандартам ISO серии 9000 версии 2008 года. — Минск, 2009. С. 77—85.
40. Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 января 2009 г. № 4 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2009. № 42. 8/20434.
41. Давыдова, Э. Н. Делопроизводство: учебно-практич. руководство / Э. Н. Давыдова, А. Е. Рыбаков. — ТетраСистемс. — Минск, 1999. — 288 с.
42. Кондакова, Н. В. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта применения табеля форм документов для оптимизации документооборота / Н. В. Кондакова — Архивы и делопроизводство. — 2008. — № 5. — С. 58—65.
43. Рекомендации по совершенствованию и сокращению документооборота в учреждениях, организациях и на предприятиях Республики Беларусь, органах государственного управления / В. И. Адамушко [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2004. — 32 с.

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

ПОЛАЦКАЯ КАМПАНІЯ 1579 г. ВАЧЫМА СУЧАСНІКАЎ

430 гадоў таму адбылося вызваленне Полацка войскамі Стэфана Баторыя ў ходзе Лівонскай вайны. Спробы даць ацэнку таму, што адбылося, пачаліся амаль адразу пасля заканчэння ваенных падзей. Імкненне процілеглых бакоў праз рознага кшталту творы вызначыць свае погляды на прычыны вайны і яе вынікі ператваралася ў сапраўдную «ідэалагічную вайну ў віртуальнай прасторы». Можна, гучыць гэта вельмі сучасна, аднак як часта ў мінулым рэальныя войны («агнём і мячом») суправаджаліся барацьбой словам у друкаваных выданнях!

Станаўленне гэтага механізма можна выразна бачыць у эпоху Рэнесансу: з аднаго боку, дзякуючы вынаходніцтву І. Гутэнберга, з другога — у выніку выразнага ўзмацнення ў Заходняй Еўропе такога важнага элемента сацыяльна-палітычнай сістэмы, як грамадская думка. Знешняя палітыка многіх краін пачынае ўключаць ужо не толькі дыпламатычныя захавы, але і розныя спосабы ўплыву на грамадскую свядомасць іншых народаў, каб сярод іх знайсці адабрэненне і маральную падтрымку свайго палітычнага курсу. Падчас ваенных дзеянняў і пануючыя колы, і шырокая грамадскасць бываюць вельмі зацікаўлены ў стварэнні станоўчага вобраза сваёй краіны, яе справядлівай барацьбы. Калі творы ў патрэбным ідэалагічным кірунку з'яўляюцца сярод «сваіх», то кожнаму будзе зразумела, што яны маюць (проста павінны мець!) «свой інтарэс». А вось калі аўтарам з'яўляецца іншаземец — гэта іншая справа, тут можна казаць пра «трэці» (г. зн. незацікаўлены) бок.

Твор Пауля Одэрборна, прысвечаны гісторыі праўлення маскоўскага гаспадара Івана Васільевіча Грознага, у большай сваёй частцы таксама распаўядае пра падзеі Лівонскай вайны. У той час як справы ў Маскоўскай дзяржаве Одэрборн апісвае на падставе разнастайных звестак (у тым ліку чутак і плётак), сабраных у размовах з дыпламатамі, падарожнікамі альбо палоннымі, то асада Полацка арміяй Стэфана Баторыя малявалася ім па ўласным назіранням. Бо падчас полацкай кампаніі 1579 г. ён выконваў абавязкі капелана ў аддзеле прускай наёмнай пяхоты. Сярод тых, каго называе ў сваім творы Одэрборн, былі яго знаёмыя (напр., Ян Глябовіч, Мікалай Гальваш), праз якіх ён, відавочна, атрымліваў разнастайную інфармацыю, у тым ліку і пра ход ваенных падзей.

Постаць Пауля Одэрборна як аўтара займае нейкае пасярэдняе становішча паміж «сваімі» і «іншымі» («трэці бок»). Нямецкі лютэранскі пастар Пауль Одэрборн нарадзіўся ў мястэчку Барт у Заходняй Памераніі каля 1555 г. Адукацыю атрымаў у Ростакі, дзе завязалася яго першыя сувязі з некаторымі дзяржаўнымі і рэлігійнымі дзеячамі (напр., з Давідам Хітрусам). Пасля універсітэта займаў розныя пасады ў лютэранскай царкве ВКЛ, Інфлянтаў і

Курляндыі. У той час ён набыў вядомасць і як пісьменнік. Памёр у 1604 г. у галоўным горадзе Курляндскага герцагства Мігаве (сучасная Елгава)*.

Одэрборн, безумоўна, не быў абыякавы да лёсу Рэчы Паспалітай. Гэта вынікае хаця б з яго ўцягнутасці ў разнастайныя падзеі (ваенныя, палітычныя, рэлігійныя), якія тут адбываліся. Гэта таксама становіцца відавочным і на падставе яго твораў (напр., пры апісанні ваеннай кампаніі Стэфана Баторыя ён часта выкарыстоўвае займеннік «нашы» ў дачыненні да каралеўскіх войскаў). З іншага боку, у яго апавяданні часам назіраецца некаторае аддаленне ад свайго польска-літоўска-беларускага асяроддзя. Хутчэй за ўсё прычынай з'яўлялася прыналежнасць пісьменніка да адной з этнаканфесійных меншасцей Рэчы Паспалітай. Аднак такім чынам магла таксама праявіцца свядомая накіраванасць на замежнага чытача.

Творчая спадчына Одэрборна ўключае розныя панегірычныя вершы, зборы казанняў і рэлігійных гімнаў. Але найбольшую славу яму прынеслі яго этнаграфічныя і гістарычныя творы «Праўдзівы і грунтоўны аповед пра веру русаў...» (*De russorum religione ... vera et luculenta narratio*) і «Жыццярчыс Вялікага князя Маскоўскага Івана Васільевіча» (*Joannis Basilidis Magni Moskoviae Ducis vita...*). Першы твор уяўляе сабой ліст да знакамітага лютэранскага тэолага Давіда Хітруса. Эпісталаграфія з'яўляецца вельмі характэрным для рэнесансавай літаратуры жанрам. І даволі часта ў тую эпоху лісты пісаліся адразу з разлікам на далейшую публікацыю. «Праўдзівы і грунтоўны аповед пра веру русаў...» змяшчае цікавыя звесткі пра розныя абрады і побытовыя звычэй праваслаўнага беларускага насельніцтва ВКЛ**.

Другі твор — гэта даволі вядомае гісторыкам апавяданне пра жыццё і дзейнасць маскоўскага цара Івана Грознага, якога Одэрборн упарта называе вялікім князем, ігнаруючы новы тытул («*Цар усёя Русі*»), уведзены гэтым самаўладнікам. Да стварэння жыццярчыса падштурхнуў нямецкага пісьменніка кальвінскі дзеяч Станіслаў Нініньскі, які займаў службовыя пасады ў розных адміністрацыйных установах ВКЛ. Твор быў прысвечаны біскупу Гальберштацкаму Генрыху Юлію, набожнасць і справядлівасць якога аўтар супрацьпастаўляў дэспатызму маскоўскага ўладара. Такім чынам, ужо з першых старонак Одэрборн выразна падкрэслівае супрацьстаянне двух культурных абшараў, з чаго вынікае наступная думка: Рэч Паспалітая не

* Асноўныя біяграфічныя звесткі пра Одэрборна (з бібліяграфіяй) гл.: Narzyński J. Oderborn // Polski słownik biograficzny. Т. XXIII/3, zeszyt 98. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1978. S. 533—534. Гл. таксама: Бель А. Одэрборн // Энциклопедия гісторыі Беларусі. Т. 5. Мінск, 1999. С. 351—352; Сагановіч Г. Паўночная Беларусь у апісанні Пауля Одэрборна // Беларускі гістарычны агляд. — Т. 12, сш. 1—2 (22—23), снежань 2005. С. 162—166.

** Пераклад на беларускую мову зроблены Ж. Некрашэвіч-Кароткай. Гл.: Пауль Одэрборн. Праўдзівы і грунтоўны аповед пра веру русаў // Беларускі гістарычны агляд. — Т. 12, сш. 1—2 (22—23), снежань 2005. С. 167—189.

толькі вядзе справядлівую барацьбу за вяртанне сваіх зямель, але і выступае як перадавы рубеж заходняй цывілізацыі.

Гэты твор захоўваў сваю цікавасць на працягу XVI—XVII стст. Быў перавыдадзены ў зборніку «*Autogibus variis rerum Moscovitarum*» (Франкфурт, 1600). Двойчы жыццярэй перакладаўся на нямецкую мову: у XVI ст. Генрыхам Рэтэлем (Гёрліц, 1588 г.) і ў XVII ст. Хрысціянам Кюнам (Эрфурт, 1698 г.). Першы пераклад асабліва цікавы, таму што зроблены сучаснікам апісаных падзей, які часам уносіў у тэкст некаторыя ўдакладненні. Г. Рэтэль быў бургмістрам у сілезскім горадзе Сагаў і займаўся гісторыяпісаннем. Ён пераклаў на нямецкую мову не толькі твор Одэрборна, але яшчэ і апісанне Інфлянцкай вайны Гейдэнштэйна. Апроч таго, выдаў уласную гістарычную працу па ваеннай гісторыі Рэчы Паспалітай у другой палове XVI ст. Пры падрыхтоўцы публікацыі мы ўлічвалі і пераклад Г. Рэтэля і па магчымасці адлюстравалі яго ў перакладзе (гл. ніжэй).

«Жыццярэй Івана Васільевіча» выкарыстоўвалі розныя гісторыкі і пісьменнікі. У расійскай гістарыяграфіі хаця і звярталіся да твора Одэрборна (яшчэ пачынаючы з М. Карамзіна), але з-за «прапольскай» арыентацыі ставіліся вельмі насцярожана і ўжывалі звесткі з яго абмежавана. Апроч таго, у выніку недакладнасці некаторых паведамленняў, пабудаваных на чутках, сур'ёзныя даследчыкі наогул не ўспрымалі гэтую кнігу ў якасці крыніцы. Цікава, што пры апісанні полацкай кампаніі ў кнізе* дарэвалюцыйнага расійскага гісторыка В. В. Навадворскага ў многіх месцах адчуваецца блізкасць да тэксту Одэрборна**, і пры гэтым вучоны спасылаецца на іншыя (другасныя) крыніцы. Хаця працу нямецкага пісьменніка ён ведаў, што вынікае з заўваг, у якіх яна згадваецца. Відавочна, В. В. Навадворскі асцерагаўся, што спасылка на Одэрборна можа выглядаць непераканаўча.

Паказальна для свайго часу таксама лютая крытыка «Жыццярэй» ў І. І. Палосіна, што, відавочна, было звязана са спробай у сталінскія часы своеасаблівай «рэабілітацыі» Івана Грознага.

Аднак кніга Одэрборна заслугоўвае большай увагі. Зразумела, што розныя яе часткі маюць розную ступень каштоўнасці менавіта з пункту гледжання дакладнасці. Тым не менш гэты твор застаецца важным сведчаннем грамадскіх настрояў і грамадскай думкі таго часу і адлюстроўвае пэўную барацьбу ідэй, якая сама па сабе можа служыць прадметам асобнага даследавання.

Публікацыя фрагмента з кнігі П. Одэрборна падрыхтавана В. Б. Келер і І. А. Сынковай.

* Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). — СПб., 1904. Гл. таксама асобнае выданне фрагмента: Новодворский В. В. О взятии Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 году. — Полоцк, 1997.

** Дастаткова параўнаць з прыведзеным ніжэй фрагментам з кнігі Одэрборна.

**Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita,
a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta**

(фрагмент)

Interea autem in concilio regis decretum erat, ut Polocia primum oppugnaretur. Nam munitiones a tergo relinquere, nullis umquam bellis gestis fuerat observatum, et commeatu milite, auxilijs, receptu denique ipso ultro excludere inconsultissimum videbatur. Igitur anno supra millesimum quingentesimum septuagesimo nono, rex factis ab imploratione opis divinae principijs cum exercitu longe omnium ornatissimo initio veris Sviro ad oppugnandam Polociam profectus est. Quoniam vero communi omnium consilio consociatis viribus impotenti, barbaro bellum terra marique adpublicam salutem inferebatur, iccirco confluerant ad regem ex omnibus fere nationib. invicti, et illustres militiae Duces, qui expeditas, et omni bellico adparatu instructas equitum peditumque cohortes in id bellum trahebant, et erat alioqui in ipso regis nomine magna existimatio cum bellicae laudis, tum aequitatis atque iusticiae, cuius castra ex amulatione virtutis praecipui etiam gentis Polonicae magnates sequebantur. Nicolao Melecio, rebus in bello gestis, et amicitia regis insigni, copiarum omnium imperium delatum erat. Ille non tantum Podoliae robora in legionibus conscripserat, sed et aliarum nationum copias numero virtuteque maxime formidandas secum habebat Nicolaus autem Radivilo, Vilmensis Palatinus, quem mirifica virtus et bellicae laudis specimen, atque item ingens patriae amor ad ineundum bellum vehementissime incitabant, cum florentissimis Lithuanorum copijs venerabili senio et virium robore insignis advenerat. Nec illius filij Christophori alia quam patris mens fuit, qui et ipse natura strenuus et maxime bellicosus cum cataphractorum alis ornatissimis patrem sequutus est. Erat quoque iisdem in castris Ioan. Zamoscius praeclaro studio omnibusque sensibus et adfinitate arcissima cum Rege coniunctus. Est ille illustri quidem Poloniae loco natus, sed virtutis experimentis omni nobilitate clarior, quae tanta in illo adparet, ut animi magnitudine, Philosophia ipsa, prudentiaeque Gloria celeberrimum apud omnes bonos nomen habeat. Iam caeteros principes usu militiae vigoreque animi praestantes, quid attinet commemorare? Nam et Stephanus et Ianusius Zbarasij hic erant: Hic Firlej, Radivilones, Nicolaus Sapicha, Ioan. Hellebouccius, Ioannes Cisca, Philo Cmita, Bonarus, Sbaravij, Nicolaus, Talvoisius hic erant, qui omnes ea belli consiliae decoris et virtutis longe plenissima sequebantur, et in quibus tanta sapientiae et virium magnitudo erat, ut qui eos ignoraret, non ex Polonia tantum sed ex multis nationibus electos putaret. Baltazar autem Bathorraeus, Palatini Transylvanici filius pannonium, Christophorus Rosrazevius Germanicum peditatum oblati stipendio conductum sub signis habebant. Dux Borussorum et Marchio Brand. Georgius Fridericus lectissimorum militum manum in auxilium mittebat, quibus

* Тэкст прыводзіцца з захаваннем арыгінальнай арфаграфіі паводле выдання: Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita, a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta. — Witebergae: Excudebant haeredes Ioannis Cratonis, 1585.

praerant Conscicus a Prussia oriundus. Ernestus autem Vaierus erga Polonicam gentem studio ac operibus insignis, tamquam belli consiliarius accitus e Pomerania erat.

Sacratorum quoque hominum, qui et ipsi in bellicos sumptus ingentem auri vim expenderant, tanta multitudo, tantus hominum undique confluentium concursus erat, ut omnes communem patriam opibu et sanguine defensuri viderentur. Praemissi ab rege ad Polociam fuere N. Radivilo et Caspar Beccasus iterum claudendorum caussa. Hi cum propinquo ad arcem loco consedissent, caduceatores missere, qui omnia hostilia Moschis denunciarent, ni propere urbe et arce excederent. Illos armata Moschorum statio nequaquam admisit, nec populus ex regis adventu studium paullo alacrius ostendit. Rex deinde cum omni exercitu, et tormentis impedimentisque bellicis, in summa viarum iniquitate subsecutus, urbem obsidione cinxit. Sub idem tempus Basilides cum ingentibus copijs Plescoviae erat, quem adventu regis vehementissime conturbatum ferunt. Versuto siquidem ingenio, cum tantam potentiam uni additam conspiceret, belli impetum formidabat, et antiqui quoque ratis carmina eum Principem non obscuris indicijs exprimere videbantur, qui a Savo et Dravo toti Scythiae, Moschoviaeque praesertim et Basilidi summas clades esset allaturus. A copijs autem regijs quae praecesserant, arces tres Cosiana, Crasna, et Sithna per excursionem celeriter occupatae, et incendio deletae fuere. Parte alia Philo Cmita, Orsanaensis praefectus, in magni Ducis ditiones longius progressus, hostibusque viribus, animis, loco, atque fortuna abundae superior, non mediocrem omnino cladem Moschis attulit. Plurimis enim pagis incensis, Smolenscique suburbij ambustis, totam illam regionem longe lateque depopulatus est.

Quae quidem rei bene gerendae facultas Constantino etiam Ostrogiae duci armae induit, qui pari celeritate et vigilantia cum Micaële Viesnievecio et Janusio filio Borysthenem transgressus, inque hostilem terram turmis aliquot Tattarorum invec-tus, obuia quaeque pervastavit, et usque ad Starodubum, Radhostiam, et Podcepoviam populationibus prolatis, ingenti cum praeda domum reversus est. Rex ipse cognita hac suorum felicitate, undecima Augusti propinquo ad moenia loco castrametatus est, civitatemque tribus locis circumscedit, eademque die munitiones fossasque propius hostem agere iussit, et postridie civitatem non mediocriter fossis, et aggere et propugnaculis, et parietibus densissimis, et praesidio firmam, ea maxime de caussa, quod illo loco militem a propiore ad arcem accessu prohiberet, incendit, totamque paucis horis delevit. Mox longius munitionibus ad ipsas arcis portas promotis, omni conatu in eam expugnandam incubuit. Sed ostenderat vi sua praepotens Deus, in manu sua rerum gerendarum potestatem esse, et assiduas pluvias pluribus diebus ita immiserat, ut et operae militum maiorem in modum impedirentur, et oppugnandi ratio etiam atque etiam retardaretur: Constitit tamen militi regio in maximis etiam incommodis singularis animorum ad omnia obeunda tolerandaque ardor, sic ut in summa pluviarum iniquitate, altissimoque luto nihil praetermitterent eorum quae ad oppugnationem pertinere possent: Hostibus contra omnes nostrorum conatus acerrimis animis, et incredibili tormentorum vi, ita dies noctesque propugnantibus, tanta pervicacia, et flammis a regijs illatas extinguentibus, et vim omnem depellentibus, ut se tor-

mentorum telorumque ictibus certatim offerrent, et succumbentibus alijs alij confer-tim succederent, ostenderentque Moschos arcium defendendarum vi atque ardore coeteris omnibus gentibus antecellere. Respexit tandem regis exercitum benignissimus Deus, concessitque, ut quae prima illi paullo serenior dies vicesima nona Augusti illuxit, ea incendium a milite arce inferretur, summa cum contentione atque discrimine, cum se miles in fossas demittere, et Polottam flumen superare, denique arduum clivum cui impositum propugnaculum erat, subire et manibus materiam ignemque inter ifestissima creberrimaque hostium tela inferre cogeretur: quod incendium cum vehementius exarsisset, et munitionis anterioris aditum aliquem patefecisset, teneri militum aliorum ardor non potuit, quin per ipsam flammam irumperent, atque hostem ferirent, a quo tamen coepto, cum propugnatione hostili, tum maxime flammae vi reiectus est, parvo cum regiorum, neque amplius viginti septem desideratis, pluribus tamen vulneratis, hostium vero ad ducentorum interitu, dederat aliquam hostis eadem die deditionis significationem, quam non seriam fuisse animadversum fuit, cum se novis munitionibus, flammae altitudine nostris conspectum eripiente, circumdare deinceps cognitum esset. Nulla igitur cum intermissione oppugnationis vim omnem adhibendam, nullum hosti quiescendi, aut se firmius muniendi spacium concedendum rex iudicabat: posteroque die ignem in alias munitionis partes miles, in quo equites etiam errant, intulit, quo cum iterum aliquae muri pars deleta esset, et clivum, in quo propugnaculum antea igni absumptum erat, nostri tenuissent, ac deinde praesidarios circumire coepissent, atque sic tandem in potestate hostis esset: rex et sanguini Christiano parcendum, et operam dandam ratus, ut arce quam maxime integra cum tormentorum aliorumque belli instrumentorum adparatu potiretur, facta omnibus vitae gratia permisit, ut qui militare sub signis regijs vellent, fortunas suas omnes incolumes conservarent, quibus vero redeundi in Moschoviam animus esset, id rege permittente, ac omnem securitatem praestante facerent. In ipsam vero arcem cum regij aliquot consiliarij ingressi essent, passim magnum cadaverum insepultorum numerum repererunt, tum tormentorum ac pulveris tormentarij globorumque tantam vim deprehenderunt, quanta in arce aliqua Christiani orbis his rebus instructissima posset reperiri. Capti autem hic fuere Cyprianus Archipraesul Velicolucensis Graeci ritus, cum magno sacratorum et Flaminum numero, Palatini item Basilius Ivanovicus, Micolinscus Telatovius, Demetrius Micalovicus, Scerbatus Sbolinscus, Matthaeus Ivanovicus, Volinscus, Lucianus Treciacovius Racovius, hos omnes rex in custodia haberi iussit, quia sponte se dedere noluisset, et praeter illos ultra sex hominum millia in regis potestatem pervenere, qui omnes tum verissimis lachrymis eversae urbis et arcis calamitatem, Russiaeque totius amissum decus, et denique execrabilem principis sui insaniam deplorabant.

Пераклад

Жыццярэс Вялікага князя Маскоўскага Івана Васільевіча

(урывак)

Апавяданне пра полацкі паход 1579 г.*

... Між тым на каралёўскай нарадзе было прынята рашэнне спачатку асадзіць Полацк. Бо было відавочна, што вельмі неразумна пакідаць кропасць у сваім тыле, чаго нідзе падчас вядзення вайны не робіцца, таму што яна магла перашкаджаць харчоваму забеспячэнню, дастаўцы войскаў, дапаможных атрадаў, і нарэшце самому адступленню.

Такім чынам, у 1569 годзе кароль, звяртаючыся з малітвай да Боскай моцы, на пачатку вясны выйшаў са Свіры** ў паход у першых шэрагах выдатна забяспечанага войска ў кірунку Полацка, [які ён меў намер захапіць]***. Пасля ўсеагульнага абмеркавання ў гарачых спрэчках на сходзе, ён распачаў вайну на сушы і на моры, і паколькі яна вялася супраць варвара на карысць народа****, таму да караля сцякаліся амаль з усіх <хрысціянскіх>***** народаў пераможаных, славуцья <і дасведчаных> военачальнікі <і героі>. Яны прывялі на гэтую вайну боагатовыя атрады вершнікаў і пяхоты, забяспечаныя ўсім ваенным рыштункам. Аднак імя самога караля таксама было авезна вялікай славай за ваенныя подзвігі, за ўраўнаважанасць і справядлівасць, <і ў гэтай вайне ён зноў даказаў сваю мужнасць і доблесць>. Пад яго кіраўніцтвам служылі магнаты польскага паходжання, выключнай доблесці.

На Мікалая Мялецкага***** — сябра караля, вядомага сваімі баявымі заслугамі, было ўскладзена вярхоўнае камандаванне арміяй. Ён не толькі сабраў у сваю армію ўвесь цвет Падоллі, але і меў пры сабе шмат мужных і грозных жаўнераў з іншых народаў.

З велізарным войскам літваў прыбыў Мікалай Радзівіл*****, віленскі ваявода, які, ужо будучы ў паважаным узросце, вылучаўся росквітам сіл, і якога да ўдзелу ў гэтай вайне моцна падштурхоўвалі надзвычайная храбрасць, высокі прыклад вайскавай славы, а таксама вялікая любоў да айчы-

* У аснову пераклада намі быў пакладзены лацінскі арыгінал П. Одрборна, пры гэтым таксама ўлічваліся і нямецкі пераклад Г. Рэтэля. Значныя адрозненні паміж лацінскім і нямецкім тэкстамі падаюцца са спецыяльнымі адзнакамі (гл. заўв. *** і ***** на гэтай стар.).

** Горад на беразе возера Свір (зараз — у Мядзельскім раёне Мінскай вобласці), дзе праводзілася вышэйзгаданая нарада.

*** Дужкамі [...] пазначаецца частка тэксту, якая адсутнічае ў Рэтэля.

**** У Рэтэля — «хрысціянскага людю» замест «народа».

***** Знакамі <...> пазначаецца тэкст, які адсутнічае ў Одрборна і даданы Рэтэлем.

Мікалай Мялецкі (памёр у 1604 г.) — ваявода падольскі, гетман каронны.

Мікалай Радзівіл Руды (1512—1584) — дзяржаўны дзеяч ВКЛ, падчас Полацкай кампаніі ўзначальваў віленскае ваяводства і з'яўляўся канцлерам ВКЛ.

ны. У яго сына Хрыстафора*, жвавага і вельмі ваяўнічага па натуре, таксама ўсе думкі былі толькі пра радзіму. Ён ехаў за бацькам з некалькімі атрадамі адборных кірасіраў.

На вайскавай службе знаходзіўся таксама Ян Замойскі**, надзвычай адданы каралю і звязаны з ім блізкім сваяцтвам. Хаця ён паходзіць са знатнага польскага роду, але больш славыты ўласцівай яму выдатнай доблесцю, і, дзякуючы вялікай сіле розуму, у вачах усіх добрасумленных людзей уяўляе сабой увасабленне мудрасці і разважнасці.

Ці варта яшчэ згадаць іншых князёў <спадароў і военачальнікаў>, якія вылучаюцца ваеннай дзейнасцю і духоўнай энергіяй? <Гэта было б занадта доўга і не з'яўляецца неабходным.> Бо тут былі Стэфан*** і Януш**** Збаражскія, апроч таго да ваеннага паходу далучыліся Фірлеі, Радзівілы, Мікалай Сапега*****, Ян Глябовіч*****, Ян Кішка*****, Філон Кміта*****, Бонар*****, Збароўскія, Мікалай Тальваш*****, усе яны імкнуліся схопіць удачу і лічылі сваім абавязкам заслужыць славу і пашану. Столь выдатнымі былі ў іх***** розум і здольнасці, што, каб не ведаць, можна было б палічыць іх выбранымі не толькі з палякаў, але і са многіх іншых народаў.

Балтазар Баторый, сын трансільванскага ваяводы, узначальваў наёмную пяхоту з Паноніі (Венгрыі), а Хрыстафор Розражэўскі — нямецкую.

* Крыштоф Радзівіл (1547—1603) — дзяржаўны дзеяч ВКЛ, у той час падчасы ВКЛ і гетман польны.

** Ян Замойскі (1514—1605) — канцлер і гетман каронны.

*** Стэфан Збаражскі (памёр у 1585 г.) падчас полацкай кампаніі займаў пасаду ваяводы троцкага.

**** Януш Збаражскі (памёр у 1598 г.) — выдатны военачальнік і дыпламат, у той час ваявода брацлаўскі.

***** Хаця ў полацкай кампаніі ўдзельнічалі два чалавекі з такім імем, але тут аўтар хутчэй за ўсё мае на ўвазе мінскага ваяводу Мікалая Сапегу (каля 1525—1599 г.).

***** Ян Глябовіч (1544—1590) — дзяржаўны дзеяч ВКЛ, у той час менскі кашталан.

***** Ян Кішка (памёр у 1592 г.) — дзяржаўны дзеяч ВКЛ, патрон літоўскіх антытрынітарыяў.

***** Філон Кміта-Чарнабільскі (каля 1530—1587) — стараста аршанскі, ротмістр. За полацкую кампанію атрымаў пасаду ваяводы смаленскага, якая мела толькі намінальны характар, таму што Смаленск у тэя часы падпарадкоўваўся Маскве.

***** Відавочна, Одрборн піша пра Севярына Бонэра (памёр у 1592 г.), які падчас полацкай кампаніі быў старастам рабштынскім.

***** Мікалай Тальваш — жмудскі кашталан, патрон лютэранскага збору ў Вільні, сведка рэлігійнага дыспуту, які адбыўся ў Маскве ў 1570 г. між царом Іванам Грозным і «міністрам» чэшскіх братоў Янам Ракітай.

***** У Рэтэля — «у гэтых спадарах і героях вайны».

Георг Фрыдрых, герцаг Прусіі і маркграф Брандэнбургскі, паслаў на дапамогу <каралю> адборны ваенны атрад, які ўзначальваў Ёган фон Кюнітц (Consiccus) родам з Прусіі. З Памераніі быў запрошаны <каралём у свой лагер> у якасці ваеннага дарадчыка Эрнст Вайер^{*}, які <вельмі спачуваў Польшчы> і руліва клапаціўся на карысць польскага народа.

Апроч таго, такое было мноства духоўных асоб, якія зрэходавалі на ваенныя выдаткі вялізную колькасць грошай, такі быў наплыў людзей з усіх бакоў, што, здавалася, кожны імкнуўся абараніць агульную радзіму, не шкадуючы маёмасці і крыві.

Кароль загадзя паслаў наперад да Полацка М. Радзівіла і Каспара Бекеша^{**} з мэтай перакрыць шляхі. Размясціўшыся паблізу крэпасці, яны паслалі парламенцераў, якія б папярэдзілі маскавітаў пра ўсялякія ваенныя дзеянні супраць іх, калі тыя хутка не пакінуць горад і крэпасць, <то будучы адтуль выгнаныя>. Але ўзброеная варта маскавітаў ніяк не хацела прапускаць пасланцаў, каб насельніцтва з нагоды прыбыцця караля не выказвала радасна сваю прыхільнась да яго.

Пасля гэтага, пераадолеўшы з усім войскам, гарматамі і вайсковымі абозамі цяжкасць дарог, прыбыў кароль і асадзіў горад <Полацк>.

Між тым <вялікі князь Іван> Васільевіч <Грозны> знаходзіўся ў <вялікім горадзе> Пскове з вялізнай арміяй. Кажуць, што прыход <польскага> караля страшэнна яго збянтэжыў. Калі сваім выкрутлівым розумам убачыў такую вялікую моц і падтрымку <ў польскага караля>, спалохаўся, прадчуваючы пералом у вайне. На падставе выразных адзнак ён меркаваў, што старажытнае прароцтва паведамляе пра гэтага ўладара <польскага караля>, які прыйшоў з Савы і Дравы^{***} і пагражаў жудаснымі бедствамі ўсім у Скіфіі і Масковіі, а асабліва <вялікаму князю Івану> Васільевічу.

Каралеўскія войскі, якія ішлі наперадзе, раптоўным нападам захапілі і спалілі тры крэпасці — Каз'янскую, Красную і Сітнаўскую. Яшчэ далей ва ўладанні вялікага князя^{****} прасунуўся з іншага боку аршанскі военачальнік Філон Кміта і, перавышаючы непрыяцеля сілай і мужнасцю, скарыстоўваючы больш выгаднае размяшчэнне і ўдачу, нанёс маскавітам значныя страты, і, спаліўшы шмат вёсак і прадмесцяў Смаленска, прайшоў, спусташаючы, увесь гэты край уздоўж і ўпоперак.

* Эрнст Вайер (памёр у 1598 г.) — нямецкі военачальнік.

** Каспар Бекеш (1520—1579) — венгерскі шляхціц, які асеў у Рэчы Паспалітай падчас панавання Стэфана Баторыя. Удзельнічаў у абароне Эльбланга і ў полацкай кампаніі.

*** Сава і Драва — прытокі Дуная. Драва працякае па тэрыторыі Славеніі, Харватыі і на значнай частцы па ёй праходзіць мяжа паміж Харватыяй і Венгрыяй. Такім чынам, у гэтым «прадказанні» нібы змяшчаецца намёк на Стэфана Баторыя.

**** Маскоўскага.

І іншы военачальнік Канстанцін Астрожскі^{*} таксама меў магчымасць паспяхова разгарнуць ваенныя дзеянні. Ён хутка, хаця і захоўваючы пры гэтым пільнасць, пераправіўся праз Днепр разам з сынам Янушам^{**} і Міхаілам Вішнявецкім^{***} і ўварваўся з атрадамі татарскай конніцы на землі непрыяцеля^{****}. Ён спустошыў усё, што траплялася насустрач, гайсаў, ствараючы разбурэнні, аж да Старадуба, Радагошча і Почапа^{*****}, і з вялікай здабычай павярнуў дадому.

Сам кароль, даведаўшыся пра поспех сваіх палкоўнікаў, 11 жніўня размясціўся лагерам <вакол Полацка> паблізу гарадскіх сцен, і асадзіў горад з трох бакоў. У той самы дзень ён загадаў таксама зрабіць фартыфікацыйныя ўмацаванні і равы бліжэй да непрыяцеля, а на другі дзень — абкружыць шчыльным калыцом войскаў горад, добра умацаваны равамі, валам і тоўстымі сценамі, пераважна з той прычыны, што жаўнерам не было магчымасці наблізіцца да крэпасці, каб яе падпаліць і цалкам знішчыць за некалькі гадзін. Неўзабаве ўмацаванні былі прасунуты далей, да самай крапасной брамы, з кожнай спробай набліжаючы захват крэпасці.

Але магутны Бог паказаў сваёй моцай, што ў яго руцэ ўлада над усім, што павінна адбыцца, і наслаў зацяжыны дажджы на працягу многіх дзён, што ў значнай ступені перашкаджала намаганням арміі і неаднойчы спыняла падрыхтоўку штурму. Аднак, нягледзячы на вялікія цяжкасці, каралеўская армія была ахопленая выключным душэўным запалам усё знесці і выцерпець, так што ў надзвычай складаных умовах з-за дажджоў і глыбокай гразі яны дбайна выконвалі ўсё, што было патрэбна для штурму.

Супраць усіх намаганняў з нашага боку праціўнікі абараняліся дні і ночы з такім рашучым настроем і з неверагоднай сілай гармат, з такой упартасцю тушылі польмя, запаленае каралеўскай артылерыяй, і адкідвалі кожны націск. Пад бесперапыннымі атакамі гармат і асаднай зброі яны змагаліся самкнутымі радамі, падаючы адні на адных, і паказалі, што сваім запалам і здольнасцю абараняць крэпасці маскавіты перавышаюць усё іншыя народы.

Нарэшце, пяхотны Бог павярнуўся да каралеўскага войска, і з ласкі Божай 29 жніўня пачаў займацца першы крыху больш пагодны дзень. У той самы дзень войска падпаліла крэпасць, што было вельмі складана і небяспечна, бо жаўнерам трэба было спускацца ў ровы, перапраўляцца праз раку

* Канстанцін Астрожскі (каля 1524 — 1608) — дзяржаўны дзеяч ВКЛ, маршалак вальнскі і ваявода кіеўскі.

** Януш Астрожскі (1554—1620) — дзяржаўны дзеяч Рэчы Паспалітай, пазней займаў пасады ваяводы вальнскага і кашталяна кракаўскага.

*** Міхаіл Карыбут Вішнявецкі (памёр паміж 1615—1618 гг.) — сын першага гетмана рэстравых казакаў Міхаіла Аляксандравіча Вішнявецкага.

**** У Рэтэля — «маскавітаў».

***** Старадуб, Радагошч, Почап — населеныя пункты ў Севярскай зямлі (зараз на тэрыторыі Бранскай вобласці).

Палоту і потым узбірацца па крутым схіле, на якім былі ўзведзены ўмацаванні. Да іх трэба было падабрацца між шчыльна размешчаных непрыяцельскіх гармат і напасці з паліўнымі матэрыяламі і агнём у руках.

І калі пярэднія ўмацаванні ахапіла моцнае польмя, і ўзнік нейкі праход <да асноўнай часткі ўмацаванняў>, націск войска нельга было стрымаць. Яны ўварваліся праз польмя і ўдарылі па непрыяцелю, аднак у выніку шалёнай непрыяцельскай абароны і пад націскам моцнага польмя былі адкінуты назад. Каралеўскае войска не панесла сур'ёзных страт, загінула не больш за 27 чалавек, але многія былі паранены. Непрыяцеляў жа было знішчана да двухсот чалавек. Праціўнік у той жа дзень паведаміў пра намер капітуліраваць, хаця, як потым стала бачна, гэта не адпавядала ісціне. Яны зноў пачалі ўмацоўваць сваю абарону, што немагчыма было заўважыць з-за высокага польмя.

У такім выпадку кароль загадаў: не спыняць штурму і не даваць непрыяцелю ніякай перадышкі ні для адпачынку, ні для пабудовы ўмацаванняў. І на наступны дзень жаўнеры разам з вершнікамі падпалілі іншыя часткі ўмацавання, у выніку чаго зноў частка сцяны была разбурана, і нашы захапілі той узгорак, на якім умацаванне было раней знішчана агнём, потым пачалі акружаць абаронцаў, і нарэшце, непрыяцель быў пераадолены.

Кароль клапаціўся аб тым, каб зберагчы хрысціянскую кроў і атрымаць крэпасць без істотных разбурэнняў з гарматамі і іншымі ваеннымі прыладамі. Сваім указам ён дараваў усім памілаванне; тыя, хто захоча служыць пад каралеўскім сцягам, захоўвалі сваю маёмасць у цэласці, тыя ж, хто мелі намер вярнуцца ў Масковію, маглі гэта зрабіць з дазволу караля і з гарантыяй бяспекі.

Калі ж каралеўскія саветнікі ўвайшлі ў самую крэпасць, то паўсюль яны ўбачылі вялікае мноства непахаваных трупў і такое мноства гармат, пораху і ядзер, колькі наўрад ці можна знайсці ў нейкай іншай хрысціянскай крэпасці.

Былі ўзяты ў палон Кіпрыян, архібіскуп Велікалуцкі грэчаскага абраду з вялікай колькасцю святароў і біскупаў, а таксама ваяводы Васілій Іванавіч Мікулінскі-Целяцеўскі, Дзмітрый Міхайлавіч Шчарбаты, Сболінскі (?), Мацвей Іванавіч Вальнскі^{*,**}, Лук'ян Трэцяковіч Ракаў^{***}. Усіх іх кароль загадаў узяць пад варту, таму што не хацелі дабравольна здавацца. Апроч іх яшчэ звыш шасці тысяч чалавек пакарыліся каралю, і ўсе яны потым горкімі слязьмі аплакалі паражэнне разбуранага горада і крэпасці, страчаную славу ўсёй Расіі, і нават жахлівае вар'яцтва свайго <спадара вялікага> князя.

Публікацыя В. Келер і І. Сынковай.

* Гэта можна таксама разумець як «мноства», «у вялікай колькасці».

** Памылка аўтара: ваявода Вальнскі насіў імя Пётр Іванавіч.

*** Лука Трэцяковіч Ракаў у Полацку быў другім дзякам, а не ваяводай.

ГЕНЕАЛАГІЧНЫЯ ЗАМЕТКІ КНЯЗЁў ВІШНЯВЕЦКІХ І СПРАВА АСТРОЖСКАЙ АРДЫНАЦЫИ МАЛЬТ'ЙСКАГА ОРДЭНА

(Невядомы мінскі рукапіс канца XVII ст.)

Генеалогія князёў Вішнявецкіх ужо высветлена гісторыкамі. Доўгі час Вішнявецкія выводзілі сябе ад вялікага князя літоўскага Альгерда праз яго сына Карыбута і ўнука Фёдара (апошні жыў у пачатку XV ст.). Такая генеалогія была пацверджана гісторыкамі XVI ст. Мацеем Стрыйкоўскім і Барташам Папроцкім і стала як бы кананічнай. Яна не выклікала сумнення да XIX ст. Аднак у 1867 г. выйшла праца К. Стадніцкага «Браты Уладзіслава Ягайлы», дзе традыцыйная генеалогія была адкінута. Стадніцкі нават пачаў сумнявацца ў іх княжацкім паходжанні, выводзячы Вішнявецкіх ад баярына Дзяніса Мукасея [1]. Аднак А. Банецкі, а пасля аўтарытэтны даследчык княжацкіх генеалогій Ю. Вольф давялі, што Вішнявецкія паходзілі ад князя Фёдара Несвіцкага, які жыў у канцы XIV ст. і валодаў г. Несвіч на Вальні [2] (цяпер гэта аднайменнае сяло ў Луцкім раёне Вальнскай вобласці Украіны). Пры гэтым генеалагічную сувязь Вішнявецкіх з князем Карыбутам даследчыкі не здолелі прасачыць і адкінулі яе. Адным з аргументаў было тое, што ў Васкрасенскім летапісе XVI ст. адзначана, што род князя Карыбута скончыўся на яго сынах.

Этапнай працай у справе высвятлення паходжання Вішнявецкіх стаў артыкул Н. А. фон Баўмгартэна 1910 г. Даследчык даказаў, што князі Фёдар Несвіцкі і Фёдар Карыбутавіч — адна і тая ж асоба [3]. Пазней да такой жа высновы прыйшоў Ф. Равіта-Гаўронскі [4]. Князь Фёдар праз сына Васіля меў унукаў Васіля, Сямёна і Салтана. Першы з іх пры падзеле бацькавай спадчыны атрымаў горад Збараж і стаў родапачынальнікам князёў Збаражскіх. Яго сын Міхаіл валодаў горадам Вішняўцом і пачаў тытулавацца князем Вішнявецкім. Далейшы радавод Вішнявецкіх добра вядомы аж да выгасання ў XVIII ст. гэтага княжацкага роду.

Найбольш значным прадстаўніком роду (з пункту гледжання кар'еры, як гэта ацэньвалі ў свой час шляхецкія ідэолагі) быў Міхаіл Вішнявецкі, кароль польскі і вялікі князь літоўскі ў 1669—1673 гг.

У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў Мінску захоўваецца цікавая справа, датычная радавода Вішнявецкіх. Зберагаецца яна ў фондзе князёў Радзівілаў (ф. 694, воп. 4, спр. 5778). Гэта збор розных дакументаў, якія звязаны з Вішнявецкімі і іх уладаннямі. Акрамя генеалагічных заметак, якія публікуюцца ніжэй, тут ёсць спіс фундаша на Сялецкі манастыр пад Брагінам (выдадзены Крысцінай Вішнявецкай у 1632 г. і пацверджаны каралём Міхалам Вішнявецкім у 1673 г.), адзін са спісаў знакамітай сатырычнай «Прамовы Мялешкі» і рэестры папераў пра ўкраінскія маенткі Вішнявецкіх. Відавочна, рукапіс паходзіць з украінскіх або паўднёвабеларускіх зямель, дзе князі Вішнявецкія мелі значныя зямельныя ўладанні. Як рукапіс апынуўся ў архіве Радзівілаў? Пэўна, у выніку заключэння шлюбных саюзаў, якімі магнацкія роды Радзівілаў і Вішнявецкіх былі павязаны не адзін раз.

Публікуемыя генеалагічныя заметкі напісаны на польскай мове (вельмі дрэннай, але гэта, можа, грэх перапісчыка), аўтар іх не пазначаны. Твор падзяляецца на тры часткі. Першая называецца «Выпіскі з розных аўтараў пра сваяцтва князёў іх міласцяў Вішнявецкіх з князямі Астрожскімі», другая — «Як польскія каралі ў генеалогію князёў Астрожскіх уваходзяць», трэцяя — «Генеалогія князёў іх міласцяў Вішнявецкіх». Як бачна, адной з мэт аўтара было асвятліць сваяцкія сувязі Вішнявецкіх з Астрожскімі. З якой прычыны гэта спатрэбілася? Род князёў Астрожскіх у мужчынскім калене згас у 1620 г., і паўстала пытанне пра нашчадкаў іх вялізных зямельных уладанняў. Януш Астрожскі стварыў са сваіх маёнткаў вялізны маярат, які атрымаў назву Астрожская ардынацыя. Яна была пакінута ў спадчыну князю Аляксандру Заслаўскаму, будучаму ваяводзе брацлаўскаму і кіеўскаму, які быў жанаты на дачцэ Януша Астрожскага Ефрасінні. Ефрасіння памерла ў 1628 г., А. Заслаўскі — у 1629 г. Іх сын Уладзіслаў Дамінік Заслаўскі стаў наступным уладаром Астрожскай ардынацыі, юрыдычна — першым астрожскім ардынатам. Другі астрожскі ардынат князь Аляксандр Януш Заслаўскі памёр бяздзетным у 1672 г. Згодна са статутам Астрожская ардынацыя павінна была перайсці ў распараджэнне Мальтыйскага ордэна, дакладней, у трыманне мальтыйскага рыцара з Рэчы Паспалітай, якога б абраў для гэтай мэты сойм. Гэтага не адбылося. Князь Дымітр Ежы Вішнявецкі, каронны польны гетман, у другім шлюбе муж Тэафілы Заслаўскай, сястры нябожчыка А. Я. Заслаўскага, сілай захапіў Астрожскую ардынацыю. Пачалася доўгая барацьба розных магнацкіх групавак за права валодаць гэтым маёнткам, у якую быў уцягнуты сойм Рэчы Паспалітай і нават замежныя манаршыя двары. Вось у такіх умовах і з'явіліся генеалагічныя заметкі, якія падкрэслівалі родавыя сувязі Вішнявецкіх з Астрожскімі. Князь Д. Е. Вішнявецкі ў першым шлюбе быў жанаты з Марыянай Замойскай (гэта першыя дзве асобы, названыя ў радаводных заметках), дачкой чарнігаўскага кашталяна Здзіслава Замойскага. Аднак Марыяна не была дачкой Кацярыны Астрожскай, як сцвярджаецца ў радаводзе, яе маці была з дому Лянцкаронскіх. Кацярына Астрожская была выдадзена замуж за Томаша Замойскага, які ў розны час займаў урады ваявод падольскага і кіеўскага, быў вялікім каронным канцлерам. Іх дачка Грызельда Канстанцыя стала жонкай князя Ерамея Міхала Вішнявецкага. Так што складальнік радавода наўмысна ці ненаўмысна ўнёс блытаніну ў гэту справу. Пасля аўтар запісак прасачыў узыходзячую генеалогію князёў Астрожскіх, якую давёў да галіцкага князя Льва Данілавіча і далей, аж да вялікага князя кіеўскага Уладзіміра Святаславіча, пра якога расказаў гісторыю аб яго хрышчэнні. Такая генеалогія князёў Астрожскіх была ў свой час пашырана, але сучасныя даследчыкі ў ёй вельмі сумняваюцца.

У другой частцы генеалагічных заметак распавядаецца пра сваяцкія сувязі князёў Астрожскіх з польскімі каралямі. Аўтар пачынае гэты сюжэт з апавядання пра шлюб Марыі, дачкі вялікага кіеўскага князя Уладзіміра Свя-

таславіча, з польскім князем Казімірам I Аднавіцелем (Манахам). Пасля называе наступных уладароў Польшчы аж да Баляслава Крываротага (1085—1138). На гэтым сваю задачу па асвятленні роднасных сувязей Астрожскіх з польскім манаршым домам аўтар зметак палічыў выкананай.

Трэцяя частка зметак прысвечана ўласна радаводу князёў Вішнявецкіх. Аўтар трыдцыйна выводзіць іх ад Альгерда і будзе наступны ланцужок: Альгерд—Карыбут—Фёдар Несвіцкі і гэтак далей. Пасля пералічваюцца манархі, якія хоць нейкім бокам мелі сваяцтва з Вішнявецкімі. Тут названы сам Карыбут, быццам кароль чэшскі (на самай справе тут павінен быць яго сын Жыгімонт Карыбутавіч), Ягайла, яго нашчадкі — Ягелоны аж да Жыгімонта Аўгуста, далейшыя польскія каралі да Уладзіслава IV, князі мазавецкія, імператары Свяшчэннай Рымскай імперыі, іспанскія каралі, рагузскія герцагі. Такое бліскачае сваяцтва ў Вішнявецкіх атрымалася, паводле меркавання аўтара зметак, дзякуючы шлюбу дачкі Альгерда Аляксандры з мазавецкім княжацкім домам. Трэба адзначыць, што ў гэтай частцы запісак надзвычай шмат скажэнняў першапачатковага тэксту. Аднак сам кароль польскі і вялікі князь літоўскі Міхал Вішнявецкі тут не названы. Відаць, гэты генеалагічны ўрывац быў напісаны яшчэ да абрання яго на трон і мэтай твора было падкрэсліць правы князя на манаршую годнасць. У 1670 г. Міхал Вішнявецкі ажаніўся з аўстрыйскай эрцгерцагіняй Марыяй Элеанорай, што таксама не адзначана ў творы. У гэтай частцы зметак ёсць спасылка аўтара на адну з крыніц сваёй інфармацыі — на Барташа Папроцкага. Твор заканчваецца звычайным лацінскім скарачэннем «для большай славы Гасподняй і гонара Найсвяцейшай Панны Марыі».

Увогуле генеалагічныя заметкі Вішнявецкіх — цікавы гістарычны і публіцыстычны твор, які паказвае, якімі пакручастымі шляхамі ішло развіццё генеалагічнай думкі на ўкраінскіх і беларускіх землях.

Пры публікацыі захаваны ўсе асаблівасці мовы гэтага твора, у якім скрозь палішчызну прабіваецца мясцовая «простая» (украінская або беларуская) гаворка перапісчыка. Знакі пунктуацыі расставлены з набліжэннем да сучасных норм.

Генеалагічныя заметкі князёў Вішнявецкіх (канец XVII ст.)

Wypisanie kolligacyi J. O. O. Xiążąt Ichmcw Wiszniowieckich z różnych autorow xiążąt Ostrogskich.

Przyszedła Zamoyska, zona Jerzego, corko xiężny Katarzyny Ostrozkiey, te Katarzynie zrodził Alexandra xiąże Ostrozki wwda wołyński, Alexandra zrodził Konstanty wtury xiąże Ostrozki wwda kijowski, Konstantego urodził Konstanty wwda wtury, hetman wielki, Konstantego urodził hetmana Janusz, Janusza — Bazylusz, Bazylusza — Fedor, Fedora — Leon zxe ruski, Leona — Daniel krol halicki, ktorego Prandeta, biskup krakowski na krolewstwo koronował, Daniela zrodził Roman, Romana — Meczysław, Meczysława — Dawid, Dawida — Hre-

hory xiąże ruski, Hrehorego — Jarosław xiąże ruski, Jarosława — Włodzimirza xiąże ruski⁶, ten miał zpowinowazenie z cesarzami greckimi konstantynopolskimi, zpowinowaczył się gdy wzioł za żonę Anne cesarzowne konstantynopolską, za ktorej powodem ruscy obywatele wiary chrześcijańskiej z religij greckiej przyszli w roku 990. O ten czas Włodzimierz xiąże okrzyknął się z tej okazji, gdy zażądał Bazylisza y Konstantyusza cesarzow greckich, sio[s]try odmowili mu, iż to być nie może, ponieważ nie jest chrześcijanin. Y przez to obiecał, a gdy przyjechał do Carygrodu, oślnoł na oczy, posłał do panny, iż nie jest szczęśliwą alias nie szczęśliwą, iż musię ta stała ślepotą. Ona odpowiedziała, skoro się okrzyknął, zbędzie ślepoty. Y tak się stało, za okrzyknięciem od episkopa greckiego, z Korsunia przyjeżdżał. Potym brał z nią szlub, ta cesarzowna była córka Romana cesarza konstantynopolskiego, siostra Bazylisza y Konstantyna cesarzow, a ręka oney coia [?] cesarz tej ze był pradziad czesty cesarz Konstant. nad pradziady, cesarz grecki Pokorny nazwany, który dopuścił po sobie deptac biskupom, żeby ugodę między sobą strony wiary chrześcijańskiej zachowały. || [1v]

Jako królowie polscy w genealogio tychże książąt Ostrozkich wchodzą

Włodzimierz z Anny cesarzowny miał córkę Maryą, która była żoną Kazimierza Mniecha, króla polskiego. Ten z wielką pompą do Krakowa z tryumfem przyjeżdżał, potem do Gniezna prowadzono, gdzie relikwie ręki przysłała, z wielką ceremonią ukoronowano, w Dobrogniewo miasto nazwane, bo godny z nabożeństwa y podściwosci ku Najświętszej Matce Boskiej, nie chcieli dopuścić, aby która białogłowa tym imieniem nazwana była. W ten czas król Kazimierz szwagra swego a brata żony y B. Rudko [?] książąt Ichmcw Ostrozkich z Kanderzyny [?] króla Jarosława xiąże ruski wieczystym prawem, ktorem ojciec y dziad jego mieli w Ruskę kraie, darował przyjaźń, tylko o posilki przeciwko koźdego nieprzyjaciela wymowił. Taz Dobrogniewa księżna ruska, córka Włodzimierza a żona Kazimierza króla, była matką królów polskich Bolesława Śmiałego y Władysława Hetmana, który wespoł z Judytką, żoną swoją, Władysława księcia czeskiego Zotłedy, córki Andrzeia króla węgierskiego zplodzono, był koronowany na królestwo polskie. Teyze księżny wnuk Bolesław Krzywosty królem polskim, prawnuk Władysława, syn starszy Bolesław Krzywosty.

Genealogia książąt Ichmcw Wiszniowiec.

Idą z książąt litewskich od Gedymina do Olgierdą. Olgierd miał synów dwanaście, między ktoremi Korybuta. Korybut miał syna Fedora księżną Nieswisłą, ktorem zbudował Winnice y Zberaz. Fedor miał syna Daszka, Daszko — Wasyla, Wasyl Korybutowicza. Potomstwo troje y po dzis dzień od rożnych dzieł nie rozne ma nazwiska, to jest XX Ichmcw Wiszniowiecy y Zbarazy || [2] etc. A wszyscy od Wasyla Korybutowicza rowny porzątek y dzieła wzięli y mają, o czym Bartłomiej Paprocki z tych przodków, iako zanosz biorą XX Ichmc Wiszniowiecy. Kazdy

⁶ Насупраць гэтага месца на маргінезе зроблена прыпіска: «Herbu Krozy ni Kluskiy [?]. Do tegoz Belski, libra 1ma». Маецца на ўвазе гісторык Марцін Бельскі.

obaczy, jak wiele było monarchów, cesarzow, królów: Korybutt obrany król czeski, Władysław Jagiełło, brat Korybuta, król, syn Władysława, Władysław król węgierski y polski, który pod Warne w bitwie od Turkow zabity, Kazimierz Trzeci król Polski, syn Jagiełła, Władysław, syn Kazimierza Trzeciego, król czeski, węgierski, Ludwik król węgierski, syn Władysława, Władysław króla czeskiego y węgierskiego, S. Kazimierz król polski, król obrany węgierski, Kazimierza Trzeciego, króla polskiego, syn a brat, Kazimierz Trzeci, króla polskiego, syn, Alexander król polski, Kazimierza Trzeciego syn, Zygmunt August król polski, Zygmunta Pierwszego, Katarzyna polska królowa, Zygmunta Pierwszego, króla polskiego, czeski, a królowa czeska, Jana, króla szwedzkiego, małżonka a króla polskiego Zygmunta Trzeciego matka, Zygmunta 3, król polski, Władysław Czwarty król polski, Jan Kazimierz król polski, mają pokrewność z Jagiełką, przodka swego z domem XXZątt Ichmcw Wiszniowieckich, Alexandra księżna litewska, siostra Korybuta y Jagiełła, zrodziła Bolesława księżną mazowiecką, Berdon, żona Semuilo, Xcia mazowieckiego, Cymborką albo Cecylia, córka króla, była wydana za Ernesta stryja xiąże rahuški, z którym zrodził Fryderyka, cesarza rzymskiego, Fryderyk cesarz zrodził Maxymiliana, Maxymilian zrodził Filipa stryja xzę rahuški, króla hiszpańskiego, który poiół Joannę za żonę, królową hiszpańską y z nią zrodził Karola Piątego, króla hiszpańskiego, Ferdynanda, cesarza rzymskiego, Karol Piąty zrodził Filipa Trzeciego, Filip zrodził Filipa Czwartego, króla hiszpańskiego. Wszyscy pomienieni królowie zpowinowaceni są z domu książąt Ichmcw Wiszniowieckich po Alexandrze, córce Olgierda y Rocymberce, księżnie mazowieckiej, z cesarzami rzymskimi, Ferdynand, cesarz rzymski, Filipa 3 stryja xiąże rahuški syn, brat || [2v] Karola Piątego cesarza, prawnuk Alexandra, siostry Korybuta, przodka Xcia Imci, zrodził Maxymiliana Drugiego, cesarz rzymski y Karola xiąże rahuški. Tych dwóch braci, Maxymiliana y Karola, a synów Ferdynanda, arcyksiążęcia rahuškego y cesarza rzymskiego, to potomstwo Maxymiliana, cesarza rzymskiego, syn Ferdynanda, cesarz Karol arcyksiąże rahuški 2, cesarz y Matyusza cesarza rzymskiego, drugi syn Ferdynanda cesarza, Karol arcyksiąże rahuški zrodził, Ferdynanda 2, cesarza rzymskiego Ferdynand 2 zrodził Ferdynanda 3 a Cecylia arcyksiąże królową polską Władysława 4, króla poll. małżonką etc. Ad M. D. G. B. V. M. honorem.

Л і т а р а т у р а

1. Stadnicki K. Bracia Władysława Jagiełły Olgierdowicza, króla Polski, wielkiego księcia Litwy. Lwów, 1867. S. 107—109.
2. Wolff J. Książowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 552, 606.
3. Баумгартен Н. А. фон. Происхождение князей Вишневецких, Збаражских и Воронечских // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1910. Вып. 4 (24). С. 27—33.
4. Rawita-Gawroński F. Książata Nieświeccy, Zbarascy i Wiszniowieccy do końca XVI w. // Ateneum Wileński. 1930. R. VII. Z. 1—2. S. 111—144.

Публікацыя В. С. Пазднякова

ПЕРШАЯ БРЭШ У МЯЖЫ АСЕЛАСЦІ

(Праект Камітэта 1803 г. аб легалізацыі статусу яўрэяў у Расійскай імперыі)

Кацярына II першая з расійскіх венчаносцаў адышла ад афіцыйнай нецярпімасці да яўрэяў і дазволіла ім пражываць спачатку не на прасторы ўсёй імперыі, а толькі ў межах Магілёўскай і Полацкай губерняў, якія ў 1791 г. былі адведзены ў так званую мяжу аселасці. Гэту мяжу ім забаранялася пакідаць. Яе пераемнік, Аляксандр I, асмеліўся парушыць забарону і ў 1802 г. заснаваў спецыяльны Камітэт для распрацоўкі шырокай рэформы з мэтай дапусціць яўрэяў да права грамадзянства ва ўнутраных губернях Расіі. Для кансультацыйных парад у Камітэт былі выкліканы прадстаўнікі кагалаў заходніх губерняў імперыі.

Намаганнямі шэрагу даследчыкаў гісторыі яўрэйскага пытання ў Расійскай імперыі ўжо разгледжаны некаторыя пытанні аб дзейнасці гэтага Камітэта, аднак яны кранаюцца пераважна трактоўкі вядомага закона ад 9 снежня 1804 г., распрацаванага Камітэтам [1]. У ланцугу гэтых намаганняў адсутнічае вельмі істотнае звяно — падрыхтоўчы праект Камітэта, які, як сведчыць Ю. Гесен, быў уручаны дэпутатам ад заходніх кагалаў 15 жніўня 1803 г. [2] з мэтай атрымаць ад іх прапановы і меркаванні. Гэта ўказанне можна лічыць зыходным для азнамлення з праектам Камітэта, знойдзеным сярод папер князёў Радзівілаў у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі.

Тэкст дакумента не датаваны, але ўтрымлівае пункты, якія дазваляюць гаварыць, што заканадаўчыя прапановы згаданага Камітэта былі ўручаны яўрэйскім дэлегатам менавіта ў 1803 г. Яны не адважыліся адобрыць адрас без санкцыі на месцах. Публікуемы дакумент дазваляе таксама ўбачыць падставы такой асцярожнасці.

Напісаны ён рукой перапісчыка-яўрэя не надта вышкаленага ў веданні расійскай мовы. Сам па сабе капійны дакумент тым не менш з'яўляецца ўнікальнай знаходкай, якая, безумоўна, паслужыць пашырэнню крыніцазнаўчай базы ў даследаванні лёсу яўрэяў падчас іх уваходжання ў склад расійскага жыхарства.

У публікацыі зберагаюцца мова часу стварэння дакумента, фанетычныя і стылістычныя асаблівасці яго тэксту. Знакі прыпынку расставлены па сучасных правілах пунктуацыі.

[Положение Комитета о благоустройстве евреев в Российской империи. 1803 г.]

Высочайше учрежденный комитет для благоустройства евреев с самого своего открытия непрестанно зенемался изысканием средств к исполнению возложенной на него должности. Во всех суждениях своих правилом терпимости и правосудия имел он всегдашним предметом пользу общественную и благо еврейского народа. Собрав предварительно все нужные по

сему сведения и разсмотряя подробно различенья части гражданского устройства, старался он даровать евреям все выгоды, право и одобрения, какие только могут быть даны сообразно общественной пользы. В сем разуме составлены стати благоустройства евреев, которые комитет, сообщая депутатам сего народа, представляет им вместе своим право предложить и свои виды. Таким образом, желая обязать их самих способствовать собственному своему благоустройению, комитет может справедливо надеяться, что народ еврейски, приняв с должною благодарностию предначертанное положение, познает в нем к себе полную меру благоволения правительства.

Статьи для образования евреев Просвещение

1-е. Все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы без всякого различия от других подобных во всех российских народных училищах, гимназиях и университетах.

2-е. Никто из детей еврейских, быв в училищах, во время его воспитания не должны быть ни под каким видом отвлекаемы от своей религии, ни принуждаемы учиться тому, что ей противно и даже не согласно с нею быть может.

3-е. Дети еврейския, быв в училищах, должны быть одеты для единообразия и благопристойности подобно продчим в немецком платя. Правила сия наблюдаются в тех губерниях, где евреи не сотворились. Что же касается до губерний, в коих они уже имеют свое устройство, предоставляется им совершенная в разсуждении одежды свобода.

4-е. Дети еврейския будут принимаемы и в Санкт-Петербургскую академию художеств, естли окажут к тому способности и расположения с тем.

5-е. Те с евреев, кои способностями своими достигнут [в] университетах известных степеней в медичиме, хиругии, физыке, математике и других знаниах, будут в оных признаваемы и производимы в университетские степени наравне с продчыми российскими поддаными.

6-е. С начала 1808 года все бухгалтерския книги и вообще купеческия всякого рода тетради и записки должны быть писаны на одном из языков руском, польском или немецком или содержать в себе на одной стороне перевод. Без сего при исках и судах нигде в уважение принимаемы они не будут.

7-е. С состояния сего указа пры первом выборе в члены магистрата без евреев, жалающыые поступить в сие отличное звание должны для единообразия и общего порядка носить немецкое платие, а с 1808 года никто из евреев не может быть выбран членом магистрата, естли не будет он чытать и писать на одном из упомянутых выше языков.

8-е. С начала 1812 года никто не может быть избран и определен ни в какую должность ни в кагале, ни в рабинстве, естли не будет знать одного из тих языков.

9-е. Все евреи в империи Россійской обитающія, имея полную свободу употреблять язык их во всех делах, как относящихся до веры, так и в домашних их упражнении, обязаны, начиная с 1-го января 1804 года, во всех актах письменных, в обязательствах, векселях и крепостях всякого рода употреблять язык российский, полски или немецки. Без сего никакия их акты записаны и в дело приняты быть не могут.

Разных состояниях и промыслах евреев

Все евреи разделяются на четыре класса:

- а) земледельцы;
- б) фабриканты и ремесленники;
- в) купечество;
- д) мещанство.

а) Преимущества земледельцев

Земледельцы из евреев все свободны и ни под каким видом никому укрепляемы ни во владение отдаваемы быть не могут.

Земледельцы из евреев могут приобретать покупкою земли, продавать их, обрабатывать, завещать в наследство во всем пространстве указа 12 декабря 1802 года и 20-го февраля 1803-го года.

Евреям дозволяется брать у помещиков земли в содержание, заключать с ними условия и условия сии, быв записанны в присутственных местах, должны быть сохраняемы свято и ненарушимо, разумея, однако ж, что не будут они ни под каким видом продавать сия.

Евреи, поселившиеся на землях помещицких по добровольным условиям, освобождаются от всех казенных податей на пять лет. И хотя сие разпостраняется толко на тех из евреев, кои поселяться особенными селениями. Те же из евреев, кои ни собственных земель приобрести, ни у помещиков наемать не будет в состоянии, могут переходить на земли казенныя в губерниях Литовских, Минской, Волынской, Подольской, Астраханской, Кавказской, Екатеринославской и Николаевской. В сих последних должно быть для сего отведено на первой раз для желающих до 30 000 десятин.

Никто из евреев насилно не будет принуждаем к переселению, но те, кои переселяться, свободны будут от всех казенных податей на 10-ть лет, кроме земских повинностей, и получать на заведение заимообразно суду на усмотрение с тою предосторожностію, чтоб зсуда сия обеспечена была залогами.

Евреи, поселившиеся как на помещичах, так и казенных землях в губерниях выше упомянутых по истечению льготных лет платить будут все повинности с наравду с другими подданными одинакого с ними состояния. Равним образом, в губерниях, где евреи уже водворены, тез из них, котория в хлебопашестве обращаться будут, освобождаются от платежа двойных в казну податей.

Преимущества фабрикантов и ремесленников

Все роды фабрик дозволяется заводить евреям в губерниях выше именованных и в беларуси на том же основании и с тою ж свободою, как и всем поданным российским.

При заведении фабрик нужнейших, каковы суть: суконья, кожевенья, полотняныя, по надлежащему удостоверению может доставлять евреям сваденныя одебрения, отводом нужной земли, открытем займа капиталов на общих правилах и тому подобныя удобства, для получения коих имеют они адресоваться чрез губернское начальство к министерству. Для вещимаго же поощрения к заведению фабрик, те из них, кои в фабришних работах обращаться будут, имеют платить одинакую подать с того время, как собраны будут в каждом городе о таковых фабриках точныя сведения.

Дозволяется евреям заводить фабрики и на землях помещичьих по добровольным с ними условиям.

Ремесленникам из евреев дозволяется в означенных губерниях упрятнаться во всех промыслах, законом не запрещенных, и никакая ремесленная или цеховая управа ни под каким видом не должны им в том препятствовать. А при том предоставляется им свобода вписываться в цех, естли то не противно привилеям, кои особено городам присвоины. Освобождаются также они от двойной подати, как выше сказано о фабричных.

Естли ремесленники не найдут в каковой-либо из сих губерниях себе довольно работы и средств к содержанию, они должны обратится к губернатору, которой относится о том к министерству, министерство назначит им способы основать с выгодною свою промышленность в губерниях менее заселенных Екатеринославской, Астраханской и Кавказской.

Преимущества купечества и мещанства

Всякого рода тарговля внутренняя и внешняя дозволяется в означенных губерниях евреям на точном основании городского положения и последующих узаконений.

Всякого рода промысли и мелочная продажа на том же основании дозволяется евреям в тех губерниях.

Фабрикантом, ремесленником, художником и купцом 1-й и 2-й гильдии дозволено будет приезжать по делам их коммерческим для усовершения в художествах или для показания особливаго искусства на известное время во внутренны губернии и даже в столице, но не иначе, как по паспортам губернаторов. Сии прибывающія на время евреи должны носить немецкую одежду без всякого от других отличия.

Когда все вообще евреи в земледелии, мануфактурах и купечестве окажут постоянное направление к общему добру, правительство примет меры уравнять их податей со всеми другими поданными.

Обязанности сих состояний

Никто из евреев нигде в России терпим быть не может, естли он не будет записан в одном из сих состояний и естли не представит в том письменного законом установленного вида. С таковым будет поступаемо как с бродягами по всей строгости законов. Никто из евреев, начиная с 1-го генваря 1806 года, во губерниях Малороссийских и Новороссийских, а в протчих, начиная с 1-го генваря 1807 года, ни в какой деревни и селе не может содержать шинков, кабаков и пастоялых дворов, ни продавать в них вина и даже жить в них под каким бы то ни было видом не было, разве проездом. Запрещения сии продажи евреям вина разпрастраняется также на все шинки, пастоялые двory или другия заведения по болшой дороге состоящая, кому бы они не принадлежали, обществам или частным людям.

Помещик по истечении сего срока, дозволивши еврею в своей деревни или селе содержать кабак, шинк или другия заведения для продажи вина, по первому доносу быв всем примечен, платит штрафу в ползу приказа общественного призрения и доносителя пополам в первой раз 5 руб. из каждого дома, в деревни его состоящего, во второй вдвое, а в третий имение его берется в опеку на 10 лет. Арендвые ж посесоры отлучаются вовсе от управления имением и обязываются во всех ведомостях к тому не способными. Еврей в таковой продаже примеченный, на таковое ж употребление в первой раз 100 руб., во второй 200 руб., а в третий ссылается в Сибирь на поселение. Но естли бы еврей не имел денег для заплаты сего штрафу, в таком случае поступить с ним как с несостоятельным должником.

Все контракты и условия на продажу вина в деревнях и селах после означенного срока заключаются ничтожны в действиях и действия никакого не имеют.

Все долги поселян и другого рода людей в шинках, евреями содержимых, на том же основании ничтожны и взыскания в ничем нет.

В казенных селениях подобны помещицким штраф полагается на земских исправников и в третей отрешаются они от мест и впредь ни к каким должностям определяемы не будут.

В гражданском устройстве евреев

Все евреи, в России обитающия, вновь поселяющиеся или по коммерческому делам из других стран пребывающыя, суть свободни и состоят под точным покровительством законов наравне со всеми другими россыйскими подданими.

Никто не может иметь права присвоивать в собственность евреев, располагать их трудом и тем менее укреплять их лично.

Никто не может притеснять ни даже беспокоить их в отправлении вери их общей гражданской жизни ни словом, ни делом. Жалобы их на обиды, какого бы рода они не [были], принимаются в присутственных местах и

удовлетворяются по всей строгости законов вообще для всех подданих россыйских установленных.

Контракты, заключаемая между ими и помещиками, на землях коих они жить пожелают, суть гвозды и непорушмы по контрактам с помещики, а неимеющие могут жить на землях их.

При переходе евреев с места на место они обязаны представить свидетельство от помещиков, на землях коих они прежде жительствоваали, что оны удовлетворенными во всем обязанностям своим в разсуждении их, равно должны они представить в земской суд свидетельство их кагала, что подати надлежащяя они за себя заплатили. По свидетельствам сим земский суд выдает переселяющимся паспорт до такого места, куда переселится они желают. Безпаспортних полиция будет брать под стражу и пересылать в степны земли, кои в свое время назначены к тому будут.

Водворяясь на землях помещичьих, они должны быть под общим ведением земской полиции, которая и должна по жалобам их чинить управу согласно их контрактам.

В губернских и уездных городах евреи состоят в ведомости городской полиции и особливо городничаго и магистратат.

Во всех тяжбах по имению, в делах вексельных [имеют они] право избрать одного раввина и несколько кагалних, которы представляются губернскому правлению и коего утверждению вступают в должности и каждые три года сменяются, естли новым выбором утверждены не будут.

В местечках помещичих евреи также [могут] избрать раввинов и кагалних с согласия помещиков.

Должности раввинов

Надзирать за обрадами, вещи и судить все споры, относящихся до религии, но при сем суждении не дозволяется им в решениях своих употреблять никоих других споров, кроме увещеваний и убеждения, и запрещается налагать всякое другое наказание, кроме облежения и выговоров внутри синагога.

Равины, кои дерзнут против сего Правила налагать публичныя наказания, какого бы рода они ни были, как-то пении, завещания пасхального брани имел [кошен], а паче принимать, извержены будут сами, за сим строго наказуемы.

Поелику равинство есть должность почетная, а не доход, то равинам строго запрещается за равинство полагать поборы или требовать себе возможных, какого бы рода они не были, а должны довольствоваться определенным од общества жалованием.

Поелику предполагается, что по делам гражданским должны евреи вестись в местах установленными законами, то на решение раввинов, прибывающих в местечках по делам до религии касающимся, можно приносить жалобу равину уезднаго или губернского города, но равины сии как кагалы не получают в том месте никакого права управлять или предписать повинность

в местечках пребывающих, коих решения могут быть ими ревизованы, но сами они от них не зависимы и им не подвластны.

Ежели в каком-нибудь месте возникнет разделение сект и раскол дойдет до того, что один толк с другим не захочет быть в одной синагоге, то в таком случае позволяется одному из них настроить свою синагогу и выбрать своих раввинов, но во всяком городе кагал должен быть один.

Должность кагалов

Кагалы должны наблюдать, чтобы казенные сборы, до коих они придут в настоящем их положении, были справно и бездоимочно вносимы. Они должны распорядиться уверимыми им от общества суммами, давая в употреблении их отчет обществу и представляя таковой же на русском или польском языке в городах городничим, в казенных селениях — справникам, в помещичьих местах — помещикам под страхом суда и наказания по всей строгости законов, если отчеты даваемые ими начальству в чем-либо найдутся несходны с подлинными, даваемыми обществу. В прочем ни под каким предлогом не должны они без ведома начальства налагать новых податей под страхом не только взыскания со всего им положенного, но и законного суда и наказания.

Над всеми кагалами будь один Совет под именем Сенедрикан, составленный из трех заседателей, назначаемых по выбору, один для удержания Белорусской и Минской, один Литовских, а один для Вольнской, Киевской и Подольской [губерний]. В Совете сем будет председательствовать Абен Лайд равин. Все члены совета сбераются на три года и могут быть по истечении сего срока вновь избраны. Все они должны знать по крайней мере один из языков русский, немецкий или польский.

Должность Сынедрима

Судить по переносу на решения раввинов уездных все дело до религии касающееся, занематся всем, что до учреждения болесни, богоугодных заведений, училищ и книгопечатания относиться может.

Они разбирают все споры о должностях и обрадах верно. Во всех решениях своих они также как и раввины имеют перевес. Если голос его будет противясь другим, дело поступает на рассмотрение министерства, коему она принадлежит. К нему же поступают и жалобы, могущее быть на Сынедрим. В случае, если бы Сынедрим признал нужным представить на высочайшее усмотрение виды свое на совершенные участи евреев или к исправлению каких-либо злоупотреблений, сие ему дозволяется с уверением, что все правления его на общую пользу представления приняты будут с общим ко членам его благоволением.

НГАБ. Ф. 694. Воп. 4. Спр. 123. Л. 37—40адв. *Копія.*

Л і т е р а т у р а

1. Бершадский А. Положение о евреях 1804 г. // Восход. СПб., 1895. Кн. 1. № 2; Кн. 4. № 3; Марек П. Внутренняя борьба в еврействе в XVIII в. // Еврейская старина.

1928. Т. 12.; Гессен Ю. Евреи в России. СПб., 1906; Он же. Закон и жизнь. СПб., 1911; Он же. История еврейского народа в России. М.—Иерусалим, 1993; Шугуров М. Ф. История евреев в России. Русский архив. М., 1894. Вып. 2. № 4; Кн. 6. № 6; Никотин В. Н. Евреи земледельцы. СПб., 1887.
2. Гессен Ю. История еврейского... С. 144.

Публікація Я. К. Анішчанкі

**«ОПИСЬ ФОЛЬВАРКУ ИОЗЕФОВУ
С ДЕРЕВНЯМИ СЕРЕБРЕНЦЕМ И БАШИЦЕЮ
В РОГАЧЕВСКОМ ПОВЕТЕ ЛЕЖАЩЕМ» 1799 г.**

Введение

Публикуемая опись передаваемого в аренду за долг по векселю в 1000 червонных фольварка Иозефова с двумя деревнями Серебренцем и Башицею Рогачевского повета* дает замечательную возможность увидеть хозяйство фольварка, повинности крестьян и само население этих деревень конца XVIII в. Наличие двух польских оригиналов и двух произведенных в это же время переводов на русский язык позволило достаточно твердо прочесть непонятные места. Два варианта русского текста несколько отличаются друг от друга.

Абзацы видны в русском тексте, однако запятые, которые есть в польском варианте, почти исчезли, точки в конце предложений отсутствуют (даже в конце абзаца), предлоги пишутся слитно. Написание и стиль документа максимально сохранены, использованы лишь обычные приемы приведения текста к правилам современной орфографии. В тексте публикации использовано условное обозначение *-зр-* для знака рубля, применяемого в русской скорописи XVII—XIX вв. [1; 2; 3].

Состав семьи

В среднем в семье — хозяйственной единице в описываемых населенных пунктах — имеется около 6 членов. В деревне Серебренец проживало 45 человек и имелось 6 хозяйств, в деревне Башица — 159 человек и 28 хозяйств. При описании в двух деревнях 34 большие семьи, в них выделяются 55 брачных пар и четыре вдовца — главы хозяйства.

* Ныне Башица — деревня в Меркуловичском сельсовете Чечерского р-на Гомельской обл. Республики Беларусь. Расположена в 60 км от Рогачева, в 24 км от Чечерска, в 3 км к западу от центра сельсовета д. Меркуловичи, находится в 2 км от границы Буда-Кошелевского р-на с запада и в 10 км от границы Рогачевского р-на с севера. Входит в КСУП (коммунальное сельскохозяйственное унитарное предприятие) «Меркуловичи» (образовано из одноименной бывшей экспериментальной базы по выращиванию картофеля). По состоянию на 1.01.2003 г. (информация секретаря сельского исполнительного комитета Мясоедовой Л. М.) в деревне имеются 41 хозяйство, 65 человек населения, из них в возрасте до 15 лет включительно 4 человека, трудоспособное население — 18 человек (женщины от 16 до 54 лет, мужчины от 16 до 59 лет), пенсионеры — 43 человека. Средний размер семьи 1,6 человека. Преобладают женщины — 57%, часто главами хозяйств являются вдовы-одиночки. Земельные участки для обслуживания жилых домов и ведения личного подсобного хозяйства составляют 29,7 га обрабатываемых сельхозугодий (0,73 га на хозяйство — пашня и сенокосы), имеется 15 лошадей (около 0,4 головы на один двор), 19 голов крупного рогатого скота (около 0,5 коровы на двор), 32 свиньи (0,8 на двор), овцы отсутствуют, 230 птиц (5,6 голов на двор — гуси, куры, индюшки), пчел не держат.

Реальные структуры семей — хозяйственных единиц, описанных в документе, — можно свести к одной общей формуле:

родители (муж/жена) — дети (сыновья/дочери/пасынки) и их супруги (невестки/зятя) — внуки (внуки/внучки) + кровные родственники первой степени одного поколения (братья/сестры) и их супруги (братовые/швагры) — дети кровных родственников (племянники/племянницы) и их супруги + старшее несамостоятельное по возрасту или статусу поколение (матери, дядя).

Встречены следующие структуры семей (описание обобщенное):

родители — дети — 10 семей;

родители — дети и их супруги — 7 семей;

родители — дети и их супруги — внуки — 4 семьи;

родители — дети + кровные родственники — 1 семья;

родители — дети + кровные родственники и их супруги — 1 семья;

родители — дети + кровные родственники и их супруги — их дети — 3 семьи;

родители — дети + кровные родственники и их супруги + старшее несамостоятельное поколение — 1 семья;

супруги + старшее несамостоятельное поколение + не состоящие в браке младшие братья/сестры детского возраста — 1 семья;

родители — дети и их супруги + дети кровных родственников и их супруги — 1 семья.

Сопоставление частоты встречаемости проживающих с родителями женатых сыновей (иногда со своими достаточно взрослыми детьми) и возраста родителей позволяет догадываться, что один из сыновей в идеальном случае не должен был выделяться из большой семьи, а проживал совместно с родителями, обеспечивал помощь в ведении хозяйства и наследовал его.

Демографические показатели

Средний возраст жителей двух описываемых в инвентаре деревень около 29,6 лет (пропуски в описании возраста вынуждают некоторую часть личных данных реконструировать логическим путем для получения среднего значения). Средний возраст мужчин популяции составляет 31,2 года, женщин — 23,3 года. Максимальный возраст двух долгожителей-мужчин составляет 76 лет, долгожительницы-женщины — 65 лет.

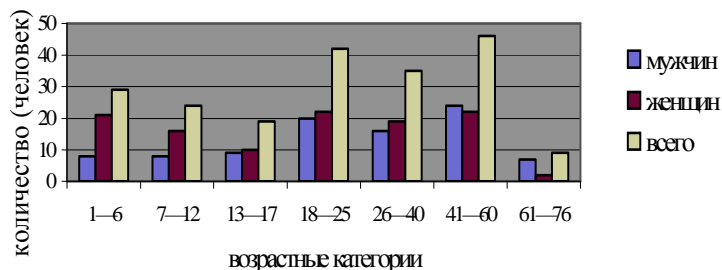
По полу без учета возраста жители делятся следующим образом: 45,1% (92 человека) — мужчины, 54,9% (112 человек) — женщины.

По возрастным категориям жители деревень распределяются следующим образом:

Возрастная категория (лет)	Мужчин (человек)	Женщин (человек)	Всего (человек)
1—6	8	21	29

7—12	8	16	24
13—17	9	10	19
18—25	20	22	42
26—40	16	19	35
41—60	24	22	46
61—76	7	2	9
Всего	92	112	204

Половозрастная структура деревень Серебренец и Башица

Свыше 36% составляет молодое поколение в возрасте до 18 лет, пожилые люди старше 60 лет составляют менее 5% населения в данной популяции.

Среди популяции в возрастной группе до 40 лет преобладают женщины, в старшей возрастной группе преобладают мужчины. Наиболее вероятное объяснение такого распределения — отсутствие ограничений в воспроизводстве и отсутствие квалифицированной помощи при родах. Очевидно, что ситуация обратна современной, когда средний возраст жизни женщин значительно превышает этот показатель у мужчин.

Судя по наличию пасынков, можно предположить, что в повторный брак вступила одна женщина, среди мужчин вдовцами оказались пятеро (в возрасте 40, 54, 67, 76 и 76 лет) и три женщины остались вдовыми со взрослыми детьми (в возрасте 44, 45 и 62 лет).

Минимальный фиксируемый возраст вступления в брак — 17 лет у женщин и 18 лет у мужчин.

Взрослая трудовая жизнь сельских детей начиналась после 12 лет — в описании деревень к «детям» отнесено лишь 50 человек, что соответствует для совокупности возрастному рубежу 12—13 лет. После 12 лет деревенские подростки обоего пола учитывались в графе «рабочие».

Разница в возрасте супругов составляет в среднем 4,45 года в абсолютном значении, мужчины обычно старше (разница в пользу мужчин составляет 3,25 года). В 10 парах старше женщины, в девяти супруги явля-

ются ровесниками, в 35 парах старше мужчины. Другими словами, в 2/3 брачных пар старше супруг.

Максимальная разница в возрасте супругов, в случае, если старше женщина, — 7 лет, если старше мужчина — 16 лет. Средний возраст мужчин, состоящих в браке со старшей по возрасту супругой, составляет 33 года, средний возраст мужчин, состоящих в браке с младшей по возрасту супругой с разницей свыше пяти лет, составляет 49 лет. Полученные числовые характеристики указывают на повторные браки вдовых мужчин, не отраженные прямо в документе, а в совокупности с половозрастной структурой — на повышенную по сравнению с мужчинами смертность в фертильном возрасте.

У вдовых мужчин старших возрастных групп при данных половозрастных характеристиках популяции была большая вероятность брака со значительно более молодой супругой, причем чем старше был мужчина, тем больший разрыв в возрасте супругов можно ожидать.

На 15 невесток приходится лишь 4 зятя, что говорит о практике ухода замужней дочери в семью зятя (тестя).

Из 11 проживающих совместно с хозяином братьев 7 являются женами. При большинстве женщин в популяции совместно с братьями проживают лишь три сестры, из них одна замужняя. Эти цифры также подтверждают практику ухода замужней дочери в семью зятя (тестя).

На большую семью приходится приблизительно по одному проживающему с ней сыну (половина сыновей взрослые, имеют свои семьи), по одной дочери, на каждую вторую приходится внук или внучка, на каждую третью — братовая или шурин, на каждую вторую — невестка, на каждую вторую — брат или сестра, на каждую четвертую — племянник или племянница.

Антропонимика

Лишь глава семьи имеет патроним (считать фамилиями без проверки вторую часть двусоставного именованья не следует, хотя и патронимом здесь она названа условно). Подавляющее большинство патронимов отыменные, но среди фиксируемых 34 есть и два аппелятивных патронима (Бурянов, Ковалионок). Для образования патронимов используется суффикс *-ов/-ев-* и очень редко, когда возникает омонимия патронима с именем либо нет фонетической возможности создания производного на *-ов/-е-*, суффикс *-ин/-ын-* (Яковин от Яков, Кузмин от Кузьма).

Отчетливо прослеживаются особенности белорусского произношения, уцелевшие в двух последовательных переводах имен (вначале на польский, затем на русский). Также хорошо заметен польский язык исходного документа (Кристина, а не Христина, Алиона, а не Алена и т. д.). Как и весь документ, антропонимическая часть его является памятником функционировавшего в конце XVIII в. в белорусско-польскоязычной среде официального русского языка.

Мужской именник имеет длину в 55 имен (при 92 носителях), женский гораздо беднее и насчитывает только 38 имен (при 112 носителях).

Мужские имена	Колич.	Женские имена	Колич.
Агафон	1	Авгинья/Евгения	2
Акула	1	Авдотья/Евдокия	12
Амельян	1	Агапа/Агапья/Агафия	8
Андрей	6	Агрипина/Гарпина	4
Аникей	1	Аксинья	1
Антон	1	Акулина	2
Аусей	1	Алиона/ Елена	2
Борис	1	Анна	2
Василь/Вася	5	Арина/Ирина	4
Гаврила	2	Вася	2
Гришка	2	Варка	2
Данила	1	Вера	1
Емильян	1	Зена	2
Есип/Осип	2	Катерина	3
Ефим	1	Кристина	2
Ефрем	1	Маланья	3
Захар	1	Марина /Марьяна	4
Змитрок	1	Марья/Мария	14
Иван	9	Марьяна	1
Игнат	1	Матрона	4
Карней	1	Наста	4
Кондрат	1	Наталья	8
Кузьма	2	Паладя	2
Ларион/Ларка	2	Парасья	5
Леон	2	Пелагея	4
Лукьян	1	Пиокла	1
Марк	1	Прося	1
Мартин	1	Татьяна	1
Матвей	1	Ульяна	6
Михаил/Михайла	3	Федосья/Хадосья	3
Нестер	1	Хадора/Ходора	2
Никита	3		
Никифор	1		

Николай	2
Пархом/Прахом	2
Петр	1
Платон	1
Пракоп/Прокоп	2
Рафал	1
Роман	1
Савка	1
Семен	1
Сергей	2
Сидор	2
Сила	1
Степан	5
Тарас	2
Тит	1
Тихон	1
Федор	1
Федос	1
Яким	1
Яков	3

Наиболее популярными мужскими именами являются Иван (8), Андрей (6), Василий (5) и Степан (5); женскими — Марья (14), Авдотья (12), Агафья (8), Наталья (8), Ульяна (6) и Параскевья (5). Среди патронимов популярными являются отыменные Иванов (5), Кондратов/Кондратьев (3), Харитонов (3).

По женским именам можно заключить, что в речи местного населения не использовался звук «ф», происходила его замена на «п» или «х»: Пиокла (Фекла), Прося (Фрося), Хадосья (Федосья), Хадора/Ходора (Федора). Подобное явление встречается и в патронимах: используется форма Никипаров вместо Никифоров.

Интересно сравнить данные по антропонимии одного и того же населенного пункта через два века. В XX в. во главе списка мужских имен в Башице по-прежнему останется Иван (Иван, Александр, Василий — в порядке убывания), однако на поколение ранее, судя по отчествам, оно было на втором месте (Николай, Иван, Василий — в порядке убывания), в женском именнике положение самого популярного имени изменится: имя Мария окажется на втором—третьем месте (Татьяна, Анна, Мария — в порядке убывания). Мужской именник XX в. оказался на четверть короче женского,

тогда как в конце XVIII в. был в полтора раза длиннее женского. Среди форм фамилий отыменными оказались лишь 43%, тогда как в конце XVIII в. почти все патронимы были отыменными. Пожалуй, это свидетельствует в пользу предположения, что в конце XVIII в. в данной местности приходится иметь дело именно с патронимами, которые образовывались от имени отца. В пользу данного предположения говорит и отсутствие количественного преобладания носителей нескольких одинаковых фамилий над остальными жителями деревни, обычного для деревень в XX в. (в Башице в начале XXI в. более трети жителей деревни носят две фамилии — Леончиков и Торговцов). Фамилии данной местности, как ранее патронимы, образованы в основном с использованием суффикса *-ов/-ев-*.

Инвентарь фольварка

Обращает внимание наличие в инвентаре фольварка лишь двух категорий тарной посуды — горшков и горлачей (не считая кув для водки).

Представляет интерес подробное описание инвентаря винокурни, главными в которой являются два больших медных котла и шесть медных труб; они в совокупности представляют аппарат для дистилляции алкоголя.

Повинности крестьян, их имущество

Крестьяне обязаны служить лошадьми, в годовые подати входят бараны, гуси, куры, яйца, мед, растительное масло, пенька, лен, хмель. Зерновые культуры не входили в перечень повинностей — товарное зерно производилось на фольварке. В зависимости от количества обрабатываемой земли платились и подати. Извоз заменялся на денежную плату пропорционально количеству земли в хозяйстве. Войт был «волен от пригона».

Обращает внимание, что подавляющее большинство крестьян держало пчел и выращивало хмель.

В среднем в подати от продуктов животноводства ежегодно уходили каждая двадцатая овца, десятый гусь, третья курица, три десятка яиц.

В средней семье из шести человек имелись две рабочие лошади, жеребенок, три коровы, теленок, три свиньи, девять овец, четыре гуся, девять кур, три улья пчел и более четверти волоки обрабатываемых сельхозугодий.

Интересно сравнить полученные средние данные для конца XVIII в. с современными. С учетом уменьшения размера средней современной семьи д. Башица в начале XXI в. можно говорить, что ныне в Беларуси находится в личной собственности работающего в сельскохозяйственном предприятии (некий аналог фольварка XVIII в.) человека в 2 раза меньше лошадей и коров, такое же количество свиней, почти в 2 раза больше птицы, в пользовании также находится в 2 раза меньше земли (см. примечание на стр. 258).

* * *

Опись фольварку Иозефову с деревнями Серебренцем и Башицею в Рогачевском повете лежащем — и по указу Рогачевского поветового суда при

добровольной отдаче сего имени госпожею войскою оимьянскою Мариєю Сулистравскою в арендное содержание г-ну шамбеляну Ивану Плеваце до wyboru следуемых от ней ему 1000 червонных при свидетелях околичной шляхте 1799-го года июля дня учиненная.

Описание фольваркового строения

Деревянный дом или ветхая офицына с сосновых круглых бревен о четырех комнатах с сеньми и напротив пекарня под одною кришею, дором крыта *, в оной дверей пятеро на железных завесах, окошк побитых мелкого стекла пять, печей две 1-я с зеленых 2-я с белых кафиль, каминов два, потолок и пол с тарниц ветхих, выделка сих комнат вытерлась, в пекарне печь простая с кирпичей, окон малых трое, дверь на деревянных завесах одна, в сенях молочница с тонких бревен, в заде офицыны пекарня другая с сеньми и приделанным чуланом, дверь оных на деревянных завесах, без стеклянных окон вовсе опущена, с другой стороны офицыны ледовня новая с льдом, к реке по правой стороне амбарик, при нем хлевцов два под одною крышею с драниц, напротив офицыны скотной дом с выпуском, деревянным забором огороженной, в котором хлева три соломою крытый, там же на выпуске поветь дором крыта и сарай для сложения сена соломою покрытый, при всех сих строениях дверь на деревянных завесах, по левой стороне офицыны от ворот амбар новый с дерева круглого дором покрытый дверь на железных завесах с тремя пробоями в середине вымощен в нем за кормами, рядом при амбаре повет и далее рядом амбарчик, хлевок, конюшня, и другой хлевок под одною соломянною кришею сей дом вокруг забором огорожен.

С другой стороны офицыны за воротами овин в нем суши две, ворот двое, дором покрытый, там же сарай новый и для клажи хлеба соломою крытые повети две и 4 переплюты или загорожи, винокурня при мельнице над спуском воды в ней двери двойные на деревянных завесах в длину сажни 9, а в ширину 7 дором крыта при винокурне изба для винокура с печью простою и одним малым окошком там же воловня с воротами соломою крыта.

Мельница об однем поставе на реке Серебренке со всем снарядом в ней дверь простой замок деревянный с полом — покрыта дором.

От фольваркового строения чрез дорогу корчма ветхая, то есть изба с коморкою без стеклянных окон сени ничем непокрыты, там же ветхая канюшня соломою крыта, таковое все строение ничем не огорожено.

Посуда фольварковая

Дежа хлебная — 1

Кади варенных старих — 3

Полкадей — 1

Бойка масляная — 1

* Надо полагать, при использовании определения «дор» здесь и далее речь идет о дранке.

Дойница — 1
 Ведро — 1
 Гаршков — 6
 Гарлачев — 5
 Карыг старих — 3
 Карабов — 2
 Карабок — 4
 Рашато — 1
 Ухват железный — 1
 Скворода — 1
 Ведро жестяное — 1
 Четверух — 2
 Каравать подвойная — 1
 Каравать одинаковая — 1
 Столов небольших — 2
 Стульчиков — 2
 Зедлев* — 2

Посуда винокурная

Котлов медных два Н-ро** 2-й из них большой лаплены весом фунтов 80, лап имеет 5

2. Меншой весом фунтов 60 тож починяты в верху
 2. Труб медных 6, всего фунтов дватцать шесть
 3. Катиол один чигунный старий

Чанов на затор — 4
 Кругов соломинных — 3
 Насаток — 5
 Становка — 1
 Куфа старая в амбаре — 1
 Куфа с укусом — 1
 Черепах — 3
 Бочка на ледовне — 1
 Лейка деревянная — 1

В амбаре водки куф пять — опечатанная Г-м Шамбеляном Плевакою находится

Скот

Корова сполова страката одна № 1

* Зедлев здесь косв. падеж мн. числа от «зедель» — табурет (от польск. zydel).

** Здесь «Н-ро» от латинского Nummero, сократившегося до «№» с позднейшей потерей падежного окончания в косвенных падежах. «№» — обычное указание в польскоязычных документах XVI — начала XIX в. на цифровые данные, переданные цифрами.

Корова сивостраката дойная одна № 1
 Корова дойная половая одна № 1
 Корова половая телная одна № 1 Итого 7
 Тиолка половая одного года № 1
 Бык сивостракатый лет 3-х № 1
 Бычок малый недель 3-х № 1
 Коз две и один козел Итого 3
 Овец старих шесть
 Баранов старих два Итого 10
 Ягнят сегодичных двое
 Свиння сивая старая одна
 Свиней белых старих две
 Кабан большой для стада один Итого 11
 Парасят малых четверо

Птицы

Гусей старих с молодыми десять Итого 13
 Да еще молодых трое
 Индеек старих пять
 Индюков старих двое Итого 27
 Молодых дватцать
 Уток старих восемь
 Селезень старой один Итого 29
 Молодых дватцать
 Курей старих двое
 Певень один Итого 17
 Молодых четырнадцать
 Пчел в ульях пятеро № 5

В амбаре семя льняного нечистого одна четверуха. Кроме сего никакого болие хлеба в оном фольварке в зерне не находится.

Деревня Серебренец*

1. Василь 58 Харитонов жена Марына 45 сыны Игнат 20 Василь 10 дочери Зена 23 Арина 9 невестки Ульяна 20 Марина 18 зять Василь 25 внуки Михаил 4 Петр 2 Агапа 4 Прося 2 Евдокия 1/2 Наста 2 Марья 3 на плату

2. Андрей 62 Иванов жена Ульяна 46 сыны Рафал 21 Прокоп 20 дочерь Агапа 13 Марья 8 невестка Парасья 23

3. Сергей 48 Гаврилин жена Наста 34 дочери Марья 4 Федосья 4

* Описание семейств размещено в середине оригинальной таблицы документа, слева в таблице — перечень имущества и количество используемой земли, справа — величина податей. Сначала идет роспись имущества, земли и податей деревни Серебренец из шести дворов, после пробела — деревни Башицы. В публикации все части связаны общей нумерацией, которую в оригинале имело лишь описание семей.

11.	4	1	5	—	4	2	5	2	10	5	5	3	10	10	7	10	—	—	1
12.	2	—	2	—	1	—	2	1	5	2	3	2	—	2	4	—	—	1	—
13.	3	—	3	—	2	2	3	1	7	3	4	5	—	2	4	5	—	1	—
14.	2	—	2	—	1	—	2	—	4	3	1	—	—	2	10	1	1	—	—
15.	2	—	2	—	2	2	1	—	5	3	3	2	2	2	5	—	1	—	—
16.	4	—	5	—	4	1	4	2	8	4	6	2	5	6	10	5	—	—	1
17.	2	—	2	—	3	—	3	—	4	2	4	3	—	4	9	—	—	1	1
18.	2	1	2	1	2	2	3	1	6	5	2	2	—	—	—	14	—	1	—
19.	2	—	2	—	2	—	3	1	5	3	3	3	6	5	4	—	—	1	—
20.	2	—	2	1	3	—	2	1	5	4	2	1	3	3	5	4	1	—	—
21.	5	—	2	1	4	1	6	2	10	7	7	3	5	5	9	8	1	1	—
22.	2	1	2	1	1	—	2	1	5	3	3	2	—	5	7	1	—	1	—
23.	3	—	3	1	2	—	5	—	7	5	4	3	2	4	10	—	1	1	—
24.	1	2	1	—	1	—	1	1	4	2	2	—	—	3	6	—	1	—	—
25.	2	—	2	2	2	—	2	2	4	2	2	3	5	7	6	—	1	—	—
26.	2	—	2	1	1	1	2	1	4	—	4	4	—	3	7	—	1	—	—
27.	1	—	2	2	2	1	3	1	5	—	4	—	—	4	7	—	1	—	—
28.	2	—	2	—	3	—	6	2	8	5	6	5	5	5	18	3	—	1	—
6	11	9	10	14	13	3	14	10	23	22	15	12	—	8	19	37	—	—	3
28	66	7	67	20	52	21	77	30	169	39	97	55	60	99	178	76	¾	—	16
34	77	16	77	34	65	24	91	40	192	111	112	67	60	107	197	117	¾	—	19

Третья строчка снизу — «В деревне Серебренец»
 Вторая строчка снизу — «В деревне Башицы»
 Первая строчка снизу — «А всего в обеих деревнях»

	Прогон			Подати годовые						Олей		Лион		Хмель		
	недельный	згон годовой		мед	пенька	бараны	гуся	куры	яйцы	гарцы	кварты	повесмы	пововесмы	осмины	гарцы	
1.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
2.	22	1	2	2	2	—	—	—	1	10	—	—	—	—	—	
3.	2	1	2	2	—	—	—	—	1	10	—	—	—	—	—	
4.	3	2	2	2	4	—	—	—	2	20	—	—	—	—	—	
5.	3	2	2	2	—	—	—	—	2	20	—	—	—	—	—	
6.	3	2	2	2	28	—	—	—	2	20	—	—	—	—	—	
1.	3	2	2	2	10	4	½	½	4	30	½	1	1	—	1	4½
2.	3	2	2	2	2	3	½	½	4	30	½	—	1	—	1	—
3.	1	1	2	2	—	1	1/6	1/6	1	10	—	1/3	—	¾	—	6

4.	3	2	2	2	8	3	½	½	4	30	½	—	1	—	1	—	—	—
5.	3	2	2	2	10	3	½	½	4	30	½	—	1	—	1	—	—	—
6.	3	2	2	2	8	3	½	½	4	30	½	—	1	—	1	—	—	—
7.	1½	1	2	2	8	1½	¼	¼	4	30	¾	—	1	—	1	—	—	—
8.	4	2	2	2	8	4½	¾	¾	5	40	¾	—	1	1	1	1	4	—
9.	1½	1	2	2	—	1½	¼	¼	4	20	¾	—	—	1	—	—	—	4
10.	1½	1	2	2	—	1½	¼	¼	4	20	¾	—	—	1	—	—	—	4
11.	6	4	2	2	20	6	1	1	8	60	1	3	2	—	2	—	—	—
12.	3	2	2	2	10	3	½	½	4	30	½	—	1	—	1	—	—	—
13.	3	2	2	2	10	3	½	½	4	30	½	—	1	—	1	—	—	—
14.	1½	1	2	2	2	1½	¼	¼	2	15	—	1	—	1	—	—	—	4
15.	1½	1	2	2	2	1½	¼	¼	2	15	—	1	—	1	—	—	—	4
16.	6	4	2	2	10	6	1	1	8	60	1	—	2	—	2	—	—	—
17.	—	—	—	—	—	3	½	½	4	30	—	2	1	—	1	—	—	—
18.	3	2	2	2	28	3	½	½	4	30	—	2	1	—	1	—	—	—
19.	3	2	2	2	—	3	½	½	4	30	—	2	1	—	1	—	—	—
20.	1½	1	2	2	8	1½	¼	¼	2	15	—	1	—	1	—	—	—	4
21.	4½	3	2	2	16	4½	¾	¾	6	45	—	3	1	1	1	1	4	—
22.	3	2	2	2	2	3	½	½	4	30	—	2	1	—	1	—	—	—
23.	4½	3	2	2	—	4½	¾	¾	6	45	—	3	1	1	1	1	4	—
24.	1½	1	2	2	—	1½	¼	¼	2	15	—	1	—	1	—	—	—	4
25.	1½	1	2	2	—	1½	¼	¼	2	15	—	1	—	1	—	—	—	4
26.	1½	1	2	2	—	1½	¼	¼	2	15	—	1	—	1	—	—	—	4
27.	1½	1	2	2	—	1½	¼	¼	2	15	—	1	—	1	—	—	—	4
28.	3	2	2	2	6	3	½	½	4	30	—	2	1	—	1	—	—	—
	13	8	—	—	34	—	—	—	8	80	—	—	—	—	—	—	—	—
	74	49	—	—	156	78	14	14	105	785	14	¾	26	¼	26	6	—	—
	87	57	2	2	190	78½	14	14	113	865	14	¾	26	¼	26	6	—	—

Опись дворных огородов

Огородов фольварковых три: один овощный полевой стороны фольварка за дорогою над берегом реки Серебренки, в котором овощи и ярица посеяны, другой огород за оборою и винокурней в котором одна ярица посеяна, 3-й огород выше фольварка за дорогой свержанской которий засеен пшеницей, ячменем, коноплями и горохом.

Опись змен дворных

Земля фольварковая в 3-х зменах неравных собою ибо по распросу у тамошних крестьян можно бы по настоящему уравнению засеять всякой по 30 четвертей.

А именно

1. Змена селище на котором ныне посеяна рожь

2. Кобыльи лажок на котором ныне засеяна ярь
3. Полоски на будущие годы под рожь

Опись сенокосов дворных

Сеножати фольварковые имеют свое положение под рекой Серебрянкою которых 4.

1-я Дзятковского на оным накашивается возов зимовых хозяйских десять.

- 2 Ничипоровского на оным також возов 10
- 3 Подкустком на оным накашивается возов зимовых 5
- 4 Шевцовская на оным накашивается також возов — 4

Опись высеянного озимого ярового хлеба

По объявлению дворового войта Якима Яковина оказывается на сей 1799 год высеянного всего хлеба

А именно

	четверть	четверик	гарнцов
Ржи на 28 гарнцов квартожка	24	3	9
Пшеницы на таковую ж меру	—	3	—
Ячменю на таковую ж меру	1	2	—
Овса	24	—	—
Гречихи	9	—	—
Ярицы	3	2	—
Гороху	—	1	—
Проса	—	—	12
Семян конопляного	—	3	—
льняного	—	2	—

Объяснение относящиеся до корчм содержателя и свободных от господской работы крестьянских хат и прочих.

В деревне Серебреньке по уничтожении евреев госпожею Супистровскою винная продажа обще с мельницей, сукновальней и сенным покосом на 15 возов сена от несколько уже лет до нынешнего времени отдаваемы были серебренькому крестьянину Василию Харитонову с платежом в год по 300 -*зр*- ходячею российской монетою он же Василий особенно платит поземельного 50 -*зр*- подле того освобожден от всех господских работ и податей.

В деревне Башицы за винную продажу рогачевский мещанин еврей Зейлик Абрамов платит годовой аренды 160 -*зр*- ассигнациями принадлежащие к фольварку Иозефову крестьяне служили подорожину зимнем временем с лошастью куда двор повелит, а ныне за таковую соглашаются платить с четвертки земли по 3 -*зр*- на ассигнации. Войт дворовый назначается по году с деревни и за сию службу хата его освобождается от пригону, подати же следуемые с земли отдавать должен, сторож и сторожовка с дерев-

ни Башицы в фольварк Иозефов ходить должны по очереди, молотба хлеба доселе производилась с пригону — обыкновенный пригон с деревни Башицы — разделяется на две недели в одну одна половину, а в другую другая следуют пригон. Сие поверено в лице околичный шляхты на подлинным подписано Заседатель Елиян Малиновский заседающий. При таковой описи фольварка Иозефово и деревень Серебреньцы и Башицы свидетелем был Франц Именинский при вышеучиненном описании свидетелем был яко неумеющий грамоты тремя крестиками подписал Иван Устинович.

Переводчик Иван Войцеховский

Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 3215. Оп. 1. Д. 41. Л. 70—75.

Публикация И. И. Сінчука

Л и т е р а т у р а

1. Воробьева, Е. В. Забытый знак российского рубля / Е. В. Воробьева, Ю. Н. Калашников, И. И. Сінчук // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород 16—21 апреля 2001 г.: Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 271—272.
2. Сінчук, И. И. / И. И. Сінчук. Многоликий знак рубля // Нумизматика. 2006. № 12. С. 49—56.
3. Сінчук, И. И. / И. И. Сінчук. «Дума» о знаке российского рубля // Сінчук И. И. Итоги — 50. Минск, 2007. С. 44—53.

ПОСТАЦІ

М. В. Стрелец

ЭМАНУІЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ИОФФЕ
КАК ИСТОРИОГРАФ И ИСТОЧНИКОВЕД

(К 70-летию со дня рождения)

20 марта 2009 года исполнилось 70 лет со дня рождения Эмануила Григорьевича Иоффе, доктора исторических наук, профессора Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка. Предстоящий юбилей — весьма удобный повод для основательного осмысления вклада ученого и педагога в развитие науки и прежде всего тех моментов его соответствующих изысканий, которые до сих пор остаются вне интереса исследовательского корпуса. Одним из этих моментов является комплексный анализ работ Эмануила Григорьевича в области историографии и источниковедения. Именно в восполнении данного пробела заключается задача настоящей статьи.

Убедительная реализация Э. Г. Иоффе как историографа и источниковеда была предопределена возможностью получения фундаментальных научных знаний, приобретением широкого спектра соответствующих умений и навыков в период обучения на историческом факультете Белорусского государственного университета, принадлежностью к научной школе выдающегося белорусского ученого Зиновия Юльевича Копыцкого, перманентным самообразованием. Степень этой реализации такова, что Эмануила Григорьевича по праву можно причислять к лидерам отечественных историографии и источниковедения.

Основные этапы научных изысканий Эмануила Григорьевича как историографа таковы: 1) работа над кандидатской диссертацией; 2) написание докторской диссертации; 3) историографические исследования в качестве доктора исторических наук.

Первый этап занял 1969—1975 гг. Его главный итог — защита в 1975 г. в Институте истории АН БССР кандидатской диссертации «В. И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма (XV—XVII вв.)» [2].

Широкий резонанс вызвал отличный отзыв на автореферат диссертации академика АН СССР, действительного члена Академии педагогических наук СССР, лауреата Государственной премии СССР М. В. Нечкиной. В этом отзыве, в частности, говорилось:

«Тема выбрана автором удачно. В. И. Пичета — крупный ученый и историографическая работа о нем необходима. Вклад его в исследование социально-экономических процессов в Белоруссии в эпоху феодализма весьма значителен, а его путь — от буржуазной идеологии к марксизму — достоин внимательного изучения.

Автор использовал большой круг источников, подверг их тщательному изучению, выяснил эволюцию мировоззрения и методологии ученого. Достоинством работы является привлечение не только печатных, но и архивных материалов — данных из дел, хранящихся в ЦГАОР, из архивов Академии наук СССР и Академии наук БССР, а также Института истории АН СССР и других научных учреждений. Использование многочисленных воспоминаний учеников и современников ученого — большое достоинство работы. Эти материалы могли бы частью исчезнуть вообще без следа, если бы не труд диссертанта. За сбор этих данных автору работы надо сказать большое спасибо.

Автор внимательно отмечает и слабые стороны историка, и его сильные стороны, возрастающие в силу по мере приближения в сторону марксизма. Выявлено, в каком отношении труды В. И. Пичеты послужили марксистскому познанию социально-экономических процессов в Белоруссии в трудах советских историков, в чем состоит вклад ученого в историческую науку. Концепция диссертации, ее структура и выводы представляются мне правильными» [1].

Наиболее значимый труд ученого на втором этапе его историографических изысканий — монография «Из истории белорусской деревни (Советская историография социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII — первой половины XIX в.)», увидевшая свет в 1990 г. [24]. Конечно, Э. Г. Иоффе начинал исследовательский процесс не с чистого листа. Отечественные ученые В. Н. Михнюк, З. Ю. Копыцкий, В. В. Чепко еще до выхода названной монографии четко обозначили свое присутствие на соответствующем исследовательском поле. Вместе с тем профессор выступил в качестве пионера по ряду позиций.

«Во-первых, его монография — это первое комплексное исследование советской историографии социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII — первой половины XIX в., которое поражает своей источниковой базой. Автор использовал обширный материал — книги, брошюры, статьи, общие обзорные труды, сборники документов, кандидатские и докторские диссертации, материалы дискуссий и симпозиумов, рецензии, библиографические указатели.

Во-вторых, если предыдущие исследования рассматривают работы только белорусских историков, то автор ... [настоящей. — М. С.] книги анализирует также труды русских и украинских, литовских и польских историков.

В-третьих, Э. Г. Иоффе ввел и вернул в научный оборот десятки исследований, не известных не только широкому кругу читателей, но и историкам-аграрникам. Важно, что он дал должную оценку творческому наследию советских историков, ставших жертвами необоснованных репрессий в 30—40-х гг. Речь идет о таких ученых, как В. И. Пичета, К. И. Кер-

ножицкий, Ф. И. Забелло, М. В. Мелешко, А. О. Шлюбский, В. К. Щербатов, Н. Н. Улащик, Е. П. Шлосберг, В. Д. Друщиц.

В отличие от большинства историографических исследований Э. Г. Иоффе анализирует не только творческие успехи историков в освещении тех или иных проблем, но и акцентирует внимание читателя на серьезных недостатках многих работ, спорных и нерешенных проблемах» [25, с. 94]. Для подтверждения важно отдельно рассмотреть советскую историографию 1917—1945 гг. и советскую историографию послевоенного периода, что и делает маститый ученый.

По сравнению с кандидатской диссертацией ученый формулирует еще более отшлифованные выводы насчет вклада В. И. Пичеты в анализируемую проблематику, не меняя их суть. «В. И. Пичета поставил вопрос о причинах крестьянских волнений в Беларуси в эпоху феодализма и объяснил их ухудшением экономического положения крестьянства, усилением крепостного права. Именно он совершил попытку раскрыть характер и формы крестьянских волнений, роль государства в подавлении крестьянских выступлений, причины их поражения. Первым из советских историков В. И. Пичета привел факты классовой борьбы крестьянства Беларуси в первой половине XIX века» [26, с. 119].

Кроме В. И. Пичеты, на анализируемом ученым исследовательском поле в указанный период наиболее продуктивно себя профилировали М. В. Мелешко и А. А. Шлюбский. Несмотря на описательный характер работы этнографа А. А. Шлюбского «Паны и крестьяне в первой половине XIX века», он знакомит нас с волнениями крестьян Витебщины в 1847 г., а также с крестьянскими выступлениями 1821 г. и 1840—1861 гг. на Минщине.

Э. Г. Иоффе так характеризует творческое наследие М. В. Мелешко: «Труды М. В. Мелешко ценны прежде всего тем, что в них сделана попытка классификации форм антифеодального протеста белорусских крестьян во второй трети XIX века. Интересен вывод ученого, что держать в покорности этих крестьян можно было только с помощью большого количества войск. Заслуживает внимания заключение М. В. Мелешко, что на протяжении всего предреформенного периода в XIX веке «крестьяне вели непримиримую борьбу со своими помещиками за освобождение от крепостного права» [26, с. 120].

Вместе с тем профессор обращает внимание и на моменты, которые снижают научную значимость трудов М. В. Мелешко и А. А. Шлюбского. Он с сожалением констатирует на их примере наличие «стереотипа, который сложился в советской исторической науке, о постоянном ухудшении положения белорусского крестьянства в эпоху феодализма».

«Приводя мысль М. В. Мелешко о том, что крестьяне Минской губернии в первой половине XIX в. «переносили непомерно тяжелый гнет, отдавая двору помещика все достояние своего труда», Э. Г. Иоффе замечает:

«Трудно согласиться с таким выводом. Что-то же оставалось, ибо иначе крестьянин и его семья не смогли бы жить».

В том же 1924 г. А. А. Шлюбский писал: «Барщину крестьяне отбывали каждый день недели, а работу в своих собственных хозяйствах они должны были выполнять ночью. Эта семидневная работа в неделю для помещика и ночная для себя страшно мучила крестьян, которым помещик почти ничего не давал ни из еды, ни из одежды, ни из семян». Оценивая это утверждение А. А. Шлюбского, автор ... книги не соглашается с ним, поскольку исследования советских историков по данной проблеме, основанные на многочисленных источниках, не подтверждают этого вывода» [26, с. 120].

Ученый проявляет максимум объективности и при обращении ко второму временному отрезку, который включал агонию сталинского режима, хрущевскую «оттепель», частичную ресталинизацию, первые годы горбачевской перестройки. Разумеется, перечисленные периоды в общественно-политическом развитии СССР наложили свой отпечаток на исследовательский процесс, что было четко уловлено Э. Г. Иоффе. Их сложность и противоречивость, многообразие в содержательном плане, беспрецедентный объем работы, выполненный историками-аграрниками, закономерно предопределили то обстоятельство, что «самый большой раздел ... книги посвящен развитию историографии исследуемой проблемы в 1945—1987 гг. Впервые в нашей стране предметом специального историографического изучения стали такие ключевые вопросы, как феодальная земельная собственность и феодалы как класс, феодальное хозяйство, категория крестьян, проблема крестьянского землепользования, эволюция социально-экономического положения крестьян, дифференциация крестьянства и проблемы крестьянской общины, причины и формы классовой борьбы крестьянства.

Раскрывая эти вопросы, Э. Г. Иоффе рассматривает труды Д. Л. Похилевича, П. Г. Козловского, Я. Н. Мараша, В. И. Мелешко, Н. Н. Улащика, В. В. Чепко, Н. М. Дружинина, А. П. Игнатенко, А. П. Артюшевского, П. О. Лойко и других исследователей. Он освещает достижения советских историков 1945—1987 гг. в сравнении с дореволюционными историками, а также с историками 1917—1945 гг. в исследовании социально-экономического положения двух основных классов феодального общества, классовой борьбы белорусского крестьянства...

Э. Г. Иоффе ... акцентирует внимание читателей на том, что как и всей советской исторической науке советской историографии социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII — первой половины XIX в. был свойственен догматизм, схематизм, односторонность в освещении ряда проблем и явлений...

Одно из главных достоинств книги Э. Г. Иоффе заключается в том, что в ней впервые в советской историографии данной проблемы сделана попытка раскрыть методологию и методику работы ряда историков.

Напомним известные слова К. Маркса, что «... не только результат исследования, но и путь, который к нему ведет, должен быть правдивым. Исследование истины само должно быть истинно», автор книги показывает методы исторического исследования, которыми пользовались исследователи данной темы.

... Самые интересные те страницы, где сравнивается методика исследования двух историков — Д. Л. Похилевича и П. Г. Козловского. Именно так должны создаваться историографические труды» [26, с. 120].

«Работа по историографии всегда весьма сложная. Она требует от историка глубокого и всестороннего знания предмета, знакомства с большим количеством источников и достаточной принципиальности. Э. Г. Иоффе отдает должное и тем историкам, которые сегодня не в почете (Л. С. Абецедарский, А. П. Пьянков и др.), приводит точку зрения авторов, которые берут на себя смелость бросить вызов большинству своих собратьев по цеху.

Так, журнал «Советское славяноведение» (1988 г., № 3) опубликовал дискуссионное письмо А. П. Грицкевича, В. П. Грицкевича, А. И. Мальдиса под названием «Неужели запрещенная зона?». Они, в частности, пишут: «Самое большое, что появляется под их (представителей белорусской историографии) фамилиями, — это публикации по конкретным вопросам с перечислением отдельных источников... Эти работы имеют недостатки проблемности, в них нет должной объективности». И далее: «Многие ошибки в работах ряда белорусских историков вызваны тем обстоятельством, что они рассматривают события в Беларуси феодального периода исключительно с точки зрения России. Из-за этого взгляда оправдываются почти все действия царских властей на территории Беларуси того времени».

Книга Э. Г. Иоффе лишена искусственных ссылок, сносок и призывов в адрес КПСС, пустых утверждений, что только благодаря ее неустанным заботам историческая наука БССР добилась своих успехов. Вместе с тем приводятся и принципиальные, конкретные и политические решения Коммунистической партии, без которых развитие исторической науки в республике на самом деле было бы невозможным» [30].

«Содержание... книги значительно шире, чем ее название. Хотя предметом исследования стали труды, написанные в 1917—1987 годах, Э. Г. Иоффе рассматривает некоторые работы, написанные в 1988—1989 годах. Несмотря на то что хронология темы должна заканчиваться первой половиной XIX века, на самом деле рассматриваются исторические события до 1861 года — года отмены крепостного права» [31].

Принципиально важно отметить широкие возможности внедрения результатов анализируемых научных изысканий. Они постоянно учитываются авторами научных трудов, учебных пособий, разработчиками учебных программ, преподавательским корпусом [32].

Настоящая монография явилась базовой для одноименной докторской диссертации, защищенной Эмануилом Григорьевичем в Институте истории Академии наук Республики Беларусь в 1993 г. Диссертация была высоко оценена официальными оппонентами З. Ю. Копыским, В. Н. Михнюком, И. А. Юхо, оппонировавшей организацией — Белорусским государственным экономическим университетом.

На втором этапе ученый и педагог обращается к пичетоведению и в более широком плане, о чем свидетельствовала его непосредственная причастность к появлению книги «Академик В. И. Пичета. Страницы жизни» [29]. Эта книга была «итогом первых чтений, проведенных в БГУ им. В. И. Ленина в честь 100-летия со дня рождения Владимира Ивановича Пичеты — известного дореволюционного и советского историка, одного из основателей и первого ректора Белорусского государственного университета, инициатора создания Института белорусской культуры и Академии наук БССР, Института славяноведения Академии наук СССР и кафедры южных и западных славян МГУ» [33, с. 174—176].

Книга включает краткий биографический очерк (Э. Г. Иоффе) и историографический обзор научно-исследовательской работы В. И. Пичеты (А. П. Грицкевич, Б. З. Копыский и др.) [29].

«Являясь участником чтений, Э. Г. Иоффе тщательно подобрал документальный материал о работе В. И. Пичеты на посту ректора Белорусского государственного университета. Используя архивные документы и литературные источники, Э. Г. Иоффе удалось ярко нарисовать картину первых лет строительства университета. Э. Г. Иоффе очерчивает жизненный путь академика В. И. Пичеты и по общественной деятельности определяет формирование мировоззрения ученого» [33, с. 175].

В процессе научных изысканий, относящихся к третьему этапу, профессор руководствовался девизом: «Преемственность и обновление». Преемственность, естественно, касалась историографического аспекта отечественной аграрной истории. Обновление означало для Эмануила Григорьевича освоение новых тематических комплексов. На третьем этапе ученый впервые стал разрабатывать историографические проблемы истории отечественных евреев. Он неоднократно обобщал в своих публикациях итоги соответствующих научных изысканий.

Важной особенностью третьего этапа явилось участие Эмануила Григорьевича в защите диссертаций, всецело посвященных историографическим проблемам, в качестве оппонента. В этих диссертациях анализировалась белорусская историография в конце XVIII — начале XX в., исследовался западнорусизм в российской историографии второй половины XIX — начале XX в.

Исследования Эмануила Григорьевича по источниковедению отечественной истории прослеживаются по следующим позициям.

Во-первых, он внес существенный вклад в источниковедение истории Холокоста на территории Белоруссии в 1941—1944 гг. Этому посвящены такие статьи ученого, как «Холокост на белорусской земле (по источникам, изданным в Беларуси)» [27, с. 159—168], «Источниковедение истории Холокоста на белорусской земле (по материалам, изданным в Беларуси)» [28, с. 32—43].

Во-вторых, профессор имел непосредственное отношение к пополнению корпуса остепененных специалистов соответствующего профиля. Ученый и педагог был членом совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Белорусском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела. Э. Г. Иоффе подготовил 1 кандидата наук, который защищался в настоящем совете. В диссертации ученицы Эмануила Григорьевича Ю. В. Функ был впервые предпринят системный анализ источников исследования еврейской благотворительности в Беларуси в XIX — начале XX в. Профессор был оппонентом докторской диссертации, в которой проведено комплексное исследование информационно-библиотечного обеспечения науки в Беларуси (XVI—XX вв.), кандидатских диссертаций, в которых наиболее глубоко по сравнению с предшествующими научными изысканиями анализируются периодические издания белорусской диаспоры, впервые проводятся систематизация и актовый анализ документальных источников по истории политических отношений Великого княжества Литовского и Ливонии в конце XV — первой половине XVI ст., представлено оригинальное исследование источников о дворянских родах западноевропейского происхождения в белорусских губерниях конца XVIII — начала XX в.

В-третьих, Эмануил Григорьевич неоднократно выступал редактором, составителем, членом редколлегии многих источниковедческих изданий [3—14].

В-четвертых, объектом его рецензирования был ряд публикаций, вызвавших большой резонанс в источниковедческом сообществе [15—23].

В-пятых, Эмануил Григорьевич специально анализировал гигантское количество ранее не вводимых в научный оборот источников.

В-шестых, ученый и педагог участвовал во множестве конференций, симпозиумов, семинаров, круглых столов, посвященных источниковедческим проблемам.

Таким образом, Эмануил Григорьевич Иоффе как историограф и источниковед постоянно задает планку для исследовательского корпуса. Он перманентно осваивает новые проблемные поля, неумолимо стремится к формулированию принципиально новых выводов и оценок, неуклонно стремится к четкой систематизации соответствующих научных знаний.

Литература

1. Академик Милица Васильевна Нечкина. В Институт истории АН БССР, в Совет по историческим наукам и искусствоведению Отделения общественных наук АН БССР. Отзыв об автореферате Э. Г. Иоффе «В. И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма» // Личный архив Э. Г. Иоффе.
2. Иоффе, Э. Г. В. И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма (XV—XVII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Э. Г. Иоффе. — Минск, 1974. — 21 с.
3. Холокост в Беларуси. 1941—1944. Документы и материалы. — Минск, 2002.
4. Мінскае гета 1941—1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. — Мінск, 2004 — 208 с.
5. Гея Завольнер. Римма Гальперина. Спасенные из ада. Жизнь и судьба. Вып. I. — Минск, 2004. — 136 с.
6. Мінскае гета 1941—1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. — Мінск, 2004. — 208 с.
7. Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации. Сб. науч. работ. — Минск, 2005. — 306 с.
8. Завольнер, Г. Жизнь, дарованная судьбой. — Минск, 2005. — 92 с.
9. Жива ... Да, я жыва! Мінскае гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман. Материалы и документы. — Минск, 2005. — 258 с.
10. Минулае павіна служыць людзям: Матэрыялы архіўных чытанняў, прысвеч. 75-годдзю з дня нараджэння Р. П. Платонава (Мінск, 14 снежня 2005 г.). — Мінск, 2006. — 148 с.
11. Гальперина, Р. Как это было ... Выживание. Жизнь. Надежда. Вып. 3. — Минск, 2006. — 129 с.
12. Завольнер, Г., Каплинский, С. Судьбой написанные строки. — Минск, 2007. — 152 с.
13. Кроз, В., Чаусская-Ильяхова, З. Навечно в памяти: минское гетто — и жизнь. И слезы, и любовь... Вып. VI. — Минск, 2007. — 70 с.
14. Денисевич Н. И. В финском концлагере. Воспоминания и размышления. Вып. V. — Минск, 2007. — 244 с.
15. Иофе, Э. Р. Каштоўная крыніца гістарычных даследаванняў (на кароткі даведнік «Фонды архіваў Камуністычнай партыі Беларусі» у 2 ч. (Мінск, 1997—1998) / Э. Р. Иофе // Беларускі гістарычны часопіс. — 1999. — № 2. — С. 84.
16. Иофе, Э. Р. Штогоднік, якому няма цаны (на «Беларускі археаграфічны штогоднік») / Э. Р. Иофе // Літ. і маст. — 2001. — 19 студзеня.
17. Иоффе, Э. Г. Унікальнае выданне. К выходу в свет путеводителя «Документы по истории и культуре евреев в архивах Беларуси» / Э. Г. Иоффе. — Авив. — 2003. — № 6—7 (июнь—июль). — С. 23.
18. Иоффе, Э. Г. Унікальнае выданне (рец. на гэты путеводитель (М., 2003) / Э. Г. Иоффе. — Диалог // Беларускія новыя. № 7 (19). Июль 2003 г. — С. 4. (Выпуск подготовлен редакцией газеты «Голас Радзімы» (Беларусь) специально для «Новостей недели» (Израиль).
19. Иофе, Э. Р. Каштоўнасьць архіўных дакументаў (на кн. «1 января 1919 года. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: документы и

- матеріаль» / Сост. В. Д. Селеменев и др. Минск, 2005) / Э. Р. Иоффе. — Архівары-ус. Зб. навук. паведамленняў і артыкулаў. Вып. 4. — Мінск, 2006. — С. 206—208.
20. Иоффе, Э. Г. Самый драматический период истории Беларуси (на кн. «Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня — август 1941 года: документы и материалы»). Минск, 2006) / Э. Г. Иоффе. — Гісторыя: праблемы выкладання. — 2006. — № 11.
  21. Иоффе, Э. Г. Уникальный документ об оккупации (на кн. «Совещание высшего руководства генерального округа «Белоруссия». Минск, 8—10 апреля 1943 года. Стенограмма / Э. Г. Иоффе // Веч. Минск, 2007. — 14 февраля. — С. 3.
  22. Иоффе, Э. Г. Признания господина Штрауха (на кн. «Совещание высшего руководства генерального округа «Белоруссия». Минск, 2006) / Э. Г. Иоффе // Бел. нива. — 2007. — 4 мая.
  23. Иоффе, Э. Г. Необычные мемуары почетного гражданина (на кн. Л. С. Анцелиовича «О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах». Минск, 2007) / Э. Г. Иоффе // Вечерний Минск. — 2008. — 7 февраля. — С. 3.
  24. Иоффе, Э. Г. Из истории белорусской деревни (Советская историография социально-экономического развития белорусской деревни середины XVII — первой половины XIX в.) / Э. Г. Иоффе. — Минск, 1990. — 248 с.
  25. Федорасова, В. Г. У деревни тоже есть своя история / В. Г. Федорасова // Коммунист Белоруссии. — 1991. — № 4. — С. 94.
  26. Польскі, С. А. Прадмет вывучэння — беларуская вёска / С. А. Польскі, С. У. Кабляк // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1991. — № 6. — С. 119—120.
  27. Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 2. — Мінск, 2001.
  28. Холокост. Вып. 3. Доклады на Восьмой Ежегодной Междисциплинарной конференции по иудаике. — М., 2001.
  29. Иоффе, Э. Г. Академик В. И. Пичета. Страницы жизни / Э. Г. Иоффе, Б. З. Капыцкий, А. П. Грицкевич, В. В. Чепко [и др.]. — Минск, 1981.
  30. Смілавіцкі, Л. Яшчэ аб вёсцы / Л. Смілавіцкі // Чырвоная змена. — 1991. — 22—28 ліпеня. — С. 7.
  31. Капыскі, З. Гістарыяграфія беларускай вёскі / З. Капыскі // Навіны Беларускай акадэміі. — 1991. — 1 сакавіка. — С. 5.
  32. Піліпенка, М. Пазнаецца ў параўнанні / М. Піліпенка // Настаўніцкая газета. — 1991. — 23 лютага. — С. 4.
  33. Ботвинник, М. Б. Академик В. И. Пичета. Страницы жизни. — Минск: Изд-во БГУ, 1981 / М. Б. Ботвинник // Неман. — 1984. — № 1. — С. 174—176.

— ◇ —

Н. А. Боровик

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛИДИИ АРКАДЬЕВНЫ МОЛЧУН

Поистине красиво звучит: архивы — хранители истории. Воображение стороннего обывателя при этих словах рисует скрытые на пыльных полках тайны, затерянные среди вороха пожелтевших листов секреты. И как бывает очень важно полюбить свою профессию, сохранить в душе маленькую романтическую искорку, с помощью которой и в самом деле люди способны отыскать затерявшиеся в глубинах лет тайны.

Но и тот, кто волею судьбы оказывается связанным с архивным делом, рискует с течением времени сфокусировать свой взгляд на выбранную профессию под углом некоей рутинной работы по собиранию и хранению документов. В романе Г. Маркова «Соль земли» можно прочесть строки: «Не раз ей приходилось слышать, что архивная работа — это мертвое дело, далекое от живого жизни. Ничего более несправедливого она не могла себе вообразить». Эти слова, весьма кстати, подходят к интересному человеку, опытному архивисту Витебщины Лидии Аркадьевне Молчун, посвятившей любимому делу свыше 37 лет, не потерявшей за многие годы интереса к своей работе. 23 августа 2009 года Лидии Аркадьевне, внесшей весомый вклад в развитие архивного дела в регионе, исполнилось 60 лет.

Молчун (Савицкая) Лидия Аркадьевна родилась в д. Сидоры Узречского сельсовета Глубокского района Витебской области. С детства мечтала быть учительницей. В 1968 году заочно поступила на исторический факультет Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Затем были должности секретаря исполкома Узречского сельского Совета Глубокского района, старшего экономиста Глубокского отдела народного образования, далекие от воплощения детской мечты. Но как оказалось, судьба сама шла навстречу. Именно в отдел образования, где в 1972 году работала Л. А. Молчун, обратилась директор Филиала государственного архива в г. Глубокое Мария Владимировна Корочкина с просьбой порекомендовать кого-либо из учителей с историческим образованием для работы в архиве. Не раздумывая долго, Лидия Аркадьевна предложила свою кандидатуру и 15 августа 1972 года начался ее трудовой путь в архивной отрасли в качестве старшего научного сотрудника.

В 70-е годы Филиал государственного архива Витебской области в г. Глубокое представлял собой региональное учреждение, хранящее комплекс документов местных распорядительных органов власти, организаций и предприятий различных сфер деятельности шести районов зоны комплектования архива: Браславского, Глубокского, Докшицкого, Миорского, Поставского, Шарковщинского. Сюда также были переданы документы ликвидированных Бегомльского, Видзовского, Дисненского, Дуниловичского, Плисского районных архивов. Вопросам комплектования архива, организации документов в делопроизводстве и деятельности архивов учреждений, организаций и предприятий зоны обслуживания архива в г. Глубокое стало уделяться значительно большее внимание.

Не было такого предприятия или организации — источника комплектования госархива, где бы за время работы не побывала Лидия Аркадьевна, оказывая методическую помощь работникам делопроизводственных служб или проводя инспекторские проверки. Она старалась посещать даже самые отдаленные сельские Советы и колхозы, добраться куда порой возможно было лишь на попутном транспорте.

С 1979 по 2000 годы Л. А. Молчун работала в качестве архивиста 1-й категории, заведующей отделом комплектования, ведомственных архивов и экспертизы ценности документов. Осуществляла в установленном порядке организационно-методическое руководство за деятельностью ведомственных архивов, работой экспертных комиссий, организацией документов в делопроизводстве как государственных учреждений, так и негосударственных организаций. Своим трудом она доказала, что архивное дело — это трудоемкая аналитическая работа, требующая глубоких знаний состава документов, а качество этой работы — одна из составляющих общественного мнения об архивах.

В январе 2001 года Молчун Лидия Аркадьевна назначена директором учреждения «Зональный государственный архив в г. Глубокое». В течение последующих 6 лет в качестве руководителя она многое сделала для организации стабильной работы архива, по укреплению его материально-технической базы, обеспечению сохранности документов. Этому способствовал талант руководителя, большое трудолюбие, целеустремленность, принципиальность, чувство ответственности за выполняемую работу.

Под ее руководством коллектив выполнял доведенные плановые задания. Большая работа проведена по контролю за обеспечением сохранности документов на стадии ведомственного хранения, по своевременной передаче их в государственный архив, улучшению делопроизводства в организациях и учреждениях районов зоны комплектования архива.

С 5 января 2007 года Л. А. Молчун работает заведующей хозяйственным отделом учреждения «Зональный государственный архив в г. Глубокое».

Лидия Аркадьевна охотно делится своим опытом и знаниями с молодыми архивистами, заслуженно пользуется большим уважением коллег.

Заслуги Л. А. Молчун неоднократно были отмечены: за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР решением исполкома Витебского областного Совета народных депутатов от 19 сентября 1988 года награждена медалью «Ветеран труда»; решением коллегии Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Президиума ЦК профсоюза работников государственных учреждений от 26 июня 1991 года награждена нагрудным знаком «Отличник архивного дела», приказом председателя Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 09.08.2004 № 48-К награждена нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі», многочисленными Почетными грамотами.

На хранение в Зональный государственный архив в г. Глубокое поступили документы, составившие личный фонд Л. А. Молчун, раскрывающие ее как продолжателя архивного дела в регионе и представляющие исторический источник, материалы которого ждут своих исследователей.

— ◇ —

М. Ф. Шумейко

«ОБЛАДАЕТ НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИЕЙ И УВЛЕЧЕННОСТЬЮ»

(К 60-летию со дня рождения Д. В. Карева)

Именно эти слова, вынесенные в заголовок статьи, посвященной 60-летию со дня рождения профессора Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктора исторических наук Дмитрия Владимировича Карева, привел, характеризуя своего дипломника по Московскому историко-архивному институту, известный российский историк-медиевист А. А. Зимин (1920—1980). Продолжая характеристику, он писал: «Самым примечательным дипломником того года [речь шла о 1973 г. — М. Ш.] был Дмитрий Владимирович Карев. Он настоящий историк-архивист... Диплом Д. В. Карев посвятил трудам М. К. Любавского [1]. Выискал много подробностей о деятельности и жизненном пути этого видного ученого, разобрал ряд его исследований, остающихся все еще неизданными. Перезнакомился со всеми родичами покойного, каких сумел найти, и т. п. Затем Дмитрий Владимирович преподавал во Владивостоке и в 1979 г. переехал в связи с женитьбой в Гродно. Меня не забывает и, когда представляется возможность, заезжает на несколько часов» [2].

«Первооткрывателем Любавского как архивиста» называет Д. В. Карев и его однокашник по alma mater, признанный авторитет в области архивоведения, профессор Московского историко-архивного института Е. В. Старостин, отмечая при этом его заслуги в исследовании вклада Любавского в архивную науку [3].

Заметим, что подобные оценки дорогого стоят! Феномен Карева-архивиста (а именно на этом качестве акцентировал внимание его Учитель!) заключается в том, что, в отличие от своего героя — академика М. К. Любавского, бывшего не только выдающимся историком, автором фундаментальных исследований по истории Великого княжества Литовского, русской колонизации и др., организатором исторической науки (его ректорство в Московском университете с 1911 г.), но и штатным архивистом, возглавлявшим с 1918 г. Московское отделение Главного управления архивным делом, он ни дня не работал в качестве сотрудника государственного архива. И тем не менее, его фамилия присутствует в известном белорусском архивном справочнике [4].

В статье о нем, в частности, читаем, что родился юбиляр 25 декабря 1949 г. в Уфе. После окончания в 1973 г. факультета архивного дела Московского историко-архивного института работал до 1979 г. научным сотрудником в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР, одновременно преподавая в местном университете. Затем с Дальнего Востока Д. В. Карев переместился на прямо противоположную сторону Советского Союза — в г. Гродно. Став

преподавателем тамошнего университета, создал и возглавил в 1995 г. Западно-белорусский гуманитарный центр исследований Восточной Европы, защитив в следующем году докторскую диссертацию «Белорусская историография в конце XVIII — начале XX в.». Возглавил с 2003 г. Гродненское отделение Археографической комиссии Белкомархива, выступил в качестве организатора проводившихся, начиная с 1990 г., в Гродно регулярных международных научных конференций по проблемам истории культуры Беларуси, историографии, источниковедения, археографии, генеалогии, затем составлял и редактировал серию «Наш радавод» и др.

Но вернемся к истокам его научной деятельности. А они, на наш взгляд, лежат в студенческих годах, когда Дмитрий Владимирович делал первые шаги в исторической науке. Большую роль в его становлении как исследователя оказали, прежде всего, научный руководитель, вышеупомянутый А. А. Зимин, а также студенческий научный кружок источниковедения, возглавляемый профессором Историко-архивного института, председателем Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидтом. Д. В. Карев был не только активным участником кружка, но и его секретарем, сменив на этом посту первого из воспитанников С. О. Шмидта, защитившего докторскую диссертацию, А. А. Амосова, талантливого ученого, скоропостижно скончавшегося в день рождения своего учителя — 15 апреля 1996 г. Большинство протоколов заседаний кружка 1972/73 учебного года, хранящихся в личном архиве его руководителя, написаны характерным для Карева размашистым почерком.

В том, что кружок источниковедения стал для Дмитрия Владимировича действительно школой приобщения к науке, свидетельствует содержание анкеты, заполненной им к 30-летию студенческого научного сообщества. Отвечая на вопрос о том, что значит для него кружок, респондент писал: «Кружок — это коллектив людей, единых в своей любви к самой трудной, но и самой интересной «человеческой» науке — Истории» [5]. Именно здесь завязалась его крепкая дружба с однокурсниками А. Д. Зайцевым, М. П. Лукичевым, к сожалению, рано ушедшими.

Уже первая научная публикация Д. В. Карева, появившаяся в академическом издании, обращает на себя внимание своей обстоятельностью и информативностью. Речь идет о статье «Неопубликованное творческое наследие М. К. Любавского», представляющей собой по существу обзор личного архива ученого, рассеянного по трем московским хранилищам и насчитывавшего около 11,5 тыс. листов рукописного и машинописного текстов [6]. В ней автор четко группирует материалы архива ученого, выделяя среди них наиболее значимые, не ставшие достоянием гласности. Именно здесь он обращает внимание на «любимое детище» Любавского, которому он посвятил фактически всю свою жизнь — «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века», а также проект-записку ученого «Об организации

архивно-археографического института в Москве», курс лекций «История архивного дела в России». Впоследствии они станут объектами исследований и публикаций, подготовленных Д. В. Каревым или с его участием [7].

Скрупулезный обзор и анализ научного наследия ученого позволил автору статьи опровергнуть ранее бытовавшее мнение о М. К. Любавском как об историке «одной темы» (история Великого княжества Литовского). Во-вторых, на основе изученных материалов Д. В. Карев предложил критически отнестись к историко-географическим исследованиям ряда советских ученых.

Кандидатская диссертация, защищенная Д. В. Каревым в Институте истории СССР АН СССР в декабре 1983 г., называлась «Академик М. К. Любавский как историк феодальной России» [8]. В автореферате диссертации значится, что научным руководителем работы является доктор исторических наук В. И. Буганов, а официальными оппонентами — член-корреспондент АН УССР Ф. П. Шевченко и доктор исторических наук, профессор О. М. Медушевская. Отреагировали на работу Д. В. Карева и из Минска. В написанном заведующим сектором истории партии Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, кандидатом исторических наук Н. С. Сташкевичем отзыве на автореферат диссертации Д. В. Карева отмечалось, что «соискатель показывает М. К. Любавского и видным организатором отечественной исторической науки и архивного строительства в РСФСР. В автореферате правильно подчеркивается, что богатые конкретно-историческими наблюдениями и выводами, основанные на изучении первоисточников, многие его работы не потеряли научной актуальности и в наши дни, привлекая внимание советских ученых. Данная работа существенно дополняет успешно разрабатываемый в нашей стране цикл работ о выдающихся русских историках. Автореферат свидетельствует, что диссертация о М. К. Любавском, написанная с позиций марксистско-ленинской методологии, займет достойное место среди исследований о русских и советских ученых-историках» [9].

Судя по отзывам присутствовавших на защите, последняя прошла более чем успешно. Так, в письме вышеупомянувшегося А. Д. Зайцева к автору настоящей статьи от 26 января 1984 г. говорилось: «Новостей особых у нас как будто нет. Кроме, конечно, главной и хорошо тебе известной — защиты Димы. Я был на всех этапах ее и могу тебе совершенно определенно сказать: Дима — молодец! Все — четко, деловито, умно, собранно! Правда, с окончанием его диссертационных забот, естественно, сократятся и его поездки в Москву, а значит, и наши встречи, к которым я уже здорово привык за последние лет 5—7, что, конечно, жаль» [10].

Д. В. Карева, как и героя его студенческих «штудий» — академика М. К. Любавского, нельзя назвать историком одной темы. Однако, тем не менее, именно историографические аспекты преобладают в работах, написанных им в последние два десятка лет, идет ли речь об изданных в 1999 г. БелНИИДАД «Очерках истории архивного дела в Беларуси

(XV в. — 1991 г.)» (здесь Дмитрий Владимирович выступает в качестве автора глав «Архивное наследие Великого княжества Литовского и архивы Беларуси в конце XVIII — начале XX в.» и «Собирание, изучение и публикация исторических источников в Беларуси и Литве в конце XVIII — начале XX в.») или его статье об архивно-археографической деятельности в Литве и Беларуси в XIX в. для межвузовского сборника, посвященного проблемам археографии [11].

Особых слов заслуживает инициатива юбиляра о проведении в Гродно, начиная с 1990 г., международных научных форумов. Вначале они имели скромный статус межреспубликанских конференций по историческому краеведению и генеалогии. Такими же скромными были и публикации их материалов, выполненные ротатипным способом, с многочисленными правками, сделанными рукой ответственного редактора и составителя Д. В. Карева.

Обращает на себя внимание посвящение, открывавшее публикацию этих материалов: «Памяти ушедших Историков нашего Отечества, выдающихся исследователей и знатоков феодального прошлого народов Белоруссии, Литвы, России, Украины, Колумбов Белорусской и Литовской историографии: И. Даниловича, И. Григоровича, И. Онацевича, И. Ярошевича, Т. Нарбута, А. Чарноцкого, Е. и П. Тышкевичей, А. Киркора, Классиков Отецествоведения: В. Ключевского, М. Любавского, М. Довнар-Запольского, Е. Карского, В. Антоновича, М. Грушевского, С. Веселовского, С. Бахрушина, А. Зимина посвящается этот сборник». В нем — и выражение уважения и признательности к памяти выдающихся историков, и одновременно — напоминание о необходимости хранить и приумножать заложенные ими традиции в области исторической науки.

Д. В. Кареву удалось привлечь к участию в конференциях коллег по историческому ремеслу, представлявших Беларусь, Литву, Польшу, Россию, Украину, другие страны Европы, Северной Америки. «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии. XIII — начало XX в.», «Церковь и культура народов Великого княжества Литовского и Беларуси XIII — нач. XX в.», «Историческая память народов Великого княжества Литовского и Беларуси XIII—XX вв.», «Белорусы и поляки: диалог народов и культур X—XX вв.» — одни только названия конференций и круглых столов, инициированных и проведенных Д. В. Каревым, свидетельствуют о широте их проблематики.

Для многих начинающих исследователей эти конференции стали своеобразным «испытательским полигоном», на котором оттачивались и совершенствовались новейшие приемы и методы исторического исследования, выливавшиеся затем в кандидатские диссертации, статьи, монографии. Маститые ученые делились своими соображениями с коллегами, представлявшими различные страны, обменивались научными идеями, в том числе и реализованными в форме книг, статей. Не забывал Дмитрий Владимиро-

вич и своих однокашников, и педагогов, исследователей, с которыми его связывали общие научные интересы. Среди участников гродненских конференций фигурируют не только уже известные научному сообществу фамилии, но и люди, работающие в архивных, музейных, библиотечных учреждениях и не обремененные учеными степенями и званиями. Хочется надеяться, что эта очень важная инициатива Д. В. Карева, реализовывавшаяся в течение десятилетия, вновь будет возрождена и мы снова поедem «в Гродно к Кареву», как это делали с 1990 по 1999 гг.

Дмитрий Владимирович находится в расцвете своих творческих сил, на что указывают выходящие с завидным постоянством подготавливаемые им статьи, монографии [12]. Он принимает активное участие и в подготовке научных кадров, руководя работой аспирантов, магистрантов. Работы последних отличают обстоятельность, добротность, широта обобщений, оригинальность научных выводов [13]. Действительно, как сказал его Учитель, он обладает неиссякаемой энергией и увлеченностью, которые помогают ему вести активную научно-педагогическую деятельность и одновременно руководить работой Западно-белорусского гуманитарного центра исследований Восточной Европы, Гродненского регионального отделения Археографической комиссии, принимать действенное участие в работе специализированного совета по защите докторских диссертаций при БГУ. Пожелаем же ему и далее сохранять эти качества и радовать друзей и коллег новыми оригинальными исследованиями, а учеников — подготовленными под его руководством блестящими кандидатскими и магистерскими диссертациями. Крепкого тебе здоровья и творческого долголетия, дорогой друг!

Л и т е р а т у р а

1. Диплом Д. В. Карева назывался «Источники для изучения жизни и творчества академика М. К. Любавского (обзор архивных материалов)».
2. Александр Александрович Зимин. М.: РГГУ, 2005. С. 115.
3. Старостин Е. В. Выдающийся архивист XX столетия М. К. Любавский / Е. В. Старостин // Труды Историко-архивного института. М.: РГГУ, 2007. Т. 37. С. 38.
4. Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік. Мінск: БелНЦДАД, 2006. С. 123—124.
5. Каштанов С. М. Тридцать лет спустя или кружок глазами кружковцев / С. М. Каштанов // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. Сб. статей. М., 1980. С. 180.
6. Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 301—314.
7. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / М. К. Любавский / Отв. ред. А. Я. Дегтярев. Вст. статья А. Я. Дегтярева, Ю. Ф. Иванова, Д. В. Карева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 688 с.; Карев Д. В. К проекту организации первого советского архивного вуза: Из доклада М. К. Любавского об организации архивно-археологического института в Москве / Д. В. Карев // Советские архивы. 1983. № 2. С. 44—47.

8. Е. В. Старостин в вышупомянутой статье ошибочно утверждает, что диссертация была защищена в Московском историко-архивном институте (С. 41).
9. Архив автора статьи.
10. Там же.
11. Карев Д. В. Политика царизма и архивно-археографическая деятельность на территории Литвы и Белоруссии в 30-х — начале 60-х гг. XIX в. / Д. В. Карев // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов: Межвузовский сборник научных трудов. М.: РГГУ, 1991. С. 85—96.
12. Одной из последних по времени издания является монография Д. В. Карева «Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XIX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев» (Вильнюс: ЕГУ, 2007. — 312 с.).
13. В том, что это так, автор настоящей статьи убедился, выступая оппонентом на защите подготовленных под руководством Д. В. Карева кандидатских диссертаций Н. В. Козловской в 2002 г. и А. И. Бидной в 2009 г.

РЭЦЭНЗІ

НОВАЕ СЛОВА Ё БЕЛАРУСКАЙ АРХЕАГРАФІІ

З часоў нараджэння айчынай гістарычнай навукі ідзе праца па росшуку, апрацоўцы, публікацыі гістарычных крыніц. Чым лепш забяспечана гістарычная «майстэрня» матэрыяламі, тым якасней яе прадукцыя — гістарычныя даследаванні. За два стагоддзі працы над крыніцавай базай назапашаны сотні публікацый дакументаў, складалася методыка, выпрацаваны тэарэтычныя падыходы да гэтай работы. Але да апошняга часу адсутнічала ацэнка даробку айчынных гісторыкаў над апрацоўкай гістарычных крыніц, рэфлексія над тым, што ўжо зроблена. Праўда, у навуковых артыкулах, у прадмовах да манаграфій, у кандыдацкіх і доктарскіх дысертацыйных даследчыкі абавязкова адзначалі стан апублікаванасці дакументаў па асобных праблемах; з'яўляліся таксама работы, у якіх аналізаваліся асобныя перыяды ці накірункі археаграфічнай дзейнасці. Але археаграфія, як адна з базавых гістарычных навук, у Беларусі доўгі час была ў становішчы «Папялушкі», якую адсоўваюць у далёкі кут больш важных, як здаецца, галіны гістарычных ведаў. Таму большае значэнне набірае падрыхтаваная М. Ф. Шумейкам манаграфія «Белорусская археографія в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики)», якая ўбачыла свет у 2007 г. [1]. Два гады, якія прайшлі з часу выдання кнігі, паказалі яе актуальнасць і высокую карыснасць для айчынай гісторыі. Пэўна, найбольш важная мэта, якая дасягнута дадзенай публікацыяй — сістэмны агляд даробку айчынай археаграфіі за дзве сотні гадоў, пры гэтым фарміраванне і развіццё археаграфіі паказана ў кантэксце працэсаў і з'яў, якія былі характэрны для беларускай гістарычнай навукі як асобнай галіны ведаў. Але не менш значным уяўляецца і тое, што фактычна ўпершыню ў беларускай археаграфіі абгрунтаваны метадалагічныя падыходы да археаграфічнай дзейнасці.

Тэарэтычныя асновы археаграфіі на працягу ўсёй яе гісторыі былі аб'ектам дыскусій, змест якіх добра паказаў у сваёй манаграфіі М. Ф. Шумейка. Архаічная назва, якая замацавалася за гэтай галіной гістарычных ведаў з XIX ст., а таксама доўгая нявызначанасць прадмета, аб'екта і функцый археаграфіі рабілі яе, паводле меркавання адных, толькі спецыяльнай дысцыплінай, якая павінна распрацоўваць методыку публікацыі крыніц і публікаваць іх; у вачах іншых яна паглынала і архівістыку, і крыніцазнаўства, і шэраг іншых галін гістарычнай навукі. Найбольш вострыя спірэчкі выліся вакол прадмета археаграфіі. У савецкай археаграфіі пасляваеннага перыяду гэтыя праблемы, здаецца, былі ўжо вырашаны. Беларускі гісторык, салідарызуючыся з класікамі савецкай археаграфіі С. Н. Валкам і С. О. Шмідтам, разглядае археаграфію ў «шырокім» і «вузкім» сэнсе, уключае ў сферу інтарэсаў археографіі як распрацоўку тэарэтычных падходаў да публікатарскай дзейнасці і металычных прыёмаў публікацыі крыніц, так і практычную работу ў гэтай галіне [2]. Кампраміс, здаецца, быў дасягнуты і ў разуменні структуры археаграфіі — у савецкай гістарыяграфіі яе падзялялі на палявую (пошукавую), камеральную і эдыцыйную, хаця першыя аддавалі апошні. Гэты падзел прадстаўлены і ў працы М. Ф. Шумейкі, які прапануе ўласную дэфініцыю археаграфіі як галіны ведаў: «мы ... будем рассматривать археографию в широком смысле прежде всего как научную дисциплину (или науку), которая занимается всем комплексом проблем, связанных с введением письменных источников в научный оборот на этапе их поиска и собирания (полевая археография), научного описания (камеральная) и публикации (эдиционная)» [3]. У гэтага дакладнага акрэслення, на наш погляд, ёсць толькі адна

загана. Па-за абсягам археаграфіі такім чынам застаюцца асобныя віды крыніц, якія ў мінулым стагоддзі пачалі канкурыраваць з пісьмом, а з развіццём сродкаў перадачы і захавання інфармацыі паступова выціскаюць пісьмовыя. Гаворка тут ідзе аб фона-, кіна- і фотадакументах, аб крыніцах, якія ўтрымліваюцца на электронных носбітах. У археаграфічнай практыцы не рэдкасць выданні, дзе гэтыя віды крыніц друкуюцца побач з пісьмовымі не толькі ілюструючы, але часам істотна дапаўняючы іх. Да прыкладу прыгадаем выданне ўспамінаў жыхароў беларуска-польскага памежжа, якое ў большасці зроблена на падставе дыктафонных запісаў, або зробленыя па гэтым жа прынцыпе ўспаміны ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны [4]; прыкладам археаграфічнага выдання фотадакументаў можа служыць між іншым падрыхтаваны польскімі гісторыкамі альбом «Świat przed katastrofą» [5], які ўтрымлівае ўвесь навукова-даведачны апарат і іншыя складовыя часткі археаграфічнай публікацыі.

У постсавецкі перыяд дыскусія аб прызначэнні археаграфіі, яе тэрміналогіі і метадах разгарэлася зноў. Так званая «археаграфічная рэвалюцыя», якая разгарнулася ў часы «перабудовы», вылілася не толькі ў адкрыццё раней закрытых тэм і дакументаў, але і ў пераасэнсаванне падыходаў да мэта і задач археаграфічнай дзейнасці, да яе прадмета і аб'екта, да функцый, якія яна павінна выконваць у грамадстве. Зноў узнята было пытанне аб назве дадзенай дысцыпліны і ўвогуле аб тым, ці гэта спецыяльная гістарычная дысцыпліна, ці асобная самастойная навука. Своеасаблівы «археаграфічны скандал» выклікала публікацыя ў 2001 г. у часопісе «Отечественные архивы» артыкула кіраўніка архіўнай службы Расійскай Федэрацыі акадэміка В. П. Казлова «Теоретические основы археографии с позиций современности» [6], якая пасля была размешчана ў Інтэрнеце. На яго думку, належыць перагледзець тэрміналогію [7], якой карыстаецца археаграфія; больш сцісла акрэсліць функцыі археаграфіі як навукі і яе месца сярод іншых крыніцзнаўчых навук; вызначыць сутнасць і прыкметы дакументальнай публікацыі і г. д. У дыскусію ўключыліся прадстаўнікі іншых расійскіх навуковых устаноў, у тым ліку Археаграфічнай камісіі (В. А. Чарных, Г. І. Каралёў, А. Д. Сцяпанскі і інш.). Найбольшай крытыцы, апрача тэрміналогіі, падвергнута была трактоўка В. П. Казловым сутнасці дакументальнай публікацыі. У прыватнасці, паўстала пытанне аб мэтазгоднасці ўключэння ў лік археаграфічных т. зв. аператыўных выданняў [8]. У гэту дыскусію ў сваёй манаграфіі вельмі кампетэнтна ўключаецца і М. Ф. Шумейка. У дадзеным выпадку ён прытрымліваецца, як відаць, традыцыйных падыходаў да вызначэння археаграфічнай публікацыі, салідарызуючыся ў гэтым з А. Д. Сцяпанскім і істотна дапаўняючы яго акрэсленне. Галоўнымі прыкметамі, якія адрозніваюць археаграфічную публікацыю, на думку беларускага гісторыка, з'яўляюцца мэта (для вывучэння мінулага і асэнсавання яго); асяроддзе, адкуль крыніца абрана для публікацыі (не бягучае справаводства і да т. п.); публікатар (гісторык-археаграф) [9]. Такі падыход дазваляе не толькі вылучыць археаграфічныя публікацыі з велізарнага масіва апублікаваных дакументаў, але таксама акрэслівае функцыі археаграфіі і поле яе дзейнасці. Для разумення значэння археаграфіі для гістарычнай навукі, ролі, якую яна выконвае ў грамадстве, істотным падаецца акрэсленне яе месца сярод іншых навук. Таксама як і архівістыка, крыніцзнаўства, тэксталогія, як многія спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны, археаграфія займаецца гістарычнымі крыніцамі. Іх супрацоўніцтва і ўзаемадапаўняльнасць вычарпальна паказана М. Ф. Шумейкам у яго манаграфіі. Але, як падкрэслівае беларускі навуковец, у кожнай з гэтых галін гістарычных ведаў розныя задачы. Ад усіх іншых навук, якія звязаны з апрацоў-

кай крыніц для гістарычных даследаванняў, археаграфія мае адно істотнае адрозненне — яна публікуе дакументы. Таму менавіта і метадыка, і метадалогія накіравана на дасягненне адной мэты — зрабіць дакумент дасяжным для гістарычнай навукі праз яго публікацыю. Між іншым такое разуменне задач археаграфіі абумовіла структуру манаграфіі, якая з'яўляецца аб'ектам нашага разгляду. Аўтар падкрэслівае, што і пошукавая, і камеральная, а тым больш эдыцыйная археаграфія бачаць сваёй канечнай мэтай публікацыю крыніцы. Таму менавіта ў цэнтры ўвагі М. Ф. Шумейкі знаходзяцца навуковая якасць крыніц, апублікаваных на працягу двух стагоддзяў, і асноўныя метадычныя падыходы да выдання дакументаў.

У адрозненне, напрыклад, ад музеязнаўства, дзе гісторыя музейнай справы вылучана ў асобны раздзел дысцыпліны, археаграфія, найперш беларуская, дагэтуль не мае ў сваім складзе падобнага раздзела. Але думаецца, што манаграфія М. Ф. Шумейкі запойніць дадзены прабел. Належыць выказаць падзяку беларускаму гісторыку за сумленна і рупліва сабраны, асэнсаваны і ўпарадкаваны матэрыял па гісторыі беларускай археаграфіі. Манаграфія М. Ф. Шумейкі можа служыць узорам дакладнасці, добрасумленнасці і вялікай навуковай тактоўнасці ў ацэнках працы папярэднікаў.

Беларускі гісторык уводзіць перыядызацыю археаграфічнай дзейнасці на беларускіх землях, вызначаючы ніжнюю храналагічную мяжу ў пачатку XIX ст. На маю думку, не было б памылковым гэту мяжу адсунуць, зважаючы на дзейнасць публікатараў крыніц у сярэдзіне — другой палове XVIII ст., найперш Мацея Догеля, якога, пэўна, можна лічыць пачынальнікам айчыннай археаграфіі. Безумоўна, беларуская археаграфічная школа ў большасці развілася ў рэчышчы расійскай, пачаткам жа апошняй якраз і лічыцца першая палова XIX ст. Але ў гісторыі айчыннай археаграфіі былі і іншыя старонкі, не звязаныя з Расіяй. Мацей Догель, а затым дзеячы Віленскага ўніверсітэта, аб якіх, дарэчы, згадвае М. Ф. Шумейка, на маю думку, якраз і заклалі асновы публікатарскай работы на беларускіх землях. Шэраг іх выданняў да сённяшняга дня не страцілі сваёй актуальнасці.

У кожным з перыядаў, вылучаным аўтарам, М. Ф. Шумейка вызначае падзеі і з'явы, найбольш значныя для развіцця археаграфіі. Не забываючы не толькі ўласна беларускія, але таксама і расійскія ўстановы, таварыствы, асобныя навукоўцы, якія далучылі свой унёсак у публікацыю беларускіх крыніц. Манаграфія ў гэтых адносінах уяўляецца своеасаблівай энцыклапедыяй, дзе сцісла, дакладна, з падмацаваннем спасылкамі на крыніцы змешчаны амаль вычарпальны матэрыял аб гісторыі беларускай археаграфіі. Важна адзначыць, што ўпершыню зроблены скрупулёзны агляд не толькі таго, што друкавалася ці апісвалася ў архівах, але таксама прааналізавана развіццё метадыкі, якой карысталіся публікатары. Такі падыход даў аўтару магчымасць ацаніць археаграфічную вартасць друкаванага, а беларускім гісторыкам — выдатную глебу для арыентавання ў рэпрэзэнтацыі і дакладнасці апублікаваных крыніц. Адна з найбольш характэрных рысаў гісторыі айчыннай археаграфіі, прадстаўленай М. Ф. Шумейкам у яго манаграфіі, — «уплеченасць» уласна археаграфічных падзей і працэсаў у агульную тканіну гісторыі гістарычнай навукі, палітычнага жыцця і сацыяльных працэсаў. Аўтар не проста канстатуе факты, але дае ім тлумачэнне праз выяўленне прычын і наступстваў іх з'яўлення. Пэўна, найбольш характэрны ў гэтым сэнсе раздзел, прысвечаны стану археаграфічнай работы ў міжваеннае дваццацігоддзе [10]. Як пераканаўча даказвае аўтар, менавіта з-за палітычнай сітуацыі, якая існавала ў рэспубліцы ў канцы 1920-х — 1930-я гады, «стало сказывацца» адставанне беларускіх археографав ад іх расійскіх і украін-

ских коллег в части теоретического и методического осмысления вопросов, связанных с публикацией документов как исторических источников» [11]. Гэта адставанне адчувалася і ў наступныя дзесяцігоддзі, паколькі тэорыя і метадыка публікацыі дакументаў распрацоўвалася ў Маскве, Ленінградзе і іншых расійскіх навуковых цэнтрах, а беларускія гісторыкі займаліся толькі практычнай работай па выданні крыніц. Да разглядаемай працы М. Ф. Шумейкі ў нашай гістарычнай навуцы не існавала ніводнай ґрунтоўнай манаграфіі, прысвечанай метадалогіі і гісторыі выдання дакументаў. Праўда, аддаючы належнае калегам, трэба адзначыць, што ўжо створана дастаткова моцная метадычная база археаграфічнай працы. Шмат тут парупіліся выдаўцы «Метрыкі ВКЛ», найперш А. І. Груша [12], але і яны абапіраліся на вопыт маскоўскіх археографў А. Л. Харашкевіч і С. М. Каштанова [13].

Пры ўсёй распрацаванасці метадыкі выдання гістарычных крыніц шмат пытанняў пакуль што застаюцца прадметам дыскусіі. Уласныя адказы на некаторыя з іх даў у сваёй кнізе М. Ф. Шумейка. Апошні раздзел кнігі якраз і прысвечаны метадыцы падрыхтоўкі крыніц да публікацыі. Аўтар у сваіх парадах абапіраецца, найперш, на традыцыі савецкай археаграфіі, на вопыт па выданні дакументаў, назапашаны маскоўскай археаграфічнай школай. На маю думку, М. Ф. Шумейка зрабіў вельмі слушна, прадставіўшы ў гэтай частцы працы толькі найбольш прынцыповыя для археографу праблемы: тыпалогію дакументаў, парадак адбору іх для публікацыі, археаграфічнае афармленне і навукова-даведачны апарат. Раздзел не перагружаны дробязным разборам прыватных выпадкаў і рэдкіх выключэнняў, затое ў спасылках паказаны ўсе неабходныя «Інструкцыі» і «Метадычныя рэкамендацыі», якімі павінен карыстацца археограф.

З'яўленне абагульняючай працы па адным з раздзелаў гістарычнай навукі найчасцей на некаторы час «закрывае тэму». Але, як мне здаецца, эфект ад кнігі М. Ф. Шумейкі павінен быць адваротны. Яго манаграфія «адкрыла» не толькі тэму, а і адну з важных для гістарычнай навукі галін, стварыўшы базу для развіцця шмат якіх прыватных пытанняў, а таксама прынцыповых метадалагічных праблем. Так, патрабуе ґрунтоўнай метадалагічнай і метадычнай распрацоўкі палявая (пошукавая) археаграфія. Пошукі крыніц айчынных гісторыі і ў беларускіх, і ў замежных архівах застаюцца надзвычай актуальнымі, нягледзячы на самаадданую пошукавую працу многіх беларускіх гісторыкаў і філолагаў. Магчыма, не меншую актуальнасць маюць і ўласна палявыя археаграфічныя экспедыцыі, накіраваныя тых, што на працягу дзесяцігоддзяў праводзіліся гісторыкамі з Маскоўскага ўніверсітэта на Гомельшчыне. У выніку былі адшуканы і вывезены ў Маскву сотні рукапісаў XVII—XIX стст., якія захоўваліся ў мясцовых старавераў [14]. Пэўна, належыць вярнуць традыцыі айчынных археаграфіі па росшуку дакументаў, аб якіх красамоўна сведчыць матэрыял, выкладзены ў кнізе М. Ф. Шумейкі.

Патрабуе разгляду і асэнсавання праца суседніх, акрамя расійскай, археаграфічных школ, якія займаліся выданнем беларускіх крыніц, і найперш польскай, дзе шматомныя выданні крыніц па гісторыі Рэчы Паспалітай, паўстаннях XIX ст., напалеонаўскіх войнах і г. д. з'яўляюцца даўняй і добра распрацаванай традыцыяй. У гэтыя выданні заўсёды трапляюць дакументы, так ці інакш звязаныя з беларускай гісторыяй.

Змены ў метадалогіі, метадыцы, практыцы публікацыйскай работы абавязкова будуць у сувязі з развіццём тэхнікі. Ужо сёння мы можам большую частку пісьмовых дакументаў друкаваць у выглядзе факсімільна дзякуючы камп'ютэрным тэхналогіям, іншы сэнс таксама набывае тэрмін «публікацыя» ў сувязі з магчымасцямі Інтэрнета. Дзякую-

чы працы М. Ф. Шумейкі айчынная гісторыя ў большай ступені пераадолела адставанне ад суседзяў і атрымала перспектыву адэкватна адказаць на выклікі сучаснасці.

Лі т а р а т у р а

1. Шумейко М. Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики). — Минск, 2007.
2. Там жа. — С. 71.
3. Там жа. — С. 68.
4. У новай айчыне. Штодзённае жыццё беларусаў Беласточчыны ў міжваенны перыяд. — Беласток, 2001; В июне 1941 г. (Воспоминания участников первых боев на Гродненщине) / Под ред. Р. И. Карачуна. — Гродно: ГОУТ, 1997 і інш.
5. Świat przed katastrofą. Żydzi krakowscy w dwudziestoleciu międzywojennym. — Kraków, 2007.
6. Козлов В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. — 2001. — № 1. — С. 7—28.
7. В. П. Казлоў пераглядае фактычна большасць тэрмінаў, якімі карысталіся палеографы, і ўводзіць новыя — «модель документальной публикации», «конвой документа в документальной публикации», «неопознанные пробелы документа», «разрывные разности текста документа» і г. д. У больш разгорнутым выглядзе пазіцыя В. П. Казлова прадстаўлена ў яго кнізе: Козлов В. П. Основы теоретической и прикладной археографии / В. П. Козлов. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 224 с.: ил.
8. Гл.: Черных В. А. Еще раз об объекте и предмете археографии // Отечественные архивы. — 2001. — № 3. — С. 12—28; Королев Г. И. В очередной раз об археографии // Отечественные архивы. — 2002. — № 1. <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid>.
9. Шумейко М. Ф. Указ. соч. — С. 91.
10. Там жа. — С. 275—292.
11. Там жа. — С. 283.
12. Рэкамендацыі па арганізацыі работы з гістарычнымі дакументамі (для навуковых выданняў). — Мінск, 1997; Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых крыніц у Беларусі (XIII—XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага) / Аўт.-склад. А. І. Груша. — Мінск: БелНДДАС, 2003.
13. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики /Сост. А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов. — Вильнюс, 1985.
14. Кобяк Н. А., Леренман М. М., Поздеева И. В., Смилянская Е. Б. Задачи и результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета 1966—1980 гг. // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. — М.: МГУ, 1982. — С. 11—39.

С. Я. Куль-Сяльверстава

ВАЕННАЯ ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ Ў ДАКУМЕНТАХ ДЗЯРЖАЎНАГА КАМІТЭТА АБАРОНЫ СССР

Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941—1945 гг.: справочник / Деп. по арх. и делопр-ву М-ва юстиции Респ. Беларусь, НАРБ, Росархив, РГАСПИ; сост.: В. Д. Селемев, В. В. Скалабан, В. Н. Шепелев. — Минск: НАРБ, 2008. — 216 с.

Да апошняга часу беларускія даследчыкі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны не выказвалі цікавасці да такога комплексу крыніц, як распарадчая дакументацыя Дзяржаўнага Камітэта Абароны (ДКА) СССР. Нават у фундаментальнай тэматычнай энцыклапедыі «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945» няма артыкула аб гэтым надзвычайным вышэйшым дзяржаўным органе краіны, які кіраваў дзейнасцю ўсіх саюзных наркаматаў, камітэтаў, праўленняў, вырашаў пытанні перабудовы эканомікі на ваенны лад, эвакуацыі, мабілізацыі рэсурсаў, кадраў, вызначаў ваенна-палітычныя задачы, характар выкарыстання і структуру Узброеных Сіл і, праз Стаўку Вярхоўнага Галоўнакамандвання, стратэгію вайны і асобных баявых аперацый. Гэтая індэферэнтнасць айчыннай гісторыкаў была абумоўлена ўсведамленнем немагчымасці атрымання допуску для працы з сакрэтнымі крыніцамі такога ўзроўню, і таму свае навуковыя задачы даследчыкі імкнуліся вырашаць, прыцягваючы іншыя, больш даступныя групы дакументаў. Тым больш што копіі адзінкавых пастановаў і распараджэнняў ДКА адклаліся ў справаводстве Беларускага штаба партызанскага руху.

Усе пастановы і распараджэнні Дзяржаўнага Камітэта Абароны СССР захоўваюцца ў Расійскім дзяржаўным архіве сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ, фонд 644, вопіс 1). Большасць з 9971 дакумента гэтага кшталту зараз рассакрэчана і даступна для навукоўцаў. У межах дагавору аб супрацоўніцтве паміж Расархівам і Дзяржаўнай архіўнай службай Рэспублікі Беларусь было падрыхтавана выданне архіўнага даведніка. Ён уключае тэкст ці даведачныя звесткі аб 345 пастанавах і распараджэннях ДКА, якія ўтрымліваюць інфармацыю па Беларусі.

Архіўныя ўстановы рэспублікі неаднаразова выкарыстоўвалі жанр архіўных даведнікаў у сваёй навуковай творчасці — усяго за постсавецкі перыяд іх выйшла каля сарака (з улікам архіўных даведнікаў, падрыхтаваных музеямі і іншымі гуманітарнымі структурамі). Некагорыя з іх прысвечаны замежным архіўным зборам, якія ўтрымліваюць інфармацыю па гісторыі Беларусі. Што датычыцца даведачных публікацый, якія ажыццёўлены ў супрацоўніцтве з расійскімі архівістамі, то гэта, акрамя рэцэнзуюмага выдання, даведнік «Документы по истории Беларуси в «Особой папке» И. В. Сталина» (2004), падрыхтаваны Нацыянальным архівам Рэспублікі Беларусь, БелНДДАС і Дзяржаўным архівам Расійскай Федэрацыі.

«Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР» па структуры і асаблівасцях арганізацыі матэрыялу нагадвае комплексныя археаграфічныя выданні, якія па сваім відавым прызначэнні з'яўляюцца і архіўнымі даведнікамі, і зборнікамі дакументаў (да сучасных выданняў такога кшталту можна, у прыватнасці, аднесці першы том у дзвюх кнігах «Архіваў Беларускай Народнай Рэспублікі», надрукаваны ў 1998 г.). Даведачная інфармацыя на архіўныя дакументы дадзена ў ім у рэгестах і анатацыях. У залежнасці ад асаблівасцей пытанняў, якім прысвечаны пастановы і распараджэнні, складальнікі выкарыстоўвалі як кароткае, так і падрабязнае анатаванне. У адзінкавых выпадках у даведніку прадстаўлены толькі назва дакумента і пошукавыя даныя. Усе характарыстыкі крыніц дадзены па

пераліку рашэнняў ДКА за 1941—1945 гг., надрукаваным у «Бюллетене рассекреченных документов федеральных государственных архивов» (2005). Тэкст шэрагу дакументаў апублікаваны поўнаасцо або ў вытрымках. Іх больш за дзве трэці ад агульнай колькасці дакументаў, інфармацыя аб якіх прадстаўлена ў даведніку (209 адзінак). Аднак фармальны статус выдання як даведніка дазволіў складальнікам не даваць іх агульнага пераліку і ўвогуле адмовіцца ад навукова-даведачнага апарату, акрамя спіса скарачэнняў. Апошняе, на наш погляд, з'яўляецца істотным недахопам дадзенай публікацыі. Практыка архівазнаўства ведае прыклады, калі заўвагі ўзбагачалі фактуру архіўнага даведніка і павышалі яго навуковую і інфармацыйную вартасць. У дадзеным выпадку ідзе гаворка аб своеасаблівым «даведніку-зборніку», змест пэўных элементаў якога патрабуе наяўнасці як заўваг, так і каментарыяў. Тым больш што асобныя дакументы не заўсёды адэкватна асвятлялі сутнасць разгледжаных у іх пытанняў (напрыклад, пастанова ДКА ад 12 красавіка 1944 г. «О недостатках в работе командования и штаба Западного фронта» і інш.). Пэўным недахопам выдання з'яўляецца і занадта кароткая прадмова, у якой як гістарычная, так і археаграфічная часткі даволі размытыя і неабгрунтаваны лапідарныя.

Метадыка работы складальнікаў даведніка ўключала поўны прагляд архіўных спраў і адбор дакументаў у асноўным па геаграфічным прынцыпе — упамінанні ў іх Беларусі, БССР, беларускіх рэгіёнаў, населеных пунктаў, водных шляхоў, транспартных магістраляў, а таксама мілітарных (і цывільных) структур па месцы іх дыслакацыі, баявых ці іншых дзеянняў, тэрытарыяльнай кампетэнцыі (напрыклад, Беларускі штаб партызанскага руху, Заходні фронт, СНК БССР і г. д.). Гэта метадыка простая, эфектыўная і дастаткова карэктная. Аднак яна не ўлічвае, што распаўсюджванне нарматыўнай сілы дакумента на тэрыторыю Беларусі не заўсёды звязана з абавязковай прывязкай да яе геаграфічных, тапаграфічных адзінак і іншых прасторавых ці адміністрацыйна-арганізацыйных структур. Таму з тэзісам складальнікаў аб уліку «ўсіх дакументаў па Беларусі з архіўнага комплексу ДКА», які прагучаў на прэзентацыі выдання, можна пагадзіцца, але ж з разуменнем яго пэўнай умоўнасці.

Тым не менш, даведнік дазваляе не толькі атрымаць адпаведныя інфармацыйна-пошукавыя звесткі, але і скласці агульнае ўражанне аб коле пытанняў, якія вырашаліся адносна Беларусі на вышэйшым дзяржаўным узроўні — узроўні Дзяржаўнага камітэта абароны, — і пазначыць дынаміку іх актуалізацыі ў параўнанні з канкрэтнымі гістарычнымі падзеямі. У 1941 г. гэта пытанні мабілізацыі, стварэння вайсковых фарміраванняў з ліку насельніцтва заходніх абласцей СССР, ліквідацыі Заходняй ваеннай акругі, якая засталася «без большай часткі тэрыторыі і рэсурсаў для мобілізацыі і комплектавання», утварэння і забеспячэння Заходняга фронту. Шэраг пастановаў і распараджэнняў гэтага часу прысвечаны тэрміновай карэктарцыі народнагаспадарчых планаў, эвакуацыі на Усход насельніцтва, жывёлы, фуражу, інвентара і абсталявання, знішчэння матэрыяльных каштоўнасцей, пасаваў сельскагаспадарчых культур. У 1942 г. разглядаліся выключна пытанні арганізацыі і развіцця партызанскага руху. У 1943 г. у пастанавах ДКА зноў з'яўляецца эканамічная і ваенна-эканамічная праблематыка, якая ў далейшым становіцца галоўнай. Асноўная ўвага кіраўніцтва краіны паступова засяроджвалася на будаўніцтве і ўзнаўленні ваеннай інфраструктуры, узвядзенні абарончых умацаванняў, размініраванні аб'ектаў і мінных палёў, зборы трафейнай зброі, узнаўленні чыгуначных магістраляў, мастоў, рабоце складскай гаспадаркі, нафтабаз, электрастанцый, сетак сувязі, вагонна-паравознага парка, рач-

нога флоту, расчыстыцы рэк і каналаў. Надзвычайнае значэнне надавалася планаванню прамысловай і сельскагаспадарчай вытворчасці, найхутчэйшаму пад'ёму машынабудавання, прамысловасці будматэрыялаў, дрэваапрацоўчай прамысловасці (перш за ўсё ў вызваленых першымі раёнах Гомельскай вобласці і ў Гомелі), рээвакуацыі станкоў і абсталявання, размеркаванню па беларускіх прадпрыемствах германскай тэхнікі, атрыманай у лік будучых рэпарацый ці проста канфіскаванай.

Сістэматызацыя адзінак апісання даведніка па храналогіі дазваляе ўявіць сістэму прыярытэтаў савецкага кіраўніцтва ў ваеннай, эканамічнай, сацыяльнай сферах на розных этапах Вялікай Айчыннай вайны і механізм прыняцця рашэнняў па рэалізацыі гэтых прыярытэтаў на рэгіянальным узроўні. Прадстаўленая ў ім даведчаная (у тым ліку колькасная) інфармацыя і асобныя дакументы істотна дапаўняюць гісторыю Беларусі ваеннага і пасляваеннага часу і, у прыватнасці, інфармацыйны пласт такіх буйных археографічных публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, як зборнікі «Беларусь у першыя месяцы Вялікай Отчужденной войны (22 июня — август 1941 г.)» (2006), «Освобожденная Беларусь: документы и материалы» у дзвюх кнігах (2004, 2005) і інш. Асабліва трэба адзначыць высокі ўзровень рэдакцыйна-выдавецкай падрыхтоўкі выдання, якасную вёрстку, што вельмі важна для выданняў падобнага кшталту.

Каштоўнасць сумеснай працы беларускіх і расійскіх архівістаў не толькі ў рэалізацыі канкрэтнага навуковага і выдавецкага праекта, але і ў тым, што ў яе ходзе ў НАРБ была сфарміравана калекцыя копіяў пастанаўленняў і распараджэнняў Дзяржаўнага камітэта абароны СССР, якія ў той ці іншай форме ўключаны ў даведнік. Такім чынам, беларускія даследчыкі маюць магчымасць знаёміцца з поўным тэкстам адпаведных дакументаў не выязджаючы за мяжу. Сумесная праца, зробленая беларускімі і расійскімі архівістамі, безумоўна, карысная для гісторыкаў Вялікай Айчыннай вайны, даследчыкаў эканамічнага, сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі ў ваенны і пасляваенны час і з'яўляецца ўзорам сумеснага выкарыстання агульнай архіўнай спадчыны.

С. У. Жумар

— ◇ —

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ АРХЕОГРАФИИ

Козлов В. П. *Основы теоретической и прикладной археологии. М.: РОССПЭН. 2008. — 224 с.*

В. П. Козлов вошел в историю постсоветской археологии, прежде всего, как новатор в области терминологии археологии. Его вклад в построение терминосистемы археологии и развитие ее понятийного аппарата отмечен нами [1, с. 77—78; 2, с. 37—38]. Проявляет он себя и как вдумчивый разработчик теории и методики археологии. В основу вышедшей книги легли его статьи, напечатанные в российской, а также белорусской научной периодике [3—6].

Обращает на себя внимание теоретический тезис В. П. Козлова об археологии как «сфере человеческого духа» и уровнях познания археологии — оперативной, просветительской и научной (с. 11—12). Тем самым в отличие от Е. М. Добрушкина, ограничивающего состав документальных публикаций, относимых к археологии лишь «научными изданиями документа в качестве исторического источника» [7], по утверждению В. П. Козлова археология предстает если не сферой общественной деятельнос-

ти, наподобие делопроизводства и архивного дела, то во всяком случае сферой культуры (как у А. Д. Степанского [8]). Мы разделяем данную точку зрения (взгляд на археологию как сферу общественной деятельности обосновывался нами в [9, с. 27]). С. О. Шмидт употребляет термин «сфера археологии» в значении сферы, «связанной с публикаторской деятельностью», сферы, в которой наличествует «текстовая взаимосвязь, пожалуй, даже нерасторжимость теории и практики издания исторических источников» [10]. В аналогичном значении употребляет его и М. Ф. Шумейко, рассуждая о «нормативно-методической базе археологии» и «нормативно-методической базе в сфере археологии» [11, с. 126, 150]. Тем самым, относя к сфере археологии документальные публикации, осуществляемые не в соответствии с нормами археологии, В. П. Козлов занял наиболее радикальную точку зрения на состав сферы археологии.

В главе 1, состоящей из одного параграфа — «Основные археологические понятия», В. П. Козлов основное внимание уделяет анализу и синтезу понятия документа. Однако понятие документа не является понятием археологии (оно разрабатывается в рамках документоведения, прежде всего общего документоведения — документологии, теоретической информатики, ее ответвления — документалистики). В рамках археологии разрабатывается понятие исторического документа. На это указывает, в частности, название «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1969, 1991.). Тем не менее понятие документа востребовано в построениях археологии, и уделение ему первостепенного внимания вполне правомерно. Оно является одним из ключевых в разработанной В. П. Козловым концепции трансформации документа в исторический источник. «Различные определения (понятия. — Ю. У.) документа, которые существуют сегодня в законодательстве, нормативной, методической, научной литературе и обыденном познании», автор книги группирует по четырем определениям понятия. Он предлагает исходить в рамках археологии из следующего дефиниенса для термина «документ» — «материальный объект, выступающий в качестве носителя информации в виде определенного структурированного сообщения» (с. 26—28). В данной дефиниции обращает на себя внимание смещение акцента в истолковании документа (по сравнению с дефиницией, данной в ГОСТ Р 51141-98) с содержащейся информации с идентифицирующими реквизитами к сообщению. Однако понятие сообщения — это гносеологическая интерпретация информации [12, с. 127]. В рамках кибернетики под сообщением понимается «упорядоченный набор знаков из заранее составленного алфавита с целью передачи информации» (алфавит — «набор различных знаков») [13, с. 200—201]. Несомненно, в сфере археологии, в рамках эдиционной работы первостепенное значение занимают не только процессы обработки текста, его передачи, воспроизведения, но и его трансляции пользователям. Однако сообщением выступает не документ, а публикуемый текст, обработанный в соответствии с нормами археологии (и шире — археологическая «документальная» публикация).

Отметим вклад В. П. Козлова в развитие типологии археологических («документальных») публикаций, изложенной им в 1-м параграфе главы 2 «Феноменология документальных публикаций». Заметим, что термин «феноменология», если исходить из его значения как теоретического описания либо описательной теории, не «охватывает» точно содержание главы и прежде всего указанного параграфа. В самом деле, например, следующее высказывание: «по степени утраты документом своей первоначальной целевой функции можно судить о фокусировке документальной публикации» (с. 149), является объяснительным, а не описательным. Автор книги обогащает понятийный аппа-

рат археографии понятиями регулярной и каскадной номинальной археографической публикации и цепной и каскадной тематической археографической публикации. Хотя он не употребляет термин «номинальная (археографическая) публикация». Кстати, не употребляется этот термин и в Правилах 1990 г. Взамен его в них употребляется термин «издание документов одной разновидности». В. П. Козлов применяет термин «повидовая документальная публикация». На наш взгляд, термин «номинальная (археографическая) публикация» для обозначения соответствующего понятия более точен, поскольку объектом соответствующей публикации берутся, как правило, материалы одного наименования. При этом в нее могут включаться как материалы одной разновидности, так и одного вида. В соответствии с критерием характера фильтрации документов В. П. Козлов выделяет регулярные повидовые («повидовые регулярные») документальные публикации («включающие документы одного вида и одного уровня создания и происхождения») и каскадные повидовые («повидовые каскадные») документальные публикации («включающие документы одного вида, но разных уровней создания и происхождения») (с. 154—155). В соответствии с критерием характера фильтрации документов он выделяет цепные тематические («тематические цепные») документальные публикации («содержащие документы разных видов и одного уровня создания и происхождения») и каскадные тематические («тематические каскадные») документальные публикации («объединяющие документы разных видов и одного уровня создания и происхождения») (с. 153). В Правилах 1990 г. для термина «пофондовое издание» используется характеристика «вид издания (исторических) документов», что недостаточно точно, учитывая, что материалы некоторого архивного фонда могут быть опубликованы, предназначаясь и не для целей обеспечения исторического исследования. Для В. П. Козлова же объект археографии — документ, а не исторический документ. Относительно пофондовой документальной публикации он поясняет, что она «включает все без исключения сохранившиеся в конкретном архивном фонде документы или их подавляющую часть». При этом подвергает критике С. М. Каштанова [14, с. 82] за отнесение к пофондовой публикации сборника документальных материалов, составляющих документальный, а не архивный фонд (с. 151). Таким образом, В. П. Козлов, строя типологию документальных публикаций, выделяет в соответствии с критерием характера подбора документов пофондовые, тематические и повидовые публикации, в соответствии с иными критериями — и подтипы документальных публикаций.

Заслуживает внимания разработка В. П. Козловым понятий одинарной, двойной и тройной археографической (и шире — документальной) публикаций. Термином «одинарная документальная публикация» он обозначает публикацию документа без «конвоя» и сигнальной системы; термином «двойная документальная публикация» — публикацию документа с «конвоем» либо с сигнальной системой; термином «тройная документальная публикация» — публикацию документа с «конвоем» и сигнальной системой. Хотя данная модель документальной публикации как системы уже подверглась критике в научной литературе. Е. А. Плешкевич, отмечая, что А. Д. Степанский, оппонируя В. П. Козлову, рассматривает в качестве объекта археографии лишь ретроспективные публикации источников, со своей стороны считает, что «элементы сигнальной системы в виде выходных данных присутствуют всегда — иначе это не публикация» [15, с. 70].

Во 2-м параграфе главы 3 В. П. Козлов развивает сравнительно новую для теории археографии тему: археография как социокультурный феномен. Хотя объем параграфа

чрезвычайно мал для раскрытия темы: две страницы книги. Развитие данной темы возможно усматривать и в 4-м параграфе данной главы. Однако объем его еще меньший. Безусловно, раскрытию данной темы следовало бы уделить большее внимание. Кроме того, термины, вводимые им при изложении данной темы, не только не обосновываются, а и неудачны. Мы уже приветствовали введение В. П. Козловым ряда новых, более точных терминов в теорию и методикку археографии, см. [16]. Здесь же им предлагаются для употребления термины, терминологическим элементом которых входят слова обыденного познания — термины «археографический успех», «археографическая неудача» (с. 160). Выделяет курсивом он и выражение «моральное ожидание археографического успеха». Если это термин, то он противоречит критериям идентификации языковых выражений как терминов, которые сам же В. П. Козлов и вырабатывает, напр. в [17]. Впрочем, в «Алфавитном указателе терминов и определений, используемых в настоящей книге» (с. 198—203) данное выражение не значится. Употребляет он в рассматриваемом параграфе и термин «закономерность взаимности» (по отношению к документальной публикации), раскрывая его содержание как «непременные взаимосвязь и взаимодействие документальной публикации и общественного сознания». Такой термин возможно усматривать гомологичным введенному И. Ньютоном в механику (и шире — в космофизику) термину «закон всемирного тяготения». Однако Ньютон «подкреплял» (выражал) закон математическими формулами. Закономерность обычно трактуется в научном дискурсе как совокупность законов. Однако никакими расчетами и выкладками закономерность в книге не «подкрепляется».

Концепция трансформации документа в исторический источник изложена в книге В. П. Козловым неразвернуто, причем при представлении основных понятий археографии. Хотя она заслуживает, учитывая ее востребованность для развития теории археографии, выделения, если не отдельной главы, то во всяком случае отдельного параграфа. Выделение трех фаз существования документа: создания, бытования и покоя (см. с. 31—34) несообразно с конституированием предметом археографии документа (см. с. 56—57). Предметом эдичионной работы выступают и документы, и архивные документы, и исторические источники. Такое выделение предметов эдичионной работы целиком соответствует выделению В. П. Козловым трех познавательных уровней археографии.

В целом В. П. Козлов обогатил теорию археографии разработкой новых понятий, в частности, понятий стратиграфии документа и систематизации места документа (см. с. 35, 92). Обильным введением ряда терминов автор «сдвинул с места» застой, который «царил» в области унификации терминологии и построения терминосистемы археографии. Его взгляды на терминологию и понятийный аппарат археографии, изложенные в рецензируемой книге, полезны для их развития.

Л и т е р а т у р а

1. Несцярковіч Ю. В. Праблемы унификации, оптимизации терминологии и построения терминосистемы археографии // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 9. Мінск, 2008.
2. Несцярковіч Ю. В. О целесообразности модификации терминологии археографии // Праблемы гістарыяграфіі, крынізнаўства, архівазнаўства і археографіі ў Беларусі: Матэрыялы «круглага стала», прысвечанага 60-годдзю з дня нараджэння праф. У. М. Міхнюка (Мінск. 28 верас. 2007 г.). Мінск, 2008.

3. Козлов В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности // Отечественные архивы. 2001. № 1.
4. Казлоў У. П., Міхальчанка А. М. Некаторыя пытанні археографіі як навуковай дысцыпліны // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 2. Мінск, 2001.
5. Козлов В. П. Документ в состоянии покоя: архивный, источниковедческий, археографический аспект // Вестник архивиста. 2002. № 4—5.
6. Казлоў У. П. Дакумент у стане спакою: архіўны, крыніцазнаўчы, археографічны аспект // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 4. Мінск, 2003.
7. Добрушкин Е. М. Основы археографии: Учебное пособие. М., 1992.
8. Степанский А. Д. Археология — наука о публикации архивных документов // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: Межд. науч. конф. 26—27 ноября 1997 г. Доклады и тезисы научных сообщений. М., 1997.
9. Несцярковіч Ю. В. Тэрміналогія і дэфініцыя паняцця археографіі // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 5. Мінск, 2004.
10. Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии // Археологический ежегодник за 1978 год. М., 1979.
11. Шумейко М. Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики). Минск, 2007.
12. Земан И. Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. М., 1966.
13. Черри К. Человек и информация (Критика и обзор). М., 1974.
14. Каштанов С. М. Актовая археография. М., 1998.
15. Плешкевич Е. Документационный подход в теории археографии и документоведении: сравнительный анализ // Терміналогія дакументознаўства та суміжных галузей знань: Зб. наук. праць / За заг. ред. В. В. Бездрапко. Вып. 2. Кііў, 2008.
16. Несцярковіч Ю. В. Объект и основные аспекты эдиционной археографической работы (терминологический аспект) // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 7. Мінск, 2006.
17. Козлов В. П. Приглашение к размышлению об археографии состоялось... // Отечественные архивы. 2002. № 6.

Ю. В. Несцярковіч

НОВАЯ КНИГА МЕТРЫКІ: БЕЛАРУСЬ І ЛІВОНІЯ

Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга № 560 (1542 год). Кніга перапісаў № 3 (копія канца XVI ст.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; падрыхтаваў А. І. Дзярновіч — Мінск: Беларуская навука, 2007. — 157 с.

Гістарычны лёс не быў спрыяльным для дакументальнай спадчыны Беларусі. Таму каштоўнасць унікальнага комплексу велікакняжацкай канцылярыі ВКЛ, які быў вывезены ў Расію яшчэ ў канцы XVIII ст. і захоўваецца сёння ў РДАСА (Масква), для навукі неацэнная. Аднаўленне традыцыі публікацыі кніг Метрыкі ВКЛ у канцы XX ст. адбылося ў асноўным дзякуючы працы літоўскіх навукоўцаў. На сённяшні дзень апублікавана 43 кнігі з калекцыі Метрыкі ВКЛ, у т. л. літоўскімі навукоўцамі — 29, беларускімі — 8, польскімі — 2 (не ўлічваючы Акты Скарбу ВКЛ, апублікаваныя ў серыі «Літоўская Метрыка»), украінскімі — 2, расійскімі — 1, а таксама 1 кніга ў рамках сумеснага беларуска-расійскага праекта. Указаная статыстыка паказ-

вае, наколькі актыўна ў сучаснай Літоўскай дзяржаве ажыццяўляецца адмысловы праект па выданні кніг Метрыкі ВКЛ. Гэты праект мае рэальную падтрымку з боку дзяржавы. Таксама можна канстатаваць, што ў Беларусі выданне кніг Метрыкі адбываецца хутчэй дзякуючы працы асобных рупліўцаў, а не планавай распрацоўцы вядучых навуковых устаноў. Гэта сведчыць пра даволі абякавае стаўленне беларускіх гісторыкаў да вывучэння і публікацыі першакрыніц па гісторыі ВКЛ. Здаецца, што вельмі надзённым стала пытанне аб прыняцці праграмы па выданні крыніц па гісторыі Беларусі старажытнага перыяду. Пажадана, каб у ёй прынялі ўдзел не толькі гісторыкі, але і філолагі, не толькі супрацоўнікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, але і іншых вядучых навуковых устаноў краіны.

Кніга Метрыкі № 560 (перапісаў № 3) прысвечана малавядомым старонкам гісторыі Беларусі — устанавленню (дэмаркацыі) мяжы паміж Вялікім княствам Літоўскім і Лівонскім ордэнам у 1542 г. Гэта вельмі кампактная кніга; дакументы, якія ўвайшлі ў яе склад, маюць выразныя храналагічныя і тэрытарыяльныя рамкі. Кніга мае цікаваць для вывучэння міждзяржаўных адносін ВКЛ з Лівоніяй, гісторыі права ў 1-й палове XVI ст., рэалізацыі на практыцы тагачасных юрыдычных норм.

Апроч таго, кніга змяшчае многа цікавых звестак па тапаніміцы паўночнага беларускага памежжа, багаты матэрыял па гісторыі населеных пунктаў укаванага рэгіёна, саслоўнага складу яго жыхароў (шляхты, духавенства, сялян), іх гаспадарчых заняткаў, іншых абставін жыцця, у т. л. дачыненняў з насельніцтвам суседняй дзяржавы — Лівонскага ордэна. Дакументы кнігі будуць цікавымі і даследчыкам старажытнабеларускай мовы, бо змяшчаюць прыклады жывой народнай гаворкі.

Адным са станоўчых момантаў публікацыі варта назваць вялікую ўвагу аўтара да навукова-даведчага апарату. Сам тэкст кнігі заняў 48 старонак фармату А4, у той час як усе дадаткі — больш за 100 старонак. Аўтарам падрабязна апісана гісторыя кнігі, яе знешнія прыкметы, адзначаны асаблівасці арфаграфіі і мовы крыніцы. Тэкст кнігі дапаўняюць грунтоўныя прадметна-тэматычны, імяны і геаграфічны паказальнікі. Для зручнасці некаторыя моманты апрацоўкі матэрыялаў прадстаўлены аўтарам у выглядзе спецыяльных табліц, напрыклад, эвалюцыя канцылярскай і архіўнай гісторыі кнігі і г. д.

Аўтар мае вельмі выразную археографічную канцэпцыю, якая грунтуецца на досведзе папярэднікаў і калег, а таксама на ўласных распрацоўках А. Дзярновіча. У аснову перадачы тэксту кнігі пакладзены прынцып палітарнай яго перадачы. Пры гэтым публікатар імкнецца да дакладнай перадачы літар арыгінальнага тэксту, прытрымліваючыся прынцыпу аўтэнтычнасці — перадачы ўсіх кірылічных літар, што прысутнічаюць у тэксце, у тым ліку і зніклых. Прапушчаныя літары ў скарачэннях пад цітламі раскрываюцца з улікам асаблівасцей правапісу старабеларускай мовы, пры гэтым самі цітлы захоўваюцца, бо яны з'яўляюцца цікавым матэрыялам для вывучэння гісторыі старабеларускай мовы.

Дыскусійным з'яўляецца прынцып перадачы ў публікацыях значка «ѣ», за якім у гістарычнай традыцыі замацавалася назва «паерык» і які ў тэксце ў становішчы пасля галоснай у сярэдзіне і на канцы слова паслядоўна ўжываецца для абазначэння гука «ј» і пішацца над радком. А. Дзярновіч перадае ў публікацыі гэты знак як *й*. Аўтар публікацыі зыходзіць з канстатаванага беларускімі лінгвістамі факта, што ў старабе-

ларускіх тэкстах літара «й» пачынае ўжывацца якраз з XVI ст.* Разумеючы, што «паерык» з'яўляецца толькі варыянтам напісання літары «й», а не самастойнай літарай, аўтар публікацыі палічыў магчымым перадаваць «паерык» праз літару «й»**.

З іншых асаблівасцей публікацыі варта адзначыць наступныя. Геаграфічныя элементы тыпула пішуцца з вялікай літары, бо ўвесь тытул носіць строга афіцыйны характар. Канец радка пазначаны адной вертыкальнай рыскай «|», канец аркуша кнігі-копіі пазначаецца дзвюма вертыкальнымі рыскамі «||». Нумар аркуша абазначаецца ў самім тэксце ў квадратных дужках тоўстым курсіўным шрыфтам, а таксама выносіцца на палі ўжо без дужак. Пайсці на такі крок прымусіла спецыфіка тэксту — суцэльнага апісальнага, які не падзяляецца на асобныя дакументы. Дубліраванне нумарацыі выразна падае структуру тэксту і спрашчае пошук той ці іншай пазіцыі паводле паказальнікаў. Самі паказальнікі анатавання — гэта значыць, што ў географічным паказальніку-каментарыі пададзены як тагачасны адміністрацыйна-гаспадарчы статус населеных пунктаў, так і сучаснае адміністрацыйна-тэрытарыяльнае размяшчэнне. У імянным паказальніку адзначаецца сацыяльны статус асобы і пасада.

Трэба адзначыць, што А. Дзярновіч з'яўляецца ўжо сталым даследчыкам дачыненняў ВКЛ і Лівонскага ордэна. Гэтым адносінам прысвечана кандыдацкая дысертацыя аўтара, якая была надрукавана асобнай манаграфіяй «'... in nostra Livonia'. Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін паміж Вялікім княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV — першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і актывы аналіз» (Мінск, 2003). Храналагічна і тэрытарыяльна бліжэй да тэматыкі кнігі Метрыкі з'яўляецца археаграфічны праект аўтара «Віцебска-Рыжскія акты» (на гэты момант з друку выйшаў 1 выпуск («Віцебска-Рыжскія акты XIII—XVII стст.: Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплексу Ruthenica Дзяржаўнага гістарычнага архіва Латвіі)). Выпуск I: Дакументы гаспадарча-гандлёвага, XV—XVI стст. Мінск, 2005). З вялікай доляй упэўненасці можна сцвярджаць, што ўсё гэта садзейнічала кваліфікаванай і грунтоўнай апрацоўцы аўтарам кнігі № 560 Метрыкі ВКЛ.

Разам з тым, можна выказаць аўтару некаторыя пажаданні па ўдасканаленні выдання, тым больш што А. Дзярновіч збіраецца апублікаваць новае выданне кнігі. Кніга № 560 тычыцца гісторыка-геаграфічнай тэматыкі, таму ў выданні пажадана змясціць адпаведныя карты.

На с. 107 у прадажна-тэрміналагічным паказальніку, відавочна, адбыўся «збой» макета, калі знамянальным словам для некалькіх іншых апынуўся толькі тэрмін «містр». Гэты фрагмент паказальніка выглядае наступным чынам:

«**Містр** — 1, 6, 20
Лифлянтский — 1, 6, 20
могила — 2 в., 15
закладная — 2 в., 15

* Булыка А. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старажытнай беларускай мовы. Мінск, 1970. С. 54; Янкоўскі Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. С. 56.

** Разгорнутую аргументацыю аўтара на гэты конт гл.: Дзярновіч А. Да партрэта літары «й» у Метрыцы ВКЛ // Актуальныя пытанні вывучэння і выдання Метрыкі Вялікага княства Літоўскага. Матэрыялы Міжнароднай навук.-практ. канфер. (Мінск, 11—12 лістапада 2003 г.). Мінск, 2005. С. 22—35.

стояти — 15
могорича — 22
пити — 22
мора — 6, 7
Солоное — 7».

Паводле сэнсу размяшчэнне слоўных гнёздаў павінна быць наступным:

«**Містр** — 1, 6, 20
Лифлянтский — 1, 6, 20
могила — 2 в., 15
закладная — 2 в., 15
стояти — 15
могорича — 22
пити — 22
мора — 6, 7
Солоное — 7».

У цэлым публікацыя выклікае добрае ўражанне як па вырашэнні археаграфічных пытанняў (гісторыя кнігі, палеаграфічнае апісанне, перадача тэксту), так і па гістарычнай інтэрпрэтацыі крыніцы, чаго звычайна ўкладальнікі не робяць (гэта аўтарскі 5-ты раздзел ва ўводзінах — «Кніга № 560 Метрыкі ВКЛ як гісторыка-геаграфічная крыніца»). Можна сказаць, што выданне кнігі № 560 Метрыкі ВКЛ стала важным набывкам беларускай археаграфіі і будзе для наступных метрыкантаў добрым прыкладам грунтоўных і ўважлівых адносін да працы з крыніцамі.

С. А. Рыбчонак

— ◇ —

СОЕДИНЕННЫЕ ШТЕТЛЫ БЕЛАРУСИ, ИЛИ ЕВРЕИ, КОТОРЫХ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Смиловицкий Л. Евреи в Турове: история еврейского местечка Мозырского Полесья. Иерусалим, 2008. — 848 с., илл.

По переписи 1897 г. в Российской империи проживало 5063,1 тыс. евреев, или около половины еврейского населения земного шара. Из этого числа более 1/5 (1202,1 тыс.) приходилось на Беларусь, что составляло примерно 15% ее населения в целом и 35,9% ее городского населения.

Бесспорно, евреи проживали и в других районах империи Романовых. Но только территория современной Беларуси целиком была в черте оседлости. При этом история еврейской общины на наших землях берет свое начало с XIV в. Таким образом, Беларусь представляет тот регион Восточной Европы, в котором исторические процессы и тенденции жизни еврейского народа проявились наиболее отчетливо и выпукло, как бы классически.

Белорусская иудаистика имеет свою богатую историографию. Она испытывала как периоды своего подъема, связанного с процессами национального возрождения, так и периоды почти полного забвения этой тематики, связанного с идеологическими запретами недавних лет. Сегодня история евреев в Беларуси активно исследуется как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Не ошибусь, если скажу, что имя автора рецензируемой монографии хорошо известно заинтересованному белорусскому читателю. Уроженец Речицы, выпускник Минского педагогического института, первые шаги в науке он делал на белорусской

земле. Затем работа в Мемориальном музее Яд Вашем и Центре диаспоры при Тель-Авивском университете. Для исторической науки география иногда является относительным понятием. Монографии Леонида Смиловицкого «Евреи Беларуси: Из нашей общей истории, 1905—1953» (Минск, 1999) и «Катастрофа евреев в Беларуси, 1941—1944 гг.» (Тель-Авив, 2000) стали ценным вкладом как в белорусскую, так и в мировую иудаистику. Несомненно, что и его новая книга «Евреи в Турове: история еврейского местечка Мозырского Полесья» займет в историографии достойное место.

Это фундаментальное как по тематике, так и по объему (более 800 страниц) издание создано в рамках проекта Центра по изучению еврейской диаспоры при Тель-Авивском университете и при поддержке Мемориального фонда сохранения еврейской культуры и Американского объединенного распределительного комитета Джойнта. Активную помощь автору оказали его друзья, земляки, коллеги, благодарностью которым открывается монография.

Структура исследования сочетает хронологический и тематический принципы. Каждая из четырех глав посвящена событиям определенного периода: истории еврейской общины Турова до революции 1917 г.; советскому времени до трагического лета 1941 г.; годам войны и послевоенному периоду. Таким образом, перед читателем раскрывается история Турова российского, императорского, Турова послереволюционного, советского и Турова военного. Последняя, четвертая глава «Послевоенный город» подводит итог как книги, так и истории еврейской общины полесского местечка. Внутри каждой главы сюжетные изложения по тематическому принципу, сравнению с исторической мозаикой.

Можно сказать, что Турову повезло, и он имеет теперь свою энциклопедию еврейской жизни. Более того. Автор ведет свое повествование с какой-то библейской эпичностью, начиная почти с сотворения мира — возникновения географического облика Полесья под влиянием ледника, описания его природных особенностей, животного мира, картинок из жизни аборигенов этих мест — полешуков.

Особо следует сказать о полиграфическом исполнении книги. Это как раз тот случай, когда можно с уверенностью констатировать единство формы и содержания. Картографированные форзацы, многочисленные (более 140) иллюстрации, карты и планы, словарь терминов и понятий, словарь сокращений, именной и географический указатели. Присутствует даже такой редкий для современных изданий изыск, как ляссе.

Выскажу и свое сугубо субъективное мнение о самом процессе чтения этой книги. Знакомство с текстом довольно быстро убедило меня в правоте авторского обращения к читателю. В нем Леонид Смиловицкий сравнивает свое исследование со сборником сонетов, «где каждая глава имеет самостоятельную фабулу и сюжет, цепь событий в их логической причинно-временной последовательности, завязку, развитие действия, кульминацию и финал. Это дает возможность прочтения книги с любой ее части» (с. 11). И это утверждение вполне справедливо. Нельзя читать все и сразу. Иначе может невольно получиться так, что ограничительные меры царизма в отношении евреев покажутся детскими играми по сравнению с нацистским геноцидом, а бесправное положение евреев в Российской империи уравнивается их весьма активным присутствием в партийно-советских органах следующей эпохи.

Сильной стороной рецензируемой книги является анализ демографической ситуации в еврейской общине Турова. Это потребовало большой работы со статистическим материалом, зачастую «спрятанным» в архивах. При этом не обойдены вни-

манием и такие социально-экономические и демографические факторы, как эмиграция в США и миграция в Крым.

В белорусской истории, как, наверное, и в истории вообще, еврейская община имела облик двуликого Януса. Ее внутренний мир составляли вопросы религиозной жизни, традиционного образования, патриархального быта. Внешней стороной были взаимоотношения с властью, которая нередко меняла свое лицо, и, конечно, участие в экономической жизни.

В современной иудаистике проблемы экономической истории еврейского народа не принадлежат к числу приоритетных. Они весьма скромно выглядят на фоне исследований по истории религии и культуры евреев, их правового положения, антиеврейской репрессивной политики. Но так было далеко не всегда, и это скорее историческая традиция XX в. В конце XVIII — XIX в. именно вопросы экономической жизни евреев зачастую служили как поводом, так и основанием для официальной позиции и политики самодержавия по «еврейскому вопросу», а также активно обсуждались еврейскими публицистами (И. Г. Оршанский, Х. Г. Коробков, Ф. Мейер, И. М. Бикерман, М. Бернацкий).

Во второй половине XIX — начале XX в. практически полностью в еврейских руках были сконцентрированы такие отрасли белорусской экономики, как табачная промышленность, производство спичек, обоев, значительные мощности в силикатно-строительной промышленности (производство изразцов), типографское дело, кожевенное дело, меховой промысел, производство мыла, часовое и ювелирное дело. Причем это были и хозяйские, и рабочие еврейские руки: принцип «еврей работает у еврея» являлся довольно распространенной практикой. Еврейский капитал находил себе применение и играл видную роль в пивоваренной и стекольной промышленности, столярно-мебельном производстве, сельскохозяйственном машиностроении, химическом производстве, крупяном и мукомольном деле. Еврейских предпринимателей можно было встретить на всех «этажах» белорусской экономики, они являлись владельцами не только многочисленных мелких, но и средних, и крупных предприятий, таких, например, как самая большая по численности рабочих в дореволюционной Беларуси табачная фабрика Шерешевского в Гродно, вторая по величине среди предприятий бумажной промышленности фабрика в Шклове, одно из крупнейших предприятий текстильной промышленности Дубровенская текстильная фабрика АО «Днепровская мануфактура». Евреям принадлежали и уникальные предприятия-монополии на всероссийском рынке, например, карандашная фабрика в Гродно (одна из четырех, существовавших в Российской империи).

Что же касается частного кредита в белорусских губерниях, то исторические факты убедительно свидетельствуют о доминировании еврейских капиталов в этой сфере.

Безусловно, характерной чертой и особенностью белорусской торговли конца XVIII — начала XX в. является ее «еврейское лицо». Согласно переписи 1897 г. в купеческом сословии пяти белорусских губерний евреи составляли почти 90%, русские — 10,7% и только 1,7% были белорусами.

Преобладающая роль евреев в белорусской торговле сложилась в результате целого комплекса причин, причем его истоки уходят в глубь истории. Ограничивая еврейское население как в свободе передвижения и проживания (черта оседлости, запрет селиться в сельской местности), так и искусственно сужая возможные сферы его деятельности (невозможность заниматься государственной и административной дея-

сельскую, военной службой, вести сельское хозяйство), самодержавие, помимо своей воли, буквально вытесняло евреев в доступные экономические ниши. Одной из таких ниш и была торговля. Реальная экономика в очередной раз показала свое превосходство перед государственной политикой. Нередко еврейский бизнес выдерживал и выигрывал в ожесточенной конкурентной борьбе как раз потому, что изначально был на нее настроен и не рассчитывал на существование в «тепличных условиях». За ним не стояла государственная власть, он рос не благодаря, а вопреки ей.

Следует критически относиться к официальной, однозначно отрицательной оценке еврейского «засилья» в экономической жизни белорусских губерний и особенно ее торговой сфере. Несмотря на определенные издержки, связанные с неизбежным в таком случае этническим перекосом в социально-экономической структуре общества, в целом экономические усилия предпринимателей-евреев, несомненно, благотворно сказывались на развитии экономики Беларуси. Вклад еврейской общины в экономическую жизнь Турова — хорошее этому подтверждение. На страницах монографии мы найдем немало ярких примеров того, как экономические усилия еврейской общины не только занимали значительное место в хозяйстве туровского и, если шире, Полесского региона, но и во многом определяли его лицо.

При этом Л. Смиловицкий обратил внимание и на такой, достаточно редко встречающийся в исследованиях сюжет, как занятие евреями в целом «нетрадиционным» для них как в царское, так и в советское время делом, как земледелие и животноводство.

Конечно, Израиль — свободная страна. Пиши что хочешь. Да и нам в Беларуси официальная пропаганда твердит, что у нас демократии больше, чем в любой другой стране мира. Однако и свобода исследователя имеет свои рамки. И определяет эти рамки история. Не стоит, например, в исторических работах быть настолько свободным от исторических фактов, чтобы называть старинную белорусскую Речицу всего лишь «еврейским местечком»*. Речь все-таки идет о городе, известном с начала XIII в., чей городской статус подтвердился привилегией на магдебургское право 1561 г. и чьи городские права не оспаривались ни в Российской империи, ни в советское время. К работе Леонида Смиловицкого такого упрека адресовать нельзя. В ней не потеряны исконные соседи еврейской общины — белорусы, а изложение событий вписано в широкий исторический контекст.

Кстати, белорусский национальный характер, безусловно, формировался и под влиянием тех народов, которые жили рядом. И не евреи ли дали («подарили») белорусам значительное число характерных, узнаваемых в моих земляках черт? В том числе и поразительную выживаемость в самых неблагоприятных житейских и исторических условиях.

Страницы еврейской истории Беларуси заполняются по-разному. Есть проблемные работы, например, по холокосту. Есть обобщающие труды, привязанные к определенному региону или местной еврейской общине. Книга «Евреи в Турове: история еврейского местечка Мозырского Полесья» — блестящий тому пример. Но нет, к сожалению, обобщающей фундаментальной работы по истории белорусских евреев. На мой взгляд, пока препятствием для такой работы является известная публицистичность, даже конъюнктурность еврейской тематики, что приводит к поспешной, не слишком об-

* Каганович А. Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии. Иерусалим, 2007.

ременной долгими архивными поисками работе над книгами и статьями. Несмотря на то, что книга о еврейском Турове в целом лишена этих недостатков, некоторые ее, я бы сказал, «периферийные» сюжеты нуждаются в уточнении.

Цифра в 140 местечек дореволюционной Беларуси, приведенная автором (с. 14), явно занижена как минимум в два, а то и три раза. Хотя и в белорусской историографии нет единой точки зрения по этому вопросу, но общая оценка колеблется именно в таких рамках. Да и сам автор уже в довоенной БССР насчитывает 56 местечек городского и 117 сельского типа (с. 432). А ведь эта территория была куда меньше, чем белорусские губернии Российской империи.

Едва ли можно назвать «наиболее благоприятными для Полесья» XV, XVI и начало XVII столетий. Ведь сам автор строкой выше указывает: «Турову угрожали с разных сторон — татарские ханы и русские воеводы, литовские магнаты и украинские казаки, стремившиеся сделать его своей военной добычей» (с. 30). А на следующей странице отмечает, что закончился этот мнимый расцвет тем, что «во второй половине XVII века Туров пришел в упадок». Не слишком колебался, вопреки утверждению автора, и русский царь, начиная в 1654 г. катастрофическую для Речи Посполитой войну.

Тадеуш Костюшко был, конечно, хорошим человеком. Но он не мог «отменить крепостное право в своем имении» (с. 36), тем более до восстания 1794 г. На самом деле, в 1817 г., в год своей смерти, в Швейцарии он подписал акт об освобождении от крепостной зависимости крестьян Сехновичей, да только они ему в это время уже не принадлежали.

А вот Александра I стоит реабилитировать. После поражения Наполеона в России в 1812 г. его сторонников не «постигли жестокие репрессии с конфискацией имущества и ссылкой на Кавказ» (с. 37), а ждал весьма либеральный шаг — царская амнистия.

В 1863 г. царизм, конечно, направил в Беларусь и Литву не «карательный корпус М. Н. Муравьева», а его самого в качестве Виленского генерал-губернатора, на посту которого он и проводил карательную политику. Зато в 1868 г. Виленским генерал-губернатором был не князь Багратион (с. 196), а генерал-адъютант, генерал-лейтенант Александр Львович Потапов. Генерал-лейтенант, князь Петр Романович Багратион с 25 марта 1868 г. по 22 сентября 1870 г. был всего лишь его помощником по гражданской части.

Странно, что понятие «черта оседлости» автор связывает только с Николаем I (с. 38). В качестве «одного из главных инструментов российского правительства в отношении еврейского населения» она, безусловно, фигурирует еще со времен Екатерины II.

Критерием национальности по Первой Всероссийской переписи 1897 г. следует считать не только вероисповедание (с. 48), но и язык.

Тезис о «неразвитости путей сообщения» на Полесье (с. 50) плохо согласуется с наличием такой важнейшей водной артерии, как Припять с притоками, искусственными водными путями начиная с конца XVIII в. (Днепро-Бугский канал, канал Огинского), а к концу XIX в. — и сети Полесских железных дорог.

Не стоит отрицать и наличия на Полесье и собственных властных структур. Они были — то самое Туровское княжество. Отметим, что в начале XX в. был выдвинут проект создания Полесской губернии, в межвоенной Польше было Полесское воеводство, а в советское время существовала Полесская область. Кстати, единственная названная не по имени областного центра. Хотя и косвенно, но это подчеркивает,

что «наверху» существовало понимание нестандартности, устойчивой региональной особенности этих земель.

При характеристике купеческого сословия стоило внимательнее отнестись к статистике. При отсутствии авторского пояснения трудно понять, каким образом в 1856 г. в Мозыре и Мозырском уезде к третьей купеческой гильдии принадлежало 24 семьи (150 чел.), из них в уезде — три семьи (103 чел.). Что же, на 21 мозырскую купеческую семью остается всего 47 человек? Откуда такой перекося?

Я, как и автор, не искусствовед. Однако не рискнул бы, вслед за ним, считать, что вывески торговых заведений, мастерских и бюро посредников туровских бизнесменов «могли бы сейчас украсить любой музей современного абстрактного искусства» (с. 136). Вероятно, все-таки они были предельно конкретны, а не абстрактны. Хотя разделы примитивизма современных картинных галерей, возможно, и могли бы украсить.

Весьма драматично в изложении автора выглядит история с ликвидацией хедеров — традиционной системы еврейского образования. Возможно, тут разница в менталитете, восприятии и в исторической роли этих явлений, но я что-то не встречал в работах отечественных и российских историков ностальгии по церковно-приходским школам. Понятно, что это было не совсем одно и то же, но всему свое время, и в XX в. полурелигиозные образовательные структуры, параллельные новым, светским, стали выглядеть анахронизмом.

Дореволюционная еврейская община в изложении автора выглядит заповедником традиционализма и патриархальности. И такой взгляд, в свою очередь, весьма традиционен для истории евреев в Российской империи. Однако после 1917 г. именно «евреи показали себя наиболее мобильным слоем населения, способным решиться на ломку стереотипов и перестроиться» (с. 353). Это тоже верно и легко доказуемо на исторических фактах. Но, кроме констатации исторической реальности, хотелось бы видеть и авторский анализ этого исторического феномена. Все-таки откуда такая мобильность и способность к новациям? И не только, кстати, в условиях нового советского общества, но и в европейском, если не мировом, масштабе?

Нельзя сказать, что в СССР антисемитизма не было. Но нельзя и не признавать, что его масштабы значительно уступали государственному антисемитизму времен Российской империи. Однако массовый исход советских евреев значительно превысил еврейскую эмиграцию из-под скипетра державного царя. Почему? Автор не дает ответа и даже не ставит этот вопрос.

«Туров навсегда расстался с евреями» — такой исторический приговор завершает последнюю, четвертую, главу. Вместе с тем, наверное, в этом и состоит основной смысл работы Леонида Смилевичкого — вернуть Турову хотя бы историю его еврейской общины.

На наш взгляд, значение рецензируемого монографического исследования выходит далеко за исторические и географические рамки Турова и Туровской земли. Перед нами тот случай, когда локальный по замыслу и теме труд в итоге приобрел несколько иное, более масштабное звучание. На уровне микроистории в нем мы имеем образцовую работу, стоящую на основательном фундаменте исторических источников, кропотливо найденных и тщательно изученных автором. На уровне макроистории мы имеем ценные авторские обобщения о судьбах еврейской общины Беларуси в целом. Было время, когда неотъемлемую часть белорусской истории составлял микрокосмос таких еврейских местечек, как Туров. Своеобразные Соединенные

штетлы Беларуси. Соединенные своим народом, общностью исторической судьбы, местом в истории евреев и в истории белорусов. Этот пласт нашей общей истории позволяет понять и почувствовать книга Леонида Смилевичкого.

А. Киштымов

**ІНФАРМАЦЫЯ
ІНФАРМАЦЫЯ
ПРА АГУЛЬНЫ СХОД АРХЕАГРАФІЧНАЙ КАМІСІІ
ДЭПАРТАМЕНТА ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
4 ЧЭРВЕНЯ 2009 г.**

Агульны сход Археаграфічнай камісіі Дэпартамента па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь адбыўся ў БелНДЦДАС 4 чэрвеня 2009 г.

У сходзе прынялі ўдзел 38 членаў Археаграфічнай камісіі не толькі з устаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, але і іншых навуковых, адукацыйных, грамадскіх арганізацый Рэспублікі Беларусь, органаў выканаўчай улады, а таксама прадстаўнікі друкаваных выданняў і СМІ, усяго больш чым з 25 устаноў і арганізацый.

З прывітальнымі словамі да сходу звярнуўся старшыня Археаграфічнай камісіі, дырэктар Дэпартамента па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук, дацэнт У. І. Адамушка.

На сходзе былі разгледжаны тры асноўныя пытанні:

1. Справаздача аб працы Археаграфічнай камісіі і яе Бюро за 2008 г. і аб публікацыйнай дзейнасці ў 2004—2008 гг.

2. Аб плане публікацый Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь на 2009—2013 гг.

3. Аб унясенні змен і дапаўненняў у Палажэнне аб Археаграфічнай камісіі.

Па першым пытанні выступіў Э. М. Савіцкі, старшыня Бюро Археаграфічнай камісіі, першы намеснік старшыні Археаграфічнай камісіі, галоўны навуковы супрацоўнік аддзела архівазнаўства БелНДЦДАС, доктар гістарычных навук, прафесар.

Ён адзначыў, што пры аднаўленні дзейнасці Археаграфічнай камісіі ў 2008 г. у сувязі з пераўтварэннем Камітэта па архівах і справаводству пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь у Дэпартамент па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь было зацверджана ў новай рэдакцыі Палажэнне аб Археаграфічнай камісіі. Вызначаны новы склад Археаграфічнай камісіі. У мінулым складзе было 56 членаў, трое з гэтага ліку — П. П. Журкевіч, Г. В. Кісялёў і М. У. Пішчулёнак — ужо пайшлі з жыцця. У цяперашні час у складзе камісіі 53 чалавекі. Камісія паспяхова працягвае выдаваць «Беларускі археаграфічны штогоднік». Члены археаграфічнай камісіі ўдзельнічалі ў правядзенні навуковых канферэнцый у 2008—2009 гг. Аказвалася метадычная дапамога ў выданні зборнікаў дакументаў. У 2004—2008 гг. планавалася ажыццявіць 35 выданняў, выдадзена 17, гэта значыць, 48,6 % ад плана. Прычыны невыканання розныя, але галоўная — адсутнасць неабходных фінансавых сродкаў.

Аб перспектывіўным плане публікацый дакументаў Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь на 2009—2013 гг. агульнаму збору далажыў В. Дз. Селяменев, член Бюро Археаграфічнай камісіі, дырэктар Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук.

З прапановамі аб унясенні змен і дапаўненняў у Палажэнне аб Археаграфічнай камісіі выступіў В. С. Пазднякоў, намеснік старшыні Бюро Археаграфічнай камісіі, намеснік старшыні Археаграфічнай камісіі, загадчык аддзела археаграфіі БелНДЦДАС, кандыдат гістарычных навук.

У абмеркаванні вынесены на агульны сход пытанніў прынялі ўдзел члены Археаграфічнай камісіі А. І. Мальдзіс, Дз. У. Караў, М. Ф. Шумейка і іншыя.

Заслухаўшы і абмеркаваўшы даклады, агульны сход ухваліў справаздачу аб працы Археаграфічнай камісіі і Бюро за 2008 г. і аб публікацыйнай дзейнасці ў 2004—2008 гг. і прыняў за аснову праект перспектывіўнага плана публікацый Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь на 2009—2013 гг., даручыўшы Бюро дапрацаваць і зацвердзіць яго на пасяджэнні ў рабочым парадку, унесці прапанаваныя змены і дапаўненні ў Палажэнне аб Археаграфічнай камісіі ва ўсталяваным парадку.

Матэрыял падрыхтаваны Н. М. Новік

РЭЗІЮМЕ

Адамушка Уладзімір Іванавіч, дырэктар Дэпартаменту па архівах і справаходству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь — «Полтора десятилетия в действии (к 15-летию Закона Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь»)».

У артыкуле прааналізавана дзейнасць Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь у 1994—2009 гг., прымяненне прынятага ў 1994 г. Закона Рэспублікі Беларусь «Аб Нацыянальным архіўным фондзе і архівах у Рэспубліцы Беларусь». Зроблена выснова, што закон у дастатковай ступені рэгулюе праваадносіны, якія ўзнікаюць у галіне архіўнага захоўвання дакументаў. Структура закона з'яўляецца аптымальнай, аднак неабходна карэкціроўка яго палажэнняў, што рэгулююць праваадносіны ў галіне фарміравання Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь, арганізацыі яго ўліку, выкарыстання архіўных дакументаў. Неабходна ўдакладненне выкарыстоўваемых у законе тэрмінаў і вызначэнняў, назваў відаў архіваў і іх статусу.

Караў Дзмітрый Уладзіміравіч, доктар гістарычных навук, прафесар Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, **Жаравы Анастасія Дзмітрыеўна**, аспірант кафедры культуралогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, **Змітрукевіч Ганна Антонаўна**, аспірант кафедры культуралогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы — «Восточнославянский мир в зарубежном белорусоведении второй половины XX — начала XXI в.: историографические и источниковедческие аспекты проблемы (Великобритания, ФРГ, США и Канада)».

Артыкул прысвечаны аналізу гістарыяграфічнай традыцыі і крыніц па гісторыі станаўлення замежнага беларусазнаўства ў Вялікабрытаніі, ФРГ, ЗША і Канадзе ў пасляваенны перыяд. На аснове вывучэння дадзеных крыніц робяцца папярэднія высновы, якія характарызуюць ступень вывучэння праблемы, спецыфіку асноўных груп крыніц, на аснове якіх праводзіцца гісторыка-культуралагічная рэканструкцыя гэтай праблемы, намечаецца кола асноўных задач, рашэнне якіх дазволіць стварыць цэласную сістэмную карціну вывучаемай з'явы.

Буевіч Тацяна Уладзіміраўна, намеснік дырэктара Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці — «Особенности формирования архивных фондов областных организаций КПБ (1940—1991) и их интеграция в Национальный архивный фонд Республики Беларусь».

На аснове аналізу нарматыўна-метадычнай базы і архіўных дакументаў аўтарам прааналізавана адрозненне функцый бягучых архіваў абласных арганізацый КПБ і ведамасных архіваў дзяржаўных устаноў, а таксама вызначаны асноўныя прычыны, што абумовілі з'яўленне асаблівасцей фарміравання архіўных фондаў кампартыі, якія ў сваю чаргу выклікалі неабходнасць прыняцця і рэалізацыі спецыяльнай праграмы па інтэграцыі былых партыйных архіваў у сістэму дзяржаўных архіўных устаноў рэспублікі.

Кулажанка Уладзімір Генадзьевіч, намеснік дырэктара БДАМЛМ, аспірант БелНДЦДАС — «Документы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі. 1944—1965 гг.».

Разглядаюцца ўмовы стварэння і этапы фарміравання сістэмы справаходства спецыяльнага органа па ажыццяўленні дзяржаўнай рэлігійнай палітыкі ў БССР — апарату ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў

СССР, а таксама спецыфіка, структура і інфармацыйны склад дакументаў справаходства ўпаўнаважаных у 1944—1965 гг.

Магох Васілій Міхайлавіч, вядучы навуковы супрацоўнік Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці, аспірант БелНДЦДАС 2-га года навучання — «Документы Минского радиокомитета (фонд 643 Государственного архива Минской области) как источник по истории Беларуси 1941—1944 гг.».

Характарызуецца сістэма арганізацыі нямецкага цывільнага радыёвяшчання на тэрыторыі акупіраванай Беларусі, дзейнасць Мінскай краёвай радыёстанцыі ў 1941—1944 гг. Адзначаецца, што радыё на тэрыторыі Беларусі ў перыяд акупацыі па шэрагу прычын выкарыстоўвалася немцамі для прапагандысцкіх мэтай дастаткова абмежавана. Выяўлена розніца ў прапагандысцкай палітыцы немцаў у розных рэгіёнах акупіраванай Беларусі. Аналізуецца архіўны фонд Мінскага радыёкамітэта, даецца яго характарыстыка як комплексу дакументаў. Паказана каштоўнасць фонду для даследчыкаў, якія займаюцца рэканструкцыяй паўсядзённай дзейнасці нямецкага радыёвяшчання на акупіраваных тэрыторыях СССР. Адзначана ўнікальнасць фонду як крыніцы па гісторыі культуры Беларусі ў перыяд акупацыі. Вызначаны перспектывы накірункі далейшых даследаванняў па дадзенай тэматыцы.

Дарагуш Інэса Уладзіміраўна, галоўны архівіст аддзела інфармацыі і навуковага выкарыстання дакументаў НАРБ, аспірант БелНДЦДАС — «Эвакуация документальных материалов государственных архивов Беларуси в 1941 году».

У артыкуле змешчаны звесткі аб мерапрыемствах архіўнага кіраўніцтва па вывазе дакументальных каштоўнасцей і пунктах эвакуацыі беларускіх архіваў. Прыводзіцца спіс прадыр'емстваў, устаноў, якія былі эвакуіраваны. Таксама маюцца звесткі аб супрацоўніках архіваў, якія ўдзельнічалі ў вывазе дакументаў.

Карапузава Ганна Генадзьеўна, дырэктар Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці — «Органы местного управления и самоуправления на территории Западной Беларуси в 1919—1930-е гг. (по материалам Государственного архива Брестской области)».

У артыкуле на падставе дакументальных матэрыялаў, якія захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці, і нарматыўна-заканадаўчай базы даецца характарыстыка мясцовых органаў улады і ўпраўлення і органаў мясцовага самакіравання, якія дзейнічалі на заходнебеларускіх землях у перыяд іх уваходжання ў склад Польшчы (1919—1939 гг.). На прыкладзе Палескага ваяводства коратка апісваюцца гісторыя ўтварэння, структура і сфера дзейнасці мясцовых органаў улады (ваяводскага ўпраўлення, павятовых старостваў), органаў мясцовага самакіравання на павятовым, гарадскім і гмінным узроўнях.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч, канд. гіст. навук, дацэнт БДУ, вядучы навуковы супрацоўнік БелНДЦДАС — «Значение Витебской ученой архивной комиссии в развитии архивного дела, археологии, краеведения в Витебской губернии в начале XX в. (к 100-летию создания)».

У артыкуле праз аналіз гісторыі ўтварэння і дзейнасці Віцебскай вучонай архіўнай камісіі, якая была заснавана ў маі 1909 г., разглядаецца роля аналагічных устаноў, якую яны адыгрывалі ў ўмовах адсутнасці ў дарэвалюцыйны перыяд органаў па кіраванні архіўнай справай. Падкрэсліваецца іх унікальнасць і пазітыўны ўклад у развіццё не толькі архіўнай, але і музейнай, і бібліятэчнай справы, краязнаўства, у падрыхтоўку і кансалідацыю мясцовых навуковых кадраў. Адзначаецца, што вучоныя архіўныя камі-

сці садзейнічалі правядзенню ў будучым рэфармавання архіўнай справы. Падаецца падрабязны і супярэчлівы аналіз гістарыяграфіі гісторыі вучоных архіўных камісій, уключаючы і Віцебскую, пачынаючы з часоў стварэння камісій і да сучаснасці. Абапіраючыся на гістарычныя крыніцы, у першую чаргу справаводнага характару, якія захоўваюцца ў НГАБ, а таксама на выдзеньня працы камісій, разглядаецца роля віцебскіх даследчыкаў старажытнасці В. С. Арсеньева, М. М. Багародскага, А. П. Сапунова і інш. у стварэнні і дзейнасці камісій. На думку аўтара артыкула, галоўнай заслугай камісій, у тым ліку і Віцебскай, з'яўляецца тое, што пры ўсіх самых розных ацэнках іх дзейнасці яны садзейнічалі ўзнікненню цікавасці да гістарычнай навукі ў правінцыі, спрабавалі, адхіляючыся ад абавязковых у тых умовах афіцыйна-ахавальных устаноў, звярнуцца тварам да «маленькага чалавека», да бытавой гісторыі паўсядзённасці, што ў свой час немагчыма было зрабіць, не абапіраючыся на мясцовыя архівы.

Васовіч Сяргей Міхайлавіч, канд. гіст. навук, дацэнт кафедры філасофіі і культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта — «Істочнікі па історыі праваславных братстваў Беларусі другой паловы XIX — пачатку XX в., знаходзячыся ў гасударственных архивах Республики Беларусь и Литовской Республики».

Артыкул прысвечаны аналізу крыніц, якія знаходзяцца на тэрыторыі Беларусі і Літвы і закранаюць гісторыю развіцця брацкага руху ў Беларусі ў 1861—1914 гг. Аўтар робіць вывад аб неабходнасці вывучэння не толькі архіўных матэрыялаў, але і дакументаў, якія апублікаваны ў мясцовых «Епархіяльных ведамасцях», а таксама брацкіх выданнях.

Шпілеўская Ірына Мікалаеўна, навуковы супрацоўнік БелНДЦДАС — «Ревизии делопроизводства государственных учреждений на территории Минской губернии в 1857 г.»

У артыкуле характарызуецца стан асвятлення тэмы рэвізій справаводства дзяржаўных устаноў у навуковай літаратуры. На падставе архіўных дакументаў НГАБ аб рэвізіях Бабруйскага, Пінскага і Барысаўскага гарадскіх магістратаў, а таксама Докшыцкай гарадской ратушы ў 1857 г. разглядаецца рэальны стан справаводства ў названых установах і выяўляюцца недахопы, тыпічныя для большасці дзяржаўных устаноў таго часу.

Гарбачова Вольга Васільеўна, канд. гіст. навук, дацэнт кафедры этналогіі, музэялогіі і гісторыі мастацтва гістарычнага факультэта БГУ — «Яўстафій Янушкевіч і яго ўспаміны».

Артыкул прысвечаны аналізу рукапіснай мемуарнай спадчыны ўдзельніка паўстання 1830—1831 гг., эмігранта, заснавальніка польскай кнігарні і друкарні ў Парыжы Яўстафія Янушкевіча, якая паходзіць са збору Попеляў і захоўваецца ў Адзеле рукапісаў Ягелонскай бібліятэкі ў Кракаве. Падкрэсліваецца, што прадстаўленныя ўспаміны выступаюць не толькі каштоўнай крыніцай па дапаўстанцкаму перыяду жыцця Я. Янушкевіча, але ўтрымліваюць таксама апісанне важнейшых гістарычных падзей, паўплываўшых на лёс шляхты перыяду 10—30-х гг. XIX ст.

Лукашэвіч Андрэй Міхайлавіч, канд. гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу БДУ — «Источники российских служб политического сыска и контрразведки об общественно-политической ситуации в Беларуси накануне войны 1812 г.».

Аналізуюцца апублікаваныя і архіўныя крыніцы расійскіх служб палітычнага вышуку і контрразведкі, якія дзейнічалі ў беларуска-літоўскіх губернях у пачатку XIX ст. Вылучаюцца 4 групы крыніц — заканадаўчыя і нарматыўныя акты, дакумен-

ты справаводства, матэрыялы аб персанальным складзе супрацоўнікаў спецслужбаў, а таксама дакументы асабістага паходжання. Яны падрабязна раскрываюць дзейнасць камітэтаў 1805 і 1807 гг., Камітэта міністраў, асобнай канцылярыі Міністэрства паліцыі, сакрэтнай экспедыцыі і асобнай канцылярыі Ваеннага міністэрства, а таксама «Вышэйшай вайскавой паліцыі». Адзначаецца, што дакументы, якія захаваліся, усебакова раскрываюць разглядаемую праблему і сведчаць аб тым, што расійскі ўрад дастаткова аб'ектыўна ацэньваў становішча ў памежных губернях і мог прагназаваць паводзіны насельніцтва ў час будучай вайны з Францыяй.

Петухоў Юрый Сяргеевіч, заг. аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм і аўтаматызаваных архіўных тэхналогій Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, аспірант кафедры агульнай гісторыі ГрДУ імя Я. Купалы — «Переписка Быховцев как источник по изучению этнополитического сознания белорусского дворянства первой половины XIX века».

У дадзеным артыкуле ажыццяўляецца спроба вызначэння эўрыстычнага патэнцыялу перапіскі Быхаўцаў як гістарычнай крыніцы па вывучэнні эвалюцыі этнапалітычнай свядомасці беларускага дваранства першай паловы XIX ст. З дапамогай даследавання архіўных крыніц ажыццяўляецца пабудова кароткага апісання фамільнага фонду дваран Быхаўцаў, вызначаецца месца перапіскі ў складзе дакументаў фонду, даецца яе кароткая навуковая класіфікацыя. На падставе вывучэння асабістай карэспандэнцыі ў цеснай сувязі з аналізам сацыяльна-культурнай сітуацыі першай паловы XIX ст. у артыкуле робіцца выснова пра дастаткова высокую яе інфарматыўнасць як крыніцы па вывучэнні этнапалітычнай свядомасці беларускага дваранства, а таксама выказваецца меркаванне пра існаванне не менш як дзвюх мадэляў эвалюцыі этнапалітычнай свядомасці беларускага дваранства на працягу акрэсленага перыяду.

Клімаў Ігар Паўлавіч, канд. філал. навук, дацэнт БДУКМ — «Да праблемы размежавання ўкраінскіх і беларускіх помнікаў старажытнага пісьменства».

Праблема размежавання старажытных пісьмовых помнікаў на беларускія і ўкраінскія ў мовазнаўстве пакуль застаецца спрэчнай. Гэта абумоўлена не столькі суб'ектыўным навукоўцаў, колькі гетэрагенным і наддыялектным характарам супольнай літаратурна-пісьмовай мовы беларусаў і ўкраінцаў (*мовы руськай*) эпохі Сярэднявечча. Дыялектная аснова гэтай мовы была неаднолькавая ў розныя эпохі і ў розных сферах пісьменства. Галоўнай яе прыкметай з'яўляецца наддыялектнасць і адметныя дэмашак іншаславянскіх элементаў. Таму праблематычным здаецца вылучэнне ў складзе гэтай мовы беларускага і ўкраінскага варыянтаў як стабільнага набору пэўных рыс, не абумоўленага індывідуальным маўленнем. Разглядаюцца моўныя, арэальныя (тэрыторыя ўзнікнення помніка, паходжанне аўтара) і зместавыя крытэрыі размежавання беларускіх і ўкраінскіх помнікаў і прыводзяцца найбольш дыферэнцыйныя фанетыка-арфаграфічныя рысы, што здольны адрозніць беларускі і ўкраінскі ўплывы ў мове помнікаў.

Голубеў Алег Яўгенавіч, аспірант кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы — «Комплекс документов дипломатической переписки константинопольского патриарха Филофея Коккина с правителями и епископатам русских земель как источник по истории Восточной Европы XIV в.».

Разглядаюцца некаторыя малавядомыя грэчаскія крыніцы, якія датычацца пытанняў палітычнай, эканамічнай, культурнай і сацыяльнай гісторыі Усходняй Еўропы XIV ст. Аўтар сістэматызуе дакументы, звязаныя з перапіскай вялікага князя літоў-

скага Альгерда з канстанцінопальскім патрыярхам Філафеем Кокіным: у асноўным гэта пасланні і граматы патрыярха князям і епіскапам рускіх зямель. Прапанаваньня ў артыкуле гістарычныя крыніцы — перапіска патрыярха Філафея з рускімі адрасатамі — ствараюць адзіны комплекс, сфарміраваны вакол праблемы ўзаемаадносін паміж Канстанцінопалем, Масквой і Вільня ў 3-й чвэрці XIV ст. Гэта тэматыка закрэпачыцца ў 30 дакументах (21 дайшоў да нас, 9 былі страчаны).

На матэрыялах комплексу можна зрабіць спробу рэканструкцыі палітыкі візантыйскага імператара і канстанцінопальскага патрыярха на рускіх землях, што адкрывае новыя магчымасці ў сферы вывучэння палітычных і культурных зносін паміж Вялікім княствам Літоўскім і Візантыяй.

Фядосаў Уладзімір Васільевіч, намеснік дырэктара БелНДДАС па агульных пытаннях — «Принципы, методы, терминологический аппарат архивоведения».

У артыкуле разглядаюцца выжэйшыя метадалагічныя характарыстыкі сучаснага архівазнаўства (прынцыпы, метады даследчай работы, ступень распрацоўкі катэгорыяльнага апарату), якія выступаюць у якасці важнейшых адзнак развіцця архіўнай навукі як самастойнай сістэмы навуковых ведаў.

Несцяровіч Юрый Уладзіміравіч, канд. гіст. навук, старшы навуковы супрацоўнік БелНДДАС — «Некоторые вопросы теории и терминоведения археографии, связанные с интерференцией содержания понятий».

Выкладаюцца асновы канцэпцыі прадуктаў дзейнасці з замацаванай інфармацыяй. У адпаведнасці з ёю ўдакладняюцца сэнсавыя значэнне тэрміна «тэкст дакумента», прадметнае значэнне тэрмінаў «фармуляр акта, дакумента», прадметнае і сэнсавыя значэнні тэрмінаў «подлинник, белавик, чарнавік (дакумента)».

Сукач Андрэй Мікалаевіч, загадчык аддзела дакументазнаўства БелНДДАС — «Методологические аспекты переноса сообщений электронной почты на традиционные носители».

У артыкуле разглядаюцца метадалагічныя аспекты пераносу паведамленняў электроннай пошты на традыцыйныя носьбіты як спосабу іх аператыўнага і архіўнага захоўвання і выкарыстання. Аналізуюцца беларускае заканадаўства па разглядаемай тэме, міжнародны вопыт нарматыўна-метадычнага рэгулявання захоўвання паведамленняў электроннай пошты на традыцыйных носьбітах. Робяцца высновы пра мэтазгоднасць і прымальнасць пераносу паведамленняў электроннай пошты на традыцыйныя носьбіты з пункту гледжання іх аператыўнага і рэспектыўнага выкарыстання.

Дзятлава Наталія Сяргеяўна, навуковы супрацоўнік аддзела дакументазнаўства БелНДДАС, аспірант БелНДДАС — «Принятие международных стандартов ISO в области управления документами в Республике Беларусь: пути, методы, результаты».

Уплыў міжнароднай стандартызацыі на нацыянальныя прынцыпы і метады арганізацыі работы з дакументамі цяжка пераацаніць. На сучасным этапе ва ўмовах глабалізацыі эканамічных і грамадскіх працэсаў перад Дзяржаўнай архіўнай службай Рэспублікі Беларусь асабліва востра стаіць пытанне аб вызначэнні адзінай стратэгіі і выпрацоўцы канкрэтных прапаноў па гарманізацыі міжнародных дакументаў і нацыянальнага заканадаўства Рэспублікі Беларусь у галіне справаводства і архіўнай справы. У артыкуле разглядаюцца шляхі прыняцця дакументаў Міжнароднай арганізацыі па стандартызацыі ў галіне кіравання дакументамі, змяшчаецца агляд метадаў, прадугледжаных для гэтага заканадаўствам. Асабліва ўвага надаецца вызначэнню і

аналізу магчымых вынікаў арганізацыі работы з дакументамі пры розных варыянтах і метадах укаранення стандартаў Міжнароднай арганізацыі па стандартызацыі.

Сыжова Ірына Анатоляўна, канд. філасофскіх навук, дактарант кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта БДУ, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Мінскага інстытута кіравання — «Полацкая кампанія 1579 г. вачыма сучаснікаў».

Артыкул змяшчае кароткі нарыс аб жыцці і творчасці нямецкага пісьменніка з Памерані Пауля Одрборна. У цэнтры ўвагі знаходзіцца яго твор «Жыццярый Вялікага князя маскоўскага Івана Васільевіча», які змяшчае разнастайныя звесткі аб ходзе Лівонскай вайны. Менавіта гэтая частка кнігі Одрборна прадстаўляе цікавасць у якасці гістарычнай крыніцы, таму што выражае погляд сучасніка на падзеі, якія адбыліся. Тут таксама прапануецца фрагмент кнігі з апісаннем полацкай кампаніі Стэфана Баторыя 1579 г.

Падзнякоў Валерый Сямёнавіч, загадчык аддзела археаграфіі БелНДДАС — «Генеалагічныя заметкі князёў Вішнявецкіх і справа Астрожскай ардынацыі Мальтыйскага ордэна (невядомы мінскі рукапіс канца XVII ст.)».

У артыкуле апублікаваны твор канца XVII ст. — генеалагічныя заметкі невядомага аўтара аб паходжанні роду князёў Вішнявецкіх і іх правах на Астрожскую камандорыю Мальтыйскага ордэна. Аўтар твора абгрунтоўваў сваяцкія сувязі Вішнявецкіх з Астрожскімі (гэты род згаснуў у 1620 г.), што павінна было даказаць іх права на Астрожскую камандорыю.

Анішчанка Яўген Канстанцінавіч, канд. гіст. навук — «Першая брэш у мяжы аселасці (праект Камітэта 1803 г. аб легалізацыі статусу яўрэяў у Расійскай імперыі)».

Тэкст змяшчае копію варыянта Палажэння аб статусе яўрэяў у Расійскай імперыі (1804), якая была папярэдне разаслана па губернях для абмеркавання дэлегатамі ад яўрэйскіх кагалаў.

Сінчук Іван Іванавіч, старшы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь — «Опись фольварку Иозефову с деревнями Серебрянцем и Башницею в Рогачевском повете лежашем» 1799 г.».

Вопіс фольварка Іозэфава з дзвюма вёскамі Сярэбранцам і Башыцай Рагачоўскага павета, які перадаецца ў арэнду, характарызуе гаспадарку фольварка, павіннасці сялян і само насельніцтва гэтых вёсак канца XVIII ст. Наяўнасць двух польскіх арыгіналаў і двух тагачасных перакладаў на рускую мову дазволіла дастаткова ўпэўнена працьपाць незразумельныя месцы. Аналітычная частка публікацыі складаецца з наступных раздзелаў: склад сям'і, дэмаграфічныя паказчыкі, антрапаніміка, інвентар фольварка, павіннасці сялян і іх маёмасць.

РЕЗЮМЕ

Адамушко Владимир Иванович, директор Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь — «Полтора десятилетия в действии (к 15-летию Закона Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь»)».

В статье проанализирована деятельность Государственной архивной службы Республики Беларусь в 1994—2009 гг., применение принятого в 1994 г. Закона Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь». Сделан вывод, что закон в достаточной степени регулирует правоотношения, возникающие в области архивного хранения документов. Структура закона является оптимальной, однако необходима корректировка его положений, регулирующих правоотношения в области формирования Национального архивного фонда Республики Беларусь, организации его учета, использования архивных документов. Необходимо уточнение применяемых в законе терминов и определений, названий видов архивов и их статуса.

Карев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, **Карева Анастасия Дмитриевна**, аспирант кафедры культурологии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, **Змитрукевич Анна Антоновна**, аспирант кафедры культурологии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы — «Восточнославянский мир в зарубежном белорусоведении второй половины XX — начала XXI в.: историографические и источниковедческие аспекты проблемы (Великобритания, ФРГ, США и Канада)».

Данная статья посвящена анализу историографической традиции и источников по истории становления зарубежного белорусоведения в Великобритании, ФРГ, США и Канаде в послевоенный период. На основе изучения данных источников делаются предварительные выводы, характеризующие степень изученности проблемы, специфику основных групп источников, на основе которых проводится историко-культурологическая реконструкция данной проблемы, намечается круг основных задач, решение которых позволит создать целостную системную картину изучаемого явления.

Буевич Татьяна Владимировна, заместитель директора Государственного архива Витебской области — «Особенности формирования архивных фондов областных организаций КПБ (1940—1991) и их интеграция в Национальный архивный фонд Республики Беларусь».

На основании анализа нормативно-методической базы и архивных документов автором продемонстрировано отличие функций текущих архивов областных организаций КПБ и ведомственных архивов государственных учреждений, а также определены основные причины, обусловившие появление особенностей формирования архивных фондов компартии, которые в свою очередь вызвали необходимость принятия и реализации специальной программы по интеграции бывших партийных архивов в систему государственных архивных учреждений республики.

Кулаженко Владимир Геннадьевич, зам. директора БГАМЛИ, аспирант БелНИИДАД — «Дакументы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі. 1944—1965 гг.».

Рассматриваются условия создания и этапы формирования системы делопроизводства специального органа по осуществлению государственной религиозной политики в БССР — аппарата уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, а также специфика, структура и информационный состав документов делопроизводства уполномоченных в 1944—1965 гг.

Матюх Василий Михайлович, ведущий научный сотрудник Государственного архива Минской области, аспирант БелНИИДАД 2-го года обучения — «Документы Минского радиокомитета (фонд 643 Государственного архива Минской области) как источник по истории Беларуси 1941—1944 гг.».

Характеризуется система организации немецкого гражданского радиовещания на территории оккупированной Беларуси, деятельность Минской краевой радиостанции в 1941—1944 гг. Отмечается, что радио на территории Беларуси в период оккупации по ряду причин использовалось немцами для пропагандистских целей достаточно ограничено. Выявлены различия в пропагандистской политике немцев в разных регионах оккупированной Беларуси. Анализируется архивный фонд Минского радиокомитета, дается его характеристика как комплекса документов. Показана ценность фонда для исследователей, занимающихся реконструкцией повседневной деятельности немецкого радиовещания на оккупированных территориях СССР. Отмечена уникальность фонда как источника по истории культуры Беларуси в период оккупации. Обозначены перспективные направления дальнейших исследований по данной тематике.

Дорогуш Инесса Владимировна, главный архивист отдела информации и научного использования документов НАРБ, аспирант БелНИИДАД — «Эвакуация документальных материалов государственных архивов Беларуси в 1941 году».

В статье помещены сведения о мероприятиях архивного руководства по вывозу документальных ценностей и пунктах эвакуации белорусских архивов. Приводится список предприятий, учреждений, которые были эвакуированы. Также имеются сведения о сотрудниках архивов, участвовавших в вывозе документов.

Карапузова Анна Геннадьевна, директор Государственного архива Брестской области — «Органы местного управления и самоуправления на территории Западной Беларуси в 1919—1930-е гг. (по материалам Государственного архива Брестской области)».

В статье на основе документальных материалов, хранящихся в Государственном архиве Брестской области, и нормативно-законодательной базы дается характеристика местных органов власти и управления и органов местного самоуправления, действовавших на западнобелорусских землях в период их вхождения в состав Польши (1919—1939 гг.). На примере Полесского воеводства кратко описываются история создания, структура и сфера деятельности местных органов власти (воеводского управления, поветовых старост), органов местного самоуправления на поветовом, городском и гминном уровнях.

Шумейко Михаил Федорович, канд. ист. наук, доцент БГУ, ведущий научный сотрудник БелНИИДАД — «Значение Витебской ученой архивной комиссии в развитии архивного дела, археологии, археологии, краеведения в Витебской губернии в начале XX в. (к 100-летию создания)».

В статье через анализ истории образования и деятельности Витебской ученой архивной комиссии, основанной в мае 1909 г., рассматривается роль аналогичных органи-

заций в условиях отсутствия в дореволюционный период органов по руководству архивным делом. Подчеркивается их уникальность и позитивный вклад в развитие не только архивного, но и музейного, и библиотечного дела, краеведения, в подготовку и консолидацию местных научных кадров. Отмечается, что ученые архивные комиссии содействовали в дальнейшем проведению реформирования архивного дела. Показан подробный и противоречивый анализ историографии истории ученых архивных комиссий, включая и Витебскую. Опираясь на исторические источники НИАБ, в первую очередь делопроизводственного характера, а также на изданные труды комиссии, отмечена роль известных исследователей древности В. С. Арсеньева, М. М. Богородского, А. П. Сапунова и др. в создании и деятельности Витебской ученой архивной комиссии.

Восович Сергей Михайлович, канд. ист. наук, доцент кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета — «Источники по истории православных братств Беларуси второй половины XIX — начала XX в., находящиеся в государственных архивах Республики Беларусь и Литовской Республики».

Статья посвящена анализу источников, которые находятся на территории Беларуси и Литвы и касаются истории развития братского движения в Беларуси в 1861—1914 гг. Автор делает вывод о необходимости изучения не только архивных материалов, но и документов, опубликованных в местных «Епархиальных ведомостях», а также в братских изданиях.

Шпилевская Ирина Николаевна, научный сотрудник БелНИИДАД — «Ревизии делопроизводства государственных учреждений на территории Минской губернии в 1857 г.».

В статье характеризуется положение освещения темы ревизий делопроизводства государственных учреждений в научной литературе. На основании архивных документов НИАБ о ревизиях Бобруйского, Пинского и Борисовского городских магистратов, а также Докшицкой городской ратуши в 1857 г. рассматривается реальное положение делопроизводства в названных учреждениях и выявляются недостатки, типичные для большинства государственных учреждений того времени.

Горбачева Ольга Васильевна, канд. ист. наук, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусства исторического факультета БГУ — «Яўстафій Янушкевіч і яго ўспаміны».

Статья посвящена анализу рукописного мемуарного наследия участника восстания 1830—1831 гг., эмигранта, основателя польской типографии и книжного магазина в Париже Евстафия Янушкевича, которое берет начало из собрания Попелей и сохраняется в Отделе рукописей Ягеллонской библиотеки в Кракове. Подчеркивается, что представленные воспоминания выступают не только ценным источником по доповстанческому периоду жизни Е. Янушкевича, но и содержат также описание важнейших исторических событий, повлиявших на судьбу шляхты периода 10—30-х гг. XIX в.

Лукашевич Андрей Михайлович, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ — «Источники российских служб политического сыска и контрразведки об общественно-политической ситуации в Беларуси накануне войны 1812 г.».

Анализируются опубликованные и архивные источники российских служб политического сыска и контрразведки, действовавших в белорусско-литовских губерниях

в начале XIX в. Выделяются 4 группы источников: законодательные и нормативные акты, документы делопроизводства, материалы о персональном составе сотрудников спецслужб, а также документы личного происхождения. Они подробно раскрывают деятельность комитетов 1805 и 1807 гг., Комитета министров, отдельной канцелярии Министерства полиции, секретной экспедиции и отдельной канцелярии Военного министерства, а также «Высшей воинской полиции». Отмечается, что сохранившиеся документы всесторонне раскрывают рассматриваемую проблему и свидетельствуют о том, что российское правительство достаточно объективно оценивало положение в приграничных губерниях и могло прогнозировать поведение населения во время будущей войны с Францией.

Петухов Юрий Сергеевич, зав. отделом ИПС и автоматизированных архивных технологий Государственного архива Витебской области, аспирант кафедры всеобщей истории ГрГУ им. Я. Купалы — «Переписка Быховцев как источник по изучению этнополитического сознания белорусского дворянства первой половины XIX века».

В данной статье осуществляется попытка определения эвристического потенциала переписки Быховцев как исторического источника по изучению эволюции этнополитического сознания белорусского дворянства первой половины XIX в. С помощью исследования архивных источников осуществляется построение краткого описания фамильного фонда дворян Быховцев, определяется место переписки в составе документов фонда, дается ее краткая научная классификация. На основе изучения личной корреспонденции в тесной связи с анализом социально-культурной ситуации первой половины XIX в. в статье делается вывод о достаточно высокой ее информативности как источника по изучению этнополитического сознания белорусского дворянства, а также высказывается мнение о существовании не менее двух моделей эволюции этнополитического сознания белорусского дворянства на протяжении обозначенного периода.

Климов Игорь Павлович, канд. филол. наук, доцент БГУКИ — «Да праблемы размежавання ўкраінскіх і беларускіх помнікаў старажытнага пісьменства».

Проблема разграничения давних памятников письменности на белорусские и украинские в языкознании все еще остается спорной. Это обусловлено не столько субъективизмом ученых, сколько гетерогенным и наддиалектным характером общего литературно-письменного языка белорусов и украинцев (*мовы руськой*) эпохи Средневековья. Диалектная основа этого языка была неодинакова в разные эпохи и в различных сферах письменности. Главной его приметой является наддиалектность и заметная примесь инославянских элементов. Поэтому весьма спорным кажется выделение в составе этого языка белорусского и украинского вариантов как стабильного набора определенных черт, не обусловленного индивидуальным произношением. Рассматриваются языковые, ареальные (территория возникновения памятника, происхождение автора) и содержательные критерии разграничения белорусских и украинских памятников и приводятся наиболее значимые фонетико-орфографические черты, которые способны дифференцировать белорусское и украинское влияние в языке памятников.

Голубев Олег Евгеньевич, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси РИВШ, Минск — «Комплекс документов дипломатической переписки константинопольского патриарха Филофея Коккина с правителями и епископатам русских земель как источник по истории Восточной Европы XIV в.».

Рассматриваются некоторые малоизвестные греческие источники, касающиеся вопросов политической, экономической, культурной и социальной истории Восточной

Европы XIV в. Автор систематизирует документы, связанные с перепиской великого князя литовского Ольгерда с константинопольским патриархом Филофеем Коккиным: в основном это послания и грамоты патриарха князьям и епископам русских земель.

Предложенные в статье исторические источники — переписка патриарха Филофея с русскими адресатами — создают единый комплекс, сформированный около проблемы взаимоотношения между Константинополем, Москвой и Вильно в 3-й четверти XIV в. Эта тематика затрагивается в 30 документах (21 дошел до нас, 9 были утеряны).

На материалах комплекса можно попытаться реконструировать политику византийского императора и константинопольского патриарха на русских землях, что открывает новые возможности в сфере изучения политических и культурных отношений между Великим княжеством Литовским и Византией.

Федосов Владимир Васильевич, заместитель директора БелНИИДАД по общим вопросам — «Принципы, методы, терминологический аппарат архивоведения».

В статье рассматриваются важнейшие методологические характеристики современного архивоведения (принципы, методы исследовательской работы, степень разработки категориального аппарата), выступающие в качестве важнейших признаков развития архивной науки как самостоятельной системы научных знаний.

Нестерович Юрий Владимирович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник БелНИИДАД — «Некоторые вопросы теории и терминоведения археографии, связанные с интерференцией содержания понятий».

В статье излагаются основы концепции продуктов деятельности с закрепленной информацией. В соответствии с ней уточняются смысловое значение термина «текст документа», предметное значение термина «формуляр акта, документа», предметное и смысловое значение терминов «подлинник, беловик, черновик (документа)».

Сукач Андрей Николаевич, заведующий отделом документоведения БелНИИДАД — «Методологические аспекты переноса сообщений электронной почты на традиционные носители».

В статье рассматриваются методологические аспекты переноса сообщений электронной почты на традиционные носители как способа их оперативного и архивного хранения и использования. Анализируются белорусское законодательство по рассматриваемой теме, международный опыт нормативно-методического регулирования хранения сообщений электронной почты на традиционных носителях. Делаются выводы о целесообразности и приемлемости переноса сообщений электронной почты на традиционные носители с точки зрения их оперативного и ретроспективного использования.

Дятлова Наталья Сергеевна, научный сотрудник отдела документоведения БелНИИДАД, аспирант БелНИИДАД — «Принятие международных стандартов ISO в области управления документами в Республике Беларусь: пути, методы, результаты».

Влияние международной стандартизации на национальные принципы и методы организации работы с документами трудно переоценить. На современном этапе в условиях глобализации экономических и общественных процессов перед Государственной архивной службой Республики Беларусь особо остро стоит вопрос об определении единой стратегии и выработке конкретных предложений по гармонизации международных документов и национального законодательства Республики Беларусь в области делопроизводства и архивного дела. В статье рассмотрены пути принятия документов Международной организации по стандартизации в области управления документами,

содержится обзор методов, предусмотренных для этого законодательством. Особое внимание уделяется выявлению и анализу возможных результатов организации работы с документами при различных вариантах и методах внедрения стандартов Международной организации по стандартизации.

Сынкова Ирина Анатольевна, канд. философских наук, докторант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Минского института управления — «Полацкая кампанія 1579 г. вачыма сучаснікаў».

Статья содержит краткий очерк о жизни и творчестве немецкого писателя из Померании Пауля Одерборна. В центре внимания находится его произведение «Жизнеописание Великого князя московского Ивана Васильевича», которое содержит разнообразные сведения о ходе Ливонской войны. Именно эта часть книги Одерборна представляет интерес в качестве исторического источника, так как выражает взгляд современника на происходящие события. Здесь также предлагается фрагмент книги с описанием полочки компании Стефана Батория 1579 г.

Поздняков Валерий Семенович, заведующий отделом археографии БелНИИДАД — «Генеалагічныя заметкі князю Вішнявецкіх і справа Астрожскай ардынацыі Мальтыйскага ордэна (*невядомы мінскі рукапіс канца XVII ст.*)».

В статье опубликовано произведение конца XVII в. — генеалогические заметки неизвестного автора о происхождении рода князей Вишневецких и их правах на Острожскую командорию Мальтийского ордена. Автор произведения обосновывал родственные связи Вишневецких с Острожскими (этот род угас в 1620 г.), что должно было доказать их права на Острожскую командорию.

Онищенко Евгений Константинович, канд. ист. наук — «Першая брэш у мяжы аселасці (*праект Камітэта 1803 г. аб легалізацыі статусу яўрэяў у Расійскай імперыі*)».

Текст содержит копию варианта Положения о статусе евреев в Российской империи (1804), которая была предварительно разослана по губерниям для обсуждения делегатами от еврейских кагалов.

Синчук Иван Иванович, старший научный сотрудник Национального художественного музея Республики Беларусь — «Опись фольварку Иозефову с деревнями Серебренцем и Башницею в Рогачевском повете лежащем» 1799 г.».

Опись передаваемого в аренду фольварка Иозефова с двумя деревнями Серебренцем и Башницею Рогачевского повета характеризует хозяйство фольварка, повинности крестьян и само население этих деревень конца XVIII в. Опись представлена двумя польскими оригиналами и двумя произведенными в это же время переводами на русский язык. Аналитическая часть публикации состоит из следующих разделов: состав семьи, демографические показатели, антропонирика, инвентарь фольварка, повинности крестьян и их имущество.

SUMMARY

Activity of Government archived service of Republic of Belarus in 1994—2009, application of the Law of Republic of Belarus «The National archived fund and archives in Republic of Belarus», accepted in 1994 are analysed in the article of Vladimir Adamushko. A conclusion is done, that the Law regulates legal relationships, arising up in area of the archived storage of documents in a sufficient degree. A structure of the Law is optimum, but adjustment of his positions, that regulate legal relationship in area of forming of the National archived fund of Republic of Belarus, organization of his account, use of the archived documents is however needed. Clarification of the terms and determinations, names of types of archives and their status, applied in the Law is needed.

The article of Dzmitry and Anastasia Karev and Hanna Zmitrukovich deals with the analysis of the historiographic tradition and the sources on the history of the formation of Byelorussian studies in Great Britain, the FRG, the USA and Canada in the post-war period. Basing on the study of these sources we can come to the preliminary conclusions, which characterize the extent to which the problem has been studied, the specifics of the main group of sources which help to hold the historic-cultural reconstruction of the problem, determine the circle of the main tasks, the solution of which allows us to create the whole, systematic picture of the phenomenon we study.

In her article «The Peculiarities of Forming the Archival Funds of Regional Organizations of the Communist Party of Belarus (CPB) (1940—1991) and their Integration into the system of the Archival Service of the Republic of Belarus» Tatyana Buevich having analyzed the normative — methodical base and also the archival documents, the author has demonstrated the difference of the functions of the current archives of the regional organizations of the CPB and the departmental archives of the state establishments, and also has determined the main reason which caused the appearance of the peculiarities of forming the Archival Funds of the Communist Party that entailed the necessity of the acceptance and realization of the special program of the integration of the former Party Archives into the system of the State Archival Establishments of the Republic of Belarus.

In the article by Uladzimir Kulazhanka analyzes structure, specificity and information component of office-work documents of Council of Russian Orthodox Church is made at the government of BSSR (1944—1965).

Vasili Matokh in «Documents of the Minsk radio committee (fund 643 Minsk regional state archive) as a source on history of Belarus 1941—1944» characterises system of the organisation of German civil broadcasting in territory of the occupied Belarus, activity of the Minsk regional radio station in 1941—1944. Is noticed that radio in territory of Belarus in occupation for some reasons was used by Germans for the propaganda purposes enough boundedly. Distinctions in the propaganda policy of Germans in different regions of the occupied Belarus are noted. The archival fund of the Minsk radio committee as a historical source is analyzed. Its characteristic as complex of documents is given. Value of fund as source for the researchers who are engaged in reconstruction of daily activity of German broadcasting on occupied territories of the USSR is shown. Uniqueness of fund as source on a cultural history of Belarus in occupation is noted. Perspective directions of the further researches on the given subjects are designated.

Inessa Darahush describes the plan of evacuation archives documents from Belarus in 1941. She presents the list of archives and documents which were evacuated. The author gives information about evacuation points and people that took part in it.

In Hanna Karapuzova's article on the basis of the documentary materials kept in the State archive of the Brest region, and normative and legislative base the characteristic of local authorities and managements and the institutions of local government working on the western-belarusian lands during their occurrence in structure of Poland (1919—1939) is given. On example Poles'e province (voievodstvo) the history of creation, structure and a sphere of activity of local authorities (voievodstvo and povet managements), institutions of local government on povet, city and gmina levels is described briefly.

In article of Michail Shumeyka the role of the scientific archival committees in the administration of the archival affairs in the pre-revolution period is examined through the analysis of the work of the Vitebsk scientific archival committee (started in May 1909). The author stresses attention on their unique and positive contribution to the development of not only archival, but also museum and library affairs, and local lore studies, and to the training and consolidation of local scientific workers. It is pointed out that the scientific archival committees assisted to the future reforming of the archival affairs. The detailed analysis of the historiography of the scientific archival committees' history, including Vitebsk's one, since their founding till contemporary times is given. The role of the Vitebsk amateurs of antiquities like V. S. Arseniev, M. M. Bogorodski, A. P. Sapunov and others in the foundation and work of the committee is examined on the basis of the archival sources from the National historic archive of Belarus and published works. From the author's point of view the main merit of the committees, including Vitebsk's one, is their help to increase interest to the historical science in a province, and their attempts to turn attention to the «simple person» and to research the everyday history, which in those times was impossible without the sources of the local archives.

The article of Syargey Vosovich is devoted to the analysis of the original sources, which are on the territory of Belarus and Lithuania. These sources deal with the history of the development of the Brotherhood movement in Belarus in 1861—1914. The author comes to the conclusion of the necessity of studying not only the archives documents, but also materials, which were published in the local «Eparchious Vedomosti» and the Brotherhood movement issues.

Iryna Shpilevskaja in this article a level of studing for a theme about audits of record-keeping into state enterprises has been characterized. A real situation of record-keeping was considered on the audits into city councils in year 1857 on the basis of National Historical Archives of Belarus in Minsk. It was established shortcomings being typical for state enterprises those times.

Volha Garbachova's article analyzes handwriting memoirs Heritage Party rebellion 1830—1831 biennium, emigrant, the founder of the Polish book publishing and book shop in Paris Yaustafi Yanushkevich, which resembles a collection of Popely and stored to date in the Division of Manuscripts Yagelonskoy Library in Krakow. The author stresses that the memories are not only a valuable source of life before the uprising Y. Yanushkevich, but also contain a description of important historical developments that have an impact on the fate of the gentry period of 10—30-ies. of the 19th century.

In his article Andrej Lukashevich analyzes published and archive sources of the Russian services of the political search and counterintelligences, which acted on Belorussian lands at the beginning 19th century. Stand out 4 groups document — legislative and normative acts, the documents paperwork, material about personal composition employee special services, as well as the personal origin. They in detail reveal activity committee 1805 and 1807 years, Committee minister, especial chancellery Ministry to police bodies, secret expedition and es-

pecial chancellery Military ministry, as well as «High soldierly police body». It is noted that ed documents, all-round reveal the under study problem. They are indicative of that that Russian government it is enough objective valued situation on the Belorussian lands and could forecast behaviour of the population during future war with France.

In present clause Yuri Petuhov made attempt of definition of heuristic potential of correspondence of Byhovtsy as historical source on studying evolution of ethnopolitical consciousness of the Belarusian nobility at first half of 19th century. By means of research of archival sources construction of the brief description of family fund of noblemen Byhovtsy is carried out, the place of correspondence in structure of fund's documents is defined, it's brief classification is given. On the basis of the analysis of the personal correspondence is done the conclusion about it's high information potential as source on studying ethnopolitical consciousness of the Belarusian nobility, and also is put forward the assumption of existence at least two models of evolution of ethnopolitical consciousness of the Belarusian nobility during the specified period.

In his article Ihar Klimau analyzes problem of differentiation of old writing monuments into Ukrainian and Belarusian ones in the linguistics still debatable. This is based not so much on scholars' subjectivism as on heterogeneous and interdialectal nature of that writing and literature language (*mová rus'ka*) which was common for the Belarusians and the Ukrainians during the Middle Ages. Dialectal base of the language was various during time and in different domains of writing. Principal feature of the language is its interdialectism and a notable admixture of heteroslavic elements. Therefore a partition of the language on a Belarusian and Ukrainian variants (as persistent sets of definite features not specified by individual speech) seems to be very questionable. The linguistic, areal (provenance of the manuscript, origin of the author), and content criteria of monuments' differentiation into Ukrainian and Belarusian ones are examined and most marked phonetic and orthographic features which differentiated Belarusian and Ukrainian influence in monuments language are given.

Aleh Golubeu's article concerns some documents from a complex of poorly known ancient Greek historical sources. These documents touch upon large sphere of historical problems: politics, economy, social and culture of East Europe in 14th century. The author systematizes documents connected with correspondence of grand duke of Lithuania Olgerd and Constantinople patriarch Philotheos: there are letters and epistles of the patriarch to Russian princes and bishops basically.

Researched in the article sources form integrated complex based on a problem of interaction of Constantinople, Moscow and Vilno in the 3rd forth of 14th century. These subjects are broached in 30 documents (21 remain and 9 were lost).

With the help of the studied material we can try to reconstruct Constantinople emperor and patriarch politics on Russian lands what gives us new opportunities in sphere of researching cultural and politics relationship between Grand Duchy of Lithuania and Byzantium.

Uladzimir Fiadosau considers in his article the most important metodological characteristics of modern archival science (principles, methods of research work, the level of development of categorial instruments) that acts as the most important features of development of archival science as independent system of scientific knowledge.

Yuryi Nesciarovich analyzes the terminologic system of archeography in the light of the problem of interferacion of terminis.

The article of Andrey Sukach is devoted to the methodological aspects of printing e-mail messages as the method of it's current use and preservation for future needs. The author

analyzes Belarusian and international legislation on the subject, makes conclusions about acceptability of such method from the point of view of current business activities and retrospective use of e-mail messages.

Diatlova's article Influence of international standardization on national principles and methods of records management can scarcely be overestimated. Nowadays when globalization of economic and civil processes has a powerful meaning State Archive Service of Republic of Belarus should determine the strategy and provide the concrete proposals for harmonization of International Documents and national legislation of Republic of Belarus in records management. This paper describes the ways of adopting documents of International Organization for Standardization in records management, provides a brief overview of methods for their adopting that laid down in national legislation. A great attention it puts to reveling and analyzing the possible results of implementation of records management system in accordance with different ways and methods of International Standards adopting.

Article of Iryna Synkova contains the short essay of the life and works of the German writer from Pomern Paul Oderborn. His book «Life of the Grand Duke of Moscow Iwan Wasilowich», which contains various knowledge about the history of the Livonian war is in the centre of the attention. This part of the Oderborn's book is of interest as a historical source, since it shows the view of the contemporary on the current affairs. The capture of Polotzk by troops of Stefan Batory in 1579 is described in the proposed fragment of this book.

In the article of Valery Pazdniakou published work of late 17th centuries — genealogical notes of unknown author about the origin of princes Vishniavecki (Wiśniowiecki) and their rights on Astrog (Ostróg) commandery of the Maltese Order of the Knights Hospitallers. The author of work grounded family connections of Vishniavecki (Wiśniowiecki) with Astrozski (Ostrogski, this family went out in 1620), that must was prove their rights on Astrog (Ostróg) commandery.

Yauhen Anishchanka puplishes text of the copy of version of the Statute about the position of the Jews in the Russian Empire (1804) which was dispatced into regions for preliminary discussion by Jew's kagals.

Ivan Sinchuk in his article publishes the inventory transferred in rent folvark Iozefov with two villages Serebrentso and Bashica in Rogachev povet described the folvark facilities, and the population of these villages of the end 18th century. Inventory is presented to a duty of peasants two Polish originals and two translations made in the same time into Russian. The analytical part of the publication consists of following sections: structure of family, demographic parameters, antroponimics, stock folvark, duties of peasants and their property.

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

«Беларускага археаграфічнага штогодніка»

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Аўтары — навуковыя супрацоўнікі, выкладчыкі ВНУ, акадэмічных і ведамасных НДІ, аспіранты, дактаранты, саіскальнікі — разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выліску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з рэкамендацый артыкула да друку.
3. Дапускаецца замест выліскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
4. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстановаў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць Вучоныя саветы БелНДЦДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
5. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі не патрабуюцца.
6. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, тэлефоны для сувязі з рэдакцыяй. Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
7. Аб'ём навуковага артыкула не павінен перавышаць 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.
8. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главай 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).
9. Артыкул забяспечваецца анатацыямі на беларускай (рэзюме), рускай (рэзюме) і англійскай (summary) мовах аб'ёмам 100—150 слоў. Аўтары прадстаўляюць напісанне сваіх імёнаў, імёнаў па бацьку і прозвішчаў, а таксама назвы артыкулаў на трох мовах.
10. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.

Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
220002, г. Мінск, вул. Крапоткіна, 55
belniidad@tut.by

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

- В. И. Адамушко.* Полтора десятилетия в действии (к 15-летию Закона Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь»).....4
- Д. В. Карев, А. Д. Карева, А. А. Змитрукевич.* Восточнославянский мир в зарубежном белорусоведении второй половины XX — начала XXI в.: историографические и источниковедческие аспекты проблемы (Великобритания, ФРГ, США и Канада) 10
- Т. В. Буевич.* Особенности формирования архивных фондов областных организаций КПБ (1940—1991) и их интеграция в Национальный архивный фонд Республики Беларусь 22
- У. Г. Кулажанка.* Документы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі. 1944—1965 гг. 30
- В. М. Матюх.* Документы фонда Минского радиокомитета Государственного архива Минской области как источник по истории Беларуси 1941—1944 гг. 44
- И. В. Дорогуш.* Эвакуация документальных материалов государственных архивов Беларуси в 1941 году 57
- А. Г. Каратузова.* Органы местного управления и самоуправления на территории Западной Беларуси в 1919—1930-е гг. (по материалам Государственного архива Брестской области) 64
- М. Ф. Шумейко.* Значение Витебской ученой архивной комиссии в развитии архивного дела, археографии, археологии, краеведения в Витебской губернии в начале XX в. (к 100-летию создания) 76
- С. М. Восович.* Источники по истории православных братств Беларуси второй половины XIX — начала XX в., находящиеся в государственных архивах Республики Беларусь и Литовской Республики..... 91
- И. Н. Шпилевская.* Ревизии делопроизводства государственных учреждений на территории Минской губернии в 1857 г. 97
- В. В. Гарбачова.* Яўстафій Янушкевіч і яго ўспаміны 108
- А. М. Лукашевич.* Источники российских служб политического сыска и контрразведки об общественно-политической ситуации в Беларуси накануне войны 1812 г. 117
- Ю. С. Петухов.* Переписка Быховцев как источник по изучению этнополитического сознания белорусского дворянства первой половины XIX века 127
- І. П. Клімаў.* Да праблемы размежавання ўкраінскіх і беларускіх помнікаў старажытнага пісьменства 133

<i>О. Е. Голубев.</i> Комплекс документов дипломатической переписки константинопольского патриарха Филофея Коккина с правителями и епископатам русских земель как источник по истории Восточной Европы XIV в.	158
<i>В. В. Федосов.</i> Принципы, методы, терминологический аппарат архивоведения	179
<i>Ю. В. Нестерович.</i> Некоторые вопросы теории и терминоведения археографии, связанные с интерференцией содержания понятий	186
<i>А. Н. Сукач.</i> Методологические аспекты переноса сообщений электронной почты на традиционные носители	197
<i>Н. С. Дятлова.</i> Принятие международных стандартов ISO в области управления документами в Республике Беларусь: пути, методы, результаты	212

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

<i>І. А. Сынкова.</i> Полацкая кампанія 1579 г. вачыма сучаснікаў	234
<i>В. С. Пазднякоў.</i> Генеалагічныя заметкі князёў Вішнявецкіх і справа Астрожскай ардынацыі Мальтыйскага ордэна (<i>невядомы мінскі рукапіс канца XVII ст.</i>)	245
<i>Я. К. Анішчанка.</i> Першая брэш у мяжы аселасці (<i>праект Камітэта 1803 г. аб легалізацыі статуса яўрэяў у Расійскай імперыі</i>)	250
<i>І. І. Синчук.</i> «Опись фольварку Иозефову с деревнями Серебренцем и Башицею в Рогачевском повете лежащем» 1799 г.	258

ПОСТАЦІ

<i>М. В. Стрелец.</i> Эмануил Григорьевич Иоффе как историограф и источниковед (<i>к 70-летию со дня рождения</i>)	274
<i>Н. А. Боровик.</i> К 60-летию со дня рождения Лидии Аркадьевны Молчун ..	282
<i>М. Ф. Шумейко.</i> «Обладает неиссякаемой энергией и увлеченностью» (<i>к 60-летию со дня рождения Д. В. Карева</i>)	285

РЭЦЭНЗІІ

<i>С. Я. Куль-Сяльверстава.</i> Новыя слова ў беларускай археографіі	291
<i>С. У. Жумар.</i> Ваенная гісторыя Беларусі ў дакументах Дзяржаўнага камітэта абароны СССР	296
<i>Ю. В. Нестерович.</i> Терминология и понятийный аппарат археографии...	298
<i>С. А. Рыбчонак.</i> Новая кніга Метрыкі: Беларусь і Лівонія	302
<i>А. Киштымов.</i> Соединенные штаты Беларуси, или Евреи, которых мы потеряли	305

ІНФАРМАЦЫЯ

Інфармацыя пра агульны сход Археаграфічнай камісіі Дэпартамента па архівах і справаводстваў Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь 4 чэрвеня 2009 г.	312
---	-----

РЭЗІЮМЕ	314
----------------------	------------

РЕЗЮМЕ	320
---------------------	------------

SUMMARY	326
----------------------	------------

ПРАВІЛЫ ДЛІЯ АЎТАРАЎ

«Беларускага археаграфічнага штогодніка»	330
--	------------

Адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак нясуць аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў.

CONTENTS

ARTICLES

- V. I. Adamushko.* One and a half decades in operations. (To 15th anniversary of the Law of Republic of Belarus «The National archived fund and archives in Republic of Belarus») 5
- D. V. Karev, A. D. Kareva, A. A. Zmitrukevich.* The east-slavonic world in foreign Belarus studies of the second half of 19th — early 21st c.: historiography and source study aspects of problem (Great Britain, German Federal republic, USA and Canada)..... 11
- T. V. Buevich.* The peculiarities of forming the archival funds of regional organizations of the Communist Party of Belarus (1940—1991) and their integration into the System of The National archived fund of Republic of Belarus 23
- U. G. Kulazhanka.* Documents of plenipotents of Advice in matters of the Russian orthodox church at Council of Ministers of the USSR as a source on history of the Orthodox church in Belarus 31
- V. M. Matokh.* Documents of the Minsk radio committee fund in Minsk regional state archive as a source on history of Belarus in 1941—1944..... 45
- I. V. Darahush.* Evacuation of the archived documents of state archives of Belarus in 1941 58
- H. G. Karapuzava.* Local authorities and self-government in West Belarus in 1919—1930th (on the basis of the documentary materials kept in the State archive of the Brest region) 65
- M. F. Shumeyko.* A value of the Vitebsk scientific archival committee in development of the archival science, archeography, archaeology, regional studies in the Vitebsk province at the beginning of 20th c. (to 100th anniversary of creation)..... 77
- S. M. Vosovich.* Sources on history of orthodox brotherhoods of Belarus at the second half of 19th — beginning of 20th c. kept in state archives of Republic of Belarus and Lithuanian Republic 92
- I. N. Shpilevskaya.* Revisions of office work of state institutions on territory of the Minsk province in 1857..... 98
- V. V. Garbachova.* Yaustafi Yanushkevich and his memoirs 109
- A. M. Lukashevich.* Sources of the Russian services of the political search and counterintelligences about situation in Belarus before war 1812..... 118
- Yu. S. Petukhov.* Correspondence of Bykhovets as a source on the study of ethnopolitical consciousness of the Belarusian nobility at the first half of 19th century 128
- I. P. Klimau.* Towards differentiation of old writing monuments into Ukrainian and Belarusian ones 134

- O. E. Golubev.* Complex of documents of diplomatic correspondence of Patriarch Philotheos Kokkinos of Constantinople with rulers and bishops of Russian lands as a source on history of Eastern Europe in 14th c. 158
- U. V. Fiadosau.* Principles, methods, terminology of archives studies 179
- Yu. U. Nesciarovich.* Some questions of theory and terminology of archeography, related to interference of maintenance of concepts 186
- A. N. Sukach.* Methodological aspects of printing e-mail messages..... 197
- N. S. Dziatlava.* Adopting of international standards of International Organization for Standardization in records management in Republic of Belarus: ways, methods, results 212

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- I. A. Synkova.* Polotzk campaign of 1579 in testimonies of contemporaries..... 234
- V. S. Pazdniakou.* Genealogical notes of princes Vishniavecki (Wiśniowiecki) and case of Astrog (Ostróg) commandery of the Maltese Order of the Knights Hospitallers (unknown Minsk manuscript of the late 17th c.).. 245
- J. K. Anishchanka.* The first gap in the Pale of Settlement (project of Committee of 1803 on legalization of status of Jews in the Russian Empire)..... 250
- I. I. Sinchuk.* «The inventory of folvark Iozefov with villages Serebrentso and Bashica in Rogachev povet located» of the 1799 258

PERSONALITIES

- M. V. Strelec.* Emanuil Grigorievich Ioffe as historiographer and source researcher (to the 70th anniversary of birth) 274
- N. A. Borovik.* To the 60th anniversary of Lidiya Arkadievna Molchun 282
- M. F. Shumeyko.* «He possesses inexhaustible energy and keenness» (to the 60th anniversary of D. V. Karev) 285

REVIEWS

- S. Ya. Kul'-Syal'verstava.* New word of belarusian archeography 291
- S. U. Zhumar.* Military history of Belarus is in the documents of the State committee of defensive 296
- Yu. U. Nesciarovich.* Terminology and concepts of archeography 298
- S. A. Rybchonak.* New book of Metrica: Belarus and Livonia..... 302
- A. Kishymov.* United shtetls of Belarus, or Jews which we lost..... 305

INFORMATION

- Information about General meeting of Archeographical Commission of the Department for Archives and Records Keeping of the Ministry of Justice of Republic of Belarus 4 June 2009 312

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Выпуск 10

Рэдактары *Т. М. Мальцава, Т. С. Трыгубовіч*
Карэктары *Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
Камп'ютэрная вёрстка *П. А. Рэзванава*

Падпісана да друку 16.11.2009. Фармат 60×84¹/₁₆. Папера афс.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 19,53. Ул.-выд. арк. 21,42. Тыраж 100 экз. Заказ 4.

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы
(БелНДІДАС). ЛІ № 02330/0494378 ад 16.03.2009.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.